

ПОРТРЕТЫ

XX ВЕК В ЛИЦАХ

ФЕЛИКС
БАХШИТЕВ

XX век в лицах

ФЕЛИКС БАХШИЕВ

ПОРТРЕТЫ

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАХАЧКАЛА 2005

Бахшиев Ф. М.

Б - 30 Портреты: XX век в лицах – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2005. – 440 с.

В книгу известного журналиста и писателя вошли интервью с видными государственными деятелями, представителями науки, культуры, литературы, предпринимателями, позволяющие читателю увидеть степень состоятельности их дел, сверенных с сегодняшним днем.

ББК 84.4 (Даг.)

Б $\frac{4502020000 - 141}{М 123 - 2004}$ 2005

ISBN 5-297-01071-3

© Бахшиев Ф.М., 2005
© Дагестанское
книжное
издательство, 2005

«ДО НОЧНЫХ УНЫНИЙ ДАЛЕКО...»

Штрихи к творческому портрету Феликса Бахшиева

Есть, к сожалению, писатели, которые часто произносят фразы «мой народ», «моя земля», «моя совесть», «мой долг», «мое творчество». Подобное самообольщение вызывает у меня недоумение и какую-то неизъяснимую горечь. Потому что думаю: признает ли народ таких крикунов своими представителями, а земля – сыновьями? И имеют ли такие краснобаи право на творчество в высшем, т. е. должном понимании вещей? Ведь подлинные писатели не бьют себя в грудь, вопя о любви к отчей земле, а любят и молча трудятся на ее благо, не домогаясь ни похвалы, ни вознаграждения. Да и слово «писатель» не услышишь от подлинных.

И я все больше и больше убеждаюсь в правоте выдающегося русского писателя и киносценариста Ю. Нагибина, незадолго до кончины сказавшего: «Мне кажется, что писатель – звание все же посмертное», т.е. кем я был, пусть определяют уже без меня. А многие из нас, ныне живущих и остервенело пишущих, стремятся во что бы то ни стало утвердиться во всем при жизни, не оставляя на «после» ни неизданных, ни неполученных наград и благ, ни посмертного признания.

К счастью, не все мои коллеги тщеславны. Это и понятно: подлинный талант сам не замечает своей одаренности и даже смущается, когда об этом говорят другие. Феликс Бахшиев из когорты подлинных.

Феликс Бахшиев родился в 1937 году в Махачкале и вырос в

литературной семье, где хорошо знали и ценили фольклор родного народа, творчески осмысливали этические, исторические традиции народов Дагестана.

В человеческой и писательской биографии Ф. Бахшиева нет пикантных эпизодов – бурных обсуждений и шумных осуждений, контрастных перемен, вызвавших толки и пересуды. Это не знак продуманной предусмотрительности, а качество, свойство личности, привыкшей нешумно следовать своим убеждениям и с внутренним достоинством каждодневно делать то, что органически согласуется с принципами собственного призвания.

Феликс Бахшиев привлекает мое внимание как писатель позитивной ориентированностью творчества, которое нацелено на художественное исследование нелегких проблем. Исследуя взаимоотношения, взаимообусловленность судеб людей и современного общества в целом, пытается вычленить решающую, характерологическую особенность прозы. Ее можно, пожалуй, назвать интеллектуальной, хотя писатель порою и не чурается событийных, семейно-бытовых сюжетов.

Книги Феликса Бахшиева «Белый аист» (Дагкнигоиздат, 1984) и «Монолог на площади Согласия» (Дагкнигоиздат, 1993) посвящены людям, вначале покинувшим Родину, а в последующем испытывающих острую тоску по ней. Ностальгии подвержены и те, кто раскаивается, и те, кого одолевает безысходный гнев. Разные ветры разметали героев прозы Бахшиева по чужим странам и по-разному сложились их судьбы. Участь одних вызывает искреннее сочувствие, поведение других – протестующую неприязнь. Персонажи книг Ф. Бахшиева не лишены ни чувства Родины, ни доброй памяти о ней. Для Элизы даже встреча с автобусом русских туристов – встреча с Родиной. Она, как и другие честные люди, оказавшиеся на чужбине по злой воле, жаждет возвращения (повесть «Где-то в деревне во Франции»).

Не в порядке прямолинейного сопоставления, а следуя правде жизни, Ф. Бахшиев обнажает подленькие души тех, кто сознательно предал Отчизну, а теперь льет горькие запоздалые

слезы. Таковы Раймонда, Али, Умалат из повестей «Черный день», «Поездка», «Постигаю себя».

Роман «Монолог на площади Согласия» по стиливой структуре многослоен: в его ткани туго переплетены и традиционные формы повествования, и вкрапление информационных фрагментов газетной журналистики, и элегический лиризм.

Автор охватывает жизненную панораму в целом, с ее многообразием и водоворотом событий. Вот почему человек в его книгах естественен и многогранен в своих проявлениях. Писателю не столь важно, на каком общественном поприще действует прототип будущего произведения, важно, чтобы он оставался самим собою. Но при этом Ф. Бахшиев придает решающее значение нравственному критерию. Именно присутствием ненавязчивого, хотя и не размытого, собственного взгляда на проблему «человек и современный мир» по душе читателю и книги Ф. Бахшиева «Бег времени» «Мужская любовь», «Разнотравье», «Слышу голос твой», «Семь дней тревоги», «Кардисккая осень».

Ситуации, в которых оказываются герои Ф. Бахшиева – прозаика, несхожи. Однако моральное падение героев произведений или же духовное их возвышение всегда находится в прямой зависимости от их гражданской состоятельности. Тем и привлекательна проза Бахшиева, что в ней так называемый «человеческий материал» представлен не однопланово, а в многообразии и динамике.

Писатель задается вопросом: «Где истоки нравственных потерь, дефицита благородства и доверия, чувства локтя, братства?» Прозаик Ф. Бахшиев предпочитает впечатление – итогам, верную постановку нравственных вопросов – заштампованным ответам. В этот ряд, пожалуй, органически встраиваются и рассказы «Зимний романс», «Бег времени», переносящие нас в мир светлой элегической грусти. Прозаик осознанно идеализирует прочный домашний очаг, блаженство семейного уюта, утверждает незыблемость наших извечных устоев.

В книге «Привидение ведет на Голгофу» Феликс Бахшиев совершил резкий поворот (для самого писателя, вероятно, естественный и неизбежный) в художественном отображении действительности. В целях наибольшей ясности скажу заведомо упрощенно: писатель с тропы традиционно-реалистического воспроизведения мыслей и поступков человека (в рамках «так бывает в жизни») свернул на просеку ирреального мира, мира, в котором человек живет или воображает, но не всегда это сознает или же осознанно игнорирует. В повестях «Привидение ведет на Голгофу», «Пассажиры веселого поезда», «Пришествие», «Кружит над нами черная планета» открыта как бы новая грань правды – наша зависимость или же наша невидимая взаимосвязь (поступков, настроений, физических и умственных потенций) с небесами, иными планетами. Своими повестями Феликс Бахшиев наводит на мысль, что земля и земляне в лоне (составе) космоса – неотъемлемая часть мироздания, что все видимое и невидимое, осознанное редкими субъектами и не осознаваемое (или же не признаваемое) многими – едино. Это вселенская субстанция, высшая реальность, как пишет сам Ф. Бахшиев, – «параллельный мир».

Я бы сказал, совмещаемый мир – полифоничность видения (зрение души) мира, внешне запутанная, а по внутренней, сущности логики – необъяснимая многомерность мышления. Легко назвать такое видение мира и такое состояние человека бредовым, экзальтированным. Но любое состояние человека (принимаем мы его или нет) все же реальность.

Я думаю, что новыми повестями Феликс Бахшиев обогатил наше представление о достижениях и возможностях современной дагестанской прозы и многоязычной российской прозы.

Ф. Бахшиев – и активно работающий, и принципиальный публицист. Он ставит вопросы не уклончиво, не обтекаемо, а с той ясностью, какую требует сама жизнь, та или иная ситуация. Ф. Бахшиев пишет взволнованно, но без нервной импульсивности, порою обнаженно резко, но без витийства, внутренне, по-граждански созная, что наступило время повышенной социальной ответственности. И в этом его публицистика про-

должает традиции русской литературы и подкрепляет позиции дагестанской литературы

Бахшиев – тот по национальности, создающий свои произведения на русском языке, остается писателем, в зените своих возможностей шагнувшим в XXI столетие. Он вобрал в себя весь арсенал лингвистических, сказовых, ритуально-обрядовых, этнографических, песенно-хореографических традиций родного народа и богатейший опыт современного реалистического письма.

А.С. Пушкин писал, что в поэзии чувство должно сопрягаться с мыслью. В прозе Ф. Бахшиева чувства и мысль составляют два крыла его дарования. Это сочетание особо впечатляюще проступает в его последней книге-эссе «Время раздумий» (2004 г.). Ее пронизывают размышления о времени и роли личности в нем, как в масштабах Дагестана, так и истории страны, имея в виду бывший СССР.

Кстати, хочу отметить и то, что к эссе, как к самостоятельному жанру, Ф. Бахшиев обратился весьма успешно, талантливо воспользовавшись его содержательно-эстетическими ресурсами.

В июле 1994 года я написал статью – штрихи к творческому портрету Ф. Бахшиева под названием «Быть услышанным...». Сегодня мне приятно сознавать, что писатель услышан и понят. И от него ждут новых открытий.

Одна из ранних книг Феликса Бахшиева называлась «Где-то есть сын». Отталкиваясь от этого емкого понятия, скажу: не где-то, а вместе с нами живет и творит сын татского народа – талантливый писатель и совестливый человек Феликс Бахшиев.

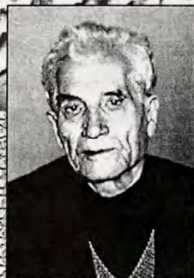
Представителям моего с Феликсом Михайловичем поколения, может в утешение, говорят: «До заката еще далеко». Но утешать как раз-таки не нужно, ибо у творческих людей есть как утренние восторги, так и вечерние раздумья... и тяжелые ночные печали. Но до ночных уныний Феликсу Бахшиеву еще далеко, он – в поисках, в работе...

КАМАЛ АБУКОВ

ПОРТРЕТЫ

РАХИМ
ТАНЗАНОВ

РАХИМ
МАТОМЕДОВ

АБУМАЛИК
АБУЛОВ

АМИР
МУХСАНОВ

АХМЕД
ОСМАНОВ

МАНУЛУ
АЛИЕВ

МАТОМЕД
БУЛМАЕВ

АЛИ
АЛИБЕРДИЕВ

МАТОМЕД
САМИРХАНОВ

АБДУЛЛА
МАТОМЕДОВ

ҚОСИМ
ҚОСИМОВ

МУМАЛУ
МУМАРОВ

КЛАВДИЯ
САМИХИЗЖА

РАЗИЯ
ДЖАНГУЛАМОВА

«НАМ НЕТ РАВНЫХ, МОЙ ВЕК ДВАДЦАТЫЙ...»

Люди не вечны, как и моря и реки. Как и материки. Даже великие люди, как Расул Гамзатов. Он жил рядом с нами долго, ярко и угас, как звезда.

Я часто встречался с ним. Помню, в канун его 75-летия и нового столетия, беседуя с ним о пройденном жизненном пути и его перипетиях, я задал ему вопрос: «Семьдесят пять лет – это много или мало?» И с присущей расуловской мудростью и иронией он ответил: «Кому как. Одним – мало, другим – много. Это как 75 рублей: для богача – мелочь, а для нищего – целое состояние».

Расул ГАМЗАТОВ, как и страна, вся шестимиллиардная планета Земля, оставлял за плечами огромный, бурный, захлестнутый событиями двадцатый век. Но был полон дум, забот, надежд, как и в минувшие десятилетия. Он лукаво смотрел на меня и ожидал моих вопросов.

– Расул Гамзатович, завершился двадцатый век. Чем он был знаменателен для Вас, для всех нас, людей планеты? Какими событиями войдет в мировую историю?

– У меня есть небольшое стихотворение на эту тему.

*Если б были чемпионаты,
Кто в веках по убийствам
первый, –
Ты бы выиграл, Век
Двадцатый,
Усмехается Век Двадцать
Первый.
Если б были чемпионаты,
Кто по лжи и подлостям
первый,
– Ты бы выиграл, Век
Двадцатый,
Усмехается Век Двадцать
Первый.
Если б были чемпионаты,
Кто по подвигам был бы
первый, –
Нам нет равных, мой Век
Двадцатый,*

Вспомни, как в девятнадцатом веке Пушкин воскликнул: ...в мой жестокий век восславил я свободу...» Он считал свой век жестоким. А мне кажется, что двадцатый век более жестокий, неразумный, полный контрастов. Какие события произошли в этом столетии! Три революции – с ошибками, заблуждениями, подвигами. Две мировые войны. Создание и развал СССР. В войнах погибли миллионы, а век унес миллиарды жизней. Переход века двадцатого в двадцать первый – очень мстительный. И это мщение – за наши прошлые деяния, это, можно сказать, своего рода расплата или покаяние перед потомками.

Я понимаю: ты хочешь, чтобы я дал оценку веку. А я тебе отвечу так: оценка веку дается не по его длине, то есть не по времени, а по глубине – событиям. Если подходить с таких позиций, как я рассуждаю, то девятнадцатый век был духовно богаче, хотя и в ту пору была война с Наполеоном, и восстание декабристов, и Кавказская война. Но такой страшной, в таких уродливых формах, как в двадцатом веке, войны не было. Если есть Золотой век в искусстве, культуре, литературе, то он был опять-таки в девятнадцатом веке.

Ты хочешь мне сказать, что я, хоть и с натяжкой, сын века. А я тебе отвечу так: я не сын века, я сын времени. Век мой начался тогда, когда я приступил к полезному для людей делу. И если я начал писать в пятьдесят лет, значит и мой век начался в пятьдесят лет.

Я считаю, что человек, пока он живет на земле, должен совершать только добрые дела. Они, эти дела, не имеют временного отсчета.

– Значит, Вы не отрицаете, что общество может пережить и Золотой век, и Серебряный, взлет и падение культуры, духовности, нравственных ценностей?

– Я бы сказал так: Золотого века нет. Есть век многогранный. Бывают золотые дни, то есть солнечные, как и дождливые, снежные... А сегодня мы воочию видим повадки каменного века, столкнулись с варварством. Правда, двадцатый век не дал нам Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Герцена, Чайковского, Глинки, не говоря о Данте и Гомере, хотя для малых народов, особенно для Дагестана, стал эпохой современного Возрождения – Ренессанса, ведь Ленин, и об этом нельзя ни на минуту забывать, дал нам шрифт, у нас родилась литература, появились театры, художественные салоны, школы, вузы, академии, чего мы порой не замечаем. Мы получили возможность расширить границы своего мира.

Но двадцатый век не был и нищим, обделенным. Он дал нам Горького, Бунина, Блока, Ахматову и Цветаеву, Маяковского и Есенина, Шолохова и Твардовского, Мухтара Ауэзова и Ираклия Абашидзе, Самеда Вургуну и Аветика Исаакяна, Прокофьева и Шостаковича, и я счастлив, что со многими из них знался. Благодаря русскому языку дагестанцам стали доступны Данте и Тагор, Бальзак и Ду-фу.

Девятнадцатый век поставил перед обществом такие всеобъемлющие проблемы, как война и мир, преступление и наказание, отцы и дети, которые в конце двадцатого века проявились в самой уродливой форме. А к вопросам, поднятым в XIX столетии: «кто виноват?», «что делать?», «а судьи кто?», «кому на Руси жить хорошо?», мы добавили и новые: «куда ведет нас рок событий?», «есть ли жизнь на Марсе?»... Проблемы, вопросы, поиски, надежды... Их не счесть.

– И что Вы ожидаете от нового века?

– Мы все сидим как в зале ожидания железнодорожного вокзала. А поезда нет.

Белинский сказал: «Я завидую внукам и правнукам, которые будут жить в новом просвещенном веке». Я не могу сказать, что завидую двадцать первому столетию. Не такое уж славное и богатое наследство оставляем мы своим внукам и правнукам. Но вот очень верю, что без музыки, живописи, поэзии жить они не будут, ибо без них невозможно существо человека.

На сегодня, прожив долгую, богатую событиями жизнь, испытав бурные воды двадцатого столетия, я уверовал в то, что лозунга «Равенство, независимость, суверенитет» – нет. Природа его не создавала. «Свобода, равенство, братство» – был лозунг на определенном историческом пути. Вот обрати свой взор на Европу – там «суверенитетов» нет. Мы подняли на щит эти лозунги и воздвигли между собой стены.

Я – за общность, а не за разобщенность. Необходимо поднять на небывалую высоту такой лозунг, как «Единство, дружба, братство». Пришло время мстить за все потери душевной красотой, добротой. И я уверен и вновь повторяю Пушкина: «Россия вспрянет ото сна».

Мы часто стали повторять: духовный кризис, духовный кризис... Что это такое? Это кризис души. Но еще страшнее бездуховность общества. Когда ноша тяжела, нищие дерутся между собой. У нас, у аварцев, говорят еще образнее: пока медведь и волк дрались между собой, лисица пила кровь. Очень образно. Ты понял, надеюсь, это о чем?

– В нашей жизни происходят парадоксальные явления. В ми-

нுவшем веке очень сильно ущемлялась религиозная культура и распространялась и насаждалась светская.

– В конце столетия стала ущемляться уже светская. Уменьшается число клубов, дворцов культуры, кинотеатров, читателей. Что это, вейние времени или чья-то прихоть? А может, цель?

Как-то на похоронах один из моих земляков сказал: «Чтобы быть высокодуховными и выйти из сегодняшнего варварского недуга, хорошо бы воскресить великих усопших и похоронить живых». Я, конечно, не за это. Но Бога забывать нельзя. Многие наши беды оттого, что забыли Его.

– И потому идут разрушительные процессы? Ведь сегодня как никогда распространяются наркомания, сектантство, проституция, чума века – СПИД...

– Да, разрушительный процесс расширяется – в этом сомневаться не приходится. Он налицо. Такой лозунг, как «Свобода, равенство» привел ко вседозволенности, анархии, распространению страшных болезней, наркомании, ваххабизма. Появились новые болезни, которые широко распространяются, а средства от лечения мы ищем, но находим очень медленно.

Прежде и за небольшие преступления сурово наказывали, а сегодня за тяжелые – даже за ухо не потреплют. Мы – на самом деле страна крайностей. Вспомни прежние годы: по поводу и без повода пели песни. Теперь только ругаемся и с какой злостью и остервенением! Один из молодых Дагестан назвал Базарстаном. И ведь он прав: продаются намус, литература, искусство. Многие пытаются доказать, что это закономерный процесс. Чепуха. Я это отношу к беззаконию. Да, раньше были крепкие законы, теперь – беззаконие. Раньше я тосковал по демократии, ныне – по порядку.

У нас принято присягу давать на Конституции, и не пытаются понять, что и Коран, и Библия не менялись со дня их написания, а Конституция меняется по погоде и по настроению.

– Дмитрий Лихачев в одной из своих бесед сказал, что «культура определяет стержень государства». Вы согласны с таким тезисом?

– Согласен, но не полностью. Сам Лихачев в последние годы больше занимался экономикой и политикой, чем культурой. Посмотри, как сегодня живет общество. Ныне мало кто читает книги. Почему? Богатым они не нужны, а у бедных и нищих нет денег на то, чтобы их покупать. В моем народе говорят: «Без чам-чама нет и дам-дама».

Сейчас настала эпоха шоу, культуру заменила низкопробная эстрада, футбол, конкурсы красоты.

Последнее время часто думаю о судьбе прославленных писателей и поэтов. Мы вспоминаем о тяжелой судьбе Ахматовой и Цветаевой, которых годами преследовали. А ведь сейчас, если быть откровенным и честным перед совестью, и им было бы тяжело. Ты знаешь, что сказал поэт Дмитрий Голубков в минуту откровения? «Не могу больше жить в окружении лжи и обмана». Он покончил с собой. А Юлия Друнина! Замечательная поэтесса и красивая женщина! «Я никогда не чувствовала, как сегодня, свою ненужность».

Метко и образно сказал о двадцатом веке поэт Николай Глазков: «Чем интересней для историков, тем печальней для современников».

– **Расул Гамзатович, но мы знаем и другое высказывание Достоевского: «Красота спасет мир». Но мне кажется, оно не оправдывает себя. Красота Рима, Парижа, Мадрида, Праги не остановила руку фашизма, шедевры Лувра, Прадо, Дрезденской галереи, Петродворца не отвели от них бомбы. А вот Николай Рерих дал в книге «Община» точную фразу: «Осознание красоты спасет мир». Именно когда человек осознает, что травка, цветок, дерево, родник дают нам животворную силу, картины Пикассо, Рембрандта, Рубенса обогащают наш внутренний мир, работы зодчих Рима и Мадрида изумляют изяществом и смыслом – только тогда мы откажемся от войн.**

– Действительно, так. Красота – это, можно сказать, ощущение первого взгляда. Потом уже приходит осознание, более глубокий взгляд, глубокое проникновение, понимание. Это можно сравнить с любовью к женщине: сначала тебя обольщает ее внешность, красота, затем ты осознаешь, что любишь ее, не можешь себя представить без нее. Я думаю, что Достоевский, говоря о красоте, имел в виду и осознание. Именно так.

Ты задал хороший вопрос. Когда мы осознаем красоту, ее силу, мы будем стараться не допускать уродства. Ведь что получается в жизни? Человек, создавая мир, не может уберечь себя от алчности, воровства, лжи, ханжества, лицемерия. Потому-то очень трудно сбегать от красоты.

Часто вспоминаю слова поэтессы Марии Петровых: «Если б не было войны, уже была бы весна».

– **Ширвани Чалаев в беседе со мной высказал следующую мысль: «С уходом плоской крыши ушло тридцать процентов мироощущения... Как-то у меня гостил режиссер Эстонского театра**

Каарел Ирд. Неподалеку от аула Чирах он сел на камень и три часа, ровно три часа, безмолвно смотрел на плоские крыши. Он учуял ту правду, которая таилась в них». Значит, и Каарел Ирд тонким чувством учуял в крышах истоки духовности...

– Очень много событий, явлений содействуют кризису в моей душе. Но самый страшный кризис – в том, что я не могу ездить в свой аул. Как-то посетив его, я был страшно опечален, увидев вместо плоской крыши шифер. Вот и мой ответ на твой вопрос.

Красивы наши аулы, реки, горы, но природа сурова: жить там тяжело. Потому и уходит молодежь с земли отцов, где она воспитывалась под диктатом совести. Мой отец писал: хвали чужие края, но живи в Хунзахе. А сейчас что происходит? Живут в городах и хвалят аулы.

Прежде, когда в горы приезжали хакимы, горцы просили их построить дороги. А сейчас говорят: не стройте дороги, по ним к нам идут проституция, бандиты, не стройте ГЭС, чтобы пьянства больше не стало. Вот какие противоречия в обществе. А Закон безмолвствует. Движущая сила сегодня – деньги. Ныне уже появились богатые нищие, которые просят и покупают себе голоса.

– Вы, безусловно, получили духовное наследство от прошлого. Что сами оставите новому поколению?

– Конечно, получил. Великую Родину – СССР. Приобретя мощную державу, я получил возможность побывать во всем мире. Мой отец был тоже поэтом, и он прекрасно знал арабский язык и арабскую культуру. К сожалению, я не знал. Но если бы я знал и арабскую, и русскую культуру, я был бы еще более духовно богат.

Я получил в наследство книгу, музыку. Горы и реки были для меня моей консерваторией, а природа – мастерской для вдохновения.

Я получил в наследство радость учебы. В Махачкале, в Москве. Конечно, были на моем пути потери, сталкивался с горестями и лишениями людей, близких, но достоинство мое никто не унижал.

Да, не скрою, в двадцатом веке было немало кровавого, но я благодарен ему за все то, что он сделал для моего Дагестана.

Ты спрашиваешь, что я оставляю новому поколению? (Задумывается надолго). Кубачинец оставляет сыну молоток и резец. А я если хоть одну мою строчку примет новое поколение – я был бы рад. Я любовь оставляю в наследство. И наследство мое делится не между родственниками, а всеми народами.

Скажу тебе откровенно: я жалею сегодня, что многое не успел сделать, многое не успел написать, а что и написал, то не так, как сейчас хотел бы. Но думаю, что потомки поправят и дополнят меня.

– У Вас, я уверен, есть заветы, которые Вы хотели бы передать людям нового века. Какие они, если не секрет?

– В моих книгах они есть. Но я скажу. Первый завет или назидание: кто в прошлое выстрелит из пистолета, в того будущее выстрелит из пушки. Второй: от кривой палки прямой тени не бывает. И третий: не торопись, торопливые речки до моря не доходят.

– Я вычитал у восточного мудреца такую фразу: «Нет величия без греха». Как Вы относитесь к этому философскому изречению?

– Верно сказано. Ведь очень редко встретишь кумира в негрешниках.

– А Вы сами грешили?

– Если мои стихи и любовь за грехи принимать, может быть, в рай и попаду. *(Лукаво улыбнулся)*. Но едва ли...

– И все-таки, как следует поступить обществу в новом тысячелетии: развивать культуру, или люди сами поймут ее необходимость?

– По-моему, для этого диагноза нет точного, выверенного рецепта. У нас говорят: хорошим людям пусть хорошо будет, ибо плохим никто не родился. А я добавлю: пусть плохие (если они есть) станут лучше. И пусть неисправимые преступники исчезнут, ибо они – носители всех болезней общества.

– И когда же придет это понимание необходимости духовной культуры, когда люди избавятся навсегда от скверны и грязи в мыслях и сердце, когда они станут чисты и богаты помыслами?

– Этого дня нет ни в прогнозах, ни в календарях... Если бы он настал, я бы считал его праздничным днем.

«КОГДА Я ПИШУ СТИХИ – ИХ ДИКТУЕТ ДОБРОТА...»

У каждого государства, каждой республики, области, города есть своя символика, своя геральдика. Это знают все. Но не все знают, что существуют еще и люди-символы. Люди, по которым определяют природу, характер, культуру того или иного региона, дух населяющего его народа, суть его.

Расул ГАМЗАТОВ – символ Дагестана.

Десятки лет назад мало кто знал, что из себя представляет Дагестан, и где он вообще приютился. Но стоило только произнести имя Расула Гамзатова, как тут же слышалось восклицание: «О Дагестан ...» Это имя этот человек разносил по стране, по Европе, Америке, Азии, имя горной республики, дух и мысли ее народов.

Стихи поэта, восславив его самого, восславили страну, населенную братскими этносами, не питавшими друг к другу никогда ни чувства вражды, ни чувства зависти.

Голос поэта, звучавший на всех континентах планеты, покорял и пленял слушателей эмоциональностью и пламенностью горца, – рожденного в поднебесье.

«Поэт в России больше, чем поэт», – заявил Евгений Евтушенко. Это смелое заявление и придало мне смелость вызвать Расула Гамзатовича на очередной откровенный разговор, от которого он, к моему удовлетворению, не отказался.

– Расул Гамзатович, отложим в сторону ложную скромность, признайтесь: Вы пророк или патриарх?

– Ни тот, ни другой. Даже учителем не считаю себя. Это иногда добрые люди нас, поэтов, таковыми считают. Но мы-то себя лучше знаем, чем другие.

Маяковский в свое время сказал о поэтах так: «народа слуга и народа водители». Не знаю, прав он или нет.

Поэты – это ученики, а их учителя – природа, опыт веков и гениальность времен.

– Но Вас можно называть или считать патриархом поэзии?

– Не знаю, что это такое. Если имеется в виду возраст, есть и старше меня. Если имеется в виду ценность работы – не считаю, что я в этом деле в небе звезды поймал.

– Что Вы проповедовали в своих стихотворениях и поэмах? Ведь если поэзия настоящая – можно считать, что она молитва.

– Стихи – не молитва. Молитва от повторения становится лучше,

а стихи от повторения портятся. Нет, поэзия не молитва, но... молитвенность в ней должна быть, ибо поэт пишет словно в последний раз и влюбляется словно в первый раз.

Я был в Каабе, молился там, и даже во время молитвы не мог вытеснить из своей души стихи: шептал их с молитвой.

– Вас знали на всех континентах. Вы были очень популярны. А сегодня?

– Я боюсь того, что стал популярным. Популярность – не слава. Моего отца и великого Махмуда мир не знал, а их любит и читает народ.

Это время создает популярность. А сегодня появилась еще телевизионная популярность... Я боюсь этой популярности. И беру под сомнение свое творчество.

История литературы знает много небезынтересных примеров. Были популярными пролетарские поэты – кто их сегодня знает? Или взять Бестужева – какой популярностью он пользовался в свое время. А сейчас? Что от нее осталось?

И в то же время разве были популярными Пастернак, Цветаева, Булгаков? Пастернак писал: «Быть знаменитым некрасиво...

Но и слава не делает поэта. Поэта делает талант, правда, красота.

– В Ваших произведениях много боли, я чувствую эту боль, осязаю ее. Чем вызвана она, чем рождена?

– Тем, что я во многом разочаровался, в том, во что верил. Тем, что я дал себя обмануть. Я понес большие утраты близких и родных. А утрата веры, потеря друзей тяжелой болью отзываются в сердце.

Но в часы горя, в час беды я убедился в другом – я убедился, что не оскудела наша земля талантливыми людьми, что у нашего народа в запасе много доброты, чистоты, возвышенных чувств.

– Расул Гамзатович, – всегда жизнерадостный человек, и вдруг – боль. Неужели она всегда жила в Вас, скрытая под покровом жизнерадостности?

– Я не считаю себя жизнерадостным человеком. Тот, кто постоянно ясен, тот просто глуп – сказал поэт. Но человек должен дарить собеседнику радость, а не грусть.

Сейчас издают мой десяти томник на аварском языке. Стихи, в которых бьется пульс любви, грусти, выдержали десятки изданий, а написанные на злобу дня и лишённые эмоциональной нагрузки – забыты. К моей радости, их у меня мало.

– Мы очень боимся другого мира, мира теней. Боимся о нем думать. В Ваших сегодняшних стихах он присутствует. Я думаю

(судя по Вашим стихам), что Вы всегда помнили, что он соседствует с нами, и нечего его бояться.

– Человек, уже рождаясь, боится жизни. А как смерть близка – боится смерти. Ту сторону мира я не боюсь. Боюсь того, что многого не успел сказать, поведать. Сил нет. Дум, мыслей много, а из того мира мне идут телеграммы, телефонные звонки: зовут...

Звезда счастья осталась далеко

И вот что еще скажу: любое счастье требует платы, я бы сказал – наказания. И огонь наказания близок. И это я воспринимаю как должное.

Но очень жаль, что многое остается незавершенным. Незаконченным остается «Мой Дагестан» – сегодня я уже не знаю, мой ли он или чужой; незаконченным остается «Дингир Дангарчу» – поэма, которую я обещал еще Маршаку. Незаконченной остается поэма об истории великой любви Махмуда и Марьям.

– Великие персидские поэты Омар Хайям, Фирдоуси, Джами и другие не боялись его, мира теней, и даже воспевали... А античная литература? Данте, например?

– В наше время Твардовский написал поэму «Теркин на том свете», Булгаков – прозу. Просто наша советская литература была воспитана в духе атеизма. Да и у меня есть поэма «Люди и тени», где действие происходит в ином мире. В свое время Твардовский упрекнул меня в том, что я взял якобы его мысли. Но я ему ответил, что эти мотивы были у многих задолго до него.

– Что нужно человеку для полного счастья, пока он в мире людей? Вы знаете этот секрет?

– Счастья не бывает полного и неполного. И если уж откровенно – сейчас счастья нет. Ведь ныне богатые тоже плачут. Почему? Потому что счастье стало опасно.

Лично я полного счастья не испытал никогда и такого человека не знаю, кто бы его испытал. Для полного счастья одним здоровья не хватает, другим – денег, третьим – времени, а многим – всего этого недостает.

Сейчас надо думать, как избежать несчастья.

И вот что еще скажу: сейчас не за счастьем надо гнаться и бояться не другого мира, а позора. А позор случится.

– Десять лет назад мы имели идеологию, и вся страна, и жизнь наша были идеологизированы. Сегодня ее нет. Сейчас ломают головы и копы – нужна ли нам идеология. Вот у Вас какая идеология?

– Идеология всегда была, и она всегда есть. А вот свободы нико-

гда не было и сейчас ее нет. Голодной свободы и нищей независимости не бывает.

Идеология, возвышающая один класс, позволяющая одной партии править всеми, одному аппарату руководить всеми, – такая идеология ущемляет человека.

Я бы создал две партии – партию хороших людей и плохих людей. И пусть плохие станут хорошими, а хорошие еще лучше.

Каждая эпоха имеет хорошую и плохую стороны.

Вот стали винить во всех грехах коммунистов. А ведь коммунистами были и Пикассо, и Неруда, и Арагон, и Хикмет, и Шолохов. А какие они великие и талантливые люди – весь мир знает.

Не перестают твердить, что сегодня всем дарована свобода. Ложь. Что всем дарована независимость. Она пагубна. Надо наконец понять: всем места хватит на земле, как звездам в небе и волнам в море.

Моя идеология – это чувство единой семьи, братства.

Я часто рассуждаю сам с собой: мы клянемся, кладя руку на Конституцию, а не на Коран или Библию. Между тем Конституция постоянно меняется, а Коран и Библия живут века и тысячелетия. Коран – природа, а Конституция – погода.

– Расул Гамзатович, у Вас друзья – и в горе, и в радости. А в обыденной жизни есть они?

– Одних увели в Верховный Совет, других – в кабинеты, третьих – жены. Суeta их съедает. Их можно простить.

«Не язык и не национальность, не плоть и не кровь, а сердца делают нас друзьями», – так сказал Шекспир. Я помню друзей отца: какие бы повороты судьбы их ни подстерегали, они оставались друзьями. И знаю сотни других примеров, когда разрывались узы дружбы, и многие друзья становились непримиримыми врагами.

– Что Вы хотели бы сказать тем, кто любит Вас, и тем, кто завидует?

– У меня врагов нет вообще. Я сам чей-то или кому-то враг: меня врагом считали многие. Завистники у меня, конечно, есть, но завидовать мне нечему. А я не завидую завидующим мне – они больные люди. Ведь зависть – очень тяжелая болезнь.

Тем, кто любит меня, скажу: не переоценивайте меня. Не все знают о моих недостатках. Не такой уж я хороший, как обо мне говорят, но и не такой плохой, как говорят завистники. Кстати, к их претензиям я прислушиваюсь.

Моя жизнь не борьба, а любовь. Когда я пишу стихи, их диктует не злоба, а доброта.

– О бренности жизни немало сказано. И все-таки жизнь – сладкая штука?

– Просто удивительно: все ругают ее, заявляя, что копейки не стоит жизнь. Но тот, кто ругает, еще больше ее любит.

Жизнь похожа на красавицу – женщину, которую муж ругает за неверность и в то же время без которой жить не может.

Вот такая она штука.

– Вы хотели бы прожить до ста лет? Ну, как королева-мать Великобритании Елизавета!?

– У меня разногласия между головой и сердцем. Голова – король дает умные советы, сердце – принц не слушается их. Идет спор, постоянный, упорный и настойчивый.

Конечно, хочется жить, потому что на земле еще осталось много дел, которые надо исправлять, много еще несовершенных молитв. И в то же время сто лет – это архитектурное излишество. Не хочу быть обузой. Да к тому же столетнего человека потерять не так жалко.

– Расул Гамзатович, в день Вашего рождения я желаю Вам еще долгих лет доброй жизни. Творческой жизни.

– *(Лицо его, обрамленное седой бородой, озарила мягкая, по-детски теплая улыбка).* Спасибо, дорогой.

«СОЛНЦА ПОЛНА ГОЛОВА...»

Как приходят стихи? Тема, слова, настроение? Как их сочиняет поэт? Сидя в своей лаборатории-кабинете за письменным столом или лежа на диване и отправляясь мысленно в мир грез?

Владимир Маяковский чеканил строки, меряя длинными шагами берег моря или пространство своего кабинета. Сергей Есенин слагал стихи, любясь зелеными просторами под золотом солнца. Константин Симонов записывал их в блокнот в окопах, блиндажах, на борту самолета.

Лаборатория поэта – мир. Степь и поле, роща и небо, скалистый берег и цветущий сад. В кабинете он приводит в систему свои мысли, изложенные в строках. В кабинете он оттачивает их, шлифует. И, может быть, отдыхает.

Я так думаю. И надеюсь, что не ошибаюсь. А у маститых, выдающихся поэтов кабинет становится чуть ли не своего рода еще и кунсткамерой. Чего только в нем нет! Да и немудрено, чтобы ничего не иметь за долгую творческую и полную событиями жизнь.

И я задался целью увидеть и познакомиться с обителью Расула Гамзатова. А было это лет пятнадцать назад. Он принял меня с радующим, с мягкой и мудрой улыбкой. Явился я к нему неожиданно, раньше намеченного дня. В кабинете – поэтический беспорядок. Большой стол завален книгами, рукописями, раскрытой лежит записная книжка, на ней – ручка (что-то записывал до моего прихода), рядом стопка белоснежной мелованной бумаги. На полу, вдоль стены, – стопка книг. Беру в руки одну: толстая, увесистая, прекрасно издана и оформлена.

– Второй том моих избранных сочинений, – пояснил Расул Гамзатович. – Совсем недавно выпустил Даггиз. Всего будет три тома. Это на русском языке. А на аварском вышел однотомник «Колыбель у камина».

Две стены кабинета занимали книжные полки. На одних – четкий ряд собраний сочинений мировых классиков. На других – рабочий беспорядок.

– Расул Гамзатович, а где же ряды Ваших книг? Что-то я их не могу найти...

Он улыбнулся:

– Здесь, на полках – и свои, и не свои. Забирают у меня, просят. Отказать не могу. Из прежних книг почти ничего не осталось.

Салихат, дочь Расула Гамзатовича, подтвердила: недавно приобрела на книжном развале книгу отца, которая давно стала библиографической редкостью.

– У меня книги и в другой комнате, – говорит Расул Гамзатович. – Здесь не все... Там намного больше.

– **Изданное на иностранных языках тоже просят?**

– Да, как подарок.

– **А на каких языках, кстати, выходили Ваши книги?**

Задумался. Потом медленно стал перечислять:

– На английском, французском, немецком, испанском, итальянском, турецком, арабском, болгарском, чешском, польском, венгерском, румынском, албанском, корейском, китайском, бенгальском, урду, фарси, финском, шведском, японском, монгольском, на всех языках республик бывшего Советского Союза... Да, чуть не забыл, на якутском, татарском, башкирском... Я к переводам отношусь равнодушно. Но отдельными переводными изданиями горжусь. Вот, к примеру, замечательный польский писатель Ежи Енджиевич перевел «Мой Дагестан», другой польский поэт Виктор Ворошильский составил мою книгу (и он же переводчик), было приятно мне, когда перевели мои стихи албанский поэт Лазарь Силичи, болгарский поэт Радевский, поэтесса Рада Димитрова.

Конечно, приятно, когда твои произведения переводят на другие языки, – продолжает Расул Гамзатович, – но я от этого не в восторге. Ведь многие книги переводились по рекомендациям Союза писателей из политических, идеологических или иных соображений.

– **Но разве не приятно, когда книги выходят на разных языках мира? Поэт становится известным.**

– Мне неприятно, когда состоятельность поэта определяется количеством переводных книг. Среди них много бывает случайных. Если у тебя нет признания в Дагестане, никакие переводы не спасут от гибели поэта. У меня ведь тоже первые книги вышли в Москве и пошли разговоры, что переводчики мне многое делают. А поэтом я стал, когда аварцы признали, потом уже и Москва признала. Признанное произведение – это для меня праздник и счастье. Самая первая книга? (Задумывается). Я перевел поэму Александра Жарова «Керим». Это было в 1941 году. Она сейчас – библиографическая редкость. А первая своя, плод раздумий, вышла на аварском языке в 1943 году, мне было тогда двадцать лет. Называлась «Горячая любовь, жгучая ненависть». По сей день стихи из той книги поют наши певцы. Затем каждый год стали выходить мои книги.

В 1945 году я поехал учиться в Литературный институт имени Горького и здесь познакомился с будущими переводчиками Гребневым, Козловским, Липкиным, Снеговой, через них, со Звягинцевой, Обрадовичем... В институте был первым дагестанцем. Читал на аварском языке свои стихи. Однажды руководитель семинара Павел Антокольский предложил студентам перевести «Дингир-Дангарчу». И лучший перевод оказался знаешь у кого? У Гребнева.

Самуил Маршак, прочитав книгу «Год моего рождения», пригласил меня к себе и сказал: из этой поэмы останется «Дингир-Дангарчу» (а «Дингир-Дангарчу» составлял часть поэмы).

В 1947 году Гребнев и Козловский приехали в Дагестан и благодаря им впервые в Махачкале вышла моя книга на русском языке «Земля моя». Ее обсуждали в Союзе писателей СССР, она получила хорошую оценку. В обсуждении приняли участие и выступили известные поэты Смеляков, Ошанин, Долматовский, наш Хашаев. По рекомендации Союза писателей, дополненная, она была издана в «Молодой гвардии» в 1948 году под названием «Песни гор». Тогда же Сергей Городецкий перевел мои небольшие стихотворения. Ты знаешь, наверное, что он был другом Сергея Есенина. Мне было странно и страшно зачастую: вот сижу рядом с друзьями Владимира Маяковского, Сергея Есенина... Я должен быть им ровней, достичь их высот...

– Но Вы и достигли.

– За поэму «Год моего рождения» я получил Сталинскую премию 3-й степени. Фадеев читал ее, она понравилась ему. Он сказал об этом Сталину, а Сталин рассудил по-своему: сначала старшему, а затем – младшему по возрасту. Отец получил в 1951 году за 1950-й, у него была премия 2-й степени. Я получил в 1952 году за 1951-й. Мне было в ту пору двадцать девять лет.

Расул Гамзатович задумался, кажется, мысли его были где-то далеко, в тех годах, что остались за горами времени. А я осторожно, чтобы не потревожить, принялся оглядывать кабинет. На полках – книги. Под полками, за дверцами ящичков и шкафчиков – всевозможные награды. А их у него, на зависть многим, немало. Дипломы, ордена, медали. Очевидно, молодежь сегодня не знает, чем был награжден и чего удостоен патриарх поэзии. Попытаюсь перечислить, а если ошибусь или упустиу что-то, да простит меня мой собеседник. Итак, международная премия «Лотос» (ее присуждали поэтам Азии и Африки), международная премия Христо Ботева с медалью, премия Джавахарлала Неру, итальянская премия «Поэт XX века» за поэму «Хиросима». Золотая медаль Шолохова. Золотая медаль Фадеева. На-

грады Родины – четыре ордена Ленина, три ордена Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской Революции, орден Дружбы, орден «За заслуги перед Отечеством» третьей степени, десятки медалей. А еще звания Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, лауреата Государственной премии СССР, лауреата Государственной премии России, лауреата Государственной премии Дагестана, лауреата премии имени Махмуда, имени Батырая...

– Награды не вскружили голову?

Расул Гамзатович прервал воспоминания, вернулся в кабинет, улыбаясь, ответил:

– Равнодушно принимал хвалу и хулу. И научился не оспаривать глупца, по совету Пушкина. Бывало, что награждали и за не самые лучшие произведения. Получал за имя. Из наград горжусь теми, которые получил за «Журавли», «Берегите друзей», «Последнюю цену», «Горянку». Они были явлением не только в литературе, но и в жизни. По поэме «Горянка» поставлен балет. На поэму «Остров женщин» написана симфоническая музыка. В честь «Журавлей» воздвигнуты памятники в двадцати шести городах.

На стенах кабинета – картины, на некоторых из них, как говорят, печать времени. Одна из них – «Шамиль». Чувствую, Расул Гамзатович обрадовался, что я заметил ее. Портрет «Шамиля» ему подарил Павел Антокольский, а автор картины – дядя Антокольского, который был художником у Льва Толстого. В свое время (как говорится, в те незапамятные годы) Павел Антокольский был обвинен в космополитизме. Узнав об этом, Гамзат Цадаса велел сыну поехать в Москву: это твой учитель, сказал мудрый Гамзат Цадаса, ему сейчас тяжело, поезжай к нему. А в ту пору у Расула гостил Гребнев. С ним и поехал. Принял их Антокольский с радостью, в тот день были у него Самед Вургун и Микола Бажан. В завершение беседы Антокольский говорит: «Расул, у меня есть для тебя хороший подарок, дам, когда тебе исполнится пятьдесят лет». Но тут вмешалась его жена: «Мы не знаем, какой он будет в пятьдесят лет, подари сейчас». Вот так «Шамиль» из усадьбы Льва Толстого оказался у Расула Гамзатова. Редкая картина.

Рядом, ниже, портрет Гамзата Цадасы. Вышит шелком. Работа Гавриловой, известной всем махачкалинцам мастерицы.

Тут же рядом картина «Шамиль с наибами» Халилбека Мусаясула.

В углу комнаты, на стене, – музыкальные инструменты. Поймав мой удивленный взгляд, Расул Гамзатович рассмеялся.

– Это чунгур Сулеймана Стальского. За год до смерти поэт подарил его Эфпенди Капиеву. У Капиева чунгур висел в кабинете на стене. Он сравнивал его с гнездом птицы. Когда мне исполнилось шестьдесят лет, Наталья Капиева преподнесла чунгур мне, сказав: не найду более достойного дагестанца. Другой музыкальный инструмент – тоже чунгур – вручил мне джамаат, когда я получил премию имени Батырая. А кумуз мне подарил Казияу Али. Абуталиб оставил мне свою свирель...

Немалое восхищение вызывали у меня оригинальные работы, выполненные из дерева. Лань стоит, низко опустив голову, почти уткнувшись в землю. А мужчина с огромным торсом счастливо улыбается, высоко подняв руки. История первого подарка весьма оригинальна. Когда Расул Гамзатович был в Мали, в гостях у президента страны Модибы Кейты, ему преподнесли живую лань. Но как возмешь с собой живую? Вот и выполнили лань из ценной породы дерева. А фигурку мужчины привез из Индии, называется – «Самый счастливый человек».

Надо наклонявить палец и коснуться живота мужчины, чтобы стать счастливым. Что Расул Гамзатович и сделал.

И снова картины, картины. Большое полотно «Полуденная молитва», подарок жены Патимат Саидовны, портрет Заремы работы Ильи Глазунова, миниатюры на японские, иранские темы. Фотографии с женой Патимат Саидовной и детьми.

– А Вас никто не рисовал?

– Глазунов хотел, но я не умею позировать. Тогда он сделал портрет Заремы. Лепил мой бюст Кербель. Очень хотел лепить Вучетич. Правда, удалось нарисовать мой портрет Салахову. И еще – он весело смеется, – самыми лучшими и удачными я считаю карикатуры Кукрыников.

– Над чем Вы сегодня работаете?

Задумчиво произнес:

– Решил поднять камень, который не мог поднять – «Дороги и годы». Книга будет состоять из нескольких частей. Первая часть – вступление. Вторая – «Черный ящик». Третья – «Третья жена». Четвертая – «Разговор с часами». Пятая – «Ласточка в Кремле» и так далее.

Сейчас вот смотрю и не пойму – Дагестан мой или чужой. Об этом думаю и пишу. Но времени не хватает, здоровья не хватает, денег не хватает, хотя любовь есть и таланта достаточно. Мысль бежит, а руки слабеют...

В кабинете Расула Гамзатова много солнца. Солнца полна голова.

В кабинете Расула Гамзатова добрая аура. Она как бы успокаивает, умиротворяет посетителя.

В кабинете Расула Гамзатова сидит человек, страдающий со своим народом, радующийся со своим народом, создающий славу своего народа и своего Дагестана.

Я уходил с подарком. На меня то и дело оглядывались прохожие: сейчас человек с книгой в руке в диковинку. Да, у меня в руке новая книга в семьсот пятьдесят страниц. Называлась она «Мой Дагестан. Конституция горца». С автографом: «Дорогому Феликсу с давней и нежной любовью. 25 марта 2001 года». И знакомая всем нам роспись, ровная и четкая, несмотря на годы: Расул Гамзатов.

«НИ ОДИН ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ УЛИЧИТЬ МЕНЯ В ФАЛЬШИ...»

Еще совсем недавно люди нашей огромной страны поголовно были увлечены чтением художественной литературы (это сегодня многие уперлись взглядом в компьютеры). За подписными изданиями простаивали в очередях, библиотеки были забиты читателями, которые то и дело не возвращали книги – штраф обходился дешевле, чем приобрести, занять любимую книгу. В ту пору читали Достоевского, Чернышевского, Тургенева, Чехова, «стали известны» Мережковский, Набоков... Именно в ту пору стали крылатыми слова Чернышевского об интеллигенции из романа «Что делать?» о людях высокой культуры, образования, обширных знаний, чистых помыслов и порывов: они – соль земли, букет в благородном вине.

Сказано-то как – букет в благородном вине. Вы чувствуете, ощущаете его вкус, благоухание?

В суете и сумятице сегодняшних дней мы даже не хотим думать, что такие люди есть и ныне, есть среди нас. К их именам и фамилиям не требуется приписывать никакие титулы, которые они заслужили. Они сами уже стали как бы титулами Дагестана. Они – знаковые фигуры. Знаковые личности.

Расул Гамзатов. Патриарх поэзии. Мир говорит: Расул – подразумевает Дагестан. Мир говорит: Дагестан – подразумевает Расула.

Расул Магомедов. Патриарх истории. Мы произносим: Расул – подразумеваем историю Дагестана и святое братство его народов. Мы говорим об исторических седилах Страны гор и населяющих его народах и представляем Расула.

О Расуле Гамзатове написано, сказано, показано не только много, а очень много.

О Расуле МАГОМЕДОВЕ – немного. И я не знал, как подступиться к этой личности, как довериться ей и раскрыть ее. Изложить биографию? Но сухой перечень документальных фактов никого не привлечет. «Спеть» дифирамбы? Он в них не нуждается, да и сегодняшнее общество встретит их с усмешкой. И я решил просто поговорить с ним о жизни. Словно мы сидим на годекане (а мы сидели в креслах в уютном кабинете его) и ведем душевную беседу, (а этот шаг могли себе позволить, потому что наши семьи были очень близки и когда-то жили под одной крышей, а мой отец дружил с ним).

Не знаю, как понравится вам такая беседа, но когда я уходил от него, Расул Магомедович задумчиво и с какой-то теплотой произнес:

«Я и не предполагал, что наша беседа пройдет в такой форме, в такой манере... Обычно спрашивают, где родился, где учился, что написал... Не предполагал... И пять часов пролетели, как один час. Просто удивительно». Но... это было потом. А вначале была беседа...

– Расул Магомедович, в одной из передач центрального телевидения в программе «Альма матер» была показана встреча студентов факультета журналистики МГУ с известными людьми, мне понравилось выражение или, если хотите назвать иначе, определение политического обозревателя Александра Бовина, который назвал себя и себе подобных мамонтами, а молодых журналистов – зебрами, мол, скачут, мельтешат, брыкаются... Вы можете так четко и смело сказать, что в исторической науке вы мамонт, а на смену приходят зебры?

– Конечно. Изучению истории Дагестана я посвятил шестьдесят лет своей жизни. Побывал в сотнях аулов, знакомился с нравами, обычаями, традициями, бытом, ощущал дыхание, познавал манеру поведения тех людей, которые жили на этой земле. Беседуя с ними, постепенно познавая их духовную культуру, я удивлялся и гордился их мудростью.

Конечно, много времени проводил и в архивах, но голос народа, его дыхание, биение его сердца я ощущал, живя с ним.

И все-таки (*он задумывается*)... И все-таки я еще не изучил историю Дагестана. Ведь она соткана из истории всех его народов...

У нас сегодня немало книг об истории народов. Но, видишь ли, они какие-то бездушные, они не согревают, не вдохновляют.

Вот когда живешь среди людей, чувствуешь их пульс, дух, боль, радость – только тогда получается насыщенная книга, живая история. Меня часто спрашивают: как ты умудряешься так тепло, живо и точно писать о народах? Да потому умудряюсь, отвечаю, что я жил среди этих людей, восхищался ими, дышал вместе с ними.

Но повторяю еще раз и подчеркиваю: полная история Дагестана еще не написана, чтобы ее создать, надо изучить многовековой опыт, нравы, традиции, ритуалы, дух, менталитет каждого отдельного этноса, населяющего наш общий дом.

Мы начали беседу с мамонтов (*он смеется, и смех у него тихий, можно сказать, теплый, семейный*). А ведь тех, у кого я учился, можно причислить к мамонтам. Моими учителями в Москве были известные профессора Юшков, Шестаков, Толстов, Кокиев, Бокарев, академики Тарле, Греков, Тихомиров... Научным руководителем был

Алибек Тахо-Годи, в ту пору он заведовал отделом ЦК партии и преподавал историю. Защита моей диссертации о движении Шамиля проходила в 1936 году два дня при стечении массы ученых, (это было в Москве), и в поддержку моей концепции выступил Алибек Тахо-Годи.

Да, были мамонты. А многие нынешние историки топчутся на одном месте, ориентируются на книги. Молодые ученые занимаются компиляцией. Просто переписывают из книги в книгу, не штудирруя, не осмысливая.

– И какое же наследство оставляете потомкам? Каковы будут следы мамонта?

– *(Глаза его за толстыми стеклами очков смеются)*. Прежде всего – что я успел сделать? Это обобщающий труд по истории Дагестана Советского периода. Такая работа была написана впервые.

Чувствуя острую нужду школ, написал учебное пособие по истории Дагестана для 7-8 классов.

Ясно осознавая, что в ельцинский период начнется американизация нравственности, решил написать учебное пособие об обычаях и традициях народов Дагестана.

(Задумывается). У меня много работ, затрудняюсь даже назвать их. Одних только капитальных двадцать пять, научных и публицистических – около четырехсот. Первые работы мои – «Борьба горцев под руководством Шамиля» в 1939 году, в 1940 году вышла серия материалов по истории Дагестана: «Далекое и прошлое Дагестана», «Древний Дербент», «Битва при ауле Чох», «Завоевание арабами Дагестана в VII–IX вв... Их было девять брошюр, сегодня они библиографическая редкость.

Недавно выпустил два тома «Даргинцы в дагестанском историческом процессе», закончил новую работу под названием «Единство народов – высшее благо Дагестана». Это, я считаю, самый важный мой труд.

– Если я не ошибаюсь, Вы были первый, кто отстаивал свою позицию по отношению к движению Шамиля. И были за это сурово наказаны. Прошло время. Как говорится, справедливость восторжествовала. Скажите, в глубине души у Вас не затаилась на власть ну если не злоба, то хотя бы горечь за потерянные годы?

– Злобы на ту власть, на тот строй не было ни тогда, нет ее и сейчас. На таких моментах, когда происходят катаклизмы в судьбе, многие спекулируют. Да, я пострадал, это верно. Ведь, как и каждый свободный человек я свободно ходил по земле, делал свое любимое дело. Но все же к тому времени я был уже доктором исторических наук,

возглавляя историческую науку в Дагестане. Не думал, что так трагично обернется дело для Шамиля...

Я как историк знаю, дорога не бывает ровной, случаются зигзаги. Инициатива ниспровержения Шамиля исходила от Багирова. Это была политика. Но то, что здесь, у нас, перестарались, меня огорчило.

– Я думаю, что многих друзей, соратников Вы потеряли в те годы.

– Вы знаете, я должен сказать, что тот режим сильно сказался на психологии людей. Мне успели уже приклеить элемент национализма. Жена старалась прятать от меня газеты, в которых меня чернили на чем свет стоит. Но... из друзей поддерживали Саид Магомедович Омаров, Александр Федорович Назаревич, Камиль Даниялович Султанов. Я просил их часто не навещать меня, не подвергать себя опасности, но куда там... Очень озлобились на меня генералы Маркарьян и Гугучия.

Меня успокаивала моральная поддержка народа: он был на моей стороне. Вот как сегодня, помню актив по осуждению движения Шамиля и авторов, освещавших это движение. Выступили человек десять. Выступил и я. Люди могут ошибаться, сказал я, но ведь и я не из воздуха брал факты: сам русский народ высоко высказывался о Шамиле, он был популярной личностью. Маркарьян и Гугучия задают вопрос за вопросом, пытаются запутать, заявляют: вы осуждаете правительство. Обратитесь к активу, отвечаю им, спросите, осуждаю ли я правительство? В ответ – бурные аплодисменты. Маркарьян и Гугучия встают, выбегают из зала.

Но это обошлось мне дорого. Лишили ученой степени доктора наук, звания профессора, изъяли все мои работы.

Только с приходом Хрущева началось послабление. Мне придавала силы поддержка джамаатов аулов, письма простых людей. Писали мне Самед Вургун, Расул Рза, Исмаил Гусейнов из Баку, да многие-многие...

– Расул Магомедович, Вы изучали историю не только Дагестана, но и других стран. Исследовали историю развития общества. Скажите, история учит нас чему-либо или она сама по себе, а общество, человек сами по себе?

– История – наш назидатель. Она постоянно говорит нам: события, которые произошли, могут повториться. Игнорирование ее уроков приводит к огромным и страшным потрясениям, что испытали и мы на себе в последнее десятилетие.

Библия, Коран, Талмуд – священные книги. Вот так же и история народов – священная книга. Время от времени в нее надо заглядывать. Она многому учит.

У истории надо учиться. К сожалению, человечество не учится.

Возвратимся в тысячелетнюю давность, вспомним, как сходились на поле битвы армии завоевателей и защищавшихся... Если армия защищавшихся оказывалась побежденной, государство сдавалось на милость победителю. А в Дагестане? Воевал каждый аул. Соседние народы помогали осажденным. Тимур не мог понять этого. Он спрашивал у горцев: почему вы помогаете гяурам? Он не мог знать, не мог усвоить, что различие в вере для дагестанцев не имело никакого значения. Когда царские войска осадили Аварию, куда аварцам надо было гонять скот? Так вот акушинцы пригоняли их скот на низменность, получив документы, что стада принадлежат им.

Из таких мелочей должна состояться учеба. Вот я сказал «учеба» и вспомнил немаловажную деталь. Раньше, если в ауле происходило насилие или убийство, пятно ложилось на джамаат. И джамаат считал позором для себя не раскрыть преступления. А воспитанием занимался весь тухум.

– Нужно ли знание истории на современном этапе мирового развития? В прежние времена многие властители прекрасно владели ею, обращались к историкам. Сегодняшние реалии говорят о том, что эта наука не так важна для аппарата власти.

– Можно не знать историю, можно не знать математику, но тогда жизнь будет оторвана от реальностей, у такой жизни нет будущего.

История – не чья-то выдумка, она развивается по своим закономерностям, поступательно. Чтобы руководить народом, надо хорошо знать обычаи, нравы, быт, характер, производительные силы, его возможности, менталитет. Надо иметь большой жизненный опыт.

А те, кто меняет свои взгляды с переменами времен, просто беспринципные люди. Вот, к примеру, вспомним Джавахарлала Неру: это признанный вождь индийского народа. Трудно себе представить, чтобы он не знал историю, культуру своего народа, его думы и чаяния.

– Ваши интересы замыкаются на истории или они разные? Если разные, то и круг друзей не ограничивается только историками.

– Как только я начал учиться, почувствовал, понял, что должен заниматься наукой. Еще в 1939 году мне предлагали высокие посты. Я отвечал: очень хочу заниматься историей Дагестана.

А работать приходилось на разных участках. На третий день войны ушел в армию. Был наркомом просвещения. В ту пору очень остро стояла проблема кадров, материальной базы, издания учебников. С М. Меджидовым, Х. Фаталиевым поехали в Москву и добились открытия женского учительского института, педучилища, женского интерната, научно-исследовательского института школ, Дагучпедгиза. Затем открыли Дагфилиал Академии наук СССР, пригласили из Баку наших ученых Х. Амирханова, М. Кажлаева, А. Мачатаева... Занимался подготовкой научных кадров. В 1946 году направил в Москву двадцать человек – физиков, математиков, философов, филологов.

– Я не хочу переводить нашу беседу в политическое русло, политика набила уже оскомину, но все-таки хочу спросить Вас вот о чем. Как Вы смотрите на время правления М. Горбачева, Б. Ельцина, В. Путина?

– В моем представлении М. Горбачев и Б. Ельцин – случайные люди, появившиеся в руководстве сильного, крупного государства. Это недоразумение. Ельцин – человек, далекий от культуры, науки, истории, который не знал, чем живет его народ, человек, выступивший против привилегий, сам жил как царь. Это беда.

Путин... нет, не идет ни в какое сравнение с этими личностями. Он намного умнее и дальновиднее своих предшественников. Это я почувствовал по его отношению к Дагестану. Он выделил Дагестан, придал ему особый статус.

Многого, очень многого стоят его слова о том, что дагестанцы отстаивали свою свободу, помогли сохранить целостность Дагестана и всей России.

– Чем Вы сегодня живете, что Вас радует, а что печалит? Ведь поводов для всего сколько угодно.

– Меня как историка-исследователя радует то, что удалось подойти к пониманию, познанию стержневых проблем – многоэтничности, многоязычности, единства, радует умение народов выходить из самых трудных ситуаций.

А печалит, и очень сильно, падение нравов. Мы уже, кажется, забыли, что ключ к нравственности находится не в городе, а в селе. Забывает это и джамаат. Очень печалит меня «американизация» нравственности и то, что сельская молодежь отвыкает от трудового процесса. А о городской и не говорю.

Посмотрите, какие разрушения происходят на наших глазах. Уничтожили, умертвили террасные земли, веками кормившие горцев,

исчезли многие сорта зерновых, овощи... Ну просто смешно: из Польши завозят картошку, чтобы сажать ее!

– Вы довольны прожитыми годами, своими делами, или Вас все-таки беспокоит чувство, что чего-то не сделали, не довели до конца, где-то в чем-то ошиблись?

– Я не могу быть доволен прожитой жизнью. Не потому, что чего-то недоставало, нет, у меня все было. Мне не удалось осуществить все задуманное. Оказывается, понимание проблем, стоящих перед страной, народом, приходит с возрастом. Есть у меня планы, но не знаю, удастся ли еще что-то сделать.

– Почему по Вашим стопам не пошел никто из Ваших детей? Или я ошибаюсь?

– Судьбу своих детей, если можно так сказать, я мерил по своей судьбе. При том строе история была очень скользкая наука, и человек ни за что мог покалечить свою жизнь. Один мой сын, младший, специализируется по археологии, другой – медик, третий – инженер-технолог пищевой промышленности.

– Мы сегодня без ложной стыдливости говорим: наша гордость – Расул Гамзатов, Расул Магомедов. Вам первому из дагестанцев была присвоена степень кандидата исторических наук, первому – звание профессора. Расул Гамзатов красиво сказал о Вас: он был первый историк-профессионал, такой исторический материал – это паспорт народа. Вас лично такие отзывы, хвалебные слова радуют или смущают?

– Меня радует то, что у нас есть Расул Гамзатов. Это личность. Я бы не взял на себя смелость сказать, что она может повториться. Это самородок. Какие перипетии претерпели писатели, а Расул Гамзатов остался самим собой.

В Индии я возглавлял делегацию, в которую входили Фазу Алиева, Багаутдин Моллаев, мы были приглашены на прием к главе правительства штата Кашмир шейху Абдулле. На лужайке своего дома в кругу своих людей он вел беседу с нами. Поинтересовался, откуда мы. Говорим – из Дагестана. Из Пакистана, Афганистана, Туркменистана, – какие только страны не перебрал, но как только я спросил: «Вы знаете Расула Гамзатова?» Он воскликнул: «О, Расул Гамзатов!!»

Слава о Расуле гуляет по всему миру. Он прославляет вместе с собой и свой Дагестан.

Такую же роль сыграл и Шамиль. Его знал мир, его знал весь царский двор. Через него мир узнал о Дагестане и его народах.

– Как влияет слава на человека, на Вас лично? Было время, когда многие мечтали о ней и упивались ею. Теперь славу вытеснили деньги..?

– Я прожил много лет... Для меня важным было отношение людей, общества ко мне как к полезному человеку.

Недавно меня, Расула Гамзатова и генерала Салиха Халилова национальный фонд «Общественное признание» наградил своим золотым почетным знаком. Это я считаю самым высшим признанием для человека. А деньги... ну что такое деньги? Они как приходят, так и исчезают.

– О чем сегодня Ваши думы?

– Я собираюсь углубить свои научные проблемы, докопаться до истины – была ли у Дагестана своя отдельная цивилизация. Если судьба даст время и силы...

А еще живу думой и желанием, чтобы в Дагестане возродились между людьми дружеские, теплые отношения, и народы всегда были едины.

– Вы всю свою жизнь посвятили исторической науке. Скажите честно: ни в чем не погрешили перед правдой? Уверены, что Ваши труды еще послужат и другим поколениям?

– По крайней мере, в тех работах, которые опубликованы, ни один человек не может уличить меня в фальши. На презентации двухтомника «Даргинцы в дагестанском историческом процессе» было сказано, что эта работа может быть настольной книгой современных историков.

Все ценное, изученное, исследованное и собранное мною по истории Дагестана отражено в этих двух томах. И в последней моей книге «Единство народов – высшее благо Дагестана».

В ту пору наш диалог с ученым закончился на его оптимистическом настроении и очень важно для каждого человека – внутреннем убеждении полезности своего труда, что стало подтверждением его востребованности. Но жизнь нежданно-негаданно представляет человеку свой счет времени...

Я читал корректуру этой книги. В тот день, когда Расула Магомедовича Магомедова не стало.

«МЫ БЫЛИ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯМИ...»

Есть имена и фамилии, которые считаются как бы знаковыми, определяя вехи в нашей истории. Джалалутдин Коркмасов, Нажмутдин Самурский, Абдурахман Даниялов, Магомед-Салам Умаханов, Шахрудин Шамхалов, Шихсаид Шихсаидов, Расул Магомедов, Расул Гамзатов, Готфрид Гасанов, Танхо Израилов – каждый из них, будь то руководитель самого высокого уровня или деятель науки, культуры, был знамением времени. А если выразиться проще, каждый вспахал свою борозду, которая дала добрый урожай.

Именно к их числу относится и человек, с которым я имел возможность и удовольствие на днях беседовать. Между прочим, долгие годы мы были соседями по подъезду. Трехэтажный дом по улице Дзержинского, состоящий из трех-, двух-, и однокомнатных квартир, в ту пору, а это были пятидесятые годы, называли обкомовским, но сегодня он, как говорится, и в пятки не годится многоэтажным домам и особнякам, рассыпанным по городу. И жили в нем люди, имена которых о многом говорят: Алипаша Умалатов, Шихсаид Шихсаидов, Шахбас Исмаилов, Ахед Агаев, Абдула Гаджиев, Мирзамагомед Мирзамагомедов, Мустафа Вагабов, Арсланали Мантаев, Кафар Беделов, Шугаиб Магомедов, Магомед Хархаров... Это были партийные и государственные работники, руководители министерств, деятели науки, ученые. И жили как одной семьей. Рано утром выходили во двор играть в волейбол, после работы всех «созывали» нарды. На лицах читалась только доброжелательность.

В этом доме, с этими людьми и жил человек, о жизни, думах и мыслях которого я хочу вам поведать.

Да, имя его тоже стало знаковым. Стоит только назвать, и десятки тысяч человек с благодарностью мысленно склоняют перед ним голову. Ибо он им дал самое дорогое, самое бесценное, что может быть в жизни, – духовное богатство, высшее образование. Сегодня большинство ученых, докторов наук, руководителей вузов, их кафедр и деканатов – его выпускники и воспитанники. Его имя – Абуталиб Абилович АБИЛОВ.

– Вы не забыли, что и я был Вашим студентом?

– (Улыбается милой, скромной улыбкой) Ну как я могу забыть? Долгие годы мы были добрыми соседями. Благословенные времена...

– Абуталиб Абилович, Вы прожили большую жизнь: за плечами – и успехи, может, и поражения, и радости, а то и печали. Скажите откровенно: удалась она Вам?

– Знаете, прожитой жизнью доволен. Ведь кем были мои родители? Отец – бакинский рабочий, мать – домохозяйка. Кто мог подумать, что горский мальчик получит два высших образования, будет ученым, станет во главе головного вуза республики? Кто мог подумать? А это случилось. И я благодарен той власти. Конечно, можно было достичь большего, но желания и возможности не всегда совпадают.

Вы спрашиваете, удалась ли жизнь... (*Задумывается*). В Дагестане нет села, из которого тридцать-сорок человек не получили бы высшего образования. Они учились у меня, я им подписывал дипломы. А в общей сложности их у меня, моих учеников, выпускников, тридцать-сорок тысяч, и причем всех национальностей.

– Сегодня что Вы можете вспомнить значимое, яркое, что запало навсегда в душу?

– Из прошлого, конечно, учебу в Высшей партийной школе. В душе остались очень теплые и приятные воспоминания. В школе собралась очень дружная дагестанская диаспора, в нее входили Шахрудин Шамхалов, Рамазан Юсуфов, Виктор Хруцкий, Бадрудин Кашкаев, Эседула Мамедов, ну и я, конечно. Был это первый послевоенный, 1945-й год – учеба началась буквально после окончания войны. Вот тогда, то сердечное тепло, которое мы испытывали, ощущали от визитов к нам Председателя Совмина Абдурахмана Даниялова, секретаря обкома партии Азиза Алиева, Председателя Президиума Верховного Совета Адильгереев Тахтарова... Бывая в Москве, они регулярно встречались с нами, рассказывали о положении дел в республике, а мы в свою очередь – о своей учебе. И ни один праздник не обходился без внимания – подарков и гостинцев.

И, в-третьих, помню апрель 1948 года. Вызывают к Азизу Алиеву и Абдурахману Даниялову, которые остановились в гостинице «Москва». Волнуюсь, не случилось ли что. Слава Богу, ничего. Предлагают вернуться в Дагестан и возглавить комсомольскую организацию республики. Я прошу разрешения дать мне возможность окончить учебу в ВПШ. Они пошли мне навстречу, разрешили. В Дагестан я приехал с красным дипломом.

– Так было угодно судьбе, что Вы управляли, как принято говорить, кузницей кадров. Помнят ли они Вас, эти кадры?

– Хочу заметить, что я пять лет работал секретарем обкома партии по пропаганде и агитации. Это было время, когда страна жила постановлениями ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград», об опере Вано Мурадели «Великая дружба», дискуссиями по проблемам

философии, биологии, языкознания, когда широко обсуждалась работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР... Постановления дали, это мое твердое мнение и убеждение, идеологический заряд, хотя и по инициативе мною неуважаемого Александра Яковлева несколько лет назад они были отменены. Да, в них были, бесспорно, жесткости, был перехлест, но было и такое, что привело к подвижкам улучшить работу с литераторами, композиторами, театрами. Ведь не без нашего участия стало расти творчество Готфрида Гасанова, Расула Гамзатова, Ахмедхана Абу-Бакара, мастерство и международный авторитет артистов ансамбля «Лезгинка».

А что касается ДГУ В год он выпускал от восьмисот до тысячи человек. Помнят ли они меня сегодня? Да. В какой район ни поеду – везде меня встречают мои выпускники. В начале 70-х годов мы с Расулом Магомедовым поехали в Табасаранский район – в каждом селе на встречу с нами собиралась масса людей. Помнят, и я этому рад, конечно. И сам я помню каждый населенный пункт и количество человек, которых подготовил к жизни, дав им высшее образование. С 1981 по 1985 год я лично ездил по селам Хасавюртовского и Новолакского районов, встречался с выпускниками школ – чеченцами и агитировал их поступить в университет. Мне удавалось принять в вуз по 25–27 ребят в год. И считал это добрым делом. Из числа чеченцев, ингушей, карачаевцев, адыгов мы подготовили немало ученых. А один мой аспирант Гакаев стал профессором. И не забывает меня по сей день.

– Безусловно, на добро всегда должно отвечать добром – это закон человеческих, гуманных отношений. Но... в народе бытует поговорка: «В семье не без урода». Так вот, были ли такие, которые забывали это добро, не замечали потом Вас, более того, пакостили?

– Знаете, человеку свойственно ошибаться. Как говорится, сделает не со зла, по ошибке. А старавшихся насолить мне не столько много бывало среди студентов, сколько среди преподавателей: писали анонимки, для их проверок создавались комиссии... Я на все это не обращал внимания, но в глубине души осадок оставался.

Помню, в актовом зале университета порезали кресло. Я узнал, кто это сделал, разыскал студента и велел ему пригласить ко мне отца, а он был уважаемый всеми полковник. Кресло они восстановили, а со студентом и его отцом мы познакомились еще ближе, и между нами установилась теплая дружба. Тот студент сегодня уже ученый, кандидат экономических наук, живет и работает в Москве.

А вот я приведу вам один пример, который характеризовал наших

студентов. Приехал к нам замминистра по строительству В. Захаревский. Идем по коридору университета – студенты шарахаются от нас. Захаревский удивленно глядит на меня: – Что это они нас боятся? – Они уступают нам дорогу, – отвечаю ему, – по законам горцев, старших надо уважать. Иначе никак нельзя.

– Нас с вами в МГУ затоптали бы, – удивленно протянул Захаревский.

– Абуталиб Абилович, одно время партию уж очень много и рьяно ругали, топтали, чернили. Неужели она натворила столь много зла, в ее деятельности не было никаких положительных моментов, успехов?

– Вы знаете, за последние почти десять перестроечных лет она совершила столько ошибок, чего не сделала за все время своего существования. Сравнения даже нет. Да, и прежде были ошибки, безусловно, были. Но в целом все то, чего советская власть добилась за годы своего существования, перевешивает недостатки. Оно неизмеримо больше. И народ сегодня это уже понял.

А чернителей, хулителей, перевертышей всегда хватало. (*Задумывается*). Ельцин запретил проводить Парад Победы на Красной площади. А в этом году 9 мая парад провели. Но вот что обидно... Пять тысяч фронтовиков-ветеранов войны прошли по брусчатке. И у всех, я думаю, болела душа: ну почему руководство страны стоит не на мавзолее, к подножию которого в мае сорок пятого бросали знамена поверженного врага?

– И все-таки, как говорят, партию подтачивала червоточина. Не считаете ли Вы это результатом того, что ряды ее стали заполнять случайные элементы, карьеристы, в партию потоком пошли торговые работники. За вступление в партию стали платить даже деньги – сначала пятьсот, потом и тысячу рублей.

– Конечно, развал партии произошел не в Беловежской Пуще. Это не одномоментный процесс. Он начался еще при Хрущеве, очень много вреда партии нанесло второе десятилетие правления Брежнева, когда стали закладываться основы слияния мафиозных структур с властью. Примеры – Медунов, Гришин, Галина Брежнева, Чурбанов... Процесс этот усилился в годы правления Горбачева. Ну а развязала этот узел Беловежская Пуща.

То, о чем вы говорите, – да, все это было. Толпой ринулись в партию торгаши, вступление в нее для некоторых становилось платным. Было это.

– Как Вы восприняли распад Советского Союза?

– Очень тяжело. Эта была трагедия и всей страны, и каждого гражданина, и моя личная. Ведь государство создается веками, создается и отстаивается войнами. Было построено такое государство, с которым считались по любому вопросу. Даже такая страна, как США. Будет ли возврат к прежнему? Никто в это не верит. Вот обратите внимание, как создается Союз Белоруссии с Россией. Тяжело, натужно, будто этого не хотят определенные силы в Москве.

– Давайте перейдем от серьезных и болевых тем к более житейским. Не возражаете? В таком случае признайтесь, Вы человек мужественный?

– Не воинственный. Однако свои интересы отстаивать буду. Но учтите, в кулачный бой не пойду. Кстати, раз заговорили о силе, о спорте... И Абушев, и Абсаидов – оба Олимпийских чемпиона – мои студенты.

– А как насчет энергичности?

– Думаю, да, энергичен.

– Знаете, почему я спрашиваю об этом? Перейдя на работу в пединститут, Вы прежде всего добились придания ему статуса университета, затем способствовали открытию многих факультетов, строительству дополнительных учебных корпусов, общежития, научной библиотеки.

– В пединститут я пришел в 1954 году, до этого руководил обкомом комсомола, затем два года работал в обкоме партии. Пединститут в ту пору был небольшим, в нем работало восемнадцать кандидатов наук, двести преподавателей, обучалось тысяча сто-тысяча двести студентов. В начале 1957 года у руководства республики возникла идея придания институту статуса университета. Она, эта идея, была вызвана созданием совнархозов и необходимостью взращивания для республики кадров. Решение о создании Даггосуниверситета было принято в октябре 1957 года, а официальное открытие состоялось в 1958 году. Чуть позже ему присвоили имя В.И. Ленина.

Закипела работа. С чего мы начали? С укрепления учебно-материальной базы. Подняли новые учебные корпуса, студенты стали заниматься в одну смену. Построили общежитие на две тысячи мест, шесть многоквартирных жилых домов для преподавателей, из них три кооперативных. В 1982 году подобрал проект большой научной библиотеки, построили ее, оснастили мебелью.

Следующей генеральной линией была подготовка научных кадров. И эта задача была успешно решена. Первым доктором наук, за-

метье – первым в Дагестане, стал Расул Магомедов, третьим, защитившим докторскую диссертацию, был я. Мы открыли при университете аспирантуру по многим специальностям и, словно плотину прорвало. Пошли доктора наук... Многим нашим ученым я оппонировал на защите докторских диссертаций: в Ростове-на-Дону – М. Алекберли, в Ереване – А. Агаеву, в Москве – Ш. Магидову, в Тбилиси – Х. Мухтарову (это была первая докторская степень по математике в Дагестане), в Москве – Р. Салаватову (он защищался по научному коммунизму – новой теме, и я склонил членов ученого совета на его сторону), в Баку – С. Гаджиеву и Б. Эфендиеву (физику)... Лично я подготовил тридцать аспирантов – представителей тринадцати национальностей. Сегодня в Дагдосуниверситете работают более сотни докторов наук и около четырехсот кандидатов. Основа этому положена именно в те годы.

Работая ректором, конечно же, я старался чем-то проявить себя, попробовать свои силы, сделать что-то доброе для людей, для общества, для совершенствования образования. При университете были открыты инженерно-строительный, технологический, юридический, экономический факультеты.

В семидесятых годах к нам на учебу поступали ребята, с трудом владеющие русским языком. У меня родилась идея, которой я поделился с Сергеем Сергеевичем Швачко, Саидом Магомедовичем Омаровым и другими – ввести на всех факультетах в течение двух лет изучение русского языка. Они поддержали меня. Поручили Георгию Сивриди составить программу по изучению русского языка и пособие. Затем я поехал в Москву согласовать этот вопрос. Замминистра высшего образования России А. Попов был удивлен моей идеей, тут же при мне позвонил министру высшего образования СССР В. Елютину. Тот вызвал нас к себе. Едем. В. Елютин обращается ко мне: – Кто надоумил тебя на такое, ведь ЦК КПСС готовит такой вопрос, как там воспримут, отреагируют? Звонит в ЦК С. Трапезникову. Ну, тот похвалил, молодец, мол. Вот так с благодарностью вернулся домой. Дальше – больше. Провели республиканскую конференцию по вышеупомянутому вопросу, с докладом выступить на нем попросил Магомед-Салама Ильясовича Умаханова. А спустя некоторое время получаю приглашение на Всесоюзную конференцию, которая проводилась в Ташкенте, в которой принимал участие Елютин. Вот так мы оказались первооткрывателями, стояли у истоков столь важного, я бы сказал, политического вопроса.

И еще одна наша важная инициатива. В 1969 году мы впервые на

Северном Кавказе открыли подотделение для иностранных студентов по изучению русского языка. Овладев языком, часть из них оставалась продолжать учебу у нас, другие поступали в иные вузы страны. Мы подготовили в свое время немало специалистов для Кубы, Болгарии, Афганистана, Лаоса, Монголии, Индии, Шри-Ланки...

– У Вас, очевидно, были и сподвижники. Без их помощи невозможно было бы построить такой корабль?

– Безусловно. Если я сумел все это осуществить, то только благодаря коллективу, который я учил и который, в свою очередь, учил меня. Назову фамилии нескольких моих сподвижников: Р.М. Магомедов, С.М. Омаров, Я.А. Кукулиев, Б.О. Кашкаев, М.С. Бежаев, А.А. Бабаев, А.З. Эфендиев, проректоры С.С. Швачко, С.М. Гаджиев, Г.С. Тахтаров, секретари парткома П.И. Тананакин, Ш.-Г. Исаев... Удивительно энергичным и веселым человеком был проректор по хозяйственной работе Г.С. Тахтаров. По сей день помню его слова: «Ректоры приходят и уходят, а Тахтаров остается».

– Признайтесь, злопыхатели, враги у Вас были?

– Были и злопыхатели, и завистники. Как я уже рассказывал, были и анонимки, создавались комиссии по проверке их. Но это меня не задевало. Обижало, когда отдельные личности заявляли руководству: что вы все Абилову помогаете, другим нельзя, что ли... А мне на самом деле существенную помощь оказывали и Абдурахман Даниялов, и Магомед-Салам Умаханов, и Алипаша Умалатов и Шахрудин Шамхалов. Ведь они видели, что я стараюсь для людей, для общества, для республики.

– В те годы люди были намного сердечнее, добрее, человечнее, я бы сказал. Я помню, как много Вы помогали студентам: устраивали в общежитие, оказывали материальную помощь. От кого Вы унаследовали такие качества, как доброта, милосердие?

– От отца и матери. Они у меня были очень добрыми людьми. Бывший бакинский рабочий, отец в последние годы жизни был председателем колхоза в одном селе, получал благодарность от Сталина, награжден орденом «Знак Почета». До двенадцати лет я был единственным ребенком в семье, и сами знаете, как относятся к единственному. Потом родились брат, сестра. И все жили дружно, в любви и согласии. Кстати, наградам положил начало отец, продолжил я. Государство наградило меня четырьмя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, присвоило звание заслуженного деятеля науки России и Дагестана.

– Добро возвращалось Вам добром, или случалось, что оно платило и злом?

– В основном – добром, но в редких случаях возвращалось и злом. Даже от очень близких мне людей. Но пусть это останется у них на совести. Если прочтут мои слова, лишний раз устыдятся своих пропукков.

– Какие нравственные качества Вам удалось воспитать в своих детях?

– Честность. Добропорядочность. Трудолюбие. У меня три дочери, и все они кандидаты наук, доценты. И, чтобы недоброжелатели ни говорили, что сделал их кандидатами Абилов, они специально не пошли по моим стопам. Старшая работает в ДГУ на кафедре зарубежной литературы, средняя – физик в Дагестанском техническом университете, младшая – биолог в ДГУ. И первая внучка – филолог, изучает и разрабатывает творчество Анны Ахматовой. И всего они добились сами, своим умом.

– Что им по душе, как Вам кажется, нынешнее время или минувшая эпоха? Вы, конечно, понимаете, что я имею в виду.

– Конечно. Безусловно, они жалеют, что хорошие времена прошли. Ведь люди, представители всех национальностей, дружили между собой, жили как братья и сестры, тянулись сердцем друг к другу. Что не нравится в наше время? Эгоизм. Вражда. Националистические проявления.

– Вашей жизни, насыщенной неоднозначными событиями и добрыми, яркими делами, богатой встречами и дружбой с заметными личностями, могут позавидовать тысячи и тысячи. Не собираетесь писать воспоминания, мемуары? Это ведь так модно сейчас.

– Да, появилось много мемуарной литературы бывших руководящих работников республики. Читал я их. И мне советуют писать. Но я считаю, что мне этого делать не надо. Элементы бахвальства, хвастливости мне претят. Я сделал много полезного для общества, пусть люди сами ворошат воспоминания.

Нет, писать не собираюсь, а вот активную жизнь еще веду. Являюсь членом ученого совета исторического факультета Даггосуниверситета по защите кандидатских диссертаций, выступаю оппонентом, являюсь членом президиума Совета старейшин при Госсовете республики, который возглавляет Алипаша Умалатов.

– Вам не бывает грустно от мысли, что психологический климат общества резко изменился?

– Бывает. Безусловно, бывает. Но я живу надеждой, что и на нашей улице будет праздник, что плохое не может победить хорошее.

Без надежды жить нельзя, тем более, когда тебе уже восемьдесят. А мне, кстати, в июне, исполнится восемьдесят.

– Признайтесь: Ваш характер изменился сегодня, ну, скажем, по сравнению с тем, каким он был в 60–70-е годы?

– Если сказать – нет, будет неправдой. Ведь характер меняется с изменением окружающего мира, на него влияют процессы, происходящие ежедневно. Но я стараюсь не поступаться своими принципами.

– Представим, что Вы сегодня стали ректором университета. Будут ли исходить от Вас та же теплота, доброта, что в далекие, незабываемые годы?

– Безусловно. Сейчас и опыта было бы больше, да и мудрости... Сколько десятилетий за плечами! Но пусть нынешний ректор не беспокоится (*тихо, застенчиво смеется*). Я не претендую, дай Бог ему здоровья и творческих успехов.

УЧИТЕЛЬ МОЙ

Я давно мечтал встретиться с моим учителем по истории, встретиться не ради светского времяпрепровождения, а чтобы услышать, чего он достиг за последние десятилетия, какими ценностями обогатился и что потерял, услышать душу его.

Десятый класс я заканчивал в Махачкалинской школе №5. Девять лет учился в Баку и наряду с азербайджанским языком постигал азы и английского. А с переездом в Махачкалу определился в пятую школу, потому что только здесь изучали язык туманного Альбиона.

В ту пору эта школа была на устах у всего города (а город-то был совсем маленький). Район, в котором высилась наша трехэтажка, – фабричный, под боком «Гургур аул», и контингент этой школы состоял из цепких, задиристых, умевших постоять за себя ребят. И над ними, как пиратский флаг над бригам корсаров, реяла слава хулиганов. Они позволяли себе без страха и упрека пойти «класс на класс». Им ничего не стоило сорвать нелюбимый урок, устроить кучу малу и подмять под себя... неуважаемого учителя. И несмотря на подобные многочисленные «подвиги», эта школа вырастила будущих славных инженеров, рабочих, спортсменов, врачей, педагогов. Скорее, потому что преподаватели, конечно, знавшие все их проделки, готовили между тем ребят не только к освоению нужных городу, республике профессий, но и учили их быть настоящими людьми. Если можно так выразиться, «Человеками» с большой буквы.

Одним из таких преподавателей был Амири Рзаевич ШИХСАИДОВ. Молодой, совсем недавно окончивший Ленинградский университет, он почти не выделялся среди десятиклассников.

Но его все уважали. И редкие примерные ученики, и все те, кто устраивал побег с уроков, выпрыгивая со второго этажа на гору каменного угля, сваленного для топки. Его предмет – историю – слушали как сказку.

Вот с тех далеких лет я знаю Амири Рзаевича. А он – меня. Часто встречались. Оттого и возникло желание поговорить с ним, как я уже заметил, о перипетиях жизни, об успехах, о прошлом и будущем, о наших корнях и древе жизни... Через столько-то десятков лет!

Назначаем встречу. Увы, не состоялась – он срочно отправился в очередную экспедицию. Мне звонят, сообщают: будет дней через десять.

Вернулся он спустя месяц.

Как-то звонит мой добрый знакомый скульптор Гейбат Гейба-

тов: – Зайди ко мне в мастерскую, Амри мне будет позировать, а ты, тем временем, можешь поговорить с ним.

– Долго будете работать? – спрашиваю.

– Час.

– Нет, этого времени недостаточно.

Трубку берет Амри Рзаевич. – Я еду в экспедицию, по возвращении уделю тебе столько времени, сколько захочешь...

Проходит еще месяц.

Вот такой он, мой учитель по истории. Весь в работе: в поисках, в экспедициях, в выступлениях на конференциях и симпозиумах, в кропотливом изучении древних рукописей и надписей, в составлении книг...

Вот такова его участь: безмерно любить историю человечества, древо нашей жизни.

Ну разве можно на него обижаться?

Он звонит мне в один из декабрьских дней, голос усталый, но задорный:

– Магомед Бутаев встретил меня, пожурил, почему я избегаю тебя (а я месяц назад виделся с профессором Бутаевым). Ты готов к встрече? Когда? В любое время? В таком случае завтра, у меня с утра встреча с важными людьми, и потом надо быть (он называет где), в одиннадцать свободен. В двенадцать? Договорились.

Я человек пунктуальный. Всегда прихожу в точно назначенное время, ну... на 5-10 минут раньше. Остро ощущаю бег времени. Нет его... Нет... Появляется ровно в двенадцать: походка быстрая, живая, всем своим видом показывает – спешу, лечу...

– Не опоздал?

– Точно двенадцать.

Передо мной все тот же учитель пятой школы, те же глаза, та же быстрая речь. Но ведь и годы должны взять свое, ибо время потеряло бы всю свою ценность, свойство, предназначение.

Затем мы уединяемся в кабинете, вспоминаем родную пятую школу, и воспоминания теплые и светлые, ее выпускников, все, что с нами произошло за последние годы, и я задаю первый из вопросов, которые чуть не потускнели в моей голове за долгие месяцы «охоты» за учителем.

– Амри Рзаевич, начнем нашу беседу с, казалось бы, сложного вопроса: как Вы понимаете личность?

– Мне так кажется, что каждый человек должен чем-то отличаться-

ся, иметь свое «я», быть единоличностью. Помнишь нашего Манташева? Между собой мы называли его «князь Манташев». Так вот он любил говорить: я директор единственного в мире Кумыкского театра. А спустя некоторое время он уже хвастал иначе: я единственный кумык – директор Русского драматического театра.

Личность должна отличаться оригинальностью, исключительно-стью, должна знать свое место в обществе и не дублировать других.

Мы восхищаемся Карнеги, который «открыл» нам глаза на организацию управления. Между тем многие наши директора заводов и председатели колхозов не знали ни его трудов, не слышали ни его имени и прекрасно владели организацией управления. Какие факторы необходимы были для этого? Высокий профессионализм и огромное уважение к людям (знать их характеры, обычаи, нравы, традиции, культуру...). Вот наличие этих двух факторов не позволяет личности раствориться в толпе.

Я, наверное, говорю много и не по существу, но то, что говорю – важно.

Меня всегда восхищают в жизни моменты, детали, ситуация... Вот Вахтанг Кикабидзе поет песню «Мои года», Валентина Толкунова – «Поговори со мною, мама». Так как они, эти песни исполнить не может никто другой. И вот в этом своем деле, исполнительском, они – личности.

Чтобы стать личностью, человек должен иметь свой ориентир, свою планку и, безусловно, покорить ее.

– Общество отличается многохарактерностью и оригинальностью. Один человек любит много и шумно говорить, бывать на виду, проявлять бурную деятельность, другой творит в тиши, незаметен. Ну как Жорес Алферов, которого мы узнали совсем недавно в связи с присуждением ему Нобелевской премии. Кого из них можно считать личностью?

– По-житейски, второго. Потому что он не на виду, он много работает. Но такого полярного противопоставления не делал бы. Каждый – со своим характером. А во-вторых, у каждого человека должен быть свой круг людей, свое окружение, особенно у того, кто любит бывать в тени и в тиши, о котором почти не говорят.

Ты, конечно, слышал об Али Гасанове, переводчике «Асари Дагестан». Он был удивительно скромной личностью. Оба его сына хорошо известны в Дагестане и в России – это Готфрид Гасанов и Генрих Гасанов.

Так вот, Башир Далгат, один из трех братьев, известных в нашем крае, сказал: «Такого другого, как Али Гасанов, в Дагестане нет».

Для чего я напомнил эти слова? У каждого Али Гасанова должен быть свой Башир Далгат.

Очень ценное и великое качество – знать человека.

Ну кто такой, скажем, Михаил Боярский? Ну, хороший актер, хорошо поет. Кажется, все его знают. А когда в одной из передач ТВ присутствовавших спросили, что им нравится в Боярском, одна девушка сказала: «Мне нравится кончик его носа». Вот как подробно, до деталей, знают своего кумира...

Вот что я тебе еще скажу, хотя это не относится к твоему вопросу.

У нас в Дагестане люди всегда отличались своим внутренним гуманизмом. Когда Ганифу Султанова, известного в Дагестане человека, должны были вести на допрос по улице под дулом браунинга, охранник сказал ему: «Вас все знают, мне надобно следовать за вами, вы идите по этой стороне улицы, а я пойду по противоположной».

Или другой пример. Арестовали революционера Османа Османова. Подъехал «черный ворон». Когда Османов попрощался с семьей и подошел к машине, к нему обратился милиционер: «Вы человек известный, садитесь в кабину, а я сяду в кузов...»

Вот эта внутренняя культура горцев восхищает меня по сей день.

– Вы считаете себя личностью?

– Даже не знаю... Да, я должен считать себя личностью. В этой сутолоке жизни, в борьбе за существование надо думать и о высоких категориях.

– Что для Вас ваша работа: тяжкий труд или отдохновение, удовольствие? Вы устаете от нее или получаете новые жизненные силы?

– Сейчас уже, как ты выражаешься, отдохновение. Работа – это прежде всего изнурительный труд. С возрастом человек перестает понимать, что возможности его ограничены. Сейчас у меня работы много и иногда не успеваю все сделать. В настоящее время занят историей Дагестана V века и арабским рукописным наследием Дагестана. По плотности рукописных коллекций, по их хронологической растянутости они занимают время с XII века по наши дни. Пик – XIX век. И это грандиозно и феноменально.

Я должен особо заметить, что наше духовенство играло большую и заметную роль в жизни дагестанского общества. И не только дагестанского: оно было известно почти во всем мусульманском мире. Я

назову несколько имен – Г.-Э. Алкадари, Ш. Эфенди, А. Каяев, Г. Гузунов, А. Акаев – они были высокограмотными людьми, впитавшими в себя все лучшее, что было создано в исламском мире, особенно в XIX веке.

Сейчас духовенство снова на подъеме, открываются медресе, примечетские школы, и нашим духовным наставникам надо многому учиться у XIX века, перенять и возродить то доброе, что было в ту пору. Широкой известностью пользовались школы Мухамеда из Кудутля (у него учились дети с Северного Кавказа и Поволжья), Абубакарова из Аймаки, Саида Араканского, Мурзаали из Ахты, Абдурахмана Согратлинского, Джамалудина Казикумухского, Гасана-Эфенди Алкадари. Их школы пользовались популярностью во всем мусульманском мире и не ограничивались только кораническими науками. И ошибка культурной революции была в том, что не учли традиционную письменную культуру.

Сейчас у нас уже появился ряд ученых мусульманского права – тафсиров, на которых можно опираться.

– Дети дагестанцев сегодня учатся в ряде зарубежных стран. Как протекает учеба, кто-либо контролирует этот процесс?

– Да, сейчас за рубежом учатся сотни юных дагестанцев. К сожалению, учеба их проходит бесконтрольно. Мы не знаем, где они учатся, у кого учатся. А ведь нам не должно быть безразлично, кто и с каким багажом к нам приедет.

Это недооценка наших сил. Ведь у нас подготовлены прекрасные специалисты, получившие высшее образование в вузах крупнейших городов, прошедшие практику за рубежом. Я бы приглашал нашу молодежь в наши учебные заведения. Это во-первых. А во-вторых, расширил бы прием на арабское, персидское, турецкое отделения.

От того, кто и какое образование получит, зависит наше будущее, судьба Дагестана.

– Я знаю Вас с тех лет, когда вы вели в Махачкалинской средней школе №5 предмет истории. Вам нравилась работа преподавателя? Чем она была для Вас, вернее, что она дала Вам?

– Я с удовольствием работал в школе. Я выпустил в свет блестяще подготовленных и высоковоспитанных ребят. Многие из них стали хорошими специалистами, настоящими профессионалами. Но главное, что меня радует, – они стали порядочными людьми.

Я работал в школе четыре года. Но дело в том, что учился я в Ленинградском университете на восточном факультете. И вот эта-то сторона и победила. Когда меня пригласили на работу в Институт истории,

языка и литературы, я согласился. Но... преподавательскую работу не прекратил: сорок пять лет преподаю в Даггосуниверситете. И пришел к твердому убеждению о необходимости прочной связи между преподавательской и научной деятельностью, образованием и наукой.

А школу №5 вспоминаю по сей день. И иногда собираемся с выпускниками.

– А с выпускниками Ленинградского университета?

– Как же иначе? Ежегодно. То в Москве, то в Ленинграде, то в Симферополе, то в Казани, то в Махачкале.

– Даже в Махачкале?

– Да, и даже. В 1985 году к нам приезжали сорок человек – выпускников восточного факультета ЛГУ. Это были арабисты, иранисты, монголоведы, китаисты, тюркологи, индологи – ученые, работники МИД, переводчики. Были с ними и наши преподаватели. Вел встречу ректор ДГУ Абуталиб Абилов, а курировал обком партии.

Встреча превратилась в большой праздник – огромный зал был набит студентами и преподавателями. Гости выступали с короткими докладами, дарили свои книги... Затем состоялись поездки в Дербент, Кубачи, встреча с мастером – златокузнецом Расулом Алихановым...

Я получил потом от друзей-сокурсников массу писем. Дни пребывания в Дагестане и знакомства с дагестанцами они признали одними из счастливых и незабываемых дней своей жизни.

– Амри Рзаевич, расскажите кратко, не вдаваясь в подробности, в чем состоит Ваша работа.

– Моя работа – это история Дагестана, история ислама в Дагестане, рукописное наследие народов Дагестана на арабском языке. Вот мои главные ориентиры.

Конечно, было и тяжелое время, когда меня не понимали, всячески мешали, но в основном время, ситуации благоприятствовали моей работе.

Что меня привлекало и привлекает сегодня? Невероятная культура Дагестана, которая полностью еще не изучена, творчество и труды ни одного ученого полностью не собраны, не расшифрованы.

Сейчас выросло хорошее, толковое молодое поколение, которое решением этих задач занято. Сам я работаю над историей Дагестана, историей Северного Кавказа, занимаюсь источниковедением, то есть арабскими источниками по истории Дагестана, их изучением, пропагандой, изданием.

Тебе, наверное, небезынтересно будет знать темы моих диссертаций. Так вот, кандидатской – «Ислам в средневековом Дагестане VII–

XV вв.», докторской – «Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики».

– Я знаю, что Вы посетили многие страны мира. В чем заключалась цель Ваших поездок?

– Все мои поездки имели научные цели. Я принимал участие в международных научных конгрессах и симпозиумах и выступал с докладами в Москве, Ленинграде, Баку, Алма-Ате, Казани, Махачкале, Аммане (Иордания), Стокгольме (Швеция), Будапеште (Венгрия), Лондоне (Англия), Париже (Франция), Бохуме (Германия), Тель-Авиве (Израиль)...

Выступал по актуальным вопросам истории и культуры Дагестана, в частности: ислам в прошлом и настоящем, его историческая судьба; письменная и книжная культура Дагестана. Да и другим.

В Париже и в Берлине работал в библиотеках в поисках дагестанских материалов на арабском и тюркском языках и достиг в этой части немалых успехов. Но в основном дагестанский материал нашел в Принстонском университете (США) и Иерусалиме.

– Как к Вам относятся за рубежом? И как воспринимают дагестанцев и Дагестан: знают ли вообще нас?

– Города, в которых я бывал, международного уровня, цивилизованные, в них много разного народа, разного цвета кожи, вероисповедания... И никто ни на кого не обращает внимания. А может, высокая культура не позволяет тебя замечать?

А вот конференции показали, что за рубежом Дагестан не знают. Когда я демонстрировал документальные фильмы, показывал диапозитивы, публика находилась под огромным впечатлением.

Случались за рубежом и неожиданные встречи с соотечественниками. После выступления в 9-м университете Парижа, а встречу организовала праправнучка Карла Маркса Фредерика Лонг Маркс, подходит ко мне интеллигентный пожилой мужчина со словами: – Спасибо вам большое за рассказ, я сын Гайдара Баммата. Познакомились. Это был Тимур Баммат, известный авиаконструктор. Он пригласил нашу дагестанскую группу к себе домой. Тимур Баммат сохранил огромную любовь к России, прекрасно владел русским языком. На следующий день все вместе посетили мусульманское кладбище, возложили цветы на могилу Гайдара Баммата.

Что касается Фредерики Лонг Маркс... тебе небезынтересно будет знать одну деталь: она преподает в школе, и ее ученики пишут контрольные работы по Дагестану.

В Нью-Йорке как-то встретил соотечественника Михаила (к со-

жалению, фамилию забыл), авторитетного строителя, который с удовольствием показывал мне «свои» дома.

А в Лувре, который посетил с внуком, встретил свою бывшую студентку; она много лет живет в Париже и работает в этом крупнейшем музее мира.

– Вы часто выезжаете за рубеж в научных целях. А к нам, в Дагестан, приезжают с той же целью ученые?

– Конечно. За рубежом сейчас особенно повысился интерес к истории Дагестана. Не говорю о постоянном повышенном интересе к нам ученого мира Турции, Сирии, ныне уже во Франции выходят сборники работ по Кавказу, особенно современному. В Германии изучают развитие ислама в Дагестане, историю мусульманского образования, освободительное движение в Дагестане.

Микаэл Кемпер, возглавляющий исламский Центр в Бохумском университете в Германии, выпустил в свет четыре сборника по исламу в России. Четвертый – его собственное исследование. Сейчас мы с Микаэлем Кемпером готовим пятитомник на русском и немецком языках, посвященный переводу сочинений дагестанского ученого Назира из Дургели, а также библиографический справочник о дагестанских ученых (сведения о 240 ученых XI в. до начала XX века).

Петер Сидорко в Швейцарии преподает историю Кавказа. Недавно прислал мне вышедшую в свет книгу по истории, где помещена его статья о Хаджи Дауде и освободительной борьбе горцев против Ирана.

Оба вышеупомянутых ученых побывали в Дагестане.

Но лучшим знатоком истории Дагестана я считаю Моше Гомера, ученого из Израиля, который несколько раз бывал в нашей республике, хорошо знает ее историю, а книги его хорошо знают ученые и студенты Дагестана.

Вместе с учеными Израиля, Англии, Финляндии мы получили большой грант для разработки темы «Локализация спасения, изучения и издания памятников письменной культуры Дагестана». Наш Институт истории, археологии и этнографии заключил договор с университетами ряда зарубежных стран о совместной работе. В том числе и с Тель-Авивским университетом.

В нашу хорошо налаженную беседу врзается острая, беспокоящая трель телефонного звонка.

Амри Рзаевич подносит к уху трубку:

– Да, да, здравствуй, слушаю. Срочно? Ну что ж, хорошо, если надо, если нельзя отложить... Хорошо.

Он кладет трубку на рычаг и чуть виновато произносит:

– Придется прервать нашу беседу. Срочная работа... поездка... (смеется, смех какой-то виноватый, но теплый, добрый). Как приеду, тут же свяжусь с тобой, продолжим нашу беседу. Не обижайся, пожалуйста.

Мы расстаемся, договорившись о следующей встрече. Проходят недели, моего учителя все нет. А сколько вопросов хотелось бы еще задать (и какие ответы услышать?). Ну такие, к примеру, вопросы: что может привнести личность в историю и подвержена ли история воле или прихотям личности? Неправда ли, интересный вопрос, для нас, познавших катаклизмы последнего десятилетия? Или вот такой: что для прагматического нового и старого света история?

Хотелось бы услышать честный, откровенный ответ, не жалеет ли он бесценных десятилетий, отданных исторической науке, а если нет, то что привнесла она в его жизнь, чем обогатила? И почему, по чьему наущению, его дочь выбрала себе путь отца?

А последний мой вопрос был бы задан, как говорится, в лобовую, невзирая ни на титул, ни на должность, ни на значимость: популярен ли он, если да, то популярность распространяется только среди своих коллег или и зарубежных, узнают ли его на улицах, ну, скажем, как узнают артистов, а если нет – не возмущается ли его самолюбие?

Вопросы, вопросы, вопросы... Как хотелось бы услышать на них ответы. Познать полнее душу человека, соприкоснуться с его мыслями, думами, заботами, тревогами. Может, еще удастся ...

Мой учитель Амри Рзаевич Шихсаидов. Доктор исторических наук. Главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ. Профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Человек из рода Гасана-Эфенди Алкадари.

«ВОТ ТАКИЕ БЫЛИ МОИ КИРГИЗСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ...»

Природа наделила человека многими качествами, но одно из них удивительно необъяснимо и неискоренимо. Самый заурядный служащий, чиновник пыжится, изо всех сил пытается почувствовать себя индивидуальностью, а достигший высокой планки не может, хоть и старается, снизить до низов – не позволяет высокая власть.

Парадокс жизни: или червь, или бог. Среднего не дано.

Не дано ли?

Присмотревшись внимательно к окружающим, можно увидеть людей спокойных, уравновешенных, живущих с достоинством, знающих себе цену, но не претендующих на славословие в их честь.

Природа, как говорится, изучает его, но он, то ли по неразумению, то ли по глупости, не понимает ее или не принимает всерьез.

И жестоко ошибается.

Вот какие мысли одолевали меня, когда я встретился со своими старыми товарищами, которых знал тридцать с гаком лет. Все они были люди степенные, серьезные, занимали высокие посты, но главное – не пыжились и, насколько я знаю, не зазнавались.

Особенно один из них – Ахмед Ибрагимович ОСМАНОВ. Он мне нравился своей степенностью, простотой, доступностью. Улыбка его была мягкая, теплая, располагающая к себе, и сам он какой-то семейный. Человек от земли.

Мы нашли уютную кофейню и, попивая горячий ароматный напиток, пустились в воспоминания, сравнения, анализ, предсказания, предположения... И мой «человек от земли» скуп, нехотя стал «извлекать» из своей биографии такие кусочки жизни, чего я и предположить не мог. Знал его с университетских лет, а вот начинал узнавать его только сейчас.

Но он был скуп в рассказе о себе. И скрытен. Я напросился к нему на встречу. Он улыбнулся и спокойно сказал: – Пожалуйста, приходи ко мне в любое время.

Спустя несколько дней я нанес ему визит. Он встал из-за большого письменного стола, заваленного книгами, присел рядом со мной: – Не люблю беседовать на расстоянии как чиновник.

– А пришел-то я с целью взять интервью. Вернее, побеседовать.

Он смутился, неловко повел плечами:

– Я не такой уж интересный и важный человек, чтобы ты рассказывал обо мне всему миру... Не надо, наверное.

– Да я и не хочу ничего рассказывать и сочинять. Я недавно прочитал книгу «Репрессии 30-х годов в Дагестане», изданную тобой и твоими коллегами, но до сих пор не знал, что детство твое прошло далеко от Дагестана, что ты тоже испытал тяготы, выпавшие на долю высланных... Много вопросов возникло у меня, хочется из первых уст, из уст очевидца услышать о том, что по сей день волнует и не дает покоя мне, другому, третьему... Это же так важно.

– Ну, если ты так считаешь.

– Особенно этот вопрос я адресую тебе, как директору Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра, как доктору исторических наук, тем более, Ахмед Ибрагимович, по-моему, мало кто знает, что твое детство прошло в Киргизии. Или ты скрывал, или очень неохотно говорил об этом периоде жизни.

– Нет, почему же, никогда не скрывал. Просто не любил афишировать. Родился я в селении Шава, что в Бабаюртовском районе. Я был ребенком, когда отец ушел на фронт, в 1942 году погиб под Керчью. Нам написали, что он без вести пропал, но мы знали – он погиб. Очевидцы рассказывали, что вода в Таманском проливе была красной от крови...

Начальную школу заканчивал в Хасавюрте, а к тому времени дядя несколько раз приглашал нас с мамой к себе. Дело в том, что дядя мой, брат мамы, следовательно, и мама моя – чеченцы. В 1944 году он был выслан в Киргизию. И вот в один из дней приехали родственники и забрали нас к нему. Дядя работал в колхозе, был в почете. В первую пору жил в землянке, к нашему приезду построил хороший дом. Да и мы вначале так же поселились в землянке, а потом заняли свой дом. Мама пошла работать в колхоз.

С четвертого по девятый класс я учился в школе, что в селе Октябрьское Джалалабадского района. Расположилось село в живописной долине и было интернациональное. И кто только ни жил здесь – и русские, и украинцы, и белорусы, и курды, и чеченцы, и киргизы. Но на национальной почве – никаких притеснений, ограничений, преследований, ущемлений... За школьными партами рядом сидели курд, русский, киргиз. Рядом со мной сидел сын секретаря райкома партии Юра, другой сосед – Женя часто обедал у нас в семье, я у них. Никто не чувствовал ни национальных, ни сословных различий.

Колхоз наш был хлопководческий. Я говорю – наш, потому что и мы работали: осенью убирали хлопок, если затягивалась уборка – убирали его из-под снега. Нам платили за труд деньги.

А как шумно и весело проходили ноябрьские праздники!.. Колхоз организовывал богатое и вкусное угощение, концерт. Все это запечатлелось в памяти и до сих пор живет.

– **Но, наверное, все-таки трудности были?**

– А где их не было? Но в том понимании, как сегодня пытаются представить, – нет, такого не было.

Я повторяю, национализма, ущемлений не было. Работали добросовестно. И жили. В долине сеяли хлопок. А в горах киргизы занимались скотоводством.

Я знаю, о чем ты хочешь спросить. И нарушений общественного порядка со стороны чеченцев не было никаких. Отношения были честные и доверительные.

А вот интересные детали вех того времени: учили в нашей школе киргизский язык, а преподавателем был кто? Догадаешься? Украинец по национальности. Директором был бывший фронтовик, да и среди учителей их было немало. И учили они нас труду, самостоятельности, честности.

Будучи учеником седьмого класса, я по поручению секретаря парткома выступил с докладом, посвященном Дню Конституции. Здесь, в школе, я впервые увлекся чтением русской литературы. Помню и первую «мою» повесть – «Рыжик». Читал и ночью, и днем, и тайком на уроках, и на поливе кукурузы. Брал книги в районной библиотеке – я был у них первым книгочеем.

Фактически русской грамматикой я овладел благодаря чтению литературы. Вот такие были мои киргизские университеты.

– **За что высылали людей? Точнее, правомерны ли были действия властей? Были лица, которых на самом деле надо было выслать, изолировать от масс?**

– Самая большая депортация началась с кулачества. Кстати, это тема моей работы. Я решил обратиться к ней потому, что она стала моей болевой точкой. Итак, почему столь жестокие меры были приняты к большой прослойке населения? Я стал собирать документы по коллективизации и столкнулся с тем, что многие информативные материалы, источники скрыты, недоступны. Но... нам, ученым, разрешили доступ к ним.

И раскрылись следующие факты.

В ту пору давали разнарядку: вычислить столько-то зажиточных. А такой категории или было очень мало, или вообще не было. И вот на людей навешивали политическое дело. Благо, в «сети» попадали многие. К примеру, поголовье скота уменьшается из-за падежа, насе-

ление возмущается – пришивали политику. Многие потеряли свое добро в результате экспроприации, – выражали недовольство властью. Политика. В первые годы новая власть разрешила духовенству вести в школах уроки, открывать примечетские школы, те почувствовали силу и – решили прорваться в политическую власть... Результат не заставил себя ждать.

Партия пошла сознательно на авторитаризм. Иного выхода не было, точнее, руководство страны не видело иного выхода. В ту пору почти во всех странах или уже пришли, или упорно шли к этой системе. Почему наша страна не должна была идти к ней? Ведь крупные державы открыто готовились к уничтожению большевизма, СССР На кого надо было опираться? Только на себя. Власть делала очень многое, чтобы укрепить мощь страны, играть в демократические игры времени не было. И даже при том строгом режиме не успели подготовиться.

Политики знают, что только в СССР не было фашистского лобби, и это было достигнуто благодаря чрезвычайным мерам. Иного выхода не было.

Жестокие меры были приняты против кулачества, трагические? Да, безусловно. Но история так сложилась и так диктовала, чтобы меры были таковыми. Иначе – гибель страны.

Гримасы нашей политической жизни и политиков и смешны, и возмутительны. В пятьдесят седьмом году, когда осудили культ личности, никто не связывал его лично с именем Сталина. Не вызван ли этот демарш личной неприязнью Хрущева к Сталину? – так задавались вопросом очень многие. Время выяснило и поставило точку: именно так.

– Мне понравилась фраза «мои киргизские университеты». Какие нравственные категории они привили и воспитали в тебе, чему научили?

– Во-первых, воспитали меня настоящим интернационалистом. Я понял, осознал, убедился, что люди всех национальностей по большому счету совершенно одинаковы по духу, уму, нравственности. Я дружил со всеми и получал поддержку буквально ото всех, к какой бы национальности они ни принадлежали.

Во-вторых, приобщили и на всю жизнь подружили с русской литературой.

В нашей школе не было безразличных учителей. Русский педагог из Краснодара научила играть в шахматы (сама, на свои деньги купила игру). Другой педагог, часто читавший Маяковского, да и внешне похожий на него, привил мне любовь к поэзии великого поэта. Директор

школы настоял, чтобы я закончил школу: я хотел было поступить в Кокандскую летнюю школу или Андижанский нефтяной техникум. Я им всем благодарен, и все они живут в моей памяти.

– Так когда же ты вернулся на родину?

– Десятый класс закончил в Бабаюрте. Потом была учеба в Дагпединституте, который затем стал университетом. После завершения учебы ученые-историки Шугаиб Магомедов и Гамид Османов посоветовали мне пойти работать в Институт марксизма-ленинизма и предложили вступить в партию: на работу в этот институт принимали только членов КПСС. Я согласился. Меня приняли в партию. А в шестидесятом году институт закрыли. Решено было взять меня на работу в обком КПСС, но оказалось, что не хватает партийного стажа – не было и года членства в КПСС. Пошел в обком комсомола. Это был 1962 год. В ту пору первым секретарем обкома комсомола был Шихсаид Шихсаидов. Работал я завотделом. Затем – секретарем, первым секретарем. Но чувствовал сильную тягу к науке. После окончания партийной школы предлагали работу в Хасавюртовском райкоме партии, в Даггосуниверситете. Но я пошел младшим научным сотрудником в Институт истории, языка и литературы Дагфилиала Академии наук СССР.

– Сейчас многие высмеивают деятельность комсомола, измываются над ним. Скажи честно, эта организация была полезна молодежи, учила ее чему-то разумному? Тебе она что-то дала полезное?

– Я считаю, что для молодого человека комсомол был большой, серьезной школой. Очень много он делал для понимания жизни, настоящей жизни.

Комсомол брался за крупные дела и нацеливал нас на интересные задачи. Во-вторых, комсомол учил уметь ладить, контактировать, работать с людьми, какими бы разными они ни были.

Сегодня мои бывшие комсомольские коллеги – друзья продолжают работать, пользуясь заслуженным признанием и почетом.

– Ахмед Ибрагимович, тебе пришлось, а может, и посчастливилось работать рядом с известными, я бы сказал, крупными в республике комсомольскими, партийными работниками. Ты мог бы взять на себя смелость дать оценку их деловым и человеческим качествам?

– Я работал в комсомоле и при Шихсаиде Шихсаидове, и при Дибире Магомедове, это были прекрасные работники и честные, душевные люди.

Когда Шихсаид Исаевич стал секретарем обкома партии, он мог за дело остро покритиковать, и критика его бывала хорошим уроком

для меня: мы, руководители комсомола, шли по проторенному пути, брались за все и не могли сосредоточиться на одном важном деле.

И в то же время проявлял отеческую заботу. Моя семья, состоявшая из пяти человек, – я, жена, мать, две девочки, – жили в хрущевке, двухкомнатной квартире. Шихсаид Исаевич помог мне улучшить жилищные условия.

А однажды встретились на улице, спросил, как дела. Я сообщил ему, что защитил кандидатскую. Он крепко пожал мне руку и сказал: – Все-таки ты правильно сделал.

А у Абдурахмана Даниялова, первого секретаря обкома партии, была удивительная память. Он помнил всех людей, которых видел и знал много десятилетий назад.

– Ты можешь представить, что они могли бы глумиться над людьми, как глумились в 30-х годах или в 44-м году?

– Они не могли бы. Они были умными, честными, порядочными в решении таких вопросов, как судьба и жизнь человека.

А тех, которые пошли против совести, позволили уломать себя, постигла трагическая судьба.

– В пору твоего возмужания, а потом и зрелости, тебя окружали интересные люди. Они принадлежали к поколению вернувшихся с самой страшной войны. Чему вы, молодые, у них научились, что постигли?

– Да, эти люди были преданы своему делу, справедливости. Они не пеклись о личном благе, а старались облегчить жизнь людей, делились всем, чем располагали. Они верили, что социализм создает лучшие условия для человека.

Лично я до сих пор, по сей день, верю в него. По крайней мере, если говорить откровенно, лучшего учения никто не создал. Обвиняют социализм во всех мыслимых и немыслимых грехах, а в предыдущих учениях было гораздо больше грехов. Грехи социализма настолько преувеличены, так интерпретируется это учение, что слушать спокойно, равнодушно просто невозможно.

– Ахмед Ибрагимович, у людей, вернувшихся из ссылки, злоба против прежней власти осталась? Только честно...

– Я чеченцев более или менее знаю. У них осталась. У других народов не знаю.

И потом вот что скажу: политики преподносят те события как грубое, грязное издевательство над народами. Так и стараются усилить, расширить масштабы трагических событий. Им нужен эффект.

Вот говорят: выгоняли из домов, не давали собрать вещи, везли в

теплушках... Я лично не знаю, чтоб все так трагично было. Я видел в сорок четвертом году, как их вывозили. На улицах ждали новые «Студбекеры», разрешали взять с собой вещи...

А что до теплушек... разве солдат не везли в теплушках, или новобранцев служить в армию, или нас, молодых, на Целину?

Был очень твердый порядок при выселении: вели строгий учет – сколько человек, кого (пофамильно), когда, куда довели, чем помогли, где трудоустроили, какой материал (строительный) выделили для строительства и так далее. Все документировалось.

А отдельные историки фальсифицируют факты, всячески раздувают их, нагнетают настроения...

Ну скажи, в каких государствах на изломах истории не случилось трагедий? Прямолинейного развития истории не было и нет. Да, трагического было немало, но раздувать все это с новой силой, нагнетать настроения ни в коем случае не следует.

– Сейчас очень модно изучать древо жизни тухума. Сколько колен ты знаешь?

– Вот китайцы знают до девятого колена. К огорчению, я этим вопросом не задавался. Знаю, что мой дедушка по отцовской линии был племянником Магомеда-Эфенди Османова – это мне сообщил наш Аткай. Другой дед – председателем Аксаевского участкового ревкома. А жена моя – дочь народного поэта Анвара Аджиева. Аткай сватал ее мне (*смеется*).

Своих прямых предков я плохо знал. И отца плохо знал, не успел... А дедушка до моего рождения умер.

– Тебе судьба благоволила в жизни или все же была ведомая рука?

– Люди благоволили, помогали и поддерживали всегда.

– Неприятеля, завистники, претенденты на кресло были? И продолжают быть?

– Наверное, были. И сейчас тоже есть.

– Сегодня ты можешь твердо сказать, что выбрал в жизни свой, предначертанный судьбой путь? Или ошибся? А если ошибся, кем ты хотел стать?

– Если б снова начать путь в жизнь, начал бы с истории и стал ей верно служить. Она открывает людям глаза на события, на мир, чтобы не совершали ошибок.

– Многих преследует мания величия, мания власти. Путь в высший эшелон, во власть не прельщала тебя, или в глубине души все же теплилось желание?

– Нет, нет, никогда. Стремился только в те сферы, где я мог быть полезен, мог что-то нужное, доброе совершить.

Надо знать свои возможности и соответственно намечать свой путь.

– Вся сознательная жизнь прошла в годы советской власти. Настоящее время, новая эпоха импонируют тебе?

– Если бы они, эпохи, были похожи – было бы довольно странно. Даже между родителями и детьми бывают противоречия. Но дети, я думаю, достигнут большего, чем родители.

– Твой любимый цвет?

– Серый.

– Любимый писатель?

– Михаил Шолохов. Роман «Тихий Дон». В детстве читал под одеялом, при свете лампы.

– Любимая песня?

– Их много. И родные кумыкские, и дагестанские, и советские. Которые зовут к жизни, к созиданию. Назвать одну? Если порежешь один палец, другим больно.

В Финляндии на Всемирном фестивале молодежи и студентов, когда мы запели «Подмосковные вечера», тут же ее подхватили шведы. Наши, советские песни, были популярны в мире. В автобусе чехи и румыны спорили, кто больше любит советских. Не забуду никогда картину: когда на стадион вышла наша команда со знаменем, встал весь стадион... А на наших концертах нас слушали буквально на ногах. Финны ни на шаг не отставали от нас. Вот тогда я понял, осознал, как сильна тяга к нам...

– Любимый композитор?

– Александра Пахмутова.

– Любимый историк?

– Сама история.

– Любимая машина?

– «Жигули», шестерка.

– Спортсмен?

– Али Алиев. Знал его, дружили. Выдающийся спортсмен и организатор спорта, скромнейший человек.

– Вид спорта?

– Волейбол. Футбол.

– Блюдо?

– Хинкал.

– Напиток?

- Водка.
- Вид отдыха?
- Работа на даче, работа за столом.
- Цвет женских глаз?
- Черные и голубые. Да и те, и другие.

– **Ахмед Ибрагимович, ты сегодня доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра. Чего еще хочется? Какие планки зовут?**

– Зовет одна планка – завершить историю Дагестана. Над составлением и изданием труда работает большой отряд ведущих ученых.

Другая тема – «Антифеодальная борьба народов Северного Кавказа XIX века». Над ней работает группа ученых Северного Кавказа.

И своя тема: «Дагестан в XX веке». Пытаюсь раскрыть ее, очень интересная тема. Но пока не знаю, как осилю, что из моей затеи получится.

Я снова хочу пояснить, почему мы, историки, обратились к репрессиям. Когда мы ознакомились с документами архивов КГБ и обкома партии того периода, поняли, что негативность в обществе была. Но вся беда в том, что некоторые действия подавались как нарушение закона, как антисоветская деятельность. И волна эта расширялась и усиливалась по мере утверждения фашистских режимов. Действия властей были как бы антидействием, направленным на укрепление обороны страны.

Ведь финская война показала, что мы не готовы к большой войне. Принимались меры к укреплению обороноспособности и авторитарного режима, который мог дать отпор фашизму.

Даже в США и Англии отмечали, что в СССР не было пятой колонны.

Но... вместе с тем пострадали многие невинные люди. Когда маховик раскручивается, в него попадают и нечестные, и честные, верные стране. Потому-то мы и выступали на эту тему в печати, лично я – дважды в «Дагестанской правде», и выпустили книгу.

В ту пору торжествовала формула Вышинского: «Царица доказательств – признание». А признание получали у арестованных под пытками. И за признание сурово наказывали.

По современным меркам, это было чудовищно. А еще чудовищнее то, что на этой страшной волне иные создавали себе имидж. Вот потому мы и хотели сказать правду.

Во-первых: не было тех масштабов репрессий, о которых говорят и пишут.

Во-вторых: эпоха была другая, взрывоопасная – страна оказалась на пороге войны.

И тем не менее отдельные личности не прекращают нагнетать обстановку вокруг этой проблемы. Одним из первых Солженицын потешил довел до чудовищных цифр. Академик Яковлев довел цифру уничтоженных в ходе репрессий до 10 миллионов. Хакамада говорит о 95-ти миллионах: это же половина населения страны! Авторханов выдает цифру 5 миллионов. Американский советолог С. Коэн останавливается на 3-х миллионах. И, наконец, последние архивные данные дают цифру 786 тысяч уничтоженных (расстрелянных).

И в то же время широкая общественность не знает, что за контрреволюционную деятельность уже при Хрущеве было арестовано более 3-х миллионов человек.

Если в стране проходил бы повальный арест, то есть страшное беззаконие, оно коснулось бы и меня...

Какой страшный и странный разброс мнений и цифр. Да, принимались чудовищные меры, как я уже сказал, все подчинялось одной цели – не дать создать пятую колонну. Надо помнить, что было и много нечестных людей, карьеристов, которые намерились уничтожить своих противников наветами, клеветой, доносами о неблагонадежности, что сыграло свою страшную и грязную роль.

Повторяю, все было, но не в таких масштабах, о которых говорят современные демократы, чтобы выслужиться перед западным миром.

Все было. И об этом надо знать и помнить, чтобы волны истории не привели нас снова к таким событиям.

После пятичасовой беседы Ахмед Ибрагимович встал, чтобы проводить меня. Мои попытки остановить его у дверей кабинета не увенчались успехом. Он прошел со мной до вестибюля института.

«ЭТО СТРАШНО – ИМЕТЬ СЕРДЦЕ, ОБРОСШЕЕ ШЕРСТЬЮ...»

Как-то от несостоявшегося моего собеседника, прославленного в прошлом летчика-спортсмена, услышал такие слова: «И что мне даст эта беседа? Звание какое-то или положение изменит? Меня давно все забыли, живу в нужде, никому ненужный. Нет, не хочу ничего...»

А разве те, кто идет на интервью, стремятся что-то от того иметь? Газета и не ставит своей целью его облагодетельствовать (кто бы ее поддержал!). Просто мы задались целью рассказать читателям, что живут среди нас вот такие люди, со своими думами, заботами, богатой душой и сказочными целями, чувствительным сердцем и острым умом. О таких еще Чернышевский говорил, что они «соль земли, букет в благородном вине». Одним из них является мой собеседник – в недавнем прошлом засекреченный доктор технических наук по вооружению и военной технике, профессор прикладной математики, академик Академии космонавтики, прикладной математики, заслуженный деятель науки России Шамиль Гимбатович АЛИЕВ. Много лет тому назад Генеральный конструктор В.П. Бармин писал о нем как о «восточном феномене», «Аллен-пресс» представлял его аналитические и цифровые технологии всему миру.

Ко всему этому остается добавить, что Шамиль Гимбатович АЛИЕВ – лауреат Государственной премии Российского комитета оборонных отраслей промышленности, обладатель золотых медалей Келдыша, Циолковского и Бармина, более десяти лет возглавляет физико-технические и математические работы комиссии Российской Академии наук.

– Шамиль Гимбатович, Вы всю свою жизнь посвятили очень сложной и неясной обывателю науке. Если я не ошибаюсь, в изобретение и конструирование минно-торпедного противолодочного комплекса, в «Каспийского монстра» – экраноплана на подводных крыльях и грузового корабля «Прогресс», запущенного 31 мая 1993 года, был вложен Ваш огромный труд?

– Ракетные, минно-торпедные комплексы, крыло «Каспийского монстра», грузовой корабль «Прогресс» и другие задачи военного кораблестроения, ракетостроения и авиа-космических комплексов, которыми я занимался вместе с целой армией людей, – это коллективный труд, в котором было бы неверно явно преувеличивать роль одного человека, даже Генерального конструктора. Мне Бармин рассказывал,

что он с Королевым ставили Келдышу задачу до тех пор, пока сами ее не поймут. Это парадоксальная ситуация: и даже Генеральный конструктор может не всю академическую постановку понять. Меня восхищают в этом плане люди, которые искренне и с полной отдачей энергии трудились над комплексами – от рабочего до Генерального. Это тема для целой книги.

– Какова судьба Ваших работ?

Судьба любых научных работ раскрывается только временем. Закрытые труды имеют вообще незавидную судьбу. Счастливый случай позволил мне ничего не выбрасывать, и теперь началось их рассекречивание. В издательстве «Наука» в Москве вышла первая моя монография (рассекречивали ее пять лет). Если ежегодно будут издавать по одной большой работе, материала наберется на сорок-пятьдесят лет. И все это – работа в течение двадцати пяти лет.

– Почему «оборонка» вдруг стала не нужна стране? Чья-то хитрая политика, ведущая к развалу обороноспособности, или элементарное непонимание происходящих событий?

– В стране понимают, что оборонка – это ее достоинство. Но беда в том, что самой страны пока нет, есть только обозначение ее. Легко, конечно, свалить все на США, ЦРУ, на чью-то политику. На мой взгляд, мы живем сейчас в развернутом социализме. Ранее страна была свернута в бессмысленные лозунги, теперь видны все «преимущества» социализма и ее вождей с ленинской скромностью и частушками.

– Вы человек честолюбивый? Почему не возглавите научный потенциал Дагестана?

– Вообще должен сказать: возглавить не только научный потенциал, но, скажем, поэзию, художественное творчество – дело искусственное. Президентом Академии наук России в свое время был библиотечкарь Шумахер. Честолюбие в творчестве дело естественное, а желание подчинить себе других в творчестве – дело бессмысленное и в основном привнесенное социализмом. Только у нас практиковалось, чтоб специалисты по фольклору и частушкам курировали экономику, право и т. д. Я не понимаю, что значит возглавить научный потенциал, мне непонятно стремление занять должность в науке во что бы то ни стало. В политике возраст, как показывает мировой опыт, идет на пользу государству. А в науке после шестидесяти лет стремление занять должность – это своеобразная форма компенсации своей несостоятельности.

– Вы воочию видите, как разваливается любимое дело, на которое потрачены десятки лет. Вам, безусловно, больно. Но Вы не

покинули страну. А ведь науку можно двигать и в других странах. Как, к примеру, это делали Эйнштейн, Сикорский...

– Да, это тяжело. Мысли приходят разные. Если подчиниться рефлексам, дорога поведет прямо к агрессии. Если избавиться от них, оказываешься в одиночестве. Положение между Сциллой и Харибдой. В моей жизни наука, видимо, занимает все 99 процентов, но из этого не следует, что я думаю, будто жизнь – это наука, то есть, что я заиклился на ней. Жизнь гораздо шире, драматичней, наука в ней – всего лишь одна комедия, которая развлекает жизнь. Печально, занимаясь на 99 процентов наукой, не зная, куда деть один процент. Поэтому приходится тратить его как попало и куда попало. И особо хочу заметить: наука без почерка, по-моему, толкает людей часто на то, чтобы выглядеть, а не быть.

– Но Вам предлагали лаборатории в зарубежных странах?

– Да, предлагали. И предлагают в странах бывшего СССР, в соседних республиках.

– А какую работу Вам предложили местные власти?

– Председатели Госсовета и Правительства предлагали мне выбрать любую работу. Я выбрал Центр прикладных и цифровых технологий и укомплектовал его из четырех человек. Доверительное отношение обоих председателей ко мне – одна из причин того, что не принимаю других приглашений на работу.

– Откуда у горца такая страсть к науке, космическим проблемам? Может, это что-то генетическое?

– Причина любой страсти запредельна. Наивысшая музыкальность в структуре человека тоже обеспечивается страстью. Важно, чтобы страсть не была, как это часто случается, следствием дурного очарования.

Что касается моего рода, то в нем обозначенных ученых не было, но отец мой Хуриса Али был философ. Сила его мысли и способ ее словесного выражения, его манера, вид и едва заметная улыбка создавали комплекс полноты, ясности, мудрости и красоты. Мой отец, достаточно строгих правил горец, был одновременно и другом моим. Его недавний уход для меня был потрясением: ушла жизнь, осталась смерть.

– Я заметил в Вашей лаборатории плакат со словами: «За вещами должно быть еще что-то...» Вы верите в существование других миров, различных измерений и временных пространств, в беспредельность?

– Я верю во все то, чего нет, и не верю в то, что есть. Это, конеч-

но, относится к тем мгновениям, в которые удастся спрессовать нашу жизнь. Древние говорили: наша суть на звездах, а те приключения, которые происходят на Земле, называются жизнью.

– **Вы сторонник учения Дарвина о происхождении человека или убеждены, что человек привнесен на Землю извне, из другой цивилизации?**

– Нет, я не сторонник Дарвина. Никто и нигде так никому не объяснил, как обезьяны Дарвину. Допускаю существование другого или даже такого, как на Земле, разума на других планетах или солнечных системах.

– **У Вас есть уверенность, что мы в ближайшей перспективе можем начать космические путешествия?**

– Да, есть такая уверенность. Полная притом.

– **Шамиль Гимбатович, мы любим часто говорить, что архитектура – это музыка в камне. Можно ли с такой же уверенностью сказать, что наука – это музыка в формулах?**

– Символы, логика, формулы – величайшее завоевание мозга. Известно, что в любой науке столько науки, сколько в ней формул. Д. Гильберт утверждал, что математика – это единая симфония бесконечности. К этому нечего добавить.

– **Вы уделяете сегодня пристальное внимание детям, их воспитанию, подготовке к науке...**

– Было бы красиво на всей планете, во всех городах и аулах иметь духовные супермаркеты, в которых продаются задачи. Покупать задачу означает решать ее и получать за нее вознаграждение. Это как бы аналог обратного магазина. Но... не ты платишь деньги, а тебе платят. Об этом и о создании детского астрономического планетария совсем недавно у меня состоялась беседа с Председателями Госсовета и Правительства. Они эту идею полностью поддержали и обещали помочь.

– **Я слышал. Вы из собственного бюджета платите стипендии наиболее одаренным детям. А некоторые из ваших воспитанников учатся уже в вузах страны.**

– В седьмом классе седьмой школы города Каспийска мое внимание обратил на себя во время решения задач мальчик. Меня поразили его необычный взгляд и скорость вникания в задачу. Мы с ним подружились. Он получал стипендию вплоть до окончания школы. Сейчас он студент: учится в Санкт-Петербурге. Мы еще услышим о нем. Зовут его Михаил Аксарин. Вообще я думаю, что общество было бы добрее и умнее, если бы у каждого профессора или академика были свои студенты и они находились под опекой и вниманием до должно-

го времени. Дети должны знать, что их любят не только родители и бабушки, но и другие взрослые. Вокруг нас так много талантливых детей! Стараюсь их поддерживать. Многие из них поступили в вузы Москвы, Петербурга. Не теряю с ними связи. Это люди, которые сумеют развивать и укреплять научный потенциал нашего Отечества.

Но сегодня создалась и такая ситуация, что жизнь ставит вопрос: как спасти детей от взрослых?

– **А Вы видите какую-то угрозу для них?**

– Понимаете, самая опасная игра, в которую мы вступили, это наши отношения с детьми, подростками, студентами. Если говорить об учебе, сегодня поражает странная картина. Мы платим деньги за учебу наших детей, и это нормально. Во всем мире это принято. Но, в отличие от других стран, мы платим за то, чтобы дети ничего не знали, а в зачетках и дневниках были положительные оценки, я не в состоянии понять подобное. Может произойти снижение уровня нации. Вот где таится угроза, и очень осязаемая.

– **В последнее время уж очень много развелось профессоров, академиков. Это науке не угрожает?**

– Истинной науке поддельное, ложное, псевдонаучное никак не повредит, поскольку здесь все очень прозрачно, а любая фальшивка может вызвать только ироническую улыбку у специалиста и дискредитирует автора «открытия». Никакая липа не может повлиять на науку. Нет, я не вижу тут угрозы. Наука не боится ничего и никого. Она сама себя защищает, и в этом ее сила.

– **Шамиль Гимбатович, Вы не можете не знать извечную проблему отцов и детей. Кем для Вас в жизни был отец?**

– Отец был человеком очень самостоятельного духа. Он не был испорчен искусственными знаниями. Полагаю, он может быть эталонным лингвистической живописи. При каждой встрече с Расулом Гамзатовым я рассказывал и рассказываю ему об отце. У меня есть книга с его мыслями, которые я записывал много лет. Отец любил поэзию, понимал ее суть, лично знал Гамзата Цадасу. Близость отца и Расула опиралась на силу слова, способ подачи идеи. Приверженец Гамзата Цадасы, отец долго приглядывался к Расулу. Как? Я долгие часы читал ему стихи Расула, слушал суждения отца о нем. Так происходило, если можно выразиться, стягивание одеяла от отца к сыну.

Был ли он доволен нами? И да, и нет. Дочерьми своими, точно знаю, был доволен. Хотя часто говорил: «Человек не может быть доволен детьми, конем и женщиной».

– Хотелось бы узнать Ваше отношение к творчеству нашего патриарха поэзии.

– Безусловно, Расул Гамзатов великий поэт. Творчество этого мэтра по-настоящему далеко не понято и очень мало изучено.

– **Ваше хобби, пристрастия?**

– Если говорить о хобби, то я собираю проклятия на аварском языке. Пристрастия? Непонятное, таинственное, асимметрия...

– **С кем из великих людей Вы дружили? Какое значение Вы придаете дружбе?**

– Я. Зельдович, Н. Боголюбов, В. Бармин – это люди, на которых я смотрел как на далекие вершины гор. Я знал их, учился у них. Ученые, которых я называл, рано ушли из жизни, и я по-настоящему не сытислся, если можно так выразиться, их творчеством.

Все до единого люди рождаются великими, говорил Р. Декарт, но становятся ими далеко не все. Мне по душе такая философия.

Я горжусь тем, что ни один из школьных или студенческих друзей не расстался со мной. Недавно был такой случай: школьный друг мертвецки пьяным пришел ко мне в три часа ночи. На мое возмущение он заявил, что мы – не друзья. Я ему пытаюсь втолковать, как он может себе такое позволить в такой час, а он мне свое: я думал дружба – понятие круглосуточное. Меня поразила красота и смысл этих слов, что заставило нас сесть за стол... В дружбе такая слепота тоже нужна. А вообще я ценю дружбу на профессиональной основе. Она – интернациональна. Она – наше богатство.

– **Сколько часов в день Вы работаете?**

– Думаю, не меньше двенадцати-четырнадцати.

– **И так продолжается четверть века? А где проводите отпуска?**

– У меня никогда не было ни одного отпуска, ни свободных суббот и воскресений.

– **Что Вы больше всего знаете?**

– Что такое усталость и напряжение.

– **Что Вы любите больше всего?**

– Случаи, когда катет больше гипотенузы.

– **Над чем Вы сегодня работаете?**

– Для одной проблемы российского ВПК решаю задачу распознавания образов для больших океанских глубин. В сентябре к нам приедет рабочая группа Генерального конструктора космодромонов ознакомиться с решением задач управления двойным вращением гироскопа. В октябре приму участие в Международном конгрессе всех мировых судостроительных фирм в Санкт-Петербурге с докладом о задачах

управлений потоком за крылом конечного размаха. По заданию нашего Правительства готовлю программу информационных технологий для ВПК Дагестана.

– **А для души какую проблему решаете?**

– Это и есть главная часть моей души. Для оставшейся части пытаюсь в стиле Зураба Церетели для Шота Руставели найти подвижную эстетическую меру для художественного творчества,

– **Почему в окружающей жизни тенденция ведет к человеческой агрессии? Ведь она видна невооруженным глазом.**

Потому что человек еще не способен знать и осознать свои настоящие потребности. Думаю, руководствуясь рефлексам, нельзя не прийти к агрессии.

– **Новая эпоха, новое время для Вас обернулись благом или...**

Интересный вопрос, но он требует долгого разговора. А если коротко, новое время оказалось и новой бедой. И, как бы парадоксально ни звучало сегодня, завтрашний день, именно завтрашний день, потребует востребованности профессионалов. Это огромный плюс нашего времени.

– **Есть ли способы, поговорив с человеком, вычислить душу его?**

– Да, есть. На взвешивании информации и определении ее окраски. Какова ее цель? Определить отношение человека к теме, автору ее, а также степень доверительности друг другу. Можно сказать – определить мнение дипломатического поведения на профессиональной основе. По заказу Минобороны и Дипломатического консульства России я выполнял такие работы.

Закончена рукопись книги «Теория свободы и свободы воли. Алгоритмы частного мира». Я уверен, что в школьные и вузовские программы такие курсы войдут, они войдут и в органы государственной структуры.

– **Вы как-то во время нашей беседы выразились так: «Как бы хотелось разорвать себя в клочья...». Как Вас понять?**

– Сердце жалуется на желудок: почему их поместили рядом? Ему противно смотреть на аппетит соседа. Мы не слышим свое сердце и стараемся удовлетворять все желания желудка. А сердце просится выпустить его на волю, просится нам рассказать... И если мы не услышим его, не поймем, оно разорвется в клочья. А если не разорвется, останется под ребрами – обрастет шерстью. Это страшно. А кто хочет иметь сердце, обросшее шерстью?

– **Что Вы хотели бы пожелать читателям газеты и народам Дагестана?**

– Заглянуть внутрь себя, понять истинный смысл наших потребностей и особенно их значение для нас. Многие из нас изгнаны из своего «Я» на периферию жизни, а там командуют рефлексy под руководством дьявола. Нужно беречь себя и особенно подрастающее поколение. Не надо особенно сильно и часто подчеркивать мудрость нашего народа, предки гораздо выше были по духу, чем мы. Мы хотим, чтобы наши дети были лучше. И для этого надо делать все и притом без реклам.

«ЧТОБЫ ГОВОРИТЬ ПРАВДУ, НАДО ИМЕТЬ ПРАВО...»

Женщины невольно делают нас поэтами и вызывают желание, потребность награждать их высокими эпитетами. Мужчины заостряют внимание на присущую им мужественность, суровость, аскетичность... Почему-то (неясно, по каким этическим и эстетическим канонам) так принято. Будто, если охарактеризовать мужчину мягче, теплее, – его мужественность убудет.

Очередного моего собеседника я хочу облачить в нежные эпитеты, ибо он на самом деле милый и обаятельный человек. Хотя и протопал в кирзовых сапогах дорогами войны, и прошел строгую школу партийной работы, и восседал в редакторском кресле долгих восемнадцать лет. И где бы ни работал, с кем бы ни общался, он нигде не изменял своему веселому нраву, доброму смеху, сердечному слову.

Таким он остался и поныне – милым и обаятельным – Магомед Джалалутинович БУТАЕВ, первый профессор по истории печати Северного Кавказа, доктор наук, за плечами которого долгая, богатая событиями, потерями и успехами жизнь. Человек увлеченный, освоивший несколько профессий и внесший свой вклад в эти профессии. В литературу – курклинский юмор, в журналистику – журнал «Советский Дагестан», в науку – новые открытия.

– Магомед Джалалутинович, и все-таки кто Вы? Писатель-юморист, журналист или ученый?

– Да, вопрос хороший и нелегкий (*задумывается*). Я знать не знал, гадать не гадал, что стану журналистом. Во время войны, – а на фронт я ушел в семнадцать лет добровольцем, – был комсоргом роты, командиром взвода, так вот во время войны по просьбе и по заданию Александры Терентьевны Путерброт мы писали свои заметки с полей сражений. И я был приятно удивлен, увидев свою заметку в «Дагправде». Может, отсюда началась моя тяга к журналистике?

На войне хоть и было трудно, тяжело, однако Теркиных оказалось немало. Безусловно, в первые месяцы было не до смеха, но потом пошли и шутки, и прибаутки, и анекдоты... Там, где солдат – там и юмор. А я без него не мог, я его принес с собой с курклинского годекана, так прочно облюбованного нашими стариками.

Как был поставлен вопрос? Кто я все-таки: писатель, журналист или ученый? И тот, и другой, и третий. Но превалирует юмор. Курклинец не может не быть юмористом, а точнее – юморным. Сама жизнь, природа его таким создала. Каждая его фраза – юмор. А если

его нет, ну иссяк – его выдумывают. Да, да, бывает, скучно сидеть на годекане, вот и решаем: давайте выдумаем. И начинаем высмеивать слабости, недостатки того или иного соседа, общества, но никогда не позволяем себе оскорблять кого-то.

Курклинский юмор до того оригинальный и своеобразный, что его не понимают в соседних селениях Кума, Чукна, Кумух. У каждого села свой юмор, и каждый юморист – аксакал своеобразен, не похож на другого: Осман – на Шапи, Шапи – на Джалалутину...

Вот послушай юмор дяди Шапи.

Заходит он как-то в парикмахерскую. Парикмахер, известный балаболка, не умолкающий ни на минуту, спрашивает:

– Тебя побрить?

– Да, – отвечает тот коротко.

– И постричь?

– Да. Как, под ежик или под бобрик?

– Молча.

А вот юмор Османа.

Мальчишка отправился на почту за посылкой, забыв взять документы. Служащий почты уставился на его курносое лицо и говорит:

– Больно ты похож на ногойца, приведи с собой кого-нибудь из родни.

Я боялся, что курклинский юмор останется здесь, в Дагестане. Но нет, он разбежался по многим странам, переведен на сорок языков мира.

– **Вы собрали курклинский юмор, выпустили несколько сборников. Это потребность души или просто увлечение? А может, дань моде?**

– Да, я не могу без него. Не могу не реагировать на недостатки, не могу не посещать годекан – средоточие богатства души горца. Старик так бережно, трепетно берегут юмор и ждут с нетерпением меня: вот придет Магомед, говорят, ему и расскажем. Это же кладезь мудрости и смеха.

Вышли в свет четыре моих сборника: три в Дагкнигоиздате, один – во Всесоюзной библиотеке «Огонек». А один – на лакском языке. Лакский драматический театр поставил мою пьесу «На Курклинском годекане», первым постановщиком спектакля был Минкаил Алиев. Не хочу хвалиться, но зрители валом валили на спектакли: их было дано более ста. Сейчас театр задумал поставить сериал наподобие «Фитиля».

– **Кто надоумил Вас собирать эти драгоценные брызги народной мудрости?**

– Это было в пору, когда я работал в филиале Института мар-

ксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Во время перерыва сотрудники часто просили меня рассказать курклинские анекдоты. Я никогда не отказывался, и мы все вместе смеялись от души. И вот однажды Гаджи Гамзатов предложил: – А почему бы тебе не собрать все анекдоты и не издать отдельной книжкой? Поддержал эту идею и Магомед Алиев. Я прислушался, озадачился. Сначала подумалось: а почему бы не издать, это интересно будет для курклинцев. Но со временем убедился: интересной для всех дагестанцев, да и не только для них. Не зря же Куркли называют дагестанским Габрово. Что ни слово курклинца, то юмор.

Недавно жену мою на улице спрашивают:– как у Магомеда дела?

– Да хорошо, – отвечает, – ведь он женился на мне.

Или вот сейчас, по пути в редакцию произошел забавный разговор с курклинкой:

– Как дела, Магомед? Ты хорошо выглядишь. Сколько тебе лет?

– Семьдесят пять, – отвечаю.

– Ва, а я думала семьдесят четыре!

– По-моему, сегодня Вы прекратили заниматься писательством. Или я ошибаюсь?

– Конечно. Я не могу не писать, не собирать. Не знаю, удастся ли издать, но продолжаю работать.

– Но и журналистикой Вы занимались серьезно и основательно. Журнал «Советский Дагестан» был внесен во Всесоюзный каталог, его распространяли даже в США...

– Да, это так. Увлечшись газетами Дагестана, я решил исследовать историю журналистики. Называлась моя диссертация «История печати народов Северного Кавказа». Кандидатскую защищал в ДГУ, докторскую – в МГУ. Чтобы читать газеты той поры, вынужден был изучить арабский язык – ведь тогда они печатались на аджаме. Считаю, мы в большом долгу перед печатью того периода, а это начало XX века до 20-х годов, то время известно и славилось не только блестящей журналистикой, но и романами, повестями. Из любви к печати началась моя журналистская деятельность. Сейчас я являюсь профессором кафедры журналистики Даггосуниверситета и эту любовь прививаю студентам.

– Будучи редактором «Советского Дагестана», Вы многим открыли путь в литературу, в науку... Публикации журнала вызывали в обществе широкий резонанс. Сегодня их авторы хоть помнят Вас?

– Те, кто много и часто публиковался, – нет. Был такой молодой ученый Гамид Османов – я его считаю одним из самых сильных исто-

риков в Дагестане, кстати, он умудрился стать моим наставником, хотя я был намного старше него. Так вот, когда я предложил ему опубликоваться второй раз, он мне сказал так:

– Магомед, не надо, какой-нибудь подлец упрекнет тебя в том, что часто меня печатаешь.

Бездарные пробивались через обком, способные приносили Юсупу Хаппалаеву, Луизе Ибрагимовой, от них работы поступали ко мне. Первые давно забыли меня, вторые – по сей день благодарны.

– **Каким Вы были редактором – строгим, требовательным?**

– Не могу сказать, что строгим. Да сотрудники и не нуждались в строгости. У нас был маленький, сплоченный коллектив, и я старался создать условия для плодотворной работы. Не любил обмана, лжи. Чтобы поднять авторитет журнала, привлечь к сотрудничеству Николая Тихонова, Ираклия Андронникова, в наш коллектив из «Известий» пришел Марат Амаев, из «Дагестанской правды» – Вацлав Михальский и Луиза Ибрагимова. Тираж журнала достиг двадцати тысяч, более тысячи отсылали в США. Конечно, были и трудности, и немалые: чинили препятствия, творили пакости. Обком пытался сделать журнал по типу «Коммуниста», то есть партийным. А я хотел сделать его общественно-политическим и литературным. Пришлось обратиться с письмом к М. Микояну и А. Суслову, большую помощь оказали мне Абдурахман Даниялович Даниялов и Расул Гамзатов. Ну и я, как показали события, вышел победителем. Журнал тут же включили во Всесоюзный каталог. Как мне не гордиться, если в редколлегию журнала входили такие люди, как Расул Гамзатов, Шихсаид Шихсаидов, Петр Тананакин... Этот состав уже о чем-то говорит.

– **А каким Вы были для обкома – ершистым, покладистым?**

– Не скажу, что был ершистым. Просто самостоятельным, независимым. Малейшая моя попытка взять на себя смелость выступить или дать слово в журнале тому или другому не угодному обкому автору, тут же вызывала реакцию сверху: создавали комиссию, устраивали проверки. Обком был цензором номера – работники отдела читали все материалы, бывало, снимали с номера готовую статью, пытались напакостить, отомстить определенным авторам. Они брали на себя смелость учить нас, а сами писали очень слабые, бесцветные, бездушные статьи. Все восемнадцать лет, в течение которых я был редактором, приходилось бороться с этим. Меня в моей работе всегда поддерживали секретари обкома Магомед-Салам Умаханов, Шихсаид Шихсаидов.

День, когда номер журнала выходил по графику и без выдергивания статьи, для меня был праздником.

– Магомед Джалалудинович, нравственные и этические ценности журналиста сегодня не потеряны? Или он все-таки не устоял перед соблазном денег и продался, сделав свою профессию товаром?

– Хороший вопрос. В моем понимании журналист – мужественный человек, который служит народу. К сожалению, сегодня он служит денежному мешку. И это больно сознавать и видеть. Порой даже не понимаю, почему человек, называющий себя журналистом, попал в редакцию газеты или на телевидение. Казалось бы, и вещи верные говорит, чуть ли не правду

Но трагедия в том, что правду изрекает тот, кто не имеет права ее говорить. На то, чтобы говорить правду, надо иметь право

– Сегодня журнала «Советский Дагестан» нет. Он – «Советский Дагестан» в небытие. Вам не жаль долгих лет, потраченных на его становление, не больно за потерянные годы?

– Очень больно. Это же мой ребенок. Ему я отдал лучшие годы своей жизни: подбирал кадры, готовил номера, отстаивал смелые, спорные статьи. Журнал был настоящей энциклопедией Дагестана. Как много сил, знаний, любви мы отдавали ему и как легко, бездарно, потеряли! Все литературные журналы Грузии, Армении, Азербайджана, вместе взятые, не составляли половины тиража «Советского Дагестана».

– Чем годы работы в журнале обогатили Вас?

– Материально, пожалуй, нет. Меня даже упрекали и часто: слишком скромно живешь, пойдй добейся себе машины. Но я отказался, мне она была не нужна. С тех пор вот уже пятьдесят лет я живу в одной и той же квартире на улице Азиза Алиева, бывшей Гагарина. Но морально я обогатился: изучил всю республику, познал научный мир, культуру. Вырос вместе с журналом, общался и подружился со многими журналистами, писателями страны.

– А тесное общение с партработниками учило чемунибудь?

– Когда работал помощником у Абдурахмана Данияловича Даниялова, многому у него научился, особенно, – терпеливо выслушать человека. У Гаджи Апаевича Алекберова – сдержанности, искренности, у Розы Абдулбасировны Эльдаровой – чуткости, у Абуталиба Абиловича Абилова – работоспособности. Из всех заведующих отделами обкома, которых я знал, самым честным и мужественным был Алискер Летифович Летифов.

– Как Вы пришли к научной работе?

– Я уже ранее рассказывал, что меня увлекла история печати Се-

верного Кавказа, и научные работы мои были посвящены этому предмету. И в очередной раз я прислушался к доброму совету Гаджи Гамзатовича Гамзатова: сдал документы на конкурс, объявленный тогдашним Институтом истории, языка и литературы, выдержал его и стал заведующим отделом истории партии института.

– Я уверен, что в минуты уединения Вы перебираете, как четки, прожитые годы. Какие из них оставили неизгладимый след в душе?

– Фронтовые. Они были большой школой жизни. Ведь мне было неполных семнадцать лет, когда я ушел на фронт, и именно там выработался мой характер, я закалился физически, научился дружить, а дружба – это большая наука: приобрел огромное количество фронтовых друзей. И терял. Война есть война, и смерть на ней – закономерна. Да, смерть – закономерна, а уцелеть – случайность. Сейчас часто спрашиваю себя: за что я воевал, за что боролся? Чтобы старики перебивались на нищенские пенсии, а на их глазах вырастали дворцы? Мне, моему поколению нелегко жить на фоне сегодняшних событий.

А еще моими университетами были годы работы в журнале. Здесь я нашел себя.

– Много Ваших друзей не вернулось с полей сражений?

– Много... Особенно одноклассники. Когда мне тяжело, я ухожу в себя, представляю их, вызывая из прошлого, беседую с ними, и это успокаивает меня. Я перед ними в долгу и в своих статьях стараюсь вспомнить их, назвать поименно. Если не я, то кто же о них напишет? Поколение-то наше уходит...

– Что унаследовали от Вас Ваши дети?

– Я доволен ими. Я их не баловал, да и не мог бы – возможностей не было. Но сумел дать образование. Одна дочь – медработник, другие две – педагоги, сын – врач, живет в Тырныаузе. И все берегут и продолжают наши национальные традиции, отлично владеют родным языком, регулярно ездят в Куркли. Земляки, живущие в Тырныаузе, мне говорят: «Когда нам скучно, приходим к твоему сыну, он – твое прямое продолжение».

– Я думаю, что как истинный горец, Вы должны уметь играть на музыкальных инструментах, зажигательно танцевать. Или я ошибаюсь?

– Нет, ничуть. Я играю на всех струнных инструментах, особенно люблю мандолину и скрипку. Люблю танцы. Помню, на приеме, устроенном в честь Дней литературы и искусства в Кизляре, Танхо Израйлов попросил меня станцевать лезгинку с его дочкой Ниной, соли-

стой ансамбля. Я, конечно, не отказал в просьбе. И вот однажды, а прошло уже десять лет, Танхо дарит мне буклет «Лезгинке – 16 лет» с автографом: «Моему дорогому Магомеду Бугаеву. Вы владеете мастерски не только оружием своим пером, но и дагестанской лезгинкой. На протяжении 18 лет я всегда добивался от своих артистов той искренности и жизненности, которые увидел в Вашей лезгинке».

Кстати, у меня есть свой маленький домашний музей, где представлены предметы быта и другие фамильные вещи, принадлежавшие маме, отцу, деду. Это и дедушкина курительная трубка, и мамины медные кувшины, и отцовский медиатор...

Собираю старинные песни и рукописи, у меня громадный личный архив.

– А женщинами увлекались? Как я помню, они всегда окружали Вас.

– Увлекался. Разве это грех? И сейчас люблю красивых женщин. Я часто ездил по стране, за рубеж, видел много женщин, ценил их красоту. Надо быть идиотом, чтобы не любить их. Но что касается того, чтобы добиваться их, гнаться за ними... Нет. Надо ценить достоинство и не терять его.

– Вы хорошо спите по ночам, бессонница не мучает?

– Особенно жаловаться на бессонницу не могу. Но когда много думаю о жизни, спать спокойно не могу. Мне кажется, сегодня быть нормальным – уже ненормально. В этом непредсказуемом, неустойчивом мире быть нормальным не дано, тем более людям моего поколения. Ныне, я думаю, как говорят англичане, самая хорошая новость – это отсутствие новостей. Нас до того одурманили, что телевизор смотрим с тревогой, телефонную трубку поднимаем с тревогой.

– А что Вам снится?

– Как ни странно, снится война: наступают фашисты, а я бессилен что-нибудь сделать. Просыпаюсь – и радостная волна охватывает меня: слава Богу, это только сон

– Как Вы думаете, какие из Ваших трудов останутся другому поколению – книга юмора, публицистика, научные работы?

– Наверное, скорее всего, книги юмора. Смех сегодня стал дефицитом, люди разучились смеяться, им нужен, необходим юмор.

Будучи в Индии, я увидел там свои «Куркли смеется» в переводе, в Иордании и Сирии я встретил «Куркли смеется». Видимо, юмор курклинцев останется жить. Он издан на сорока языках мира. До сих пор приходят письма с просьбой выслать сборник, и по сей день живет и здравствует курклинский годекан.

– Вас, можно сказать, вскормила, вырастила, выучила Советская власть. Вы – ее дитя, ее продукт, и Вы служили ей честно и достойно. Сегодня ее нет, она канула в вечность. Как Вы себя чувствуете?

– Произошла трагедия. Всем, чего достиг, я обязан той власти, той эпохе. Я горжусь ею и никогда ее не предаю. Время показало, что Советская власть была значительно правдивее и честнее, чем нынешняя. Сельский мальчишка, выросший в горах, в тридцать лет стал помощником первого человека в республике Абдурахмана Данияловича Даниялова. Я уверен, убежден, что сегодня ни один сельский мальчишка не достигнет этого уровня, то есть моего уровня.

– Вернуть ее уже нельзя: в одну реку нельзя войти дважды. Но желания в душе уничтожить невозможно. Чего бы Вы желали? Точнее, какого общественного строя, какой системы?

– Этот вопрос тоже нелегкий. Мне кажется, беда заключается в том, что наши руководители сами не знают, куда нас ведут. А народ нуждается в обществе социальной справедливости, чтобы каждый чувствовал себя человеком, чтобы он был спокоен за своих детей, чтобы не было культа насилия. Если бы нашелся талант, который привел бы нас к обществу социальной справедливости, народ, наконец, вздохнул бы свободно.

«К СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕКА Я ОТНОСИЛСЯ КАК К СВОЕЙ ЛИЧНОЙ...»

В решении злободневных вопросов люди все чаще натываются на чиновничье равнодушие. И в поисках справедливости идут к человеку, чуткость и душевность которого известны не только в Махачкале и республике, но и за их пределами.

Кандидат юридических наук, профессор, он всегда открыт для людей. Это Али Абутрабович АЛИВЕРДИЕВ, начальник юридической службы Комитета по управлению имуществом г. Махачкалы.

– Али Абутрабович, с какими вопросами и просьбами приходят к Вам люди?

– Круг вопросов очень обширен: жизнь и быт. А если конкретно – по вопросам нарушения прав органами власти и управления; по многим семейным неурядицам, особенно по наследованию имущества; по вопросам приватизации муниципальных предприятий и льгот трудовым коллективам; аренды нежилого фонда, порядка и сроков заключения договоров... Если говорить откровенно, крутишься как белка в колесе. Имя мое уже на слуху – знают, что только Аливердиев может помочь решить тот или иной вопрос, а многие приходят по рекомендации знающих меня лиц. Получают разъяснения точно в соответствии с действующим законом. А потому повторно почти никто не обращается.

– И, надо полагать, консультации бесплатные?

– Безусловно. Тогда как в нотариальных конторах и адвокатурах требуют очень высокую плату. В день ко мне приходят до пятидесяти человек. Без ложной скромности скажу: все обращающиеся в городскую администрацию и неудовлетворенные ответами, идут ко мне. Заходят за консультацией и из государственных органов.

– Вам близки их тревоги и заботы, а глядишь и трагедии?

– Очень. По рассказам я вижу, как грубо ущемляются охраняемые законом интересы и права людей. А потому не просто поясняю, а показываю сам Закон, чтобы они убедились в своей правоте или необоснованности обращения. И главное, что мне импонирует: когда людям объяснишь, что их обращение неправомерно, они не обижаются, соглашаются со мной и уходят успокоенные. И как бывает приятно, когда слышу от них слова благодарности: останавливают на улице и горячожимают руку, звонят по телефону, а иные приходят с решением суда в свою пользу. Многим старикам и инвалидам составляю тек-

сты письма или заявления, особенно по вопросам применения предусмотренных законом льгот или когда явно видно нарушение прав, гарантированных Конституцией и духом закона.

– Вы оказываете помощь по долгу службы или по велению сердца?

– Для меня одно от другого неотделимо. Для приема граждан у меня нет специально отведенных дней и часов – я всегда готов принять их. В моей практике не было ни одного случая, чтобы я сказал гражданину: приходи завтра. Еще будучи Председателем Верховного Суда, в течение девяти лет я ни разу не перенес день приема граждан: чтобы не сорвать его, мог позволить себе не пойти на совещание, актив, заседание бюро обкома партии, правительства. Вот почему ко мне люди обращаются с большим доверием, как к своему близкому. Это для меня превыше любой награды.

– Я знаю, что Вы сами испытали на себе несправедливость. Что вызвало в Вас это чувство: озлобление, жажду мести или милосердие, терпимость?

– У меня - терпимость и милосердие. Это однозначно. Конечно, была допущена страшная несправедливость по отношению к Верховному Суду Дагестана, несмотря на многое положительное в его деятельности. Более тридцати лет работа нашего Суда отмечалась в центральной юридической прессе, обзорах Суда СССР и РСФСР. Многие работники судебных органов были награждены ценными подарками, именными часами Верховного Суда РСФСР, я тоже имею золотые часы с дарственной надписью. Я содействовал подготовке кадров для судов, открытию юридического факультета при Даггосуниверситете... И такая страшная несправедливость. Но чувства мести в моем сердце не было и нет, озлобления – тоже. Только терпимость и милосердие. Потому, что ни один из опрошенных граждан Дагестана в мой адрес не сказал ни одного худого слова. Хотя по делу, составившему 58 томов, прошло более тысячи человек разных национальностей.

– Что же все-таки произошло с Вами?

– Виной послужило мое критическое выступление на секретариате ЦК КПСС в адрес руководства секретариата, конкретно Кириленко и Капитонова, за необъективную оценку деятельности правоохранительных органов Дагестана. Кириленко заявил: – Вы случайный человек в партии. Этим было сказано все. И вынесено суровое наказание за выступление на секретариате и «препирательство». А затем, дабы довести дело до «логического конца», обвинили... во взяточничестве. И моим домом на несколько лет стало «Лефортово».

– Человеку, нанесшему Вам несправедливую обиду, а в конкретном случае – поломавшему жизнь, Вы способны мстить?

– У меня врагов не было, нет и никогда не будет. По своей природе я человеколюб. Готов делать добро и сказать правду, хоть она и может быть горькой. Чувства мести не было и поныне нет. Я не могу жить с чувством мести к партии. А те, которые поступили несправедливо со мной, были наказаны самой партией и жизнью. Кстати, несколько раз я обращался к съездам КПСС с просьбой о восстановлении в партии и ни разу не получал отказа.

– Вы много лет проработали Председателем Верховного Суда Дагестана, через Вас прошли судьбы сотен и сотен людей. Была ли лично с Вашей стороны допущена несправедливость, не поломали ли Вы случайно или намеренно жизнь человека?

– Прямо скажу: нет. К судьбе человека я относился как к своей личной. Для меня Закон и Справедливость были превыше всего и всех установок сверху. Применение закона – процесс сложный, а потому ошибки могли быть и были в деятельности судов. Но моя задача состояла в том, чтобы их исправить. Что я и делал, независимо ни от кого и ни от чего.

– Можете ли Вы сравнить прежнее судопроизводство с сегодняшним?

– Конечно, могу. При существовавшей в СССР системе правосудия оно больше отражало и защищало интересы общества, государства и гражданина, чем при нынешней системе. Тогда строго следили за сроками и качеством рассмотрения дел, правилами юридической квалификации совершенных преступлений, защитой имущественных интересов государственных предприятий, колхозов, совхозов, иных организаций и граждан. На мой взгляд, наказание, определяемое судом, достигало своей цели, чем ныне. Но теперь проводимые реформы судебной системы также имеют положительные аспекты. Сейчас суды обязаны обеспечить состязательность процесса, равные права участников процесса.

– Нужно ли ужесточить судопроизводство, чтобы уберечь общество от криминальных элементов?

– Обязательно нужно. В соответствии с содеянным. Натворил тяжчайшее преступление – пусть отвечает. Следует уяснить: не жестокость определяет справедливость наказания, а справедливое наказание обеспечивает должную борьбу с криминальными явлениями.

– Сегодня идут широкие дебаты вокруг высшей меры наказания. Вы – за сохранение ее?

– На сегодняшний день – за. Особенно за такие преступления, как убийство, теракты, измена Родине. Я бы ввел смертную казнь за похищение детей и женщин.

– За Вашими плечами – большая, сложная и интересная жизнь. Какой был для Вас самый счастливый день? И несчастливый?

– Самый счастливый день – поездка в 1947 году на учебу в Ленинград, где я окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета, где познал цену высокой культуры народов СССР и мировой. Здесь я приобщился к великой классической музыке и к великой мировой литературе. Что касается несчастливого, то его у меня нет.

– А в чем Вы видите счастье и несчастье людей?

– Здоровье человека, здоровье и благополучие семьи, народа – это и есть счастье. Несчастье – в обездоленности, отсутствии товарищей, единомышленников. И... Когда человек злой, когда он страдает корыстью.

– Вы много лет были членом КПСС (в должности Председателя Верховного Суда не состоять в партии было нельзя). Затем Вас исключили. Ваше отношение к партии?

– Я верен идеалам и принципам Коммунистической партии. Никогда не нарушал Устава партии, подготовил и дал рекомендации для вступления в партию более 200 комсомольцам. Со мной не партия поступила жестоко, а отдельные ее руководители, потерявшие партийную честь и достоинство. А потому после роспуска КПСС я со многими идейными единомышленниками составил ядро новой структуры – Компартии Дагестана.

– Как Вы проводите время? Каков мир Ваших увлечений?

– В первую очередь – тренирую память, по своей специальности штудирую новые законы. Много читаю энциклопедической литературы – у меня богатая библиотека. Слушаю классическую музыку, безумно люблю Мусоргского, Бородину, Римского-Корсакова, Чайковского, Верди, Баха, Моцарта. Моим записям может позавидовать не один меломан. К слову, я обладатель единственной пластинки на всем Кавказе – это вальс «Бал юристов» Иоганна Штрауса. Передачами по ТВ не увлекаюсь, не признаю слезливые сериалы, смотрю только информационные программу – «Время» и «Вести». Ежедневно просматриваю газеты, чаще всего экономические, «Советскую Россию», журналы «Законность», «Вестник Арбитражного суда», «Государство и право». Да, чуть не забыл: читаю курс административного права и хо-

зяйственного права на экономическом факультете Даггосуниверситета.

– Давайте немного пофантазируем: Вам предоставилась возможность начать жизнь снова...

– В первую очередь я стал бы пионером, затем – комсомольцем, а потом – коммунистом. А по специальности – врачом: я мечтал им стать, но волею судьбы оказался юристом. Кстати, две мои дочери стали врачами и супруга – тоже врач. Я бы сказал так: юрист – тот же врач, но в социальной сфере. Он должен так же точно определять диагноз, по законности и справедливости. А потому обязан быть в своей области профессионалом.

«Я ПРОЖИЛ ДОБРУЮ ЖИЗНЬ, С ПОЛЬЗОЙ ДЛЯ ЛЮДЕЙ...»

Вы, очевидно, обратили внимание, что улицы наших городов заполнены людьми молодыми и преклонного возраста. Лица первых – беззаботны, взгляд самоуверенный, осанка, походка, одежда вызывают уважение, вторые кажутся удрученными, их глаза полны ожидания, тревоги, они ведут себя так, словно растерялись в этом новом, бурном мире. Вы не раз были свидетелями, как старые люди на рынке долгим, безмолвным, застывшим взглядом смотрят на сочные куски мяса, горы фруктов. А разве не приходилось видеть роющих в мусорных контейнерах, выуживающих из них выброшенные одежду, бутылки, старую обувь... Разве не проходите мимо их протянутой руки, упрекая себя, что не можете, не имеете возможности всем подать на хлеб... Немало в наших городах таких пожилых людей.

Но немало и гордых, целеустремленных, вечно чем-то занятых... Чем они живут сегодня, какие порывы движут ими в таком возрасте? Poznali ли они счастье бытия и не потеряли ли это чувство сегодня? Я решил встретиться с человеком, прожившим восемь десятков лет и не потерявшим ни на грамм, ни на йоту вкуса к жизни. Мой собеседник - Магомед Абдуллаевич БАТЫРХАНОВ.

– Магомед Абдуллаевич, Вы всю свою жизнь посвятили людям, говоря образно, давали им путевку в жизнь. Вчерашние беспризорные, бездомные, сироты благодаря Вашей отеческой заботе, воспитанию становились строителями профессионалами. Вас не называли Макаренко?

– Нет, Макаренко меня не называли, но я очень много читал его работ и о нем самом и применял его методы воспитания. Кстати, изучал и работы Жан-Жака Руссо. И мне кажется, у меня получилось. Макаренко меня не называли, но вот дедушкой или отцом считали, а многие продолжают называть и сегодня. И я, скажу тебе откровенно, доволен своей судьбой. Один из моих воспитанников – Абдулла Гитиномагомедов на днях навестил меня с детьми и внуками. Обнялись, растрогались. Ведь когда его отца сослали и он остался один, я стал его вторым отцом. Работал я в ту пору секретарем парткома треста «Горстрой». Увидел его на консервном заводе, привел к себе, сказал: «Ты будешь мне сыном, а я тебе – отцом». Устроил его в общежитие. А вскоре он уже был секретарем комсомольской организации треста. Подошло время парню жениться – надо устроить семью. Не спрашивая никого, – вот только посоветовался с Е. Коротаевым и получил его

одобрение, – дал ему ключи от двухкомнатной квартиры. Затем послал на учебу в комсомольскую школу, а затем и в ВПШ. Я и по сегодняшней день иначе как сыном его не называю. Ныне он журналист.

Другой мой воспитанник – Исхак Казанбиев. Парнишке было неполных семнадцать лет, когда я принял его на работу в «Горстрой». Прежде всего привел его к себе домой, привел в порядок, помог с одеждой, приодел. А потом направил в комплексную бригаду Абдулбари Ахмедова. Пришло время, и его выдвинули бригадиром бригады Коммунистического труда. Помогали ему высокие профессионалы Н. Коломейцев и А. Трошин. Бригада гремела своими делами – возводила здание университета по Советской улице, кинотеатр «Октябрь», здание Совета Министров. Вырос до начальника строительного управления «Главдагводстрой», «Дагсельстрой» и сейчас продолжает работать. Воспитал чемпиона СССР и мира по дзюдо сына Мурада. К нашему великому огорчению, он погиб во Франции, спасая старую женщину.

Ты спрашиваешь, откуда у меня тяга к педагогике? После войны мне предлагали должность в МВД, но я пошел работать в интернат горцев в Буйнакс, где воспитывались сироты. Вот здесь и штудировал Макаренко и Жан-Жака Руссо. Отсюда вышли в люди уроженцы Тляратинского района Кура Шамилов, Хахибского района Гаджи Гитинов, которые стали врачами-травматологами, кандидатами медицинских наук.

– **Сколько же человек благодаря Вам вышли в люди?**

– Очень много. И профессиональных строителей, и инженеров. Вот, например, Абдулбари Ахмедов – он бригадир отделочников СУОР-3, Магомед Кицадаев – знаменитый строитель и бригадир, кавалер ордена Ленина, Абдулла Салихов, Валентина Цыбина – тоже кавалеры орденов Ленина, инженерами стали Зияутдин Дучуев, Камиль Мирзоев, Махмуд Айгунов, доктором экономических наук Арсен Атаев...

Не могу не назвать Ксена Рамалданова, которого я и привез в Дагестан. Он работал в Сталинграде мастером отделочных работ, и я, будучи в составе делегации по обмену опытом в том городе, увидел его, ну и... как я уже сказал, перетащил сюда. Вырос он до начальника Управления снабжения и сбыта Совета Министров республики.

– **Вы очень близко к сердцу принимаете беду и боль человека. Не говорит ли это о том, что и Вы пережили тяжелое детство?**

– Как бы тебе это объяснить... Наша семья была религиозная. Отец батрачил у богатых барановодов братьев Узаира и Зубаира. Сво-

им трудом, горбом нажил добро, заимел свое хозяйство, стал состоятельным человеком. Я учился в медресе, где занятия шли на турецком языке. Так что сказать, что лично я жил тяжело, было бы неправдой. Но я видел, видел своими глазами, как тяжело жили вокруг меня. Многие ребяташки питались травой. Часто к нам домой приходили люди с просьбой о помощи. Помню, отец сажал меня на лошадь, нагружал ее полными хурджинами и посылал к бедным. Кому-то надо на мельницу – давал ишака, кому-то навестить родных – арбу. Каждый мусульманский праздник помогал бедным. Наверное, оттуда, с тех далеких лет и это острое чувство сопереживания, сердоболіе.

Мой отец обладал традиционной дагестанской культурой, качествами характера настоящего горца – милосердием, честью, совестью. Может, от него перешли они и ко мне. Горячее сердце, отданное людям, детям, – это великое дело. А я люблю людей. Просто люблю – и все.

Сейчас мы живем в страшное время. Нас захлестнули криминал, убийства. Молодежь осталась без духовного наставника, она вырастет в грубую, невежественную силу. Больно думать, что будет с ней после нас. Как-то в День Победы подходит ко мне молодой парень, тычет рукой на мои медали и ордена и, усмехаясь, говорит: «Отец, зачем ты все эти безделушки нацепил?» Они не понимают, что мы отстояли от рабства огромную страну. Им совершенно чуждо понятие патриотизма. Вот и задаюсь вопросом: куда мы идем, куда катимся?

– Какие ступени жизни Вы прошли?

– В тридцать седьмом году я окончил педучилище, работал учителем. Но в душе очень мечтал стать военным. И решил: поступил в Орджоникидзевское Краснознаменное пехотное военное училище. 9 сентября 1941 года мы, молодые лейтенанты, прошли военным парадом по площади, а уже на следующей день получили назначение. Я – командиром стрелкового взвода 120-го полка 33-й дивизии в город Камышин. При переправе Донца был ранен, лечился в госпитале Сталинграда. Затем курсы «Выстрел» в Тбилиси и новое назначение – командиром роты на станцию Хурдалан в Азербайджан. Некоторое время спустя – я уже начальник заградительного отряда по укреплению Закавказского фронта. Затем принимал участие в сражениях в Эльхотовских воротах, где мы остановили наступление немцев. Здесь был ранен, лечился в Краснодаре. После излечения назначили заместителем командира 1-го батальона 138-й дивизии 53-й армии, принимал участие в Корсунь-Шевченковской битве. Здесь мне вручили награды за защиту Орджоникидзе – орден Отечественной войны I степени и медаль «За боевые заслуги».

Боюсь, тебя утомит мой послужной список, но его изложить надо. В Румынии я был уже командиром 1-го стрелкового батальона 138-й дивизии 18-й армии. Прошел все Карпаты. Освобождал Румынию, Чехословакию, Венгрию, Польшу. Войну закончил на подступах к Праге в звании капитана, но в должности майора командиром мотомеханизированного батальона. Был награжден еще одним орденом Отечественной войны I степени, орденами Отечественной войны II степени, Красного Знамени, четырнадцатью боевыми медалями.

После демобилизации работал директором интерната горцев в Буйнакске, школы в Новом Чиркее, Ботлихской средней школы. Затем в райкоме партии заведовал отделом пропаганды и агитации, замзавотделом в окружкоме. После учебы в областной партшколе – инструктором горкома партии. И шестнадцать лет – секретарем парткома треста «Горстрой». Вот они, мои ступени трудовой жизни.

– **Что же удалось сделать на благо города в бытность Вашего секретарства.**

– В двух словах не скажешь. Во-первых, в пятьдесят втором пятьдесят третьем году началось интенсивное строительство. Во-вторых, здорово стали готовить кадры. Повезло нам с людьми. Строительство возглавляли Е. Коротаев, Д. Довлетханов – старшее поколение прекрасно их знает, все работали засучив рукава. Был просто бешеный энтузиазм. Изучали опыт строительства Армении, Тбилиси, Ленинграда, Москвы. Ночами возводили Махачкалинский домостроительный комбинат, построили все корпуса Даггосуниверситета, все здания райкомов партии, Совета Министров республики, обкома, 4-й и 5-й поселки, массу жилых домов.

Мне приятно жить в Махачкале. Мне сегодня есть на что смотреть и радоваться. Это и мой труд. И потом – в этих домах живут наши люди, те, кто строил их. А если бы ты знал, как нам помогали строить, именно помогали, А. Даниялов, К. Чураков, А. Коршунов, М. Юсупов, Ш. Шамхалов... Ш. Шамхалов – чудесный человек и удивительный энтузиаст. Знаешь, сколько мы с ним построили внеплановых объектов? Вот Дом пионеров и школьников. Посчитали, что он очень нужен детям, захотели – и построили. О последствиях не хотели и думать. Знали одно: победителей не судят.

– **Как Вы относились к коммунистам, а сами не были ли деспотом?**

– Мое отношение к коммунистам было, если можно так выразиться, самое благоприятное, доброе. Но строгое. Я по натуре мягкий человек, уступчивый, но если делу наносится ущерб, тут уж поблажек

не жди – наказывал очень строго. Но и благодарности объявлял, поощрял, если кто заслужил.

Начальник СМУ-1 М. Анапольский, будучи членом горкома партии и пользуясь этим, залез, как говорится, в карман государства. За незавершенные работы (конечно, засчитав их выполненными) взял в Госбанке 172 тысячи рублей – а это в то время были большие деньги, раздал своему аппарату. Кроме того, обижал инженерно-технических работников, самовольно, без каких-либо причин освобождал их. По факту обмана и приписки в присутствии первого секретаря горкома партии мы исключили М. Анапольского из партии, вышли в горком с просьбой вывести его из состава бюро ГК и материалы передать в следственные органы. Наше решение было утверждено.

И таких примеров можно привести немало. Без этого, то есть без строгости, без соблюдения дисциплины, мы ничего не добились бы.

А организация была, между прочим, не маленькая. За период моей работы было создано одиннадцать первичек с охватом 1300 коммунистов и 174 кандидатов в партию. В их числе две парторганизации – ДСК и СМУ-1 – на правах освобожденных. Да комсомольская организация состояла из 765 человек. Вот такая армия сидела на моих плечах.

– **А Вы сами получали нарекание или наказание?**

– Было. Получал выговоры по партийной линии, и не раз, потом их снимали. Опять объявляли за те или иные упущения в строительстве, срыв планов. И снова снимали.

– **Обижены ли Вы на партию?**

– Нет. Я ее не осуждаю. Чем виновата партия, если ошибки допускали отдельные люди? И что можно говорить в адрес той партии, которой нет, которой я служил верой и правдой и в которой состоял пятьдесят три года.

– **Чем для Вас была партия, как Вы относитесь к сегодняшним коммунистам?**

– Партия для меня была и отцом и матерью. Она научила нас любить свой народ и свою Родину. В самые суровые годы войны коммунисты, партийцы – раненые офицеры, солдаты вели за собой роты, батальоны, полки на смертный бой за Родину. И побеждали. И совершали невозможное.

А сегодня... О какой партии можно говорить? Я слушаю, читаю выступления коммунистов и никак не пойму, чем они занимаются? Мне иногда бывает ну просто не по себе, часто спрашиваю себя: куда я попал?

– **Какой Вы по характеру человек?**

– Очень добрый и сердобольный. Но когда дело требует порядка, очень строг и требователен. И меня люди прекрасно понимали и сегодня понимают.

– **Кем Вы были в годы войны для солдат?**

– Добрым отцом и суровым командиром. Ничего не прощал. Ведь там, на войне, каждый час, каждую минуту речь шла о жизни людей. Были случаи, когда отдавал товарищей по оружию под суд офицерской чести. Не удивляйся. Нередко случалось, когда оставляли свои позиции, трусили. Но отцовской заботы проявлял больше.

– **А по отношению к себе позволяли грубость, хамство со стороны старшего офицерского состава?**

– Я не помню такого случая. Меня все любили. Впрочем...*(задумывается)* было такое, когда на меня поднял палку заместитель командира дивизии Владимир Карпунин. Это было в Чехословакии, где я командовал мотомеханизированным батальоном. У него была дурная привычка – замахиваться палкой. Опустите палку, говорю, у нас в горах палку поднимают на ишака. А он еще раз, да при моих подчиненных. Не стерпел я, достал пистолет и прострелил ему бок. Меня ожидал за мой проступок суд офицерской чести. Но командир дивизии генерал В. Васильев сказал так (он любил меня): «Вон видишь населенный пункт. Возьмешь его у фашистов, окажешься к утру на другом берегу реки – ты спасен. Не возьмешь – пойдешь под суд». Ночью я поднял свой батальон, на рассвете стоял на противоположном берегу.

– **Какие черты характера Вам нравились в советском человеке, чего нет у нашего поколения?**

– Высокий патриотизм. Когда дело касалось подъема индустрии, чести и судьбы Родины, люди шли на любые ущемления своих интересов, даже на жертвы. И все жили одной семьей.

Сейчас ничего этого нет. Причин тому – много. Но самое страшное – молодой человек не хочет и не собирается работать, он нашел более легкий путь – воровство. Ныне он поздно взрослеет. В двадцать два года я уже преподавал в школе, а сегодня тридцатилетний мужчина ничего не понимает и не хочет понимать.

– **Их судьба сегодня не многих трогает...**

– А мне больно на них смотреть. Бывает, обращаются ко мне с просьбой устроить своих детей на работу, часто и мои воспитанники. Но как им всем помочь? Индустрия доведена до ручки. «Дагэлектромаш» годами закрыт, завод имени Гаджиева годами закрыт.

Но, я думаю, велика вина и самих молодых. При желании они могут определиться в жизни, приспособиться. Ну почему бы не работать на селе? Я часто ругаю своих родных: почему вы не выращиваете помидоры, лук, чеснок? Надо же что-то делать! Молодежь уваливает от трудностей. Не понимаю я такую молодежь.

– **А как Вы живете – бедно, богато?**

– Я бы не сказал, что бедно. Получаю хорошую пенсию. Но остро чувствую окружающую меня бедность. Помогаю родственникам, не прохожу мимо нуждающихся. Эти люди – боль моей души. Бывает, возвращаюсь домой без рубля в кармане. Не забываю детей и внуков моих учеников, обязательно делаю им подарки ко дню рождения. Этим я живу. Это меня поддерживает морально.

– **Где сегодня живут Ваши воспитанники? Имеете ли Вы с ними связь?**

– Ну а как же иначе! Много у меня и фронтовых друзей, тот же Карпунин стал другом. Часто наезжаю в Петроград, Волгоград, Москву, Донецк, Львов, в Армению. Бываю и на свадьбах их внуков. А поездки в Кизилюрт, Кизляр, Избербаш, Мекеги, Губден и многие другие города и селения у меня стали постоянными.

– **Вам не жаль потраченных сил, энергии? Ведь общество, которому Вы служили, разрушено.**

– Лично я не удручен. Я вижу результаты моего труда – мой город, моих воспитанников и их детей, которые остались нравственно чистыми и честными перед людьми и совестью, и это меня поддерживает.

Но жизнь омрачает окружающие нас брехня, обман. Люди пенсию не получают вовремя, вечером боятся выйти на улицу, а нам брешут, что все стабилизируется. Информация вся стала лживой. Иногда такого наслушаешься, что охватывает отчаяние, жить не хочется. Душа стонет: что это за общество такое, что за жизнь!

– **Судьба была к Вам благосклонна?**

– Благосклонна. Хотя сегодняшний день и тяжелый, сложный, суровый, я прожил добрую жизнь, с пользой для людей.

– **У Вас есть хобби?**

– Да. Это моя фазенда, мой сад. У меня под окнами когда-то была мусорная свалка. Я вывез весь мусор, привез землю, посадил несколько саженцев абрикосов, черешни, вишен, айвы, сегодня выращиваю помидоры, перец, баклажаны, картофель, свеклу, морковь, разбил цветник, выстроил небольшую комнату отдыха, где принимаю друзей. Люди не нарадуются этому зеленому уголку, соседи оберегают его, а я благодарен им за то, что они не бросают сверху мусор.

– **Вы, очевидно, отошли от активного труда?**

– Да что ты! Я продолжаю работать. Без работы я бы давно согнулся. Я член Совета ветеранов Великой Отечественной войны Ленинского района Махачкалы, руковожу жилищно-бытовой комиссией, решаю вопросы ремонта квартир инвалидов войны. Сейчас строится девятиэтажный дом для инвалидов ВОВ, и мы составляем списки нуждающихся. Часто выступаю в школах, рассказываю ребятам о великом чувстве патриотизма. И еще являюсь членом Совета старейшин Ленинского района.

– **Что бы Вы пожелали людям преклонного возраста?**

– Чтобы они жили силой духа, сохраняли выдержку и надеялись на лучшее.

«И В САМОЕ ГРЯЗНОЕ, СМУТНОЕ ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ЖИТЬ ЧИСТО, ПО СОВЕСТИ...»

Истина – где-то там, за пределами наших способностей и возможностей познать и осознать духовный и материальный мир. Поддается и открывается она только единицам. Избранным.

Человек – не менее сложное и загадочное существо. Он словно нераскрытая книга, которая требует к себе пристального внимания и осмысленного изучения. Этот удивительный продукт, инструмент природы, его загадочное творение скрыто от мира защитным панцирем – характером, привычками, психикой, принципами, наконец, раскрывающийся только под воздействием мягкого добра и лучезарного тепла.

Человека, с которым мне велел встретиться мой внутренний голос (а может, голос извне?), я знаю много десятилетий. В советскую эпоху он был комсомольским вожаком и любил, и умел увлекать молодых на добрые дела. Затем он оседлал кресло партийного работника и утверждал коммунистическую идеологию. И это ничуть ему не мешало, а наоборот, способствовало расширению мировоззрения, развитию организаторских способностей. И чего только он ни придумывал и ни претворял в жизнь – на удивление горожанам и на зависть говорунам и маниловым.

Да, зависти и завистников было немало. А он все больше и больше раскрывался – перелистывал страницы своей книги: пошел в науку, успешно защитил кандидатскую, затем докторскую диссертацию, увлекся педагогической деятельностью. Стал выпускать в свет книгу за книгой, прививая юным любовь к новой науке – политологии. И что удивительно: в наш прагматичный век он не торгует ими, а дарит студентам. Каждому просто дарит...

Чуть выше я заметил, что мне велел встретиться с этим человеком внутренний голос. И не потому, что он сегодня доктор политических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук. И не потому, что он читает прекрасные лекции, и студенты слушают его, затаив дыхание. А потому, что в его крепко и честно сложившейся жизни меня заинтересовали, а точнее, меня тронули две детали, если можно так сказать. Во-первых, он не перечеркнул свое прошлое, как сделали многие. Вот что он заявил: «Я не отрекаюсь от своего прошлого, и у меня нет оснований за него стыдиться». Чтобы сказать такое в наше перевернутое время, надо иметь мужество. И, во-вторых, он всегда во всех заметных начина-

ниях был первым. Чего не знали и не знают тысячи дагестанцев. И я в их числе.

Итак, представляю моего собеседника: Абдулла Абдуллаевич МАГОМЕДОВ, первый проректор Дагестанского государственного педагогического университета.

– Абдулла Абдуллаевич, давно замечаю в тебе одно любопытное качество: ты очень часто восхищаешься людьми. Откуда у тебя это чувство восхищения? Притом в наше-то время... И еще это оригинальное приветствие и прощание «Обнимаю тебя».

– Да, ты прав. Недавно я так и обратился к руководителю нашей республики – «Обнимаю». И внутренне насторожился, задумался: не посчитает ли он это панибратством. Есть категория людей, к которым нельзя подобным образом обращаться. Второй раз встретился с ним – и снова с губ сорвалось то же обращение. Я верю людям, верю их душевному теплу, таланту, восхищаюсь ими. И слово «обнимаю» в моем понимании – с ними, я отдаю им свои силы, тепло, энергию. Кстати, многие уже отвечают мне тем же. Но хочу заметить: не ко всем я такой вот, с распростертыми объятиями. И еще это означает, что я жизнь люблю, в дружбе с этими добрыми людьми, а те, кем я восхищаюсь, именно добрые.

– Это чувство восхищения человеком – от природы или от родителей?

– Я бы не сказал, что от родителей. Отца я не знал: он погиб в Великую Отечественную войну в Венгрии, когда мне было два года. Погибли и два его брата. С детства, с рождения был один, и потому тянуло к людям, к добру, сочувствию. Я искал человеческого тепла, участия. Жизнь меня так вырастила и обучила, что я признаю, принимаю близко к сердцу людей, подобных мне по образу мыслей и образу жизни. Если они не отвечают моим требованиям, будь хоть руководители или другими высшими чинами, я их выталкиваю, изгоняю из сердца.

– А возникает у тебя чувство неприятия, омерзения к тому или иному человеку?

– Да, конечно. Хочу тебе откровенно признаться: я внутренне чувствую, что не должен был родиться. Со временем понял, что двадцатый век – не мой век, хотя мы время своего рождения и не выбираем. Это тяжелый, жестокий век, он повлиял на мою судьбу. Мать моя осталась вдовой, все годы после гибели мужа ходила в черном, так в черном и умерла. Всю жизнь трудилась в колхозе, учила бычков рабо-

тать на пахоте, а что это за «учеба» – сельский житель хорошо знает: каторжный труд. И ничего не имела. Когда аул Чуниб переселяли, мать категорически отказалась уезжать.

Да, двадцатый век – грязный век. Большинство людей было опутано дикими, животными страстями, а не духовными: пытались кого-то обмануть, перехитрить, подставить... Потому и считаю я его жестоким. Я воспринимаю жизнь такой, какая есть, понимаю и осознаю ее реалии и захлебываюсь ее нечистотами.

– А между тем не все так мрачно и грязно. Меня удивил следующий факт, который известен, думаю, немногим. В ауле Магар школе присвоили твое имя. Неординарный случай: обычно имена здравствующих людей не присваивают.

– Я абсолютно не думал и ничего не предпринимал для увековечения моего имени. Сам впервые узнал от друзей: сообщили по телефону. А потом появилось сообщение и в «Дагестанской правде». Возмущенный, я позвонил в администрацию района Магомедрасулу Магомедову: «Как ты мог допустить такое, почему меня опозорил, это же смешно!». А он отвечает: «Это требование джамаата аула и учителей, они заявили: многое, что сделано доброго в Чародинском районе, – благодаря Абдулле Магомедову».

Четыре года я не выезжал в аул, отказываясь от приглашений: приезжали за мной и директор школы, и завуч. Только в 1999 году сдался. Поехал. Внутренний голос сказал мне: смирись, это воля твоих земляков, ты первый кандидат наук, первый доктор из этого округа, объединяющего восемь аулов, народ к тебе проявил уважение, не оскорбляй их чувства.

Мой долг перед земляками значительно возрос. В прошлом году я помог им при содействии Рамазана Абдулатипова включить в программу «Горы» строительство водопровода. А ведь положение с водой катастрофическое. Обследование чунибской воды показало, что ее нельзя не то что пить, на ней нельзя месить даже тесто. Русло источника, из которого брали воду, шло через старое кладбище. В прошлом же году по моей просьбе министерство образования выделило школе учебники, мебель, компьютер.

Ты не знаешь, как аукнулось дело с присвоением школе моего имени? По аулам зачастили многие доктора наук, ну, сам понимаешь, с какой целью – увековечить себя.

– Абдулла Абдуллаевич, везде как-то, почему-то ты бывал первым. Чем это объяснить?

– Может, это зависит от сферы моей деятельности, а потом стало

и стилем моей жизни? Я вообще-то себя считаю скромным человеком, и окружающие меня считают таковым, и неудобно как-то бахвалиться, отвечая на твой вопрос. Ну, а если говорить откровенно, перешагнув через ложную скромность, этих «первых» будет много – и больших, и малых. Понимаешь, я люблю создавать, искать, анализировать. Для моего стиля работы характерны инновации.

В Советскую Армию я был призван солдатом, служил в Группе советских войск в Германии в артиллерийском дивизионе, выполнил четвертую задачу (о чем писали в газете «Красная Звезда») и вернулся домой лейтенантом. В университете я стал первым освобожденным студентом – секретарем комитета комсомола.

Первым лауреатом Всесоюзной студенческой научной конференции. Статьи, я был одним-единственным представителем Северного Кавказа.

Я создал первый КВН в республике, он проходил в помещении Русского драмтеатра в ноябре 1969 года. Лично выехал в Баку и договорился с Юлием Гусманом.

Впервые мной был создан студенческий строительный отряд, для изучения опыта, организации которого я выезжал в Ленинград. В Кубачи со студентами мы строили детский сад, в ту пору я руководил отрядом. Помню, к нам приезжал Магомед-Салам Ильясович Умаханов (первый секретарь обкома партии). Мы одели его в форму стройотрядовца, подарили каску. Встреча была незабываема.

Был я первым организатором Дня города Махачкалы, который вылился в настоящий праздник. Ты должен помнить, какая масса людей вышла на улицы Махачкалы, как много было песен, музыки, смеха, радости. После нас стали проводить Дни города в Дербенте, Хасавюрте, Буйнакске, праздник пошел по селам. Это стало традицией. И ведь польза была огромная: Дни города способствовали благоустройству и санитарии, а Дни аула – лучшему узнаванию людей.

Читатели скажут: вот как Абдулла Абдуллаевич расхвалил себя. Но ведь это все было. Я являлся и инициатором первого Конгресса соотечественников. Все знают, что много дагестанцев живет за рубежом, но где и сколько? За 1991-1992 годы я отправил более пяти тысяч телеграмм, телексов на имя послов и мэров городов. Я фанатично увлекся этим делом. Сегодня у нас есть уже карта, на которой отмечены страны, где компактно проживают дагестанцы. В Турции, например, более двухсот сел, населенных нашими соотечественниками, а город Ялова – и вообще дагестанский. Сегодня мы знаем имена выдающихся поэтов, писателей, музыкантов, послов, сенаторов, кон-

грессменов, генералов, бизнесменов, чемпионов мира и Олимпийских игр – выходцев из Дагестана. Составлена подробная картотека. В 1991–1994 годах по приглашению ассоциации «Ватан» к нам приезжали два-три наших соотечественника в месяц. К сожалению, из-за военных событий в Чечне закрыта граница.

Я один из инициаторов введения многоуровневой учебной структуры, конкретно – в ДГПУ. Чтобы освоить этот новый, прогрессивный опыт, ездил в Курск, Омск, Екатеринбург, где успешно осваивается это нововведение, и с трудом, с большим трудом вместе с ректором внедрили его. А еще я первый доктор политических наук в истории Дагестана. Сейчас у нас уже есть кандидаты, а пятнадцать человек учатся в аспирантуре в Москве.

– Все первый, первый... Почему? В тебе так сильно бурлила энергия, не давая покоя, организаторский раж? Или хотел быть на виду?

– Да что ты! Я никогда не ставил задачу быть первым. Я жадно, цепко хватаю новое, прогрессивное, подсказанное жизнью. А вот когда раньше всех творчески подходишь к процессу, получается, что ты оказался первым. Это мой стиль. Я так живу и работаю, иначе не могу. Считаю, что я многого еще не сделал, не совершил. Я проявил себя только на одну пятую часть. Но вот что удивительно и парадоксально: чем больше себя проявляю, тем больше слышу негативных оценок в верхах.

– Все ли твои задумки, планы осуществляются?

– Конечно, не все. Хорошие идеи иногда заходят в тупик. Бывает, подчас спешу, а для осуществления идеи должны быть предпосылки. Вот, к примеру, почему демократизация забуксовала? А потому что не учли предпосылок, вернее их не было. И сегодня конкретно процесс демократизации учебного процесса не осуществляется. В основном в Дагестане проявляется репродуктивный метод обучения, то есть изложение знаний. А надо учить студентов методологии познаний, то есть знанию о знаниях. Надо руководствоваться не авторитарной педагогикой, а идти, стремиться к сотворчеству. Многие идеи в этом плане с трудом осуществляются, потому что преобладают старые методы обучения. Преподаватели делают то, что могут, а не то, что надо. Отсюда и разрыв между студентами и педагогами.

– Мне понравилось твое высказывание. «Я не отрекаюсь от своего прошлого, и у меня нет оснований за него стыдиться». Сказано смело, когда многие стесняются признать свое пребывание в комсомоле, в партии, тем более на руководящих должностях. Это было сказано тобой искренне?

– Только искренне. Дело в том, что времена не выбирают. И в самое грязное, смутное время человек может жить чисто, вести себя порядочно и руководствоваться своей совестью. Я работал среди людей и знаю, какое обо мне сложилось мнение, и мне не стыдно. Что касается прошлого... Человек не может и не должен жить прошлым. Ностальгия по минувшему, ушедшему – слабость.

– **Что дали тебе комсомол и партия? Ведь ты долгие годы находился на руководящих должностях? Были ли они на самом деле полезны для тебя?**

– Ни комсомольскую, ни партийную работу я сам не искал. Наоборот, они меня искали. И в моей карьере абсолютно не было проекционизма. И я, скажу откровенно, рад тому, что работал и в комсомоле, и секретарем Махачкалинского горкома партии. Это были самые бурные и творческие годы моей жизни. Я могу привести сотни примеров и интересных дел, которые мы проводили в те годы, обозначенные застойными. И я считал бы себя несостоявшейся личностью, если бы не прошел этот этап жизни.

У каждого времени свои закономерности. С позиции нынешних ценностей нельзя подходить к людям, которые работали в партийно-хозяйственных органах. Да, я входил в класс номенклатуры. У каждого номенклатурщика был свой участок властвования. Но отношение общественности ко мне не изменилось. Значит, кроме общих установок, я руководствовался внутренней совестью, у меня был свой внутренний ориентир. К примеру, я получал десятки записок от КГБ по поводу мечетей, но делал то, что подсказывала совесть.

– **Значит, ты считаешь те годы потерянными?**

– Наоборот, в те годы я стал в какой-то степени личностью.

– **И свадьбу свою сыграл комсомольскую?**

– Конечно, но только комсомольско-аварскую.

– **Откуда у тебя столько энергии, сил: пишешь и издаешь научные труды, ведешь педагогическую деятельность, участвуешь в конференциях, «круглых столах», посещаешь аул и земляков, присуствуешь на спортивных соревнованиях, презентациях, выезжаешь с делегациями за рубеж, встречаешься с читателями, участвуешь в торжествах... С собой-то когда занимаешься?**

– Подобный вопрос мне задают многие: откуда у тебя время на все это? А дело в том, что я с юношеских лет живу по графику. Помню, когда я работал секретарем горкома партии, зашел ко мне Магомед Юсупович Юсупов (первый секретарь обкома партии после М.-С Умаханова) сел за мой стол, а на столе у меня – месячный кален-

дарь, где каждый день и час распланирован. Поглядел он и удивленно произнес: «Я такого еще не встречал, ты никому ничего не оставляешь делать...» Я работаю по памятке, хотя и не все удастся сделать. А ведь как бывает приятно, легко и удовлетворенно на душе, если что-то хорошее совершишь! А воскресные дни – мои, десять часов я сижу за письменным столом.

– Тебя можно часто встретить с большими людьми: творческими, государственными, общественными деятелями. Чем это вызвано? И, если не секрет, кто из них твои добрые друзья?

– Я принадлежу к той части интеллигенции, которая сотрудничает с властью. И никогда не брезговал ее представителей: раз его назначили, выбрали, значит, он достоин. Но я никогда ни у кого ничего не просил. Тем не менее, я стараюсь, чтобы меня, мои мысли, мои предложения заметили и приняли. Я за сотрудничество людей науки с властью, за творческий союз.

Что касается добрых друзей... В принципе я в добрых отношениях с Магомедом Магомедовым, Муху Алиевым, Хизри Шихсаидовым, Саидом Амировым, они меня хорошо знают, мы ценим друг друга. А за все годы работы у меня было три начальника: Абуталиб Абилов, Николай Сивокос, Шейх Исмаилов. Никому из них я не изменял, и они мне – тоже.

– Улыбка у тебя очень добрая, располагает к себе. Ты на самом деле добрый человек?

– На свадьбе моего сына Рамазан Абдулатипов, произнося тост, сказал в мой адрес: «У него один недостаток – слишком добрый». Я искренне, ничего не требуя, делаю добро. Представляешь, когда я прихожу домой на обед, все дворовые кошки собираются у меня под окном... С годами я понял: добро может обернуться и злом. Бывает, делаешь добро, а многие не понимают его. Теперь надо знать, кому помогать.

– А студенты тебя любят?

– Думаю, что любят. Потому что когда я с ними общаюсь, на их лицах светятся улыбки. Между нами нет дистанции. Я чувствую их расположение к себе. Что ни говори, а у нас прекрасные юноши и девушки. Старшее поколение должно иначе относиться к современной молодежи.

– В твоей богатой домашней библиотеке много книг с автографами, имеющими какой-то подтекст, или, можно сказать, загадочный смысл. Как понять, к примеру, слова профессора Расула Магомедова: «Я рад, что твоя фамилия Магомедов».

– (Задорно смеется.) Так и быть, расшифрую. В 1967 году в Баку проходила Всесоюзная научно-практическая конференция. Должны были поехать я, Емельян Яковлевич Криштопа и Расул Магомедович Магомедов. Расул Магомедович накануне приболел, и выехал я с Криштопой. Нас встречали руководители Азербайджанского госуниверситета. Спрашивают: – Где Расул Магомедов? Отвечаю: – Он в командировке. – А вы его сын? – спрашивают. Я хотел было сказать, что студент, но Криштопа опередил: – Скажи, что ты кандидат наук. Так я и прошел за кандидата. По приезду я обо всем рассказал Расулу Магомедовичу, он от души рассмеялся и долго потом хвалил за находчивость. Вот тебе и история автографа.

– А история автографа Евгения Евтушенко: «Когда мы будем в Чуниб?»

– Ты и это знаешь? Я вхожу, если можно так выразиться, в поэтический электорат Евгения. Он для меня - поэт номер один. Знаю наизусть очень много его произведений, читал и часто читаю публично. Как можно его не любить. Он поэтическими образами говорит о том, что мне дорого (*читает артистично, проникновенно стихи поэта*). С ним меня познакомил в баре Союза писателей России Омар-Гаджи Шахтаманов. Там я прочел Евгению наизусть его поэму «Братская ГЭС», а он мне подарил свою книгу вот с этим автографом. В октябре 1987 года я уже собрался пригласить его на День города, но... обстоятельства помешали. Иногда и мы не располагаем собой. Думаю и надеюсь, что мы этот пробел восполним, и он увидит мой Чуниб.

– О чародинцах говорят много и разное. Тебя это не коробит?

– Я понимаю, конечно, подтекст вопроса. Если говорить откровенно, когда молодежь, здоровые мужчины столкнулись с расслоением общества, с попранием принципов социальной справедливости, видимо, решили консолидироваться, чтобы устоять под напором разрушительных сил общества. Ну, а если говорить по большому счету, в каких городах и районах нет правонарушителей? Плохо, что хорошее не замечают. К примеру, наши чародинцы работают в министерствах, управлениях, департаментах, банкирами, более десяти докторов наук в вузах республики, район дал стране двух генералов, около десяти полковников...

Где ты себя чувствуешь хорошо – на работе, в поездках, в ауле или дома в кругу семьи?

– В ауле. Аул – моя отрада. Мне все в нем нравится: от малого мальчишки до старика, от тропинки до очага.

– Я слышал, ты хороший семьянин. Что для тебя семья?

– Семья для меня – смысл моей жизни.

– **Но, в таком случае работа – что?**

– Ты меня хочешь поймать на вопросе? Работа для мужчины должна составлять один из главных интересов, если не самый главный в жизни. Это верно. Но общество начинается с семьи. Вот это ячейка, ее состояние, ее здоровье, энергетика и дает стимул всему остальному.

– **Судя по твоему характеру, ты любишь застолья. И каким же блюдам отдаешь предпочтение?**

– Если мне не изменяет память, Гиппократ говорил: мы-то, что едим. Человек обязательно должен чувствовать свой возраст. Вот я раньше ел все, что подавали, и пил от чачи до виски. А сейчас жена готовит мне отдельно, ем часто, но помалу. Люблю холодец и грибы, летом – окрошку. А из напитков – «Сары-Кум» – превосходное вино.

– **Есть ли у тебя любимцы среди деятелей литературы и искусства?**

– Трудный вопрос, потому что перечислять имена надо будет долго (*смеется*). Любимый поэт, я уже сказал, – Евгений Евтушенко, писатель – Уильям Фолкнер, актеры – Олег Стриженов и Татьяна Шмыга, певцы – Адриано Челентано, Монсеррат Кабалье, Патимат Гаджиева. Расширю твой вопрос – философы – Хосе Ортега-и-Гассет, ученый-историк – Расул Магомедов, самый близкий друг – Пайзула Магомедов, а за что его ценю – честное слово, сам не знаю.

– **У тебя есть недостатки?**

– Да, один и самый отвратительный – мнительность.

– **А какое качество человека презираешь?**

– Двуличие, неискренность.

– **А ценишь?**

– Совестливость.

– **Ты часто бываешь за рубежом. Что дают эти поездки для ума, для сердца?**

– Тем, кто не был за рубежом, очень рекомендую хотя бы раз съездить, иначе в цепи жизни будет потеряно одно звено, если не более. Надо обязательно съездить, чтобы сравнить быт и нравы того и нашего общества. Я всегда сравниваю, а по большому счету – менталитет, цивилизации. Встречаюсь с элитой нашей диаспоры, знакомлюсь с жизнью различных слоев общества. Будучи в Анкаре, я остановился в прекрасном отеле – в самом центре города, подошел к окну, выглянул во двор, а там – огромные кучи мусора.

– **Менталитет дагестанцев намного отличается, или, точнее, уступает менталитету граждан других стран?**

– Намного выше, и его надо беречь. Нас заметно отличают от них существующие крепкие родственные связи, дружба коллег по работе, дружба соседей по месту жительства. А нашему гостеприимству вообще нет примеров. Это удивительный и исключительный феномен, который многие даже не понимают. Гостеприимство или куначество характерно для человека горского типа, оно возвеличивает его, и сама природа определяет характер и ценность этого феномена. Я бы сказал, что гостеприимство придает горцу чувство самоуважения.

– **Абдулла Абдуллаевич, в одной из статей, опубликованной в 1991 году в журнале Академии наук СССР «Общественные науки и современность», ты заявил: «Нет на самом деле в реальности ни «капитализма», ни «социализма». Нет «двух мировых систем». Самое учение о них в нынешних условиях – «грандиозная мистификация». Это заказная статья или озарение?**

– В 1988 году, когда я пришелся «не ко двору», стал неугоден и меня «ушли», я занялся наукой. В этот период – перестроечный – стремительно происходила эволюция мысли. Я написал статью, которую ты упомянул, и отправил в Прагу, в журнал. К моему огорчению, его закрыли. Отправил в журнал «Коммунист». Ее приняли, но редактор снял из номера. Спустя два года ее опубликовали в журнале Академии наук. Так вот, я считаю, что в условиях двух систем демократизации быть не может. В условиях мирового рынка и международного экономического сотрудничества вряд ли кому-нибудь удастся остановить современные геополитические процессы. Ведь капитал не знает ни границ, ни национальностей, ни государств.

– **Чего ты ждешь от наших народов, дагестанских?**

– Самоуважения. Самопонимания. Самоанализа. Сегодня люди, видя и осязая, как общество деградировало, не могут понять, как исцелиться. Нужно, пора, наконец, подойти к пониманию этого.

– **А от своих сыновей?**

– Возрождения своего рода, а значит, и аула, и всего Дагестана.

«ДРУГОЙ ЖИЗНИ НЕ ЖЕЛАЛ БЫ...»

Это сегодня писательство стало ремеслом: им увлеклись клоуны и жонглеры, певцы и актеры, недавние вершители судеб людей – политиканы и модельеры. Всем хочется оставить для истории память о себе и окружающих...

А прежде, да, да, и до советской эпохи, писательство было профессией, дарованной свыше, и литературой занимались те, кто не мог ею не заниматься, кому тесно было от давивших душу и мозг чувств, дум, мыслей, кто рвался исповедаться перед обществом. Именно они были врачами и летописцами истории.

И литература была различная. Об одних жанрах говорили взахлеб, их восхваляли, другие – поносили. Само собой разумеется, и авторов. И детектив почему-то был не в чести. У нас. Пока не внес ясность в споры и пересуды роман Богомолова «В августе сорок четвертого».

В Дагестане отцами детективного жанра были, как ни удивительно, работники органов государственной безопасности. Они защищали свое Отечество не только щитом и мечом, но и словом – карающим и воспитывающим. Одним из них был Виталий Горбач. Молодые вряд ли знают, как их отцы зачитывались его романами и повестями «У теневой черты», «Четыре цвета ночи», «Ночные пришельцы»... Высокий, жизнерадостный, общительный человек, испытывавший все перипетии жизни чекиста, вынесший из них сабельный шрам на голове и именно оружие за храбрость, неизмеримо большой багаж знаний и науки верности Отчизне, он не имел права и не мог позволить себе не поведать о них людям.

Эстафету у него принял такой же жизнерадостный и общительный человек, испытывавший те же жизненные перипетии, подаривший любителям детективного жанра несколько книг: «Пароль – «Седой Каспий», «Кавказская крепость», «Перебитый панцирь», «Нищие духом». И продолжающий творить в этом жанре. Имя его – Сфибуба Юсуфович СФИЕВ.

Я не хотел бы с самого начала представлять его как чекиста, но все же должен отметить (дабы читатель получил полный портрет его), что он долгие годы работал в органах госбезопасности Дагестана, возглавлял контрразведывательную работу, занимал пост министра юстиции, в течение десяти лет был депутатом Верховного Совета республики, находился у руля Дагестанского научно-исследовательского центра судебной экспертизы Министерства РФ, имеет

двадцать правительственных наград, отмечен почетными званиями заслуженного юриста РД и РФ, удостоился высшей награды Минюста РД – медали имени А. Ф. Кони.

– Итак, Сфибуба Юсуфович, Вы меня интересуете как писатель. Полагаю, профессия литератора – это не мечта вашего детства?

– Ну, конечно же, нет. Я никогда и не мог подумать, что буду писать. Но как сегодня помню, какое сильное впечатление оказала на меня первая книга Виталия Горбача «У теневой черты». Читатели буквально за несколько дней раскупили весь тираж. Я пристрастился к чтению книг о чекистах и, поскольку знал о них и об их работе не понаслышке, сел за стол. Исписал шестьсот машинописных страниц, дал читать литераторам Александру Грачу и Геннадию Габирову. Прочитали, дали совет: во-первых, не называй романом – рассмешишь и напугаешь писателей; во-вторых, сократи. Я послушался их советов: ужал на половину, изменил название. Так вышла в свет моя первая повесть «Пароль – «Седой Каспий», хотя она и тянула на роман.

Надо отдать должное Александру Грачу: он очень скрупулезно работал над рукописью книги. Положительную рецензию дали ей Хизгил Авшалумов, Михаил Бахшиев, Ахмедхан Абу-Бакар, Пресс-бюро КГБ СССР, главная редакция художественной литературы... Конечно, были замечания в литературном плане, но по сюжету – нет. Факты все были подлинные, события происходили в Дагестане и на Северном Кавказе. Книга вышла тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров – для сегодняшнего дня цифра фантастическая.

– Где Вы черпаете темы для своих книг? Очевидно, они навеяны событиями, участниками которых Вы были сами?

– В основном – да. Писал о том, что видел и знал. Кто-то из крупных писателей сказал: «Писатель должен читать меньше, чтобы не передавать чужие мысли». Я всегда следовал этому принципу. Не переносу плагиаторов, смеюсь над ними и все делаю так, чтобы не смеялись надо мной.

– Как была задумана Ваша первая книга, кто был прототипами его героев?

– Прочитав роман Виталия Горбача, я решил написать книгу о дагестанских чекистах 20-30-х годов. Образы, конечно, собирательные. И не все положительные. Семьдесят процентов действующих лиц – отрицательные. Я изменил их фамилии, чтобы не травмировать членов семей. А они были на самом деле реальными лицами, которые

действовали против существующего строя, как в самом Дагестане так и за его пределами.

– Вы имели непосредственный контакт с бандитами, диверсантами, предателями, шпионами или пользовались архивными документами?

– Конечно, их период 20 – 30-х годов я изучал по архивным документам, а когда уже работал в органах (службе я отдал 56 лет), сам принимал участие в операциях, знал этих «героев», говорил с ними...

– Руководство органов не препятствовало Вам в писательской работе?

– Что вы, наоборот. Первыми читателями повести «Пароль – «Седой Каспий» были генерал-майор В. Бурмистров и полковник Ш. Карбиров. Как сегодня помню их слова: «Книга есть». Вот как они благовословили меня.

– Скажите, Вы лично участвовали в поимке шпионов или предателей и легли ли пережитые события в основу Ваших книг?

– Я лично разоблачил ряд вражеских агентов, изменников Родины, карателей, сотрудничавших с немецкими фашистами. Получилось так, что многие из них оказались в числе перемещенных лиц или в числе наших военнопленных, отсиживавших за совершенные преступления во время войны.

В книге «Перебитый панцирь» рассказывается о разоблачении агентов, действовавших в 1943 – 1944 годах в Махачкале. И они действительно были. В один из эвакогоспиталей устроились на работу сестры Нина и Евгения Нос: обслуживая раненых солдат и офицеров, они собирали разведданные и передавали их по радиции в разведцентр. Дома у них были обнаружены радиостанция и пятнадцать радиogramм.

Особенно активно работал агент – парашютист Грецкий. До войны он был учителем, призван в армию, попал в плен, где немцы сумели его завербовать. По световым сигналам Грецкого фашистские самолеты бомбили Махачкалинский морской порт, рыбоконсервный комбинат, другие объекты.

– Вы написали и выпустили в свет несколько книг. Издание их шло беспрепятственно или встречались на пути препоны...

– В целом нет. Но для включения их в план определенные трудности, конечно, были.

– Детективная литература – жанр особый, сложный. Как Вам удалось им овладеть, кто помогал?

– Много полезных советов давал опять же Виталий Горбач. Помогали Александр Грач, Аткай...

– А творчество писателей детективного жанра не помогало Вам? Кто был Вашим кумиром?

– Я люблю творчество многих писателей, у меня очень солидная домашняя библиотека, нет в ней книги, которую бы не читал и не перечитал. Но кумира нет. Помню вычитанное где-то изречение: «Не создавай себе кумира, чтоб не угас огонь в груди».

– Вопрос к Вам как к писателю: какие произведения близки по духу, что бы Вы держали на столе как настольную книгу?

По духу? Историческая литература. Мемуарная. В моей библиотеке 165 книг из серии «Жизнь замечательных людей». Привозил из Москвы. А как настольная – «Глазами человека моего поколения» Константина Симонова.

– Что ближе Вашему сердцу – профессия чекиста или писателя?

– Сложный вопрос. И та, и другая дороги. Я формировался как чекист, а последние тридцать лет увлекся литературой, о чем не сожалею. Правда, недавно я погрешил перед детективным жанром, обратился к другому... Написал историческую повесть «Не угасшая звезда», она переиздана под названием «23-летний нарком» – о первом наркоте земледелия Дагестана Мирзабеке Ахундове.

– Сегодня писатель оказался на задворках общества, чекист – одиозной фигурой, которого все кому не лень ругают и обливают грязью. Как Вы себя чувствуете в этой ситуации?

– То, что происходит, здравому человеку невозможно понять. Грязно и постыдно... Вся моя сознательная жизнь прошла в органах госбезопасности, и, когда слышу, читаю в СМИ, вижу по телевидению, как их поносят, бывает до слез обидно за чекистов. И ведь никто не знает о том, что говорил Курчатов. А он говорил, что пятьдесят процентов успехов создания атомной бомбы в СССР принадлежат советским чекистам. Да, это наша заслуга. А ведь долгие годы незаслуженно и целенаправленно принижается роль наших разведчиков.

И еще страшно обидно, когда наши СМИ и ТВ ведут обывательские рассуждения по поводу книг видных писателей, на которых воспитывалось старшее и среднее поколение: «Мать» Горького, «Как закалялась сталь» Островского, «Молодая гвардия» и «Разгром» Фадеева, «Мятеж» Фурманова, забывают уже Шолохова, редко вспоминают «Войну и мир»... Обидно и страшно – к чему это приведет?

– У многих сложился образ чекиста как сурового, жесткого

человека. А Вы совершенно другой – мягкий, жизнерадостный, общительный. Или это оболочка?

– Я по натуре действительно человек мягкий и гуманный. Когда говорю об этих качествах, всегда вспоминаю Дзержинского. Возглавлявший ВЧК-ОГПУ, будучи Председателем ВСНХ, министром путей сообщения, руководя Комиссией по борьбе с голодом и детской беспризорностью, он выглядел суровым и неприступным. А сердцем был очень мягок и добр, заботлив и внимателен. Как-то, спустившись в подвал к беспризорным, среди которых было много туберкулезных, он заметил, как один из них захлебывается от кашля. Дзержинский высосал из него мокроту... Кто решился бы на такое?

Вот такие качества я и впитывал в себя от первого чекиста с молодых лет. О себе говорить неудобно, но от меня люди уходили довольные, расчувствованные. Если даже и отказывал кое-кому, говорил: «Спасибо за толковое разъяснение».

– Будучи депутатом Верховного Совета Дагестана, немало сделали для Усукчайского округа. Можете вспомнить, что именно?

– Ну, например, в селе Усукчай было построено новое здание средней школы, завершено строительство оросительного канала Ахты-Мискинджи, проектированы водопроводы для ряда сел, открыто регулярное движение автобусов по маршрутам Дербент-Усукчай и Усукчай-Ахты. Не посчитайте за бахвальство, но это было: десяткам выпускников средних школ я помог поступить в юридические вузы России, и многие из них сегодня трудятся во всех правоохранительных органах республики.

– Что Вы цените больше всего в жизни?

– Справедливость, гуманизм. Не приемлю и осуждаю кичливость, карьеризм, подхалимство, чинопочитание. Никогда не предавал друзей.

– Есть ли у писателя и чекиста Сфиева увлечения? Ну, скажем, такие, как охота, рыбалка, футбол, шахматы?

– Всю жизнь увлекался книгами. К слову, в моей библиотеке первое издание «Большой Советской энциклопедии», их пятьдесят томов, выходили в свет с 1948 по 1958 годы. Вы упомянули про футбол – не люблю. В основном уровень болельщиков очень низок, и сидеть в их обществе совершенно неприемлю. Ведь когда вы сидите на концерте или в театре, не услышите ни шума, ни мата, не увидите ни драки, ни хамства. А почему на футболе это возможно? Не пойму.

Очень люблю путешествовать. Побывал в семи зарубежных стра-

нах, во многих городах СССР, объездил весь Дагестан. Люблю с детьми два-три раза в год совершать экскурсии по нашим музеям.

– **Спортом увлекаетесь? Ваша профессия обязывает Вас уметь драться, стрелять...**

– В пределах нормы. В физподготовку входит и тот, и другой вид.

– **Мне рассказывали, что Вы хорошо поете, а на отдыхе с друзьями готовите отличный кебаб.**

(*Смеется*). Что вы! Никогда не пел, это наговоры. А насчет кебаба – верно. Часто выезжали за Тарки-Тау, в лес, с Виктором Свистуновым, Ахедом Агаевым, Акимом Акимовым в выходные дни. Почти двадцать лет по утрам хожу на море, уделяю морским купаниям два часа.

– **Вы замечаете резительные перемены, которые произошли в органах?**

Ну, конечно. Прежде мы работали до двух часов ночи, ходили пешком – автобус был один на весь город. Нагрузка была очень большая. О транспорте и мечтать не могли. Никогда не забуду поездку в Ахвах: добирался на семи попутных машинах. А сегодня совершенно другой уровень в системе обеспечения техническими и транспортными средствами. Нынешнее поколение чекистов отличается грамотностью: имеет юридическое, инженерное, экономическое образование, владеет иностранными языками.

– **Но писать Вы продолжаете?**

Конечно, продолжаю. Сейчас работаю над романом «Последний путь душмана». Отрывок из него был опубликован еще в 1987 году. События охватывают время с 1918 года до наших дней.

– **Я слышал, – изменили действующему жанру и обратились к истории своего села Мискинджи.**

Да, слухи не беспочвенны. Книга «Люди аула Мискинджи» публицистична, хотя и написана на историческом материале. Я решил воздать должное аульчанам, которые принесли славу своей земле. Лично я исследовал и вернул из неизвестности, из небытия сто пятьдесят воинов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и не значившихся ни в каких списках. Спонсорами книги были сами мискинджинцы, а книгу раздали всем бесплатно, включая членов семей и родственников погибших.

– **Мне рассказывали, что Вам не раз предлагали включить в репертуары театров пьесы по вашим повестям, и Вы отказались. Почему?**

– Не знаю, болезненная скромность ли это или верность литера-

туре, беллетристике... Не знаю. Еще Алирза Саидов, будучи ответственным секретарем правления Союза писателей Дагестана, предлагал мне подать материалы для вступления в Союз. Я отказался. Багиш Айдаев, работавший главным режиссером Лезгинского театра, и известный главный режиссер, актер, писатель Ислам Казиев предлагали поставить пьесу по повести. Тоже отказался.

– **Сейчас не жалеете?**

– Ничуть. Для сожаления никакого даже повода нет.

– **Кому Вы намерены посвятить очередную книгу?**

Дагестанскому чекисту, который вырос от рядового сотрудника до одного из руководителей дагестанской контрразведки.

– **Сфибуба Юсуфович, я вижу, что Вы утомились, но еще один вопрос - последний: Вы довольны своей жизнью?**

(Смеется). Я утомился? Что вы, я могу часами рассказывать. Чувствую, это я вас утомил. Итак, отвечаю на последний вопрос: пятьдесят лет я посвятил органам и тридцать лет писательскому труду. И другой жизни не желал бы.

«ПОНИМАТЬ ЖИЗНЬ НЕ СЛОЖНО, ЖИТЬ СЛОЖНО...»

Все-таки недостаточно знаем мы своих людей, их духовные качества, внутренний мир. Не ценим.

Имея отношения с десятками своих собеседников, располагая их к откровенности и выслушивая такие тайны сердца, которые они скрывают не только от близких друзей, но и даже от родных, я утвердился в своем мнении.

Человек, с которым я провел полдня, оригинален. Он известен как поэт. Старшее поколение знает его и как партийного и хозяйственного работника. Но как человека, обуреваемого мыслями, думами, тревогами, болями?..

Наша республика не бедна знаковыми фигурами, то есть людьми, внесшими достойный вклад в ту или иную сферу жизни и ставшими как бы символом в науке, культуре, медицине.

Более того, каждая народность имеет своего кумира, который становится ее гордостью, а если без ложной скромности – достоянием.

Стал ли мой собеседник таковым для своей народности?

Не знаю, не ведаю.

Но по масштабам жизненных лет и перипетиям жизненных дорог, по глубине и остроте мыслей, видению проблем, по смелости суждений он неординарен.

Личность? Не могу судить. Эту категорию определяет общественность. Я лишь могу сказать словами народной поговорки (а народ знает цену слову): он «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Он – это Муталиб Митарович МИТАРОВ.

Восьмой этаж высотного дома. В кабинете много света. И свежего, чистого воздуха. Из окна виден голубой простор Каспия: он – как на ладони, приковывая надолго внимание, рождая романтические мысли.

И еще много книг. Они в два ряда плотно выстроились на книжных полках, стеллажах, шкафах. Они – и на лоджии, «забились» в ниши. На тумбочках, столиках – горки туго набитых папок – богатый архив хозяина дома.

На стене висят два чунгура, богато инкрустированная сабля, в углу – охотничья двухстволка, на полках – бюсты В. Ленина, И. Сталина, портрет Эрнеста Хемингуэя и книги, книги, книги... куда ни бросишь взгляд. Всемирная литература, подписные издания классиков, справочная, политическая...

– Муталиб Митарович, я вижу на Ваших полках много политической литературы, а все знают Вас как поэта.

Муталиб Митаров не удивляется моему вопросу:

– У меня было пятьдесят четыре тома собрания сочинений Ленина. Подарил библиотеке. Был и первый выпуск сочинений Ленина со вступительной статьей Бухарина, сдал в парткабинет Табасаранского райкома партии, туда же передал двадцать три тома Маркса и Энгельса. А вот тринадцать томов сочинений Сталина и сейчас держу у себя.

На корешках увесистых томов читаю: «Жизнь растений», «Жизнь животных»...

– У меня много справочной литературы, – говорит Муталиб Митарович, поймав мой взгляд. – Большая Советская энциклопедия, Малая Советская энциклопедия, энциклопедические словари.

– После августа девяносто первого года во взглядах многих политических, государственных, общественных, творческих деятелей произошли изменения, у кого – кардинальные, у кого – сравнительно небольшие.

Лично во мне никаких изменений не произошло. Есть осознанное понимание вещей, событий, процессов.

И Высшая партийная школа, где я в свое время учился, и литература, которой я занимаюсь всю жизнь, помогли мне воспринять, осознать и утвердиться в том, что стало моим жизненным кредо. Будучи слушателем ВПШ, я увлекся маннахистским коммунизмом.

Название идет от имени Манна. Это был шейх, крупный ученый, живший во II веке нашей эры. Учением и движением Манны в ту пору был охвачен весь Древний Восток. (*Муталиб Митарович подходит к книжным полкам, достает сочинения В. Бартольда и пускается в поиски Манны и маннахизма*). Мне непонятно, почему Ленин в своей работе «Три источника и три составные части» не отметил Манну и Маздака. Они утверждали, что Бог создал всех одинаковыми и равными и не должно быть ни богатых, ни бедных. В основе их учения на видном месте стояла социальная справедливость. А Маздаку у великого персидского поэта Фирдоуси есть целое посвящение.

Конечно, они были наивными коммунистами, но знакомясь с их учением, я осознал значимость решения социальных вопросов. Поэтому мне дороги идеи и мысли о единстве человеческих душ, о конечной цели человечества.

– Я многие годы был партийным работником и, скажу откровенно, не всегда уважал коллег по работе. Душа раздваивалась. Не выносил несправедливости.

– **Вам не жаль тех лет, которые Вы отдали партийной работе?**

– Я был приверженцем идей справедливости, долга, чести. И, конечно, в характере, поступках, поведении людей, в том числе коммунистов, видел много того, что мне не нравилось, что возмущало. Я знал многих коммунистов, многих уважал и почитал за честность, искренность, чистоту души и ясность, но вот честнее Юзбека Гюльмагомедова – не знал. Когда меня избирали первым секретарем Табасаранского райкома партии, а он уходил с этого поста, честное слово, я боялся, что не сумею заменить его...

Ты спрашиваешь, не жаль ли мне тех лет? Когда началась перестройка, я был одним из создателей компартии Дагестана. Что мной двигало, руководило? Идея объединения людей.

– **Чего было больше в Вашей жизни: политики или творчества? Я имею в виду литературное творчество.**

– Моя жизнь пошла по двум направлениям, если образнее – потекла по двум руслам. А можно сказать еще иначе: древо с двумя стволами. Один ствол – партийная, общественная жизнь, другой – поэтическая.

– **Но Вы еще работали и министром бытового обслуживания республики. Неужели этот участок был интересен?**

– Он был очень нужный участок, очень необходимый народу, людям, он облегчал их бедственное положение. И это я говорю не ради красного словца.

– **Вот Вы были на партийной работе двенадцать лет. Что полезного предприняли или осуществили, с какими инициативами выступили и какие из них были претворены в жизнь? Вы можете гордиться тем, что какой-то вопрос сумели разрешить, сдвинуть с мертвой точки?**

– Я поднимал много вопросов. (*Муталиб Митарович задумывается, потом развязывает тесемки увесистых папок, достает пожелтевшие от времени листы. Справки, справки, справки...*). Одним из первых был вопрос об отставании табасаранского народа в культурной области – слабом развитии образования, мизерном издании на табасаранском языке литературы, ставил вопрос об открытии газеты, радиопередач... Пять-шесть месяцев справка ходила по кабинетам секретарей обкома. Наконец, приглашают: вы работник обкома, говорят мне, знаете, что сегодня речь идет о консолидации народов, а вы их разделяете... Я не разделяю, отвечаю, я говорю об ущемлении табасаранского народа... Справку списали. Это был пятьдесят восьмой год.

Чуть раньше поднимал вопрос об издании учебников и художественной литературы на родном языке. Тоже остался висеть в воздухе.

Вот посмотри, это копия справки об экономическом положении в Табасаранском районе. В ней речь идет о проблемах в коврово-животноводческих хозяйствах. Была создана комиссия в составе семи человек. В нее входили зампредсовмина, председатель Дагпотребсоюза, министр местной промышленности и другие ответственные работники. Многие вопросы до сего дня остались нерешенными.

В 1962 году ставил вопрос о реорганизации мелких нерентабельных овцеводческих ферм и создании более крупных. Я перестройку начал раньше Горбачева.

– **Удалось претворить в жизнь идею?**

– Нет. Даже журили. Я сам, взяв на себя ответственность, стал проводить укрупнения.

– **Ваши инициативы, по Вашим рассказам, подрывались, как говорится, на корню. Другой бы на Вашем месте давно опустил руки.**

На самом деле. Вот послушай... Как-то написал статью о тяжелом труде женщины. Послал в «Дагправду». Спустя некоторое время вызывают в обком партии: – Что ты пишешь? – Пишу то, что есть, отвечаю.

Разговор был долгий. Статью не опубликовали. Та же участь постигла статью «Национальный вопрос и дагестанский феномен».

– **Вы проявляли настоящие бойцовские качества. Продолжали биться, не взирая на поражения. Неужели испытывали удовлетворение от такой работы?**

– Я получал удовлетворение оттого, что народ меня поддерживал и понимал.

Мне удалось ликвидировать мелкие фермы и создать пять укрупненных совхозов. Удалось народной стройкой построить дорогу Ма-медкала-Хучни-Хив. Удалось у райцентра построить большой трехарочный мост. Удалось восстановить в ковровых артелях выпуск ковров по старым табасаранским рисункам и орнаментам.

– **И все-таки в душе Вы поэт? И, будучи на партийной работе, были поэтом?**

– Да. А знаешь, кто дал зеленый свет?

– Как-то приехал к нам в район Присяжнюк, в ту пору он был секретарем обкома партии по сельскому хозяйству. Пригласил я его домой, здесь он и увидел мои рукописи. А на бюро обкома в Махачкале возьми и скажи: – Побывал я в Табасаране. Митаров берет пра-

вильное направление, но вот времени ему не хватает – поэзией увлекся. И в зале – смех...

Затем в район приехал Абдурахман Даниялов. У меня дома он заметил рукопись «Иран-хараб» (она была на табасаранском языке). Разговорились. Я сказал ему, что есть у меня поэма и о ковровщице, «Устад» называется. – Почему не издаешь, дай машинистке, пусть печатает, – говорит он мне.

Вот так вышла в свет моя поэма «Иран-хараб», а «Устад» была переведена на русский язык.

– У многих известных поэтов поэтическая деятельность начиналась уже в детстве. Наверное, и Вы из этой категории одаренных людей...

– Наш народ чтит ашугские традиции. Он поет на азербайджанском языке. И я пел.

И вот в тридцать четвертом году, а я учился в Кандикской школе, учитель говорит мне: – Напиши в стенгазету.

– А что писать? – спрашиваю его.

– Ну, – говорит, – напиши стихи.

Я написал явно антирелигиозное стихотворение «Свободный парень». На следующий день, как только я вернулся из школы, мама больно ущипнула меня: «Что ты наделал, мулла со стариками приходил, хотел тебя наказать, возьми кусок хлеба и быстро уходи к сестре, пока они не успокоятся».

И я отправился из родного Кандика в Чувек.

Вот к чему привела моя проба пера. А потом были свадьбы, субботники, праздники, и все это давало пищу для творчества.

13 декабря 1937 года состоялись первые выборы в Верховный Совет СССР. И первое стихотворение, посвященное им и опубликованное в газете «Красный Табасаран», было мое. Тогда же я стал собирать фольклор – народные песни, стихи, поговорки, пословицы.

(Муталиб Митарович развязывает тесемки папки и достает тетрадки, исписанные ученическим пером. Их одиннадцать тетрадей).

– Как называлась Ваша первая книга?

– «Счастье». Она вышла в свет в 1954 году. А одной из главных тем моих произведений стали... ковры. Мой рассказ «Ковер Ханпери» был опубликован в журнале «Советский Союз» и переведен на многие языки.

Спросишь, почему ковры? Я стараюсь раскрыть эстетический мир табасаранских ковров, а вместе с этим и богатый духовный мир мас-

териц, создавших такую красоту, великолепие, вот и в поэме «Устад» устами мастерицы я восхищаюсь искусством ковроделия и многокрасочности ковра.

Следующая книга прозы – «Жизнь в узорах» – уже состояла из восьми рассказов. И все они – о коврах.

– Когда впервые Ваши произведения были опубликованы на русском языке?

– Широко, в 1964 году. В журнале «Огонек» был напечатан цикл стихотворений. Вступительное слово написал известный писатель Михаил Алексеев. Ты, наверное, помнишь, как он назвал меня?

– Конечно, помню – «табасаранский соловей».

– Да, «табасаранский соловей». А до этого публиковался в «Дагестанской правде», в общих сборниках, «Дружба народов». В 1959 году на Декаде дагестанской литературы и искусства я заслужил похвалу Николая Тихонова.

– Сколько же книг Вы издали в общей сложности?

– Тридцать семь.

– И какая из них самая лучшая? Самая главная? Самая, как говорится, кровная?

– Да, ты точно сказал, – самая кровная. В ней мои думы, чаяния, моя боль... Эта книга называется «Воскрешение». Она выпущена на русском языке.

– А какую Вы можете назвать вершиной творчества?

– Она-то и есть вершима творчества – «Воскрешение». В нее вошли семь поэм и стихотворения.

Многие считали, что у табасаранцев нет литературы, они не способны мыслить ни логически, ни аналитически, ни образно. А я открыл для табасаранцев, да и для других народов, дореволюционную табасаранскую литературу. Таких авторов, как Джегер Кандикский, Урудж Татильский, Хаджи-Сайд Зирдагский, Мирза Калукский, ашуг Гамида, Гаджикерима, сказителей... В 1974 году я издал книгу «Народное наследие» (фольклор Табасарана); две антологии фольклора вышли еще в 1953 и 1954 годах.

А еще говорят, у табасаранцев нет литературы...

– Литературная жизнь Ваша, думаю, была богата, даже очень богата дружбой с интересными людьми...

– Конечно же. Дружба с ними обогащала меня, расширяла кругозор, помогала познать тайны и секреты писательского мастерства. В 1939 году Союз писателей Дагестана проводил семинар молодых поэтов и прозаиков, руководил семинаром Манувах Дадашев. Ответст-

венным секретарем Союза писателей был Михаил Бахшиев. На вечере, который проводился для участников семинара, присутствовали: Гамзат Цадаса, Мусаиб Стальский, Юсуп Хаппалаев, Абдулвагаб Сулейманов, Аткай, Александр Назаревич, писатель из Москвы Львов и другие.

– **Вся Ваша сознательная жизнь прошла в ту эпоху, советскую. Я не хочу вести разговор об общественно-политическом климате – о нем много пересудов, и у каждого свое мнение, свое видение... А вот в литературной области, в литературной жизни когда было интересно?**

– Понимаешь, тут однозначного ответа нет и быть не может. В ту пору, советскую, был духовный прорыв. Многие его не хотят видеть, отрицают. И был четкий порядок. Беспредела не должно быть. Сегодня все кому не лень - пишут, и пишут что угодно, кому что придет в голову. Я категорически против этого. И что страшно – пишут не сами: платят деньги, а сочиняют от их имени.

Другая беда – нигилизм молодых. Молодые табасаранские поэты во всеуслышание заявляют, что табасаранской культуры не было. Позвольте, но ведь в семнадцатом веке писали, да и какие чудесные стихи. Я уже называл их имена: Хаджи-Сайд Зирдагский, Урудж Татильский, Джегер Кандиский, Мирза Калукский... Они оставили огромное наследство.

Молодые поэты не только не знают свою историю, они ничего не сделали для своего народа, да и сделают ли.

Читаешь сегодня произведения нынешних поэтов – слезы, недовольство. И я могу быть недовольным, но ведь поэзия не для того существует, чтобы плакаться. Что говорил Пушкин?

*... И долго буду тем любезен я народу,
что чувства добрые я лирой пробуждал,
что в мой жестокий век восславил я
Свободу и милость к напшим призывал».*

– **Муталиб Митарович, на Вашей книжной полке портрет Эрнеста Хемингуэя. Вы его поклонник?**

– Я его очень люблю. Перечитывал и продолжаю перечитывать повесть «Старик и море». Пытался перевести на табасаранский язык. Может, и переведу. А еще... *(он задумывается)*. В далекую пору, когда я был босоногим мальчишкой, рядом жил Ашурбек. Он ходил с сумой, в которой были разные музыкальные инструменты. Однажды он сидел, греясь на солнце, и играл на дудке. Я подошел к нему и уди-

вился: по его щеке катилась, как серебряная капелька, слеза. Я обнял его и проговорил:

– Дедушка, не надо плакать. Он вытер слезу и тихо сказал:

– Э, сынок, вырастешь, будешь играть, поймешь, о чем играешь, и сам заплачешь. Эти слова Ашурбека не покидали меня и по сей день не покидают. Под впечатлением я написал поэму «Песня поющей скалы». А сам Ашурбек был очень похож на этот портрет, ну очень.

– **А на другой полке – Сулейман Стальский?**

– Да, это портрет Сулеймана. Я посетил его в 1936 году, когда был школьником. Как-то гнал вечером домой скот, когда меня остановил директор школы: – Ты хочешь видеть Сулеймана? – Как же, конечно, хочу. – Хороших учеников направляем к Сулейману, собирайся.

Ночь прошла без сна. Утром отправились в путь, нас было четверо. До Хива доехали на фургоне, а из Хива – пешком в Ашага-Стал. Шли по садам, восхищались ими: в ту пору у нас в Кандике садов не было. Пришли – а там ребята из других сельских школ. Под развесистым тутовым деревом постелили нам палас. Только расположились – идет сам Сулейман. В бешмете. Ворот рубашки расстегнут. Рядом с ним сын Мусаиб. Сулейман сел на табуретку. Принесли чунгур. Он бережно взял его в руки и спел нам песню «Ребятам». Потом нам подали лаваш, чай, шур (творог), тутовник...

Обаятельный был человек. Его улыбающееся морщинистое лицо никогда не забываю. Шесть его книг лежат у меня на полке. В 1939 году были изданы избранные Сулеймана Стальского. Несколько его стихотворений в моем переводе на табасаранский язык вошли в избранные.

– **С Мусаибом Стальским не дружили?**

– С Мусаибом у меня были очень близкие отношения. Дружил он с моим братом Багаудином.

Жил Мусаиб в доме, что на углу улиц Буйнакского и Дахадаева, здесь располагался комсомол, сейчас Комитет правительства РД по делам молодежи и туризму. Не пойму, почему на стене дома нет по сей день мемориальной доски. Неужели память о людях, о таких людях, нам сегодня уже безразлична?

– **Это, кажется, макет Тадж-Махала на полке?**

– Да, Тадж-Махал. Привез из Индии.

– **Где-то еще за рубежом были?**

– В Италии. Посетил могилу Рафаэля Санти, любовался и восхищался Давидом, посвятил им стихи, побывал в Венеции, встретил друга Лучани, участника движения Сопротивления.

Будучи в Турции, встретился с известным писателем Азизом Несинем, а Дагларчи Яшар Камал подарил мне свой роман с автографом. Интересна и незабываема была встреча с турецкими литераторами, проведенная в ресторане.

– **А теперь чуть-чуть каверзный вопрос: где лучше?**

– В Индии я понял, что такое свобода. Я был там не в качестве туриста, а гостя. И вел себя так, как хотел, общался с тем, с кем хотел, посещал то, что хотел.

А индусы в разговоре со мной восхищались... нашей страной.

Скажу тебе откровенно: свой дом есть свой дом. У нас в народе говорят: палка, которая в твоих руках, тебе кажется с колючками, а в других руках – колючек не видно.

– **Муталиб Митарович, я вижу на Вашем письменном столе массивную вещь – миниатюрную копию памятника воину-освободителю, что в Трептов-парке в Берлине.**

– Жена Байзат подарила. Я ведь воин (улыбается).

9 октября 1940 года уехал в военную школу в Ленинград. Прошел годичную подготовку, получил пятидневный отпуск на поездку домой, но не довелось уехать. Всех военнослужащих вернули в воинские части. 25 июня 1941 года уехал в Мурманск в распоряжение 14-й армии.

Начал войну начальником пищеблока, закончил замполитом 29 8-го стрелкового полка. Первое ранение получил на пожаре – ранение в голову.

Второе – сквозное ранение левой ноги. Третье – сквозное (в грудь навывлет) и тут же – осколок в тазобедренный сустав. В госпитале был момент, когда уже считали, что я не жилец, и медсестра хотела, чтобы я написал письмо домой. А я сквозь боль и бред заявил: – Я еще не хочу умирать. Наверное, я был в таком состоянии, что она не выдержала, заплакала и выбежала.

Спас меня профессор Иванов. Выходил. Это ему я обязан жизнью. Между прочим, он читал нам лекции в Ленинградской военной школе.

Так что о войне не дают забывать раны.

В аэропорту Дели на таможне прохожу через раму – металлоискатель. Звонок. Полицейские удивлены, насторожены. Обыскивают – ничего подозрительного. Прохожу второй раз – опять звонок...

А это в моем бедре – металл. Осколок с войны. Он со мной и во мне на всю мою жизнь.

– **На каком из этих чунгуров Вы играете? Их у Вас два.**

– Большой мне подарили недавно, на восьмидесятилетие. А тот, что меньше, – у меня уже лет пятьдесят. От Багаудина остался. Играю на нем. Вернее, проверяю музыкальность стиха.

– **Задаю Вам очень серьезный вопрос: Вы считаете себя учителем или наставником своего народа?**

– Сложный вопрос. Я не могу ответить на него. Вот у народа, именно у самого народа я многому научился. Меня очень волнует судьба моего этноса, мне интересна его история. Я написал книгу «Табасаран и табасаранцы», которая состоит из историко-эпических этюдов. В них много нового, чего нет в литературе. Но не могу издать. Нет поддержки.

– **Опять возвращаюсь к предыдущему вопросу: у всех народов есть свои мудрые старцы, аксакалы. Вас не считают аксакалом?**

– Не знаю, не могу сказать. Твердо знаю одно – в любви к народу не уступлю никому.

– **Как Вы думаете, республика наша богата личностями?**

– Нет. Вот Шамиль. Колоритная фигура и противоречивая. Сулейман Стальский – личность.

– **А талантов много?**

– Талантов? Талантом был Герой Советского Союза подводник Магомед Гаджиев. Талантами были Етим Эмин, Ирчи Казак, Батырай.

– **На вашем столе – компьютер. Неужели Вы на нем работаете?**

– У меня много рукописей Багаудина. Они – ценность. У меня много своих рукописей, рукопись повести «Разведчики», написанная в сорок втором году в госпитале в г. Молотове (ныне Пермь), стала уже ветхой, поля изгрызены временем, словно мышью.

Их надо набрать. Духовную культуру необходимо сохранять.

– **Каково сегодня состояние Вашей души? Чего Вы не смогли совершить, выразить?**

– Не сумел собрать и зафиксировать исторические места Дагестана, не открыл новых имен – исторических деятелей, не успел подготовить табасаранский эпос.

И меня очень волнует равнодушие окружающих, просто потрясающее равнодушие. Сейчас у меня на столе лежат семь рукописей, пять – подготовлены. И никому до них дела нет.

– **И какими же глазами смотрите на сегодняшний день?**

– А вот смотрю и размышляю: каким должен быть писатель, духовный наставник? Он должен идти впереди общества, пояснять то, что неясно народу. Я всегда говорю себе: мы, писатели, должны показать себя, быть примером. Нельзя приводить в назидание примеры, сам не будучи примером.

К сожалению... не с кого сегодня брать пример.

– **Я чувствую, Вам сложно живется.**

– Понимать жизнь, цели, задачи – несложно. Жить сложно.

На каждом шагу встречаю людей, которые с упреком говорят мне: – Муталиб, где только ты ни работал, кем только ни работал, а ничего не имеешь.

А что мне нужно? Я очень многим помогал в жизни, вырастил племянников.

Сегодня люди руководствуются другими понятиями. Потому и грустно.

Конечно, мир состоит из добра и зла. Но мы не должны поступать так, чтобы зло побеждало добро.

Не забывается зло, которое потрясло меня до глубины души. Однажды приходит ко мне известный поэт (не хочу называть его имя) и виновато протягивает мои книги, вымоченные в воде. Как потом мне рассказали, в водах Сулака плыли сотни экземпляров моих книг «Солнце Сулака», выпущенные книжным издательством. Кому они были неуютны или нанесли вред? Или я кому? Разве это не зло.

– **И все-таки в Вашем сердце, я знаю, много места для радости.**

– Ты прав. Мне доставляет радость, когда хорошо другим. Когда в селе вокруг меня собираются старики. И в творчестве моем на первом месте, на почетном месте – радость творческого труда, творческого человека.

Человек, с которым я провел полдня, неординарен. Неординарен по масштабам жизненных лет и перипетиям жизненных дорог, по глубине и остроте мыслей, видению проблем, по смелости суждений.

Завидна его жизненная позиция. Его кредо. Он в последних строках поэмы «Цветы на граните». Вслушайтесь в эти пульсирующие строки:

*Над моей головой
Отшумел, отзвенел снегопад.
Стал я старше тебя,
Но зимою, весною и летом,*

Если начал сдавать,
Если трудно становится, брат,
На могилу твою
Я опять прихожу за советом.
Материнский букет
Лепестками осыпал гранит.
Душу жгут мне они
И навеки лишают покоя.
Брат, клянусь перед тобой:
На земле продолжается бой.
И пока я живу,
Я не выйду из этого боя.

«ВЫ НАШ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ РЕПИН...»

Не так уж много в нашей республике людей, которые своими выдающимися достижениями в области науки или культуры прославились на весь мир. А вот скоро к ним прибавился еще один человек.

Единственный на планете по публикациям биографий Международной биографической центр, располагающийся в городе Кембридже (Англия), отмечая достижения известных людей XX века, перед началом нового тысячелетия выпустил специальную медаль, посвященную 2000 известных людей двадцатого столетия с выгравированием имени ее получателя. Такой чести была удостоена Клавдия Георгиевна Самышкина, ведущий научный сотрудник Института геологии ДНЦ РАН, доктор геолого-минералогических наук. Она была информирована о том, что награждается медалью за большой личный вклад в избранной области – изучение стратиграфии (описание слоев) и фораминифер (микрофауна) меловых отложений Восточного Кавказа (Дагестана). Ее работа используется при расчленении и корреляции разрезов скважин смежных с Дагестаном территорий, а так же при сопоставлении подобных схем, разработанных учеными для тепловодного пояса Средиземноморья, Западной Европы и Юга бывшего СССР. Ранее она была удостоена Диплома мировой известности, учрежденного специально для женщин с мировым именем.

Итак, моя собеседница – Клавдия Георгиевна САМЫШКИНА.

– Клавдия Георгиевна, я слышал, что Вы – первая из ученых дали палеонтологическое обоснование геологического возраста пород, пройденных скважинами меловых отложений?

– Когда началось бурение на нижнемеловую и верхнемеловую нефть, нефтяники оказались в затруднительном положении при расчленении и корреляции (сопоставлении) разрезов скважин. Это заставило их обратиться за помощью к И.О. Броду – начальнику Северо-Кавказской комплексной геологической экспедиции: надо было определять геологический возраст пород. По распоряжению Академии наук СССР, была образована специальная стратиграфическая экспедиция, под руководством члена-корреспондента АН СССР В.Л. Ренгартена. В эту экспедицию пригласили и меня, поскольку я была выпускницей Ленинградского госуниверситета (а В.Л. Ренгартен и его сотрудники были ленинградцами). По окончании экспедиционных работ он мне предложил заниматься изучением фораминифер (микрофауны) Дагестана, поскольку она была совершенно не изучена. Я согласилась.

И очень скоро поняла, какая огромная и сложная работа мне предстоит. Нужно было изучить ряд разрезов с отбором микрофауны для характеристики стратиграфических подразделений мела, выявить характерные и руководящие комплексы и виды, определяющие данные отложения. До меня этим никто не занимался, да и не помышлял даже... благодаря моим работам в области исследований фораминифер (микрофауны) произведена корреляция и расчленение разрезов всех скважин, пробуренных на территории Дагестана.

– Расскажите, откуда Вы родом, где учились, кем мечтали быть?

– Родом я из Саратовской области. В 1942 году окончила среднюю школу и год работала инспектором собеса, выписывала пособия членам семей фронтовиков. В 1943 году поступила в Ленинградский госуниверситет, который находился в военные годы в Саратове в эвакуации и располагался на территории Саратовского университета. В мае 1944 университет выехал в Ленинград. Ехали эшелонам. Дорога была еще не отремонтирована, не разминирована, и потому ехали очень медленно и долго. По приезде даже поразились – и как мы сумели целехонькими доехать?! А здесь – лаборатории разрушены... Пришлось нам, студентам, расчищать, убирать, штукатурить. Привели территорию в порядок. Потом сдали экзамены. А затем – на практику в район Гатчины. Так вот пришлось сочетать и труд, и учебу.

– А почему Вы поступили на геологический факультет? Это что - мечта детства?

– Я хотела поступать в медицинский институт, но он был переполнен. А с детства я мечтала на самом деле стать или врачом, или геологом. Ну раз первой стать не удалось, пошла на геологический факультет. Причем приняли без экзаменов – у меня аттестат зрелости был с отличием.

– Как Вы оказались в Дагестане?

– Это длинная история со столь же длинной предысторией. Понимаете, время было послевоенное, тяжелое. Мы, студенты, жили в общежитии, было холодно и голодно. Конечно, нам давали карточки на питание, но какое оно было, это питание: суп из крапивы и плавающее в нем яйцо, пшенная кашка. Мы умудрялись сдавать кровь и получать карточки. Молодость берет свое: несмотря ни на какие трудности очень часто ходили в известные московские театры, музеи... Где доставали деньги? Нам выдавали по 600 граммов хлеба, из них 200 граммов белого, так вот мы даже не знали, каков он на вкус, белый хлеб; только получим, тут же продавали и покупали билеты в театр.

Задолго до распределения мне стали поручать делать доклады по почвоведению на тему: «Наши степи прежде и теперь». Потом предложили остаться работать на кафедре почвоведения. Ну, думала я, дадут квартиру, а там, гляди, и достаток наступит. А мне предложили место в общежитии. Я, конечно, и отказалась. Заявила, что поеду по распределению на юг. Почему на юг? Студенты, приезжая с Кавказа, с восхищением рассказывали, как там тепло, какое там ласковое море, какое обилие фруктов, а груши можно лопатами брать. Но, увы, всех оставили в Ленинграде. И все-таки мне с двумя подружками повезло. Как-то пришел запрос: просили специалистов в Махачкалу. И как меня ни отговаривала тетя (да как можно ехать из Ленинграда в какую-то Махачкалу!), я сделала свой выбор.

Приехали мы, три подружки, в Махачкалу, а город грязный, квартиры нет... Думаем, уедем. Не уехали. Остались. Был 1948 год. Направили нас в мелиоративно-строительную контору при Министерстве сельского хозяйства. Просуществовала она всего три года. Когда ее расформировали, моих подружек отпустили, а мне предложили поехать в Шамхал. Я отказалась. В ту пору как раз создавался Дагфилиал Академии наук СССР и отдел геологии, нефти и газа, где работали Амирханов и Магатаев. В этот отдел меня и взяли младшим научным сотрудником.

– Под чьим руководством Вы работали, если в Дагестане не было крупных специалистов?

– Под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР В.Л. Ренгартена, который был специалистом по макрофауне. Фораминиферы в ту пору были не изучены, и мы с ним работали на протяжении ряда лет.

– А где Вы защитили свою кандидатскую диссертацию?

– Но прежде об учебе в аспирантуре. Училась я заочно, а экзамены вступительные сдавала в Москве, причем успешно, хотя дагестанцы экзамены сдавали на месте, у себя... Тема моей диссертации была «Микрофауна нижнемеловых отложений южных районов Дагестана», руководителем – крупный ученый Джалил Мустафаевич Халилов. Защитилась в 1959 году, в Баку, в Институте геологии Азербайджанской академии наук. Джалил Мустафаевич очень верил в меня. Он как-то твердо сказал: «Через пять лет жду от тебя докторскую». Но через некоторое время наша переписка прекратилась. А затем дочь Халилова сообщила, что он скончался в результате инфаркта.

Шли годы, и я собралась с духом и в 1985 г. защитила докторскую диссертацию. И то благодаря Мусе Мирзоевичу Алиеву. Он

прочитал мою работу, изумился: «Почему не защищаетесь? Здесь материала на две докторские диссертации. Я подпишу Вам...» На сегодняшний день у меня около 100 работ, из них 50 опубликованы: книги, публикации, крупная монография.

– В чем заключается практическая ценность Ваших многолетних трудов?

– А я бы отметила две стороны моих трудов: научную и практическую. Научная ценность – в том, что разработана схема расчленения меловых отложений для крупных и более мелких стратиграфических подразделений. Практическая – фораминиферы используются для определения геологического возраста пород в разрезах скважин. А на территории Дагестана меловые отложения залегают на глубине от 400 до 6000 метров. При этом фораминиферы – единственная группа организмов, которая позволяет расчленять разрезы скважин по маленькому кусочку керна, поднятого с больших глубин.

– Чувствовали ли Вы помощь в Институте в проведении исследовательских или других работ?

– Большую помощь мне оказывал Х.И. Амирханов. Кстати, Х.И. Амирханов дал мне квартиру на улице Мира, чего я не забуду никогда. Он же и предлагал мне перейти к нему в Институт физики, но я не пошла... Боялась, что ли?

– А Вам не предлагали работу другие институты, я имею в виду крупных городов

– Предлагали и в Ленинград переехать, и в Саратов. Но я осталась.

– Клавдия Георгиевна, как ученый Вы, безусловно, принимали участие в конференциях, в симпозиумах, делали ли на них доклады...

– Совсем недавно, в 1995 году, на Всероссийской конференции, проходившей в Дагестане, я выступила с докладом, который получил высокую оценку. Делала доклады на всесоюзных конференциях, проходивших в Баку, Ашхабаде, Ленинграде, Грозном, Ухте.

– О Вас, как об ученом, знают за рубежом?

– Когда защищала докторскую диссертацию в Баку, завлабораторией Института нефти и химии известный ученый Чингиз Ахмедович Таиров сказал: «Вы наш палеонтологический Репин», и что я уже имею известность за рубежом. Действительно, мои статьи публиковались в различных изданиях, мне писали ученые из Норвегии, Нидерландов, США, Англии, ко мне приезжали делегация из Аргентины, иракские молодые специалисты...

– Так что Вы не пребывали в тени и безвестности... А как насчет знания иностранных языков? Владеете ли ими?

– Перевожу сама с французского, шведского, немецкого, английского, молдавского, польского языков. Но только спецлитературу.

– Каков мир Ваших интересов? Кроме науки, конечно.

– Вы знаете, сегодня я такой человек, который читает только по геологии. Мне предлагают отвлечься хорошими детективами, а я интересуюсь вопросами естественного, космического характера. Мне это все интересно. А что касается литературы... Знаю наизусть Есенина, Цветаеву, Блока. А в молодые годы восторгалась дагестанскими танцами – так они были красочны, экспрессивны, зажигательны. Для меня, приехавшей с Севера, они были в новинку.

– А любите ли Вы заниматься домашним хозяйством?

– Домашним хозяйством? Готовить не люблю. Но готовлю, когда здоровье позволяет. А хозяйство ведем с сыном.

– Вы прожили пятьдесят лет в Дагестане. Всю свою жизнь, знания отдала ему. Чем он отблагодарил Вас за Ваш самоотверженный труд, а я бы сказал – подвиг? Имеете ли Вы машину, дачу, награды?

Знаете, награда есть у меня – медали «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», Почетные грамоты ВДНХ СССР, Академии наук СССР. Много лет назад как победителю в социалистическом соревновании мне предложили купить машину, но не было денег. Есть ли дача, Вы спросили? Нет. Вот квартиру имею благодаря Х.И. Амирханову. Сегодня текут трубы, холодильник требует ремонта, попросила оказать материальную помощь – отказали: денег нет.

– А заслуженного звания или Почетной грамоты хоть удостоены?

– Нет, не удостоена.

– Признайтесь, когда было легче и интереснее работать: в советскую эпоху или сейчас?

– Мне всегда было трудно: и в советское время выживала, и ныне выживаю.

– Вы, как и прежде, любите дагестанцев и Дагестан? Не произошла ли в Вашей душе переоценка ценностей?

– Отдельных людей я любила и люблю. Я уже говорила о Х.И. Амирханове, это был удивительный, интеллигентный, душевный, отзывчивый человек и крупный ученый. Люблю Гаджи Гамзатова. Когда проходили выборы президента Дагестанского научного центра,

голосовала за него. А вообще... Я привыкла жить здесь, привыкла к обычаям, характерам. Привыкла ко всему.

– Над чем Вы сегодня работаете?

– Над детализацией схемы стратиграфического расчленения меловых отложений. Установила, что перерыва между двумя отделами меловой системы нет. Да, и еще установила конденсированный разрез нижнего и среднего турана.

– Вы удовлетворены своей жизнью? Счастливы?

– Если по части науки – да. Удовлетворена и счастлива. Всего добились своим трудом.

– И последний вопрос, из области фантазии. Если бы представилась возможность начать жизнь сызнова, чем бы Вы занялись?

– Только изучением фораминифер. Это такая удивительная и интересная область!

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ОЧАГА

Как вы думаете, легко ли находиться под бременем двух фамилий? Широко известных в республике? Произносимых с неподдельным уважением, с особой любовью? Не запятнанных ни в минувшей эпохе, ни в нынешней, раздираемой всяческими страстями? Что испытывает человек, имеющий прямое и непосредственное отношение к ним, как живет, работает, ведет себя, чтобы быть достойным их? Как воспитывает и готовит к жизни наследников и продолжателей этих фамилий?

Интересно встретиться с таким человеком, и в процессе беседы познать душу его, перелистать страницы книги его жизни.

Конечно, сделать это непросто. Человек – это особый мир, и чувства его скрыты глубоко-глубоко, словно в закрытой раковине, в которой рождается жемчужина. И если к мужчине еще можно как-то подобраться, раскрыть эту его раковину, то к женщине...

Ох как сложно, наверное.

Но я решился. Решился пригласить на беседу.

За ее плечами – прекрасные, наполненные полнокровной жизнью длинные годы. В 1959 году окончила пединститут и, уже будучи студенткой, имела двоих любимых детей. С 1965 года работала старшим научным сотрудником в Госархиве, В 1970 году стала научным сотрудником партархива обкома КПСС, а в 1980г. уже заведовала им. В 1991 году уходит на пенсию и все свое время, всю себя отдает работе над составлением и изданием книги о родном незабвенном брате. В 1997 году, выпустив ее в свет, идет работать в Комитет по делам архивов Республики Дагестан заместителем председателя.

Общительная, деловая, неумная, как и в юные годы, она не представляет жизни без ярких дел. Сейчас сдала в производство 1-й том книги очерков «Женщины Дагестана из века в век». Завершает вторую книгу «Махачкала в названиях улиц и площадей». В компьютере Союза журналистов очередная книга очерков «Русские в Дагестане». Хотите узнать, кто же эта женщина?

Разия Исаевна Джамбулатова, из рода ШИХСАИДОВЫХ.

– Разия Исаевна, сейчас модно стало изучать историю своего рода, так сказать, генеалогию, рыться где-то в глуби веков. Может, это и нужно. А Вы сколько колен родового древа выявили для себя?

– К этой моде я, к сожалению, пристрастилась четыре года назад, когда взялась создать музей в Буглене. Пришлось пуститься в поиски

своих предков, нашла и изучила шесть колен. С ними сегодня можно познакомиться в Бугленском музее. Он – часть моей жизни. Кто-то строит дороги, кто-то – мосты, кто-то – хоромы для себя, а я создала музей. Состоит он из пяти комнат, радует посетителей богатыми экспонатами. Здесь проводят различные мероприятия и школьники, и молодежь села, и интеллигенция, здесь устраивают в праздничные дни встречи ветеранов войны и труда, уважаемых людей.

– Чем занимались Ваши предки в древности: совершали набеги, вели просветительскую деятельность или пасли отары?

– Ни то, ни другое, ни третье. Все они занимались земледелием в своем родном Буглене.

– Я все пытаюсь выяснить, выведать, был ли кто-нибудь из них чиновником, старостой села, проще – верховодил кто-нибудь?

– Сомневаюсь... Нет. Вот если отец, пожалуй... Ему доверили работать продавцом. За честность. Он был очень добросовестным и честным человеком. А магазин был филиалом Нижнеказанищенского сельпо. Спустя некоторое время отец вступил в партию, его примеру последовала и мама.

С ранних лет отец познал нужду, хорошо знал и видел жизнь людей. Может быть, вот это обстоятельство и воспитало, выковало в нем кристальную честность. И таким он оставался до конца жизни.

Потом были годы учебы. Учился он в Киеве, в Харькове. И дослужился до председателя райисполкома.

Во время войны отец возглавлял истребительный батальон района – ловил и уничтожал бандитов, которые скрывались в горах. В ту пору мы, дети, видели его дома только по ночам: он въезжал во двор на коне, обвешанный оружием, и рано утром уходил снова искать бандитов.

Когда в 1961 году Шихсаида назначили первым секретарем объединенного горкома и райкома КПСС, отцу предложили перейти на работу директором мелькомбината.

Мать очень не хотела, чтобы Шихсаида назначили секретарем, поехала к Абдурахману Данияловичу Даниялову.

В Буйнакске у нас много родни, не хочу, чтобы сын оступился, – сказала она ему. Но тот успокоил ее: – Не волнуйся, мы его там долго держать не намерены

Мама наша была справедливая женщина и очень активная.

– Я пытаюсь понять: как же так получилось, что из семьи Шихсаидовых вышла в жизнь целая плеяда знатных людей: Шихсаид Исаевич – редактор газеты «Комсомолец Дагестана»,

затем первый секретарь обкома ВЛКСМ, секретарь Буйнакского горкома, секретарь обкома КПСС, директор НИИ сельского хозяйства; Хизри Исаевич – секретарь Буйнакского райкома КПСС, управляющий «Дагвино», председатель Правительства республики; Мурад Шихсаидович – замзавотделом сельского хозяйства обкома КПСС, замминистра сельского хозяйства республики, глава администрации Каякентского района; Музакир Шихсаидович – доктор физико-математических наук, академик Академии технологических наук Российской Федерации, директор АО «Дагтелекомс»...

– Как и чем это объяснить?

– Почему столько и как объяснить... сама затрудняюсь найти какой-то ответ. Мы жили очень просто, открыто и доступно всем. В Буйнакске двери нашего дома открывались уже с шести часов утра. Нашу семью всегда отличало огромное желание помочь людям. Семья была, если можно так сказать, заряжена этим желанием.

Чем объяснить? Сложный вопрос.

Лично Шихсаид очень многое впитал и вобрал в себя от отца: тот был кумиром старшего сына. А я и Хизри – от Шихсаида.

Многому учила нас с Хизри и наша учительница Евфросинья Федоровна Винник, она вложила в нашу учебу и воспитание много тепла, если не сказать свою душу. А в педучилище сильное влияние на меня оказывала Галина Михайловна Татенко. Я думаю, нет, я уверена, что они помогли нам воспитать в себе такие качества, которые позволили смело, с открытыми глазами идти в жизнь и четко осознавать, чего ты хочешь от жизни.

– Шихсаид Исаевич по сей день в памяти людей. О нем вспоминают только добрым словом, отзываются тепло и с любовью. Чем он мог заслужить такую память?

– Мне кажется, он ничего лично для себя не сделал. Жил для людей, помогал им словом и делом, с его лица никогда не сходила улыбка. Этой улыбкой, широкой, теплой, почти детской, он согревал всех, она могла растопить лед.

Все, что оставил он после себя, – это книги своим детям. Он презирал тех, кто смысл жизни видел в накопительстве. У него не было ни машины, ни дачи, ни загородного дома – все это ему было чуждо.

Он был до того чист, ну кристально чист, что к нему боялись часто обращаться даже родные. Даже Хизри напрямую стеснялся обращаться. Как-то он мне говорит:

– Хочу пригласить Шихсаида в лес, отдохнуть, поедет? Я передаю просьбу старшему брату. Тот спрашивает:

– А кто там еще будет?

– Никого больше, – говорю, – только свои. Согласился. Был и такой случай. Хизри как-то говорит мне: «Брату никогда ничего не дарил, хочу преподнести маленький магнитофон, положу ему в машину». – Но почему сам не дашь, – спрашиваю.

– Стесняюсь, – отвечает Хизри. Ну, положил в машину. А когда Шихсаид сел и увидел магнитофон, рассердился: – Что это, кто положил? – Я объяснила, что и как.

– Отдай по назначению, – сказал он мне сухо.

– Какие нравственные принципы Вы впитали от родителей? Или проще – чему они Вас учили?

– Не лгать. Сопереживать человеку. Не обещать, если не в состоянии помочь. Я в своей жизни никогда никому ни в чем не солгала. Страшно не выношу лицемерия, хамства.

– Интересно, как и в чем выражалось родительское воспитание в Вашей семье? Вам читали нравоучения, Вас шлепали за шалости?

– В нас рано проснулось чувство ответственности. Это, наверное, генетическое свойство или качество. А ответственность заставляла нас быть организованными. Мы с Шихсаидом вырастили младших братьев и сестер, берегли родителей.

С Шихсаидом было интересно. Организационным, связующим звеном у него была я. Он у меня постоянно спрашивал, как живут братья, сестры, как у них идут дела. Вместе посещали родных. Регулярно звонил мне по телефону в Буйнакск, интересовался состоянием родителей. – Мы все вместе, – отвечала я. – Значит, – это хорошо, – успокаивался он.

Потеряв Шихсаида, я переключилась на Хизри. Мы были вместе – и это помогло нам пережить горе. И потом: я очень хотела, чтобы фамилия наша не потеряла свою значимость. Хотя я и не ношу ее, но тем не менее...

– Любопытно, кто из детей больше отличался сообразительностью, самостоятельностью, усидчивостью?

– Не могу кого-то особо выделить. Если взять меня... Мне была присуща в некоторой степени шаловливость, и я позволяла себе принимать самостоятельные решения.

Мы окончили четвертый класс. Евфросинья Федоровна готовила вечер и надо было привезти из Дженгутая продукты, а транспорта нет. Я вызвалась помочь.

И тайне от родителей (боялась, что они не разрешат) рано утром отправилась на госконюшню к директору Татенко и от имени отца попросила бричку. Тот, конечно, дал. На этой бричке и привезли продукты. Через пару дней отец отводит меня в отдельную комнату (чтобы не было свидетелей).

– Ты почему без моего ведома взяла бричку? – Я боялась подвести учителя, – отвечаю, – я же сделала доброе дело, прости, если что не так.

– Больше сама не принимай решения, – на этом разговор закончился.

Но в душе моей торжествовала победа. Наивная, детская.

– Кого все-таки в семье больше любили?

– Мама больше тяготела к Шихсаиду. Она гордилась им и любила повторять: мой сын, мой сын. Отец – ко мне, потому что я носила имя его мамы. Он часто трепал меня за волосы, это был признак теплого отношения.

– А сколько колен родового древа знает Магомед Мамаевич? Как супруг он, наверное, делится с Вами своими поисками?

– Где-то семь или девять. Он очень интересуется ими, уходит в такие временные дебри... Его предки из аула Куркли Лакского района. Отец Магомеда Мамаевича переселился в Атланаул, женился на кумычке из Кафыр-Кумуха.

Как-то мы с Магомедом Мамаевичем ехали в Куркли. У развилки дорог он остановил машину и вышел. Его долго не было. Наконец приходит задумчивый, сжимая кулак. Открыл бардачок машины и что-то из кулака туда выкладывает. Приехал домой, достает из бардачка привезенное, заворачивает аккуратно в бумагу и кладет на полку среди книг. – Что это? – спрашиваю его. – Ком земли с могил моих предков.

– Чем занимались его предки? Очевидно, тоже земледелием?

– Нет. Отец его пас коней. И выращивал капусту. Видимо, любовь к животным от него передалась к Магомеду Мамаевичу, да и Зайдину. Как-то сын даже заявил: – Как я могу отойти от занятия родителей...

– Вы заметили, точнее, почувствовали разницу в воспитании в семье Шихсаидовых и в семье Джамбулатовых?

– Конечно. В наших семьях есть разница в воспитании. Нам, Шихсаидовым, многое давала, прививала наша семья, ее устои, ее принципы. А Магомед Мамаевич мальчишкой рос один. Сам себя выковал. Он очень усидчивый человек, стремится быть впереди, только впереди, ни в коем случае не отстать ни в чем.

Он прошел ленинградскую школу учебы и воспитания. Его учитель, профессор Анатолий Васильевич Синев за три года сделал из него интеллектуала; посылал и сам водил в театры, музеи, на концерты, а перед смертью всю свою богатую библиотеку подарил воспитаннику.

– А как Вы познакомились с Магомедом Мамаевичем? Где сошлись ваши пути-дорожки?

– Магомеда Мамаевича я узнала через брата Шихсаида. Они учились вместе в сельхозинституте. Каждую субботу приезжали домой.

А еще я передавала им гостинцы от мамы – домашний хлеб, сыр...

Когда Магомед Мамаевич уехал в Ленинград на учебу в аспирантуру, мы переписывались. Письма от него шли регулярно. Как-то мама увидела в моей руке очередной конверт, спросила:

– Что за письмо? – Я ответила, от кого. – Что пишет, чего он хочет?

– Да ничего.

Переписка продолжалась.

– Между Вами с самого начала совместной жизни...

– Сложились уважительные взаимоотношения (*перебывает меня со смехом Разия Исаевна*). У него большой жизненный опыт. Он много читает, работает над собой. В семьдесят семь лет регулярно ходит в спортивный зал, от него не услышишь таких слов: болит голова, мне плохо. Это очень важный фактор: уметь себя постоянно держать в форме, не распускаться. Очень организованный человек. Удивительно организованный.

– Если не секрет, как Вас приняла семья Джамбулатовых? Я имею в виду в качестве невестки

– Не секрет, разумеется. Будни села мне были очень хорошо знакомы, хотя я давно уже переехала жить в город. Но на какие-то вопросы не находила ответов – мы в одном духе воспитывались, они – в другом. Однако отношения между нами были теплые. Я даже больше проявляю к ним внимание, чем мой муж.

– Разия Исаевна, Ваши дети уже сами стали родителями. Вы довольны ими, гордитесь?

– Наверное, вся моя жизнь – внимание, мысли, тепло были сосредоточены на детях и муже. Дочь Заира сейчас живет в Москве, защитила кандидатскую диссертацию – она кандидат философских наук, руководит фирмой «Оптика». Вышла замуж за ливанца. У нее две дочери: одна окончила университет имени Патриса Лумумбы, сейчас

учится в ординатуре; другая продолжает учебу в том же университете. Каждое лето они проводят в Ливане.

Сын Зайдин живет в Махачкале, работает председателем Комитета по ветеринарии. И у него двое детей: дочь учится в Италии, сын в Дагсельхозакадемии, продолжает традиции наших мужчин.

– Какие черты характера унаследовали они от Вас и от отца?

– От отца, – сдержанность, от меня – открытость и неумность.

– Признайтесь, в учебе, а потом и для продвижения по работе им помогали фамилии Шихсаидов и Джамбулатов? Фамилии-то были на устах у всех?

– Может, для Зайдина она и была визитной карточкой, когда он поехал в Ленинград в аспирантуру: ведь там хорошо знали Магомеда Мамаевича, а потому отнеслись к Зайдину как к сыну Джамбулатова. Другое дело, что он мог и не воспользоваться их вниманием. У него был хороший уровень знаний.

Когда дочь пожелала продолжить учебу, Магомед Мамаевич сказал: – Хочешь поступить в аспирантуру – поступай сама. Она сама поехала в Москву и поступила.

– Думаю, что Ваши дети гордятся своей фамилией. А вот к каким тухумам они тяготеют?

– Сын тяготеет к Джамбулатовым, у него ярко проявляется их характер; дочь – к Шихсаидовым. Зайдин очень считается с мнением отца, у них много общего, довольно часто обсуждают проблемы ветеринарии в республике, ищут пути, чтобы придать ей новое направление... За счет чего, какого механизма, мне трудно судить, но то, что они заботятся о будущем ветеринарии, это я слышу и вижу.

– Вы можете сегодня по необходимости пожурить своих детей, прочитать им нотацию, поругать? Или уже неудобно, ведь взрослые.

– Могу, но я не любитель читать нотации. Скажу два-три слова: Мне это в тебе не нравится. И все понятно.

Каждую пятницу мы обязываем сына бывать у нас; в другие дни может прийти, а может не прийти, но в пятницу – обязательно.

У Зайдина есть что-то от Шихсаида: очень тонкий, остро чувствующий, уважительный, знает, к кому в тяжелую минуту надо пойти и поддержать.

Зайдин очень часто посещал Шихсаида, находил в нем очень много общего с собой и по сей день боготворит его.

– Ваши дети для Вас остались прежними малыми детьми или уже недостижимы из-за возраста?

– Я не чувствую разницу возраста. А с моим мнением они считаются.

– **Неудобный для Вас вопрос: кем из них Вы гордитесь?**

– Обоими. Они меня не огорчили – ни сын, ни дочь.

Я вот что скажу: очень важно не отдаляться от детей, ни в коем случае. Их временные трудности были моими трудностями, их радости – моими радостями. И сегодня, когда мы, родители, в таком возрасте – им это совсем не в тягость.

Два раза в году я бываю в Москве – и квартира дочери клокочет: дети делают все для того, чтобы дни пребывания у них доставили мне удовольствие. А сын здесь, в их отсутствие, заменяет мне и дочь. Его еще нет в доме, а я чувствую его шаги, душой, всем сердцем чувствую, что он идет, и вдруг родной голос: – Разийка, мама, ты дома?

– **Нашим народам присущи межнациональные браки. И вас, как видно, они не обошли. Сколько же национальностей схлестнулись, если можно так выразиться, в Вашей семье? А может, в двух семьях?**

– По линии Магомеда Мамаевича – лакцы. По моей – кумыки. Жена Зайдина – даргинка, дочь Перзият Багандовой. Жена Мурада, сына Шихсаида Исаевича – даргинка, а Музакира имеет и азербайджанскую ветвь.

– **Приличный конгломерат. Что вносит в семью многонациональность? Не кажется ли, что происходят какие-то подвижки, изменения и в менталитете, и в укладе жизни, и в поведении...**

– Да, конечно. Вот, к примеру, Зайдин научился даргинскому языку, общается с родственниками жены, часто бывает в Левашах. Невестка принесла в наш дом свою кухню, ни один праздник у нас не проходит без ее участия. В нашей семье она занимает третье место – на правах дочери. Ей легко с нами, потому что у нас полное взаимопонимание.

– **И чей язык довлеет? Какой главный?**

– Это очень большой вопрос для нашей большой семьи. У нас был кумыкский. Для семьи сына выбор языка стал проблемой. Зайдин говорит, что дома у них основной язык русский, и дети будут знать его, а Магомед Мамаевич постоянно напоминает: дети должны знать и родной язык... Очень большой вопрос.

– **Но внуки Ваши знают национальные языки, понимают хоть?**

– Дети Зайдина понимают. А москвички, бывая в Махачкале, прислушиваются к нам. Но понимают ли?

– Еще один шепетильный вопрос: как Вы относитесь к религии?

– Отмечаем религиозные праздники. Как дань памяти умершим. Раздаем садака, угощения. Наш каждодневный девиз: делать добро в силу возможностей.

Забыть кладбище мы считаем недопустимым. Посещая его, приводим с собой детей и внуков, и каждый оставляет у надгробия цветок. Для нас кладбище святое место.

– У нас периодически шумно говорят о роли и месте женщины в обществе, будто эта шумная говорильня что-то существенное может внести в разъяснение и решение проблемы. Как Вы лично относитесь к ней?

– Сказать, что женщина должна занимать достойное место, не сказать ничего. Сначала она должна навести порядок в своей семье, стать настоящей хозяйкой. А потом уже думать о карьере. И главное, и карьера, и путь к карьере должны быть здоровыми.

– Давайте замахнемся высоко – пост руководителя государства может занять женщина?

– А почему нет? Я считаю, что это место женщины. Душу общества может понять только женщина. В правительстве республики она должна занимать одно из высоких мест.

– Когда-то женщина находилась в высших эшелонах власти, и работа среди женской части населения велась целенаправленная и планомерная.

– Сегодня эгоизм мужчин разве допустит этого?

– Ну а для чего женщине высокий пост? Он красит ее, создает имидж ей, сулит какие-то выгоды, преимущества?

– А я вообще считаю, что искусство женщины должно состоять в том, чтобы по ней равнялись. Так должно быть. Таково должно быть ее кредо.

К сожалению, такую женщину мы видим только в статьях и в литературе. К реальной власти ее не допускают.

– В некоторых странах Запада и Востока она добилась допуска и проявляет недюжинные способности. Обладают ли наши женщины такой же энергией, мудростью, искусством дипломатии?

– Женщина должна руководствоваться здравым смыслом. Это очень важно, если не главное. А мудрости ей не занимать. Она способна оздоровить обстановку.

Вот совсем недавно, в августе 1999 года, в Ботлихском районе

женщины пекли хлеб, готовили обеды и кормили русских солдат как своих родных сыновей. В экстремальных условиях они проявили себя невиданным образом.

Поэтому, я считаю, женщине надо доверять, понимать ее и доверять.

– **А может, она прежде всего все-таки мать – нежная, внимательная, любящая, а потом уже работник, деятель на каком-то определенном участке?**

– Согласна. Но это не значит, что она не может проявить себя в обществе. Имея хорошего мужа. Но если он не воспринимает ее как личность – это уже худо. К сожалению, в Дагестане мужчина привык видеть в женщине домохозяйку, а это, я считаю, большое заблуждение.

– **Разия Исаевна, Вы, безусловно, тоже знаете, что отдельные женщины, занимающие заметные руководящие посты, вносят в свою семью какую-то неприятную, холодную струю, то есть властность, строгость, любят, чтобы слушались беспрекословно и подчинялись ей...**

– Но есть пример обаятельной женщиныг – Зумруд Запировны Сулеймановой, министра по делам молодежи и туризму. Это идеальная, любящая мать. И идеальный работник. У нее отличные отношения в семье, прекрасный здоровый моральный климат, что не присуще многим. И все она успевает делать. Я просто восхищаюсь ею, она горит на работе. Ее глубоко волнует состояние нынешней молодежи, она уделяет большое внимание ветеранам войны. Для этого надо иметь и очень большой кругозор, и очень большое сердце.

– **А Вы в семье какая? Строгость, жесткость проявляете?**

– Заботливая. Жесткость, в редчайших случаях, если уж доведут. Я противница назиданий, наставлений. Укажу: поймет – хорошо, нет – какой толк настаивать на своем? Ну что я могу заставить мужа делать дома? Я же не могу его обязать. Нас мать воспитала так, что мужчина в доме должен занимать почетное место.

Да и во всех дагестанских семьях девушки получали такое воспитание.

А если говорить о нашей семье... она очень гостеприимная. У нас бывает много друзей, мы с удовольствием принимаем их у себя. А иначе... ну что за жизнь за закрытыми дверями?

– **Признайтесь, у Вас было когда-нибудь желание стать руководителем высокого ранга?**

– В нашей семье столько было одаренных, талантливых мужчин,

что я старалась оставаться в тени. Я радовалась их успехам, радовалась их удачной жизни. Хотя возможности и у меня были.

– **Кто в Вашем доме хозяйка? Сегодня очень модно иметь домохозяйку или домработницу.**

– Хозяйка в доме, естественно, я. Домработницы у нас никогда не было. Да и быть не могло – не к тому нас воспитывали.

– **Значит, Вы и стираете, и гладите, и квартиру убираете, и на кухне хозяйничаете...**

– Все, что делает женщина в доме, – делаю я. И делаю с большим удовольствием. Ни на кого не надеюсь. Я так распределяю время, чтобы во всем успеть.

– **А какие блюда, приготовленные Вами, нравятся мужу?**

– Вся моя готовка связана именно с тем, что любит муж, чуду, курзе. Он не ограничивает себя в еде. И что удивительно – соблюдает, или точнее, сохраняет форму. Придерживаемся традиционной дагестанской кухни, и непременно каждое утро пьем калмык-чай.

– **Безусловно, одна из главных забот женщины, если не самая главная – всегда быть желанной и красивой. А этого добиваются многочасовыми пребываниями перед зеркалом, в престижных парикмахерских, в косметологических кабинетах...**

– Я противница люксовых парикмахерских, куда ходит элита. Предпочитаю обычную, которую посещают простые люди. Моя парикмахерская в первой Махачкале...

– И врача-косметолога тоже у меня нет. Конечно, женщина должна уделять внимание и время косметике.

– А если уж откровенно – я за чистоту тела, украшения меня не волнуют.

Так воспитана.

– **И сауну отрицаете?**

– Сауну? К сожалению, ни разу не была. И не признаю. Стечение разных неизвестных людей меня не прельщает. Предпочитаю море. Моя сауна – моя ванная комната.

– **Поделитесь Вашими любимыми блюдами и напитками.**

– Люблю чуду с творогом. Люблю фрикадельки. Люблю хорошее сухое вино. Если сомневаюсь, что оно хорошее, предпочитаю рюмочку коньяка.

– **Разия Исаевна, Вы очень раскованная, открытая, общительная женщина. Думаю, и подруг у Вас, и друзей должно быть немало.**

– Есть, и немало. По совместной учебе – это Фериди Гусейнова,

Алла Пакалова, по работе – Космина Исрапилова. Одноразовой дружбы у меня не бывает. В основном подруги сейчас по работе, по творчеству. Хотя им по сорок-сорок пять лет и разница в возрасте между нами ощутимая, мне с ними интересно и легко, я молодею рядом с ними, мы взаимно дополняем друг друга.

Много друзей у меня в Буглене, там, где мои корни, там, где открыт музей, есть школа имени Шихсаида. Я чувствую большую потребность общаться с бугленцами. В период зарождения музея каждую неделю выезжала туда, и когда уже открывала музей, Магомед Мамаевич сказал: – Как я счастлив, что открылся музей. Ведь я большую часть времени проводила в Буглене, и все родственники были обложены мною данью: кто помогал стройматериалом, кто деньгами.

– Вы можете подруге открыто сказать, что Вам в ней не нравится?

– Я имею смелость всегда человеку высказать свое мнение в лицо. И хотела бы, чтобы и ко мне относились так же.

Я воспринимаю дружбу чистой, искреннюю, а не потребительскую. Готова всегда прийти на помощь, если человек в ней нуждается, но если вижу, что эта дружба переходит в состояние ожидания, когда от меня чего-то ждут, – замыкаюсь в себе.

– Часто можно видеть наших именитых женщин, присутствующих или выступающих на митингах, торжествах, совещаниях... Только Вас не бывает среди них. Почему?

– Мне самоутверждаться совсем ни к чему. И на своем веку я себе дурные поступки не позволяла. Если человек хоть один день совершает хороший поступок, то это уже великое, благое дело. А видеть вокруг себя бедность и спокойно продолжать жить в своей скорлупе... – такого я себе не представляю, не могу понять этих людей.

Я не могу жить пресной жизнью. Хочу быть полезной и другим.

– Если это не тайна – у Вас много друзей среди мужчин?

– Друзьями всегда были братья, муж, сын. И всегда была открыта для них. А подругам... не открываюсь до конца. Это и не нужно, если есть защита, опора в семье. Я не люблю выворачивать свою жизнь наизнанку в поисках поддержки на стороне. Ее надо находить в своей семье.

– Какие черты характера Вам нравятся в женщинах, и какие в мужчинах?

– В женщинах – женственность, в мужчинах – мужество. И у тех, и у других не терплю лицемерия.

Мне кажется, женщины должны быть мудрее мужчин и мелкие

просчеты не замечать, пропускать, не выяснять их причин. Пускаясь в поиски и выяснения виноватого, надо вину искать прежде всего в себе.

– Разия Исаевна, я не представляю себе женщину, которая не понимала бы и не любила искусства.

– И правильно. Да сама женщина – это искусство, элемент искусства, предмет искусства. Как она может жить, существовать без этого дара природы – искусства?! Я с юных лет любила ходить в театры, кино, на концерты. Посещаю и сейчас. Бывая в Москве, обязательно хожу с дочкой и внуками в театры – а столица так богата ими!

Посещаю все спектакли Кумыкского театра. На молодежные шоу не хожу, – уж очень много шума.

Возвращаясь с работы домой, тут же включаю музыку. Занимаюсь ли уборкой, готовлю ли на кухне – обязательно слушаю музыку. Она отвлекает, успокаивает, уносит в другой мир, мир света, спокойствия, грез. Так что я всегда жила и продолжаю жить с музыкой. Много лет назад, в молодые годы, Магомед Мамаевич играл на кумузе, я пела. Да, представь, я пела. А с Шихсаидом мы всегда пели комсомольские песни.

Увлелась идеей создания музея в Буглене. Создали. И вдруг какой-то упадок сил. Утомилась, наверно. А ведь хотела бы открыть еще один музей – Мурадовых. Ведь какой букет: Татам Мурадов, Барият Мурадова, Бэла, Инесса... Целый букет Мурадовых. Провести праздник песни, посвященный Мурадовым. Не получилось. Пока не получилось.

– Кумыкские певицы сегодня набирают хорошую высоту. Прекрасно поет и держится на сцене Рукият Гамзатова...

– Я радуюсь взлету лакских певиц, аварских, а что касается кумыкских – их мало сегодня. До обидного мало.

И опять возвращаюсь к музею. Хочу создать в Нижнем Дженгуте и в Нижнем Казанище – там можно собрать довольно богатый материал. Уже подыскивали помещение.

Люди нашу идею восприняли с воодушевлением, встречают наш приезд с радостью. Они хотят иметь свою историю, гордиться ею и воспитывать детей своих на ее традициях. Я уверена, убеждена в том, что музею быть. Уж очень много знатных людей вышли из этих сел.

Я часто стала задавать себе вопрос: почему вопрос о строительстве музеев не ставят выходцы из больших, знатных сел, славящихся своей историей, традициями, людьми? Если бы наш научный потен-

циал задумал осуществить такую идею, какую бы помощь мы оказали людям!

К примеру, обо всех бугленцах, кто достоин того, я написала очерки и опубликовала в местной газете: это и строители, и землепашцы, и учителя, и ветераны войны, и ученые. Ведь кто-то же должен быть примером для молодежи. А они – вот, рядом, по соседству.

Совсем недавно местное телевидение сняло фильм о бугленцах, о фронтовиках и тех, кто работал на оборонительных сооружениях. Показали сельчанам. Люди были просто в восторге.

А сейчас ставим им памятник. И увековечим все имена. Пусть останутся людям.

– Я знаю, что у Вас богатая библиотека. Вы собирали ее в советскую эпоху, да профессор Синев, как вы рассказали, подарил Магомеду Мамаевичу свою. Как Вы с ней обходитесь, что читаете, да и располагаете ли временем для чтения?

– У Магомеда Мамаевича свой кабинет с книгами, у меня свой – тоже с книгами. В коридоре – полка с книгами. Вся квартира обложена ими. Люблю книги из серии «Жизнь замечательных людей», историческую литературу. Мы получаем огромную периодику, почта у нас гуляет по кабинетам. Я считаю, что читать надо ежедневно, чтобы каждый день обогащаться чем-то новым, полезным, добрым, чтобы сам учиться, а не пребывать в дремотном застое.

– А что Вы прочитали совсем недавно, на днях?

– Буквально за субботу и воскресенье книгу воспоминаний Нугутдина Исмаилова, завкафедрой ДГПУ, доктора экономических наук – «Я хочу жить». Я была поражена силой его любви: он потерял свою жену. Исмаилов помнит до мельчайших подробностей, что связывало его с женой. Если б каждый мужчина мог сказать о своей жене столько хорошего, считаю, что жизнь его прожита не зря.

– Знаю, что отпускное время Вы часто проводили в зарубежных поездках. И сейчас продолжаете ездить. Не хочу задавать вопроса: накладно ли, имеете ли возможность. Интересно другое – где побывали?

– Я очень много ездила. Для меня чужды были такие проблемы, как приобретение мебели, одежды, норковой шубы... Меня привлекал мир. Абусупьян Акаев говорил: «Богат тот, кто много видел». Это обогащает душу и помогает упрощенно смотреть на жизнь.

Вот мы упрощенно и живем: у нас в доме только то, что необходимо. И книги.

– Очевидно, эти поездки не проходили бесследно, без пользы. Удалось ли внести что-то новое в дизайн квартиры, в одежду, в манеру держаться, вести себя, то есть в поведение?

– Если в богатых или состоятельных семьях много внимания уделяют коврам – ими увешивают буквально все стены, у меня на стенах – картины. Они создают настроение, наводят на воспоминания.

Сидя у себя, я могу отправиться в осень, зиму, весну, лето... В моем доме – все времена года. Вот висит передо мной картина... Осенний лес. Тропа. Идет дождик. И тихо уходят под одним зонтом двое, два человека, прижавшись плечами друг к другу. Часами могу смотреть на эту картину.

А есть полотна, эстампы, которые напоминают мне те страны, в которых я побывала.

– Вы, скажем образно, живете под крылом двух фамилий. Уютно ли себя чувствуете?

Сказать уютно - этого будет мало. Я чувствую себя уверенно. Ни та, ни другая сторона, то есть носящие ту фамилию и другую, не совершила такого проступка, за который мне было бы стыдно. Они придавали мне только уверенность.

– Но эти фамилии должны обязывать Вас к чему-то?

– Да, они обязывают быть похожими на чистых людей, представляющих эти два рода, чистых в нравственном плане, я имею в виду, быть похожими на них, слышать окружающих, помогать им...

– Принадлежность к этим фамилиям, наверное, помогала Вам в продвижении по работе?

– Нет, абсолютно нет.

– Неужели Вас не приглашали, не предлагали высокие, престижные, а может, и высокооплачиваемые должности?

– Могу коротко и категорично сказать: такого не было. Ни разу.

– А Вы сами не стучались в закрытые двери высоких должностных лиц?

– Если это касалось моих близких людей по части защиты их чести, по части внесения ясности в создавшейся ситуации, да, стучалась.

– Зато к Вам, я думаю, я уверен в этом, было много ходоков с просьбами помочь в трудоустройстве, оказать содействие в поступлении в вуз - ведь Вы «ключ» и к тем, и к другим дверям. То есть к председателю правительства и к ректору Дагсельхозакадемии (ныне президенту).

– Да, ходоков было много. Если обращались по линии мужа – я

эти вопросы не решала: в работу мужа я не вмешивалась. Конечно, если это бывали бедные люди, а дети их тянулись к знаниям – он входил в их положение.

Если по части братьев... Старший сам всегда обращался к людям, спрашивал, в чем они нуждаются, чем помочь.

А если говорить о сегодняшнем дне... я не беру на себя ответственность быть, как вы сказали, «ключом», открывающим двери.

– Скажем, Вы отказывали человеку, или сейчас, в эти дни, отказываете - не ругают за спиной, не поливают грязью? Это так часто бывает...

– Не могу знать. У меня у самой такой склад характера, такой принцип: лучше сказать человеку, что его просьба невыполнима. Лучше честно признаться, что я не могу этого сделать и у меня врагов не будет.

Иногда даже участия, простого человеческого участия достаточно, а это – пригласить, угостить чаем, выслушать, дать совет, обогреть теплом своей души – и человек успокаивается и уходит умиротворенный.

Так я поступаю часто, нахожусь ли на работе или дома.

– И последний вопрос в нашей долгой беседе: будь Вы руководителем (ну, скажем, стали им), что бы изменили в нашей сегодняшней жизни, на что обратили бы внимание?

– Я обязательно опустилась, точнее, спустилась бы на уровень простых людей, которые живут бедно, вошла бы в их положение и, поняв их, уже с этих позиций решала бы вопросы, стоящие перед республикой.

И еще в заключение нашей беседы я хотела бы сказать о том, чтобы люди не забывали традиций своего народа. Помнили не только о светских праздниках, но и о религиозных, почаще посещали могилы предков. Я уверяю, это им помогло бы избавиться от многих бед.

ПОРТРЕТЫ

МАКУБАНИ
МАХМУДОВА

АМУЧУ
АМУЧОВ

ЗУКРУД
СУЛЕЙМАНОВА

ДЖАНИЙМУДУН
ОМАРОВ

БАТАРД
МАТОМЕДОВ

МАТОМЕД
АЛУЕВ

МАТОМЕД
МАБАЕВ

АЛИБЕРМ
ТЫСЕНБАЕВ

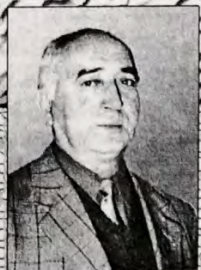
ТЫСЕНБАЕВ
ТЫСЕНБАЕВ

БАДЫРМ
ТАИДАРОВА

САЛИХАМ
ТАМЗАНОВА

БАДЫРМ
ТАЗАЕВ

БУКЕ
КҮЛҮКЗАЕВА

МАТОМЕД
ПАШИН

«НАПРАСНО ДУМАЮТ, ЧТО В ВЕРХАХ ПЛОХО ЗНАЮТ О ЖИЗНИ НАРОДА...»

Миру известно немало примеров, когда государства возглавляли, да и ныне возглавляют, женщины. Они не уступают мужчинам ни в мудрости, ни в бесстрашии, ни в организаторских способностях и таланте руководителя, ни в любви к своему народу и стране.

В советскую эпоху женщины поднимались по лестнице власти в масштабе государства – до уровня министра, в регионах – до должности Председателя Президиума Верховного Совета республики, секретаря обкома...

В период громогласно объявленной демократии и свободы права и возможности женщины намного расширяются.

Женщина во властной структуре... Тема очень щепетильная, сложная, воспринимаемая неоднозначно. Моя собеседница – заместитель Председателя Госсовета Республики Дагестан Такибат Алаудиновна МАХМУДОВА.

– И все-таки, как мне кажется, женщину на высшую руководящую должность назначают или избирают у нас с каким-то упорным нежеланием или предубеждением. Чем объяснить такое к ней отношение? Неуверенностью в ее деловых качествах и организаторских способностях? Но ведь на проверку оказывается, что и те единственные руководители справляются с ответственными задачами не хуже сильного пола. В чем же дело?

– Прежде всего, где те критерии, по которым должны оцениваться женщина и мужчина? Кто их установил? Кто изучил, обобщил, сделал вывод и пришел к заключению, что женщина работает хуже сильного пола? Да и если принять во внимание (и честно признать), что многие мужчины незаслуженно занимают должности, то есть оказались не на своем месте, не оправдывают своего назначения, а порой и случайно оказываются на должностях, то можно с уверенностью сказать, что женщины справились бы со своими обязанностями ничуть не хуже, если не намного лучше. Ведь эти женщины на своих постах прекрасно работают. И заслужили авторитет в обществе.

Сейчас все, кому не лень и кому как заблагорассудится, трактуют слова Ленина: «Каждая кухарка может управлять государством». Но ведь он речь вел не о том, чтобы взять ее прямо от кухонной плиты и посадить в кресло главы государства. Он выразился образно, а мысль

заклучалась в том, что женщина, обладая большим потенциалом, безусловно, может быть руководителем.

Лично я убедилась в том, что видеть женщину в качестве руководителя в высших эшелонах власти не позволяет наш менталитет.

– Такибат Алаудиновна, Вы государственный деятель. Налагает ли Ваш пост на Вас ответственность? Чувствуете ли Вы, что такая работа Вам по плечу?

– Естественно, налагает ответственность как на государственного деятеля, занимающего высокую должность. Ответственность исходит еще и из того, что Конституция наделяет меня не только серьезными правами, но и налагает на меня высокие обязанности. Но порой мне бывает тяжело, чувствую себя неуютно, сознавая, что, будучи наделена такими высокими полномочиями, не могу облегчить участи людей, сделать жизнь их благоустроенной, сытой, достойной человека.

– Не меняет ли эта сфера деятельности характер женщины? Ведь в Вашей ситуации надо быть твердой, иногда жесткой, обладать начальственным тоном.

– Допустим, начальственный тон не обязателен, хотя есть определенная категория людей, до которых не «достучишься» без начальственно сказанного слова. А вообще, если говорить откровенно, следует совмещать все качества. Женщина не должна терять в себе женского начала – доброты, обаяния, ну а для дела нужно иметь твердый характер. И в то же время нельзя поддаваться искушению стать или казаться экстравагантной женщиной.

– Не проскальзывает ли, случайно, начальственный тон в быт, в отношения между членами семьи?

– Об этом судить, конечно, моей семье. Но я стараюсь обходиться дома без этого тона. На этой почве у нас не то что конфликтов, даже разговора не было. Я была бы рада проявлять жесткость (шутливо смеется), да не получается никак. Дома я обычная женщина.

– Очевидно, стать государственным деятелем – не мечта Вашего детства?

– Разумеется, нет. Я мечтала стать педагогом, даже не врачом. В нашей семье выросла целая династия педагогов – отец, братья, сестра. Кроме отца, все преподают математику. И я мечтала стать учителем математики, но отец спокойно и твердо сказал: «Хоть один врач должен быть в нашей семье».

Я, откровенно говоря, не пожалела, что поступила в мединститут. Учеба мне нравилась. А затем специальность пришлась по душе. Работала в Республиканской детской больнице, в грудном отделении, с

удовольствием. Заведовала им в ту пору Зубаржат Магомедовна Магомедова, прекрасный врач, с которым трудиться рядом доставляло радость. Работали, не считаясь с личным временем, так сильно мы были привязаны к детям, нуждавшимся в нашей помощи.

Я забыла упомянуть, что еще в институте была общественницей, возглавляла комсомольскую организацию. И в больнице пришлось руководить комсомольцами, здесь же приняли меня в партию. Ну, а со временем оказалась в Совете Министров республики, курировала учреждения здравоохранения. Затем, как принято говорить, началось восхождение: заместитель министра здравоохранения, народный депутат Верховного Совета, член Госсовета...

– Вы много лет были врачом. Что Вам дала эта работа, если выразиться образно, – какие качества Вы развили в себе?

– Наверное, и это главное, – сострадание к людям, потерявшим здоровье. Хотя думаю, что оно во мне было заложено с детства моими родителями, трудолюбивыми горцами. Каждодневное общение с больными помогло укрепить это качество души. Да и не только сострадание, но и милосердие к слабым и немощным, ответственность за жизнь человека.

– Как Вы восприняли назначение Вас заместителем Председателя Госсовета Республики?

– Сказать, что была безмерно рада, – значит, пойти против истины. С другой стороны – не испугалась. Я прекрасно представляла сферу своих обязанностей, знала структуру Госсовета (ведь я уже была членом Госсовета), верила, что найду у коллектива поддержку в решении многих вопросов. Но, признаюсь откровенно, я никоим образом не обнадеживала себя тем, что мои знания, опыт и умение будут востребованы на все сто процентов. Вы спросите, почему? Спросить легче, чем ответить... (Задумывается). Мужчины везде и во все времена не отдают, не уступают своих позиций женщине. Не только в Дагестане, но и во многих странах. Как принято считать: Богу – богово, кесарю – кесарево. Так и в нашем случае: мужчине – мужское, женщине – женское. Вот женщине и приходится проявлять находчивость, быть настырной, идти на конфликты, чтобы добиться своего – исполнения своих намерений, планов.

– Безусловно, Вы получили и выслушали много поздравлений от земляков, друзей... Скажите честно, среди друзей нашлись такие, что «забыли» заметить Ваше повышение?

– Как ни удивительно, были. И я позволила себе внести изменения, а если точнее, скорректировать народную мудрость. Если прежде

говорили: «Друзья познаются в беде», сегодняшние реалии позволяют выражаться уже иначе: «Друзья познаются в радости».

– Ваша сегодняшняя должность намного обогатила Ваши знания жизни народа?

– Я, кажется, знала меньше, чем узнала сейчас, оказавшись на этой должности. Напрасно думают, что в верхах мало знают о жизни народа. Меня сегодня мучает то обстоятельство, что мало могу сделать для людей. Я вижу очень много проблем, и они меня беспокоят, волнуют. Я это говорю искренне. До вашего прихода я прочитала в «Новом деле» статью Беллы Митиевой из Хасавюрта «Мужчины, что вы делаете?» Эта умная женщина обрадовала меня своей грамотной, объективной публикацией. Насколько правдиво и ясно она описала нашу повседневную жизнь! Лучше не скажешь. Побольше бы таких статей – они дали бы свои добрые всходы.

– Что доброго сумели Вы сделать для своего маленького агульского народа?

– Наверное, очень мало. Вопрос о том, как мы, представители малых этносов, заботимся о своем народе, очень серьезный и очень больной. Несомненно, каждый должен, даже не будучи у власти, думать о народе. К сожалению, как показывает действительность, решая национальные вопросы, многие ограничиваются оказанием помощи только своему народу, забывая о других малочисленных и беспомощных. Такие перегибы имеют место. Подобным методом проблему возрождения Дагестана мы не решим.

Что касается моего, Агульского района... Я, принимая участие в разработке программ «Горы», «Юг», вносила кое-что нужное и для моего народа, и не я одна, а группа представителей народа. Ну, а если имеются в виду финансы, то к их распределению я отношения не имею.

Еще раз хочу подчеркнуть: я не сторонница помогать какому-то одному этносу. В этом вопросе должна быть и торжествовать продуманная, единая государственная политика Дагестана и Российской Федерации.

– Много ли у Вас бывает посетителей, каков характер их просьб, чем Вы можете им помочь?

– Достаточно много. И просьбы совершенно разные, в основном социальные. Каждый день у меня – приемный. В любое время слушаю посетителей – никто не получает отказа. По возможности стараюсь положительно решить вопросы тут же, на месте, в таких случаях приходится кому-то из ответственных руководителей звонить. Ни-

когда не обращаюсь к ним начальственным тоном. Только в крайнем случае: если просьбу не понимают (а я всегда прошу), приходится прибегать и к начальственному тону. Чего очень не люблю.

– Что Вам нравится в сегодняшней женщине?

– Прежде всего, наверное, ее терпение. Такое, с чем мы ныне столкнулись, – тяготы, необустроенность, безработица – может вытерпеть только женщина. Нравится ее компетентность. Конечно, будет банально, если я скажу, что женщина должна и одеваться со вкусом и уметь себя вести, и так далее. В женщине все должно быть красиво, неконфликтно, невызывающе.

– Не трудно работать в мужском коллективе?

– Нет, не трудно. И потом, меня окружают не только мужчины, но и женщины. У меня не бывало серьезных проблем ни с подчиненными, ни с теми, кто выше по служебной лестнице. Своих коллег по полу не различаю.

– Считаете ли Вы, что Госсовет в существующем ныне виде справляется со своими задачами или он нуждается в совершенствовании?

– В принципе, на данный период Госсовет справляется с задачами, которые стоят перед ним. Но в нашей работе, если точнее – структуре, меня смущает один момент – распределение ролей по национальному признаку.

А если говорить о демократичности принятия документов, то все зависит от личности Председателя Госсовета и, наверное, членов Госсовета. Здесь широк диапазон возможностей и для авторитарного принципа решения того или иного вопроса, и для демократичного.

Что касается введения института Президентства... это меня ничуть не пугает. Главное, чтобы человек, то есть Президент, был Личностью.

– Ваш характер на работе твердый?

– Твердый, но не начальственный.

– Ваша высокая должность позволяет Вам дома быть настоящей хозяйкой – готовить на кухне, заниматься уборкой квартиры?

– Я очень люблю проводить время на кухне. Мне кажется, нет ни одной женщины, которая не хотела бы заниматься хозяйством. Просто нет возможности. Иногда так хочется забыть о тяжелой, суетной жизни и отдаться чисто женским делам... Люблю готовить все вкусные восточные блюда – долму, плов, гутабы... Больше всего – плов. И, конечно, хинкал – любимое блюдо наших мужчин.

– Любопытно было бы вторгнуться в мир Ваших интересов.

– Не возражаю. Правда, читать стала меньше. Перечитала всю классическую литературу, особенно зачитывалась в студенческие годы, люблю историческую, по-новому открываю для себя Шамиля. Перечитываю Коран. В последнее время увлеклась детективами, они позволяют расслабиться, отдохнуть, отвлечься от тягот жизни, проблем. Очень люблю классическую музыку – Чайковского, Хачатуряна, из наших композиторов – Мурада Кажлаева, обожаю слушать Монтсеррат Кабалье, Лучано Паваротти, Пласидо Доминго, Хулио Иглесиаса. Была такая пора, когда я просто заслушивалась пением этих великих певцов. Да и сейчас обожаю их. Люблю Филиппа Киркорова...

– А сами не увлекались пением или сочинением стихов?

– Как же! Пела в институтской самодеятельности, исполняла сольно агульские, азербайджанские, лезгинские песни. Но, как видите, из меня певицы не получилось.

– Сегодня ориентиры нравственных ценностей заметно меняются. Изменились ли Ваши вкусы?

– Особенно, наверное, нет. Вообще-то, смотря что иметь в виду. Вкусы могут меняться с возрастом, но нравственные ценности – нет. К примеру, я очень люблю Тургенева, но сейчас предпочитаю, как уже сказала, легкое чтиво, чтобы успокоиться.

– Вас не тревожит нынешнее болезненное состояние государственного книгоиздательского дела, которое угасает на виду у всех?

– Да, вы правы. Все, кто имеет отношение к издательству, конкретно к его финансированию, озабочены этим. В решении всех животрепещущих вопросов мы ищем и находим выход. Думаем, и здесь найдем выход из положения.

– Как относятся Ваши дети к литературе, искусству? И, кстати, чем они занимаются?

– Как и вся нынешняя молодежь. Классику читают мало. Чрезмерно увлекаются детективами, литературой, пропагандирующей мужскую силу, спорт, авторалли, в частности. Что касается занятий... Оба сына окончили юрфак университета. Старший работает секретарем Верховного суда, младший – следователем в Кировском райотделе внутренних дел. Дочь замужем, живет в Москве, растит ребенка и учится заочно в университете.

Кстати, я тоже до прошлого года была студенткой (смеется), закончила Московский государственный институт международных отношений по специальности юрист-специалист по государственному строительству и управлению. Это мое второе образование.

– Вы любите предаваться воспоминаниям?

– Предаюсь воспоминаниям редко. Но вспоминаю только хорошее. Жизнь настолько тяжела, что вспоминать плохое не хочется. Люблю возвращаться в детство... Дедушка часто брал меня с собой на пастбища пасти скот, учил ездить на лошади. Что удивительно: у братьев моих воспоминания связаны с бабушкой, а у меня – с дедушкой, такие теплые отношения у меня были с ним. Вспоминаю студенческие годы, самые светлые, интересные в моей жизни. Как свободно ходили по городу в ночное время, абсолютно не думая, что тебя могут обидеть, оскорбить, унижить.

– А мечтать любите?

– (Пожимает плечами.) О чем можно мечтать?

– Ну, к примеру, можем мы себе позволить помечтать о том, чтобы президентом или премьер-министром России стала женщина?

– Я думаю, можем не только помечтать, но и представить. Руководят же они государствами на Западе и Востоке, и от этого хуже ни странам, ни народам не стало. Они справляются с обязанностями не хуже мужчин. Конечно, и попыток было сделано немало, чтобы их свергнуть, да и свергали.

В России немало умных, деловых, компетентных женщин. Если мы, женщины, проявим солидарность и к нам присоединятся мужчины, президентом может стать женщина. Согласитесь со мной, что неразумных шагов со стороны мужчин делается больше. Да и все плохое, что делается в стране, совершается ими. Изберем женщину – все заметно изменится потому, что в ней превалирует разумное начало, она живет такими категориями, как сострадание, милосердие, сопереживание, она любит порядок, она не боится жажды власти, амбициозностью, в ее душе меньше алчности.

– А может ли наше Правительство или Госсовет возглавлять женщина?

– Почему бы и нет, если изберут! Однако... один мой хороший знакомый, являющийся «лицом кавказской национальности», будучи в Японии, на вопрос: «Можешь ли ты стать президентом?» – ответил: «В Японии – да, в России – нет». Перефразируя, скажу: в Дагестане мужчины не допустят, чтобы женщина стала президентом или Председателем Правительства.

– Помечтаем еще вот о чем: какой Вам видится наша жизнь лет через 15–20?

– Ну теперь я уже хочу не помечтать, а пожелать. Чтобы не было

криминогенной обстановки. Чтобы в аулах не закрывались ворота и не запирались двери на замок, как в милые недавние годы. Чтобы люди не пугались, что опять возвратится кровная месть. Чтобы они больше читали, ходили в кинотеатры, духовно обогащались. Чтобы руководителями назначали компетентных, а критериями для их выдвижения были знания и широкий кругозор, а не национальный признак.

– Такибат Алаудиновна, благодарю Вас за беседу и желаю успехов в Вашей нелегкой работе.

– Спасибо.

«Я БОЛЬШЕ ВСЕГО ДОРОЖУ СВОИМИ ПРИНЦИПАМИ...»

Верно говорят в народе: «Что ни город, то норов». Разве схожи нравы Москвы, Петербурга, Сочи, Ростова-на-Дону... Или Дербента, Махачкалы, Хасавюрта... У каждого – свой «норов». Но вот почему-то о малых населенных пунктах нет метких народных изречений. А ведь их славе можно позавидовать. Да и завидуют. Кубачи. Балхар. Унцукуль. Гоцатль. Хучни. Слава об истории, быте, умельцах этих аулов давно перешагнула границы Дагестана. А между тем великое мастерство горцев нас не удивляет. Еще с незапамятных времен в одном ауле ковали оружие, в другом – изготавливали винные наборы и сабли, инкрустированные золотом и серебром, в третьем – ткали изумительные ковры... И сами того не сознавая, люди как бы определяли «норов» (нрав) своего местообитания.

И это понятно.

Но вот никак не уразумею, да и многие, с кем мне приходилось говорить по этому поводу, озадачивались, – почему аул дал Дагестану целую плеяду железнодорожников? Просто уму непостижимо. Вокруг – каменные горы, ночью низко над головой переливаются яркие звезды, до них кажется рукой подать. И эта картина темного неба, усеянного алмазами звезд, должна была бы рождать желание стать покорителем неба, космоса... Ан нет. Горцев потянуло к железной дороге. Вы, очевидно, догадались, какой аул я имею в виду. Да, Сумбатль. И пригласить на очередную беседу решил сумбатлинец, который тоже окончил железнодорожный институт. Но сильный характер, недюжинные способности, широкий кругозор и глубокий и острый ум позволили ему (а может, точнее – помогли) взойти на Олимп власти.

Итак, мой собеседник – заместитель Председателя Правительства республики, управляющий Пенсионным фондом РФ по РД Амучи Михайлович АМУТИНОВ.

– Амучи Михайлович, я наслышан о Вас как о человеке смелых и решительных действий, человеке, слово которого не расходится с делом, человеке, окружающем себя друзьями. Но разговор свой (если позволите) мы начнем с другого: чем объяснить, что сумбатлинцев притягивает железная дорога? Как расшифровать этот феномен?

– История сумбатлинцев начинается издавека, как говорится из глубины веков. Как пишет в своей книге «Гюлистан-Иран» известный

ученый Бакиханов, в восемьдесят восьмом году нашей эры недалеко от Кумуха иноземными завоевателями было основано поселение и названо именем завоевателя – Сумбат. Бакиханов также сообщает, что пришельцы были армяне и Сумбат – имя армянское.

О сумбатлинцах говорили и ныне говорят, что им присущ интерес к точным наукам, что они лучшие математики и ... озорники. Но вот кто первым «вышел» на железную дорогу – точно не известно. Мои земляки считали для себя унижительным быть торговыми работниками, милиционерами. Работа на железной дороге, говорили они, делает человека здоровым, выносливым, крепким. Им был по душе физический труд.

Настоящий «железнодорожный бум» сумбатлинцев выпадает на 60–80-е годы: человек шестьдесят из этого аула окончили железнодорожный институт. Многие достигли и заметных высот. Генералом-железнодорожником, или как называли точно – генералом тяги был Садык Омаров, занимал высокую должность на Орджоникидзеградской железной дороге. Заметным руководителем стал Рамазан Сутаев. Приведу вам два любопытных примера. Прославленный танцор из аула Чукна, будучи в Порт-Артуре, встретил сумбатлинца, который обосновался там, женившись на китайке: он работал на железной дороге. А один мой приятель, будучи в Марокко, встретил на корабле своего земляка – сумбатлинца: он был моряком.

Должен заметить, что сумбатлинцы были и моряками (мой младший брат окончил мореходную академию в Ленинграде, служит в ФСБ), учителями, математиками, авиаторами, подводниками...

И все-таки в подавляющем большинстве были железнодорожниками. Когда в ауле кто-то умирал и шла похоронная процессия, выстраивалась большая колонна, одетая в черную форму – со знаками отличия... Что их двигает к этой профессии? Я думаю, приверженность к точным наукам, к самодисциплине.

– Но кто же тот первый сумбатлинец, который вышел на железную дорогу?

– Неизвестно. История о нем умалчивает.

– В Сумбатле есть хоть музей, посвященный землякам железнодорожникам, или мемориал?

– Была мысль создать музей, ведь среди моих земляков много знатных людей, удостоенных различных орденов... А мемориал есть, он установлен у входа в аул. Это рельсы, захваченные железнодорожными клещами. Устанавливали их кранами. Один из острословов и

тут нашел место шутке, заявив: эти рельсы не лишними были бы для крыши моста, дома.

– Что Вас подвигло поступить в железнодорожный институт? Неужели пример земляков?

– Ни в какой железнодорожный институт я и не думал идти. Моей мечтой было стать космонавтом. И готовился поступать в Харьковский авиационный институт. Но вот когда с группой ровесников – сумбатлинцев ехали сдавать экзамены и остановились в Ростове-на-Дону, они уговорили меня поступать на строительный факультет железнодорожного института. А дружба наша была так сильна, что я не смог ее порвать, как говорится. Вот так помимо моего желания поступил я в железнодорожный.

Кстати, отец мой и моя мать не имели никакого отношения к профессии железнодорожника. Но вот дед мой Амучи строил железнодорожные мосты, и братья деда тоже работали на железной дороге.

– Амучи Михайлович, Вы сменили несколько кресел: возглавляли Управление механизации строительства, Министерство экономики республики, занимаете пост заместителя Председателя Правительства и руководите Пенсионным фондом республики. Чем объяснить столь резкую смену должностей?

– (Смеется). Я вас понял, но это не связано ни с моим характером, ни с профессиональной подготовкой. Отнюдь.

Управлением механизации строительства я руководил тринадцать лет. И коллектив по тем временам достиг всего, чего мог достигнуть: получал переходящие красные знамена Дагобкома КПСС, не раз выходил победителем социалистического соревнования.

Затем был министром экономики республики. Откровенно говоря, этот участок работы мне не импонировал: я люблю проявлять себя в практических делах, брать на себя ответственность и видеть результаты работы. Да и когда предложили взять на себя руководство Пенсионным фондом, особого желания не проявлял: место это говорили «денежное», и многие стремились занять этот пост. Пошел, потому что, как мне сказали, надо было навести там порядок.

– Вы, наверное, приводили с собой свою команду?

– Увы, нет... Никакую команду я не приводил. На каждом участке работы я опирался на свои силы и знания, на свой профессионализм. Там я нашел вполне работоспособный коллектив. Никаких жестких, драконовских мер не предпринимал и не применял, работал честно и требовал того же от других.

Но... (смеется) приходилось объясняться и на кулаках. Был такой

случай. В бытность начальником УМС пришлось одному товарищу указать на недобросовестность исполнения работы. Но тот, как водится среди работяг, послал меня... сами понимаете. Говорю ему: – Если будешь вести себя дерзко, побью. Он – снова... Тогда решил я поговорить с ним как мужчина с женщиной... Пришлось побить его.

Знаете, кулаки в некоторых случаях и помогают. А вообще, я всегда располагал к себе человечностью и профессионализмом.

– О Вашем профессионализме я слышал немало. Совсем недавно Вас сделали куратором «Новолакстроя», и дела пошли споро. Как Вы сумели добиться успеха, если не секрет?

– В то время как отдельные зампреды Правительства отказывались от кураторства, я согласился. Отказать Председателю Госсовета не мог. Да и как лакцу совесть не позволяла, поскольку строительство ведется для переселенцев – лакцев.

Как добился успеха? Полученные средства, а это было сто девять миллиардов тогдашних рублей, раскидали на одновременное строительство девяти поселков. Деньги, как говорится, распылили. Я сказал: все девять объектов строить не будем, начнем с одного. То есть ввел систему поэтапного ввода объектов строительства. Начали строить Ахар и Шушию – они протянулись по обе стороны одной улицы. Пригласил подрядные организации, поставил свои условия: денег я вам не даю, поднимаете дом, сдаете его под ключ, и я его покупаю. Сегодня желающих строить по такому методу достаточно много. Затем решил и другие немаловажные вопросы: подвели бытовой газ, электричество, на каждой улице поставили водоколонку.

Уже в 1999 году Ахар и Шушия в основном были готовы. Двести тридцать домов сданы под жилье. И еще около ста семей живут в других селах.

– Наверное, найдется немало людей, которые обязаны Вам за доброту, внимание, помощь?

– (Смеется). Это вопрос, на который я не могу ответить. (Задумывается). Нет, не могу.

– Я спросил Вас об этом не случайно: Вы восстанавливали Спитак после страшного землетрясения.

Это случилось седьмого декабря 1988 года. Кстати, я родился седьмого декабря. Правительство республики поручило механизированным колоннам ехать на спасательные работы. Девятого декабря к концу дня железнодорожный эшелон с механизмами и люди на автобусах выехали в братскую Армению и десятого ночью были уже в Спитаке, вернее рядом, в селе Карадзор. Построили свою базу и в те

чение месяца вели спасательные работы: разбирали завалы, вытаскивали из них еще живых людей, погибших... Картина была, конечно, ужасная, страшная. Ребята наши работали не покладая рук. Благодарные армяне сняли о нашем механизированном отряде киноленту, а в Новогоднюю ночь даже повезли в Ереван, показали город.

Поведаю Вам любопытную деталь. Они были удивлены нашим познанием по истории, культуре, быту армян, а о лакцах ничего не знали. Так вот, им пришлось в библиотеке изучать историю о лакцах, а сын директора Матенадарана пригласил нас к себе и ... блеснул своими знаниями о лакцах.

К сожалению, больше мне в Армению поехать не удалось.

– Я знаю, что у Вас много друзей. Больше, чем нужно одному человеку. Что они дают Вам в нравственном плане, и Вы им?

– Кроме семьи, главное в моей жизни – любимое дело и друзья. Но... мне кажется, что со мной дружить трудно. Почему? Я предъявляю человеку большие требования. Главное – обладать открытым, чистым сердцем. Конъюнктуры для меня не существует. За всю мою жизнь меня ни разу ни один мой друг не предал. А их у меня много, вы правильно заметили, и никого из них я не растерял. Предательства в принципе не терплю. Дружба – это самое святое для меня и моих детей, я учу их ценить и лелеять это бесценное чувство.

С годами оценку своих друзей я воспринимаю как абсолютно честную и очень дорожу ею.

– А просителей у Вас много?

– Что-то просить вещественное, существенное – такого не бывает. Но по пенсионным вопросам приходит много людей, переселенцы обращаются. И их надо выслушать, помочь им. Каждую пятницу принимаю людей.

– Неблагодарные встречаются?

– Если я делаю добро, то не потому, что ожидаю с их стороны того же. Это потребность моей души. А неблагодарных... (задумывается) нет, не было.

– Вы человек прямой, откровенный, резкий или признаете компромиссы?

– Прямой, откровенный и резкий. А компромиссы... Считаю, они приемлемы в хорошем понимании этого слова, если чувствуешь, что решение, итог будет положительным. В жизни всегда есть место компромиссам.

– Доброта – это Ваша фамильная черта характера или же ее выработала жизнь?

– А знаете, по-моему, фамильная. В нашем роду все были добрыми. Она – потребность нашей души. Кто-то, сейчас уже не помню, сказал: доброта – от сердца, все остальные качества – от ума.

– Как я уже понял, Вы человек смелый, с крепкими кулаками. Очевидно, занимались спортом. И каким же видом?

– Спортом систематически и всерьез, к сожалению, не занимался. Хотя и был чемпионом Ростова-на-Дону, Таганрога по самбо. Надо было выбирать между спортом и учебой, я выбрал учебу, и стал отличником.

Кулаки – это последний аргумент защиты. Я слишком дорожу честью своей и членов моей семьи. А честь и достоинство защищаются не столько словом, сколько силой.

– В советскую эпоху было престижно, даже модно иметь большую домашнюю библиотеку, хотя многие их владельцы и не раскрывали книг...

– Я вас понял (улыбается). У моего отца, журналиста по профессии, была солидная библиотека – около двух тысяч томов книг, в основном исторических. Он не жалел на них денег. И моими первыми книгами для чтения были романы Войнич, Майн Рида, Дэфо, Гюго, классиков Драйзера, Достоевского. Не буду всех перечислять. Да и я сам приобрел немалое количество книг. В последние годы пристрастился к восточной поэзии – Омару Хайяму, Фирдоуси, Рудаки, Джами, экономической, политической литературе, увлекся мемуарами военачальников... Так что книги я не только раскрываю, но и с удовольствием читаю.

– И какая же Ваша настольная книга?

– В разное время – разная. В какой-то период настольной книгой был роман «Спартак», в другой – «Овод». Привлекали романтические герои: им хотелось подражать, с ними советоваться...

– Сами не пытаетесь писать?

– Нет. Чувствую в себе большую потребность что-то значимое сделать в научном плане.

– Многие, кто Вас знает, рассказывают, что Вы большой поклонник живописи и имеете чуть ли не картинную галерею?

– Да, но только копии. Подлинники невозможно купить, они очень дорого стоят. А живопись я полюбил еще в студенческие годы, когда с упоением читал о Микеланджело, Рафаэле, Леонардо да Винчи...

У меня было немало картин Айвазовского, Гагарина, Лансере, раздарил друзьям. Сейчас в моей так называемой галерее – «В долине реки-Алазан», «Возвращение Джамалутдина», ну и некоторые другие.

– Вопрос на засыпку: у Вас свой дом, дача. Вы что-нибудь своими руками делали, строили? Гвоздь в стену можете забить?

– (Смеется) И на самом деле на засыпку. Нет, даже картину на стену не вешал, гвоздь не забивал. И на даче копать не нравится. Кстати, земляку негде было жить, и я поселил его на своей даче.

– Англичане любят говорить: «Мой дом – моя крепость». Вам импонирует это изречение?

– В какой-то мере я солидарен с англичанами. И в то же время считаю, что дом не только крепость, но и место отдохновения, в том числе и души.

– Вы любите охоту? Убивая живность, какое испытываете чувство?

– Да, я очень люблю ходить по горам, и обязательно с ружьем. Но ни разу не убил ни одну живность. Я не могу смотреть на кровь. Даже когда по телевизору показывают убийство, закрываю глаза. Но если возникает экстремальная ситуация, конечно, могу поднять ружье.

– При решении кадровых вопросов на заседаниях Госсовета к вашему мнению прислушивались. Вас не настораживало, не пугало, как ваше мнение отзовется со стороны, скажем, потерпевшего?

– Я больше всего дорожу своей позицией. Какой будет резонанс – для меня вторично. И в голову мне не приходило никогда, что я под воздействием чего-то или кого-то могу поступиться принципами, понравятся они кому-нибудь или нет. Это исключается. Меня можно переубедить только фактами.

– Как-то в разговоре со мной Изет Алиев привел слова кардинала Ришелье: «Если правда опасна, лучше ее умолчать». Как Вы смотрите на такую концепцию?

– Принципиально не согласен с ней, с такой философией. Канту принадлежат следующие слова: «Надо всегда говорить правду, но это не означает, что надо говорить всю правду». То есть, чтобы не ранить вас. Понимаете, не потому, что опасно, а чтобы не ранить вас, подчеркиваю еще раз. Я приемлю принцип Канта.

– Что Вам нравится в себе самом и что не нравится?

– Нравится принципиальность, честность, прямолинейность. И в них я вижу свою уязвимость.

– Вы человек скрытный или открытый?

– Открытый.

– О Вас говорят только хорошее. Почему?

– Я никогда в жизни никому не делал подлость. И не сделаю.

– Чего не знают о Вас люди?

– Может, о ранимости моей души и сердца при видимой моей жесткости и принципиальности.

– Сейчас я невольно вспомнил хрестоматийных героев Петьку и Василия Ивановича и именно момент разговора, когда Петька спрашивает, смог бы Чапаев командовать армией... Так вот и я хочу спросить: а Вы республикой смогли бы руководить?

– Я не настолько амбициозен и самоуверен, хотя и знаю себе цену.

– Что привнесли Вы в отделение Пенсионного фонда?

– Во-первых, четко наладил организационную работу. Сам работаю и заставляю других тоже работать. Во-вторых, наладил систему взаимоотношений с организациями социальной защиты городов и районов республики, Федеральным Пенсионным Фондом. Смог добиться понимания и взаимопонимания и с руководством, и с подчиненными. Установил человеческие отношения с коллегами.

– Неужели высокий пост, власть доставляют человеку удовольствие, наслаждение? Творческая работа – да, это неоспоримо. Но власть?

– Власть доставляет удовольствие тем, что вы достигаете поставленной цели. Власть заместителя Председателя позволила мне дать толчок процессу переселения новолакцев. Власть управляющего Пенсионным фондом позволила добиться регулярной выплаты пенсии. И в этом моя заслуга. И не вижу ничего предосудительного в таком понимании власти.

– Вы с юных лет мечтали стать большим руководителем?

– Да нет, конечно. Моей мечтой было, как я уже говорил, стать космонавтом. Не буду лукавить – о карьере думал. Работал над собой. И вот результат.

– И у Вас не было толкачей, как еще выражаются – спины, защиты? Как же Вам удалось?

– У меня не было толкачей. До всего дошел сам. Шел вперед, целенаправленно, не юлил, не гнул спину.

– Многие Ваши поклонники говорят, что Вы умеете держать слово.

– Я больше всего дорожу своими принципами. А умение держать слово – это один из моих главных принципов.

– Вы верите в судьбу?

– Сказать, что верю... Жить работая и умереть сражаясь – вот эта моя твердая позиция, и она определила мою судьбу. Помните форму-

лу Маркса – «без борьбы нет движения». Так что... я верю в судьбу. Возьму на себя смелость, если позволите, перефразировать Горького: рожденный летать, ползать не должен.

– И куда же она Вас выведет? Судьба?

– Я не могу сказать, куда она меня выведет. Я живу, работаю, люблю, любим... Куда выведет (задумывается). Может, куда судьбой предопределено?

«ВРЕМЯ ВСЕ РАССТАВИТ НА СВОИ МЕСТА...»

Среднее поколение еще помнит, да и напевает иногда песню, в которой звучат слова: «А я еду, а я еду за туманом, за туманом и за запахом тайги». Сегодняшнему поколению все это смешно и чуждо. Ценности запаха тайги и доллара резко разнятся. Но скажите, кто-нибудь пытался определить красочность, щедрость души романтика и прагматика?

Сегодня у многих – душа на замке. Что в ней – милосердие или злоба, щедрость или жадность, любовь или ненависть? Чем живет все-таки человек? Я решил пригласить на беседу интересного, как мне казалось, человека, разговорить его. И не ошибся в своем выборе.

Представляю его вам. Это председатель Комитета Правительства РД по делам молодежи и туризму Зумруд Запировна СУЛЕЙМА-НОВА.

– Зумруд Запировна, Вы немало лет работали с молодежью. И сегодня продолжаете болеть ее заботами и проблемами. На Вас как-то влияли, сказывались их энергия, задор?

– Ну конечно же. Я вообще и сама по натуре холерик, по гороскопу Близнец. Кстати, по восточному календарю – Змея. Так вот, я люблю молодежь. Она генератор идей, что мне очень по душе. Молодые часто приходили ко мне с идеями, и мы вместе претворяли их в жизнь. В 1991 году пришли ко мне ребята и говорят: давайте создадим КВН. Я пустилась в поиски финансового источника. Позвонила Ахмеду Курбановичу Захарову. Он спрашивает: – А ты им веришь? – Да, верю, – отвечаю. Так на первых порах помогал нам Захаров, а потом Правительство и Госсовет. Полюбила я и туризм: характер что ли у меня такой – живой, заводной. Не посчитайте за нескромность, но я стояла у начала возрождения туризма на государственном уровне. Мне хотелось бы, чтобы туризм полюбили повсеместно и ему уделяли внимание, как Правительство республики, так и мэр Махачкалы Саид Джапарович Амиров...

– Одно время Вы были ровесницей молодых, затем стали чуть старше. Не чувствовали, что Ваше обращение с молодежью носит назидательный характер? Ну, скажем, не на равной ноге с ними, а как старшая сестра?

– Иногда мы бывали на равных, а иногда приходилось и учить. Все зависело от ситуации, от решаемого вопроса. Мне кажется, я молодежь всегда понимала. По крайней мере, за советом приходили.

Ведь создали же такие организации, как союзы Прогрессивной, Демократической, Коммунистической, Дагестанской молодежи и другие, Федерацию детских общественных организаций... Это о чем-то говорит, надеюсь?

– **Вы много лет отдали работе с юными дагестанцами, были первым секретарем обкома ВЛКСМ. Скажите, а что нового привнесли в комсомольскую работу?**

– А не посчитаете за бахвальство? (смеется). При мне были повсеместно созданы ученические производственные бригады, лагеря труда и отдыха для детей, открыта зональная комсомольская школа. А праздник – Дни молодёй гвардии. Впервые в стране он проводился у нас. Опять же впервые стали открывать молодежные кафе, молодежные предприятия, с Магомедом Толбоевым провели авиационное шоу, впервые в СССР – слет воинов-интернационалистов в 1986 году.

На фестивале молодежи и студентов в Москве в 1985 году мы построили павильон «Дагестан», где были представлены молодые мастера прикладного искусства, мастера культуры Дагестана, экспозиции музеев. И всего за три месяца. Большую поддержку оказали нам тогда Магомед Юсупович Юсупов, Магомедали Магомедович Магомедов, Виктор Александрович Коробейников, Муху Гимбатович Алиев, Абдуразак Марданович Мирзабеков.

– **Что дала Вам работа в комсомоле? Я имею в виду – в нравственном плане. Чему научила?**

– Я благодарна судьбе, что мне посчастливилось работать в такой организации. Как повязали в школе галстук, так и варюсь, как говорится, в общественной работе. Да, я многому научилась в комсомоле: понимать людей, организовывать работу, овладевать наукой. Приобрела друзей. Сейчас у меня они – везде, даже за рубежом: ведь многие бывшие комсомольские работники работают в посольствах, консульствах, торгпредствах.

В комсомоле учили искусству общения, учили убеждать, не стесняться спрашивать, советоваться. Я и сейчас продолжаю советоваться и спрашивать.

У комсомольцев было свое лицо, свой особый, индивидуальный стиль – раскованность плюс энергия. Молодость – это сгусток энергии.

– **Есть ли сегодня организации, которые увлекали бы молодежь? И главное – только откровенно: эффективна ли их работа?**

– Конечно, если быть честным – нынешние организации и близко не похожи на комсомол. Члены комсомола стремились к деятельно-

сти, старались реализовать себя. Сейчас молодежь надо учить работать. Она не сравнима с прежними комсомольцами.

– А ведь какие громкие дела были: освоение целины, студенческие строительные отряды, комсомольские ударные стройки... Сегодня эта ниша пуста.

– Да... В сельском хозяйстве для молодежных отрядов работы нет, государственное строительство замерло. А впрочем, эта идея не загублена. Договорились со Ставропольским краем послать отряд молодежи в составе двухсот человек на уборку урожая. Мы выступили с предложением создать студенческие строительные отряды для работы в Ботлихском и Цумадинском районах. Запланировали направлять молодых за рубеж. Сами, благодаря своим связям, направили в Чехию и Германию на строительство метро сорок четыре человека. Опять-таки благодаря личным контактам договорились, чтобы выпускники наших вузов или студенты пятых курсов могли поехать на работу во Францию и Англию.

– Многие по сей день в неведении, есть ли в республике пионерские организации. Некоторым не нравилась заорганизованность пионерских отрядов, дружин, но в то же время походы ребят, пионерские костры и игры «Орленок» и «Зарница» несли серьезную воспитательную функцию...

– Есть у нас пионеры, которые носят красные галстуки, есть и новые общественные организации: «Наследники», «Легион зеленых», «Пионер Дагестана». Создана совместно с Министерством образования Федерация детских общественных организаций. Сейчас утвержден новый галстук с цветами флагов Российской Федерации и Республики Дагестан.

В прежней организации была, конечно, заорганизованность, но и правила пионеров в них были прекрасными. А что касается «Орленка» и «Зарницы», то они здравствуют: недавно прошли зональные соревнования.

– Сегодня широкий размах взяли игры в КВН, дискотеки. Что это – панацея от преступности, безделья или на самом деле новые формы работы с молодежью, способствующие их воспитанию?

– Скорее всего, одна из форм воспитания – это КВН и Брейнинг, который в последнее время получил широкий резонанс по всей республике. Наша победа в Москве показала, я имею в виду «Махачкалинских бродяг», что можем побеждать не только в силе, то есть в спорте, но и в интеллекте. Мы создали Кавказскую лигу КВН, и к нам уже приезжали из Ставропольского и Краснодарского краев, Влади-

кавказ, Гянджи, Санкт-Петербурга. Сейчас собираются приехать ребята из Грузии и Армении. А что касается дискотек... В них надо многое менять. Мы хотим создать и национальную дискотеку. Прошедший недавно конкурс танца «Лезгинка» подсказал нам эту новую идею.

Скажу вам откровенно: мы, несмотря на нашу бедность, духовно богатая нация.

– Тем не менее развитие культуры оставляет желать лучшего. Сегодня молодежь не ходит в кино, не посещает театр, библиотеку (если не считать студентов). Улицы города пестрят афишами с именами певцов, которые далеки от профессионализма. Суррогат – вот чем потчуют молодежь. Или Вы не согласны со мной?

– Я с вами полностью согласна. И нам надо исправлять этот участок работы. Вот, к примеру, сегодня очень популярен ансамбль «Кинса». А начинал с нуля. Поддержало Правительство и лично Хизри Исаевич Шихсаидов, будучи Председателем Правительства. Казалось бы, многого добились ребята, а когда почувствовали, что надо поднять профессиональный уровень, мы послали их на учебу в Москву. А наша «Студенческая весна»! Последний гала-концерт прошел не хуже выступлений прославленных ансамблей.

Я хотела бы, чтобы та база, которая имеется у министерства культуры, использовалась молодежью. Возможности для этого есть. У нас много, очень много талантливых ребят, им надо помочь, поддержать их, стать им опорой.

– Я слышал, в юные годы Вы танцевали в ансамбле «Акуша», который стал со временем знаменит. Или это досужие разговоры?

– Нет, это правда. Ансамбль был создан в 1956 году, а у его истоков стояла моя мама. В 1957 году ансамбль выступал на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве, и я там танцевала. Мне было в ту пору три года. Мама моя двадцать лет проработала заведующей райотделом образования, а последующие 24 года в отделе культуры райисполкома. И когда она создавала и пестовала этот фольклорный коллектив, сколько было недовольства, неприятия этой формы культуры, неверия в силу коллектива...

В 1967 году проходил Всероссийский конкурс самодеятельного творчества народов России, посвященный 50-летию советской власти. Благодаря усилиям Заиры Хизроевой был поддержан коллектив «Акуша» и «Усишинский танец» отобран для зонального смотра в Ростове-на-Дону. Успех был шумный. Вот что заявил председатель жюри композитор Ваню Мурадели: «Этот коллектив является золотым

фондом Министерства культуры СССР». После этого нас и стали поддерживать. В 1969 году мы поехали в Польшу, я в ту пору училась в 10 классе и танцевала в ансамбле. В городе Закопане на международном фестивале фольклорных ансамблей завоевали «Золотой топорик». Вот после нашей победы обком партии рассмотрел вопрос о распространении опыта работы Акушинского района по развитию фольклора.

– Вы работаете с молодежью. О чем их разговоры, желания, просьбы? Сильно ли они отличаются от молодежи 70–80-х годов?

– Как и все молодые, точнее, молодые всех времен, они любят развлечения. Но взгляды у них уже другие: прагматики. И что показательно, энергии им не занимать, они даже более самостоятельны, уверены в избранном деле. Хотелось бы, чтобы к ним перешли от предшественников такие качества, как скромность, честность, порядочность, уважение к женщине, старшим.

– Вам нравится сегодняшняя молодежь?

– В целом, да. Конечно, она – отражение того общества, в котором мы живем. И если с ней происходит что-то не так, как мы хотели бы, это не вина ее, а беда, и нам, старшим, следует направить этот сгусток энергии в нужное русло. У нас красивая, умная молодежь.

– Вы не устаете от работы? Вот и недавняя Вахта Памяти потребовала колоссальных сил и энергии.

– Сказать, что не устаю, было бы неправдой. Но мне повезло с коллективом. Мои коллеги – грамотные люди, меня понимают с полуслова. И ни разу не подвели. Только в апреле состоялись 1-я ярмарка туристских путевок, 1-я Кавказская лига КВН, открытие туристического сезона, смотр «Орленка», Вахта Памяти, «Студенческая весна», конкурс вожатых, совещание молодых писателей... Кстати, хотим издать сборник произведений молодых. Да, еще нас заслушали на Госсовете республики. Ну как, не мало?

– У Вас не маленькая семья. Хватает Вас на нее? Дети не роппут? Ведь их надо и накормить, и обстирать.

– Безусловно, я не смогла бы работать, если бы не понимание и не поддержка семьи – супруга, детей. Правда, когда родился первый ребенок, мне помогала мама. Сейчас дети подросли, их у меня четверо, и все по мере своих сил работают по хозяйству.

– Аул свой не забыли? Традиции, ритуалы национальные? Родню? Часто город нивелирует национальный характер.

– Что вы!.. Я соблюдаю все обычаи и обряды, часто езжу в родной аул, никогда не забываю папиных друзей, родню. Так мне завеща-

ла мама, и я никогда не забываю ее завета. Часто бываю в родительском доме: много воспоминаний навеивает он о прошлом.

– На работе Вы привыкли распоряжаться, проявлять требовательность, строгость. Безусловно, вырабатываются начальственные манеры, нотки. Дома не мешают приобретенные навыки?

– Выше и главнее мужа дома нет никого. Так дело поставлено у нас в семье. Так было и у родителей. Главное, решающее слово – за отцом.

– И все-таки, в чем предназначение женщины, в чем ее счастье?

– Думаю, прежде всего – в семье, в семейном счастье. Но женщина должна суметь реализовать себя в любимом деле, но... не ради карьеры. Лично я люблю работу ради ее результата.

– Немало женщин стремятся к высоким должностям. Чего ради?

– Я не хочу, чтобы меня выдвигали как женщину. Я хочу, чтобы меня замечали и уважали за то, что я приношу пользу. С детства мне внушали родители, что хвалить человека надо за ум. А женщина, чтобы сумела проявить себя, должна работать вдвое больше мужчины. Таков у нас менталитет.

Человек должен уважать себя; занимать должность, с которой не справляешься, не стоит, хотя ты и женщина. Впрочем, это относится и к мужчинам.

– Зумруд Запировна, во все времена не так-то легко было удержаться в кресле. Надо быть не только профессионалом, но и где-то покладистым, в чем-то угождать... Вы освоили эту науку?

– Я отвечу так. Мне все доставалось нелегко. Каждый раз приходилось утверждаться в должности. У меня даже было прикреплено ко мне звание – «самый неудобный секретарь обкома». Меня почему-то не сразу воспринимали, утверждаться приходилось каждый раз. Но вот... выстояла. Может, и благодаря двум приобретенным чертам характера: дипломатии – от мамы и принципиальности – от папы.

– Культура человека – немаловажный фактор, от него зависит во многом морально-психологический климат в коллективе, да и просто настроение отдельного работника.

– Безусловно, у каждого свой характер, интересы, наклонности. И моя задача – использовать, а вернее, опираться на лучшие качества. Мне везет с людьми: мы уважаем друг друга, помогаем.

– Вы человек жесткий или мягкий?

– Одни говорят – такой, другие – сякой. Но я не держу зла. Папа часто говорил мне: – Если держишь в душе зло, руководитель из тебя не получится.

– **У Вас много друзей, близких подруг? За что они Вас уважают?**

– Близких подруг мало, даже очень: три-четыре. Друзей – много. За что уважают? Не знаю. Может, за искренность и коммуникабельность? Да и сама работа заставляет расширять круг друзей. А на самых близких меня не хватает.

– **А недругов не замечаете? Ведь в жизни часто так бывает: в лицо улыбаются, а за глаза склоняют как хотят.**

– Замечаю. Но стараюсь не обращать внимания.

– **Любопытно, о чем бывают Ваши беседы с друзьями?**

– Часто вспоминаем прошлое, что осталось за плечами, как говорится. Очевидно, возраст берет свое. А вообще говорим о литературе, о музыке. Я в детстве училась в музыкальной, хореографической школе, играю на фортепиано, чунгуре. Ходила в спортшколу. Очень люблю Чайковского, Шопена, Моцарта, из наших композиторов – Гасанова, Дагирова, Кажлаева, Цурмилова. Перечитываю классику. Знаете, сегодня, с возрастом, она по-другому воспринимается. У меня большая библиотека, много книг осталось от мамы и папы.

– **У Вас, я думаю, своя личная портниха, свой парикмахер, своя сауна?**

– Портниха есть, но личного парикмахера нет. Хожу в дамский салон. Для себя очень мало времени остается.

– **Вы любите готовить? Ваши вкусы в семье сходятся?**

– В основном да. Люблю наши национальные блюда. И девочки умеют хорошо стряпать.

– **Признайтесь, Вы довольны жизнью, милостива ли она к Вам? Многие бывшие первые секретари, комсомольские вожаки получили престижные должности, стали министрами, ... высокопоставленными чиновниками Вам не столь повезло...**

– Карьера человека зависит от многих факторов. (Задумывается). Вообще человек сам строит свою жизнь. Я своей довольна. Конечно, можно было бы что-то изменить... И все же я не в обиде. Сегодня можно насчитать много людей, которых я рекомендовала на руководящие должности и которые ныне сидят выше меня. И я спокойно смотрю на это. Еще раз повторяю: я благодарю судьбу, что прошла комсомольскую школу. Ей я многим обязана. Кстати, у меня много раз была возможность идти в руководство министерствами социаль-

ной защиты, культуры, но отказалась: занимать в ту пору такой пост было рано.

Знаете, пена жизни сойдет, время все расставит на свои места.

– В душе горит еще желание быть руководителем высокого ранга?

– Ой, нет! Ведь я никогда и не думала, что буду секретарем обкома комсомола. Сегодня молодой человек иначе воспитан: еще не успел опериться, а уже кричит: я могу, я хочу, я буду. А я человек старой закалки: куда направят, туда и пойду работать.

– И последний вопрос: к какой должности Вы стремитесь и что предпринимаете, чтобы осуществить свою цель?

– Никогда к должностям я не стремилась и не просилась. Мне всегда их предлагали. Почему, спросите вы? Просто я уважаю себя, а уважать себя меня научили мои родители.

– Зумруд Запировна, в заключение беседы поздравить Вас с очередной высокой государственной наградой.

– Спасибо.

PS. Спустя несколько месяцев после нашей беседы З. З. Сулейманова была назначена министром по делам молодежи и туризму.

«МНЕ ХОЧЕТСЯ МНОГОЕ СДЕЛАТЬ ДЛЯ ЭТОГО ГОРОДА...»

Удивительное сегодня время. Одни кичатся особняками, каких не имели до революции семнадцатого года даже купцы и беки, другие – автомобилями иностранных марок, третьи – кошельками, набитыми зелеными банкнотами с портретами президентов США.

А этот человек доволен тем, что здоров, крепок, мужествен. Что у него много друзей. Что у него есть свои... лошади, благодаря которым открыл мир прекрасного.

О нем, о широте его натуры я слышал много раз. Хотел познакомиться. Да и влекла меня к нему, откровенно говоря, некая загадка: как могло случиться, что в наше безнравственное время, когда многие руководствуются принципом: «Хватай, разделяй и властвуй», он остался тем, кем и был: простым, кампанейским, сердобольным и добрым, очарованным природой и животным миром. Нет, не подумайте, что он бессребреник, что относится к классу неимущих. Отнюдь. Но ведь вот в чем все дело: свое счастье кует сам, своим умом, своими руками.

Прежде чем начать разговор о жизни, о времени и о себе, я попросил его показать мне лошадей. Он согласился с удовольствием, более того, с какой-то затаенной радостью. Его служебная «Волга» помчала нас по городским улицам, выехала на песчаную дорогу, вдоль берега моря, и через некоторое время мы были на территории конезавода. Стыдно назвать конезаводом некогда выстроенные каменные помещения – они без крыш, без окон, в запустении. Но в конюшне, которую арендует он с друзьями, – чисто, и здоровый, терпкий лошадиный дух щекочет ноздри.

Завидев его, лошади били копытами о землю, вскидывали шею, тянулись мордой к нему, кося большими глазами. Он похлопывал их по шее, спине, а они, словно доверяясь его ласковой руке, терлись мордой о плечо.

Он обошел всех лошадей – и своих, и друзей... Они были великолепны, мощны, налиты тяжелой, упругой силой. У меня было такое ощущение, словно передо мной груды мышц.

Но как я был поражен, когда их выпустили на волю. Манап, чистокровный конь английской породы, вихрем пронесся по загону и замер в отдалении, высоко вскинув голову, вытянув шею и подняв веером хвост. Тонконогий, стройный, словно высеченный гениальным скульптором. Может, он хотел показать нам свою статью? Вслед за ним выбежавший Закат опрокинулся на землю, долго, перекатываясь

на спине, «купался» в песке, потом вскочил на ноги и помчался, словно вихрь...

Обратно мы ехали почти молча. И я в душе был благодарен этому весеннему солнечному дню за то, что имел возможность вырваться из каменного мешка загазованного города и насладиться чудесными творениями природы. Был благодарен человеку, который доставил мне такое удовольствие.

А человеком этим был полковник милиции, еще недавно руководивший Управлением вневедомственной охраны МВД РД, а ныне глава администрации города Каспийска Джамалудин Омарович ОМАРОВ. Спустя некоторое время мы сидели у него в кабинете и вели непринужденную беседу.

– Джамал Омарович, откуда у Вас такое отношение к лошадям? Ласковое, доброе. Словно Вы знаете их душу, характер, нрав...

– С детства. Когда я был совсем маленьким, еще и в школу-то не ходил, отправляясь с мамой на базар, только и знал, что просил: «Купи мне жеребенка или купи мне теленка». Потом стал приставать с просьбами к отцу: «Купи мне лошадь». Он улыбался и отвечал: «По времени, табунщиком тебя сделаю...»

Учился я в городе, на каникулы приезжал в Леваши. В сумерках выходил за село. Там паслись стреноженные лошади, распутывал приглянувшуюся мне и скакал на ней вдоволь. В ту пору было мне тринадцать лет. Окончил школу, пошел служить в армию. Лошадей, как вы знаете, там нет, а энергия, сила искали выхода, ну и стал заниматься в секциях вольной борьбы и самбо. Кончилась служба – и снова потянуло к лошадям. В семидесятых годах был создан конезавод, у истоков которого стоял Магомед Джафаров. Выходец из бедных крестьян, он не думал ни о богатстве, ни о достатке, его сладостной болезнью, если можно так выразиться, были лошади. Он и у сыновей своих – Джафара, Магашарипа и Магомедхабиба – воспитал чувство любви к благородным животным. Эти ребята просто фанатично преданы лошадям: все время проводят с ними.

В те годы на конезаводе содержались лошади только ахалтекинской породы. Английской приобрели уже мы с друзьями.

– Да, мне рассказывали, что у Вас есть свои собственные лошади. И давно Вы их приобрели?

– У меня их три. По кличке Закат чистокровной английской породы, Манап – тоже английской породы, родился в Махачкале, от Маг-

незии и Пилата, купил шестимесячным. И Эней – полукровка, точнее, полуанглийской – полуахалтекинской породы. Эней у меня, к примеру, уже двенадцать лет. Семь лет он бегал, участвовал в состязаниях. Работали с ним Магашарип с братом Магомедхабибом.

Да, упустил один момент. Идея создания конезавода принадлежала Магомеду Шамильевичу Абуеву – бывшему зампреду Совета Министров. Он многое делал, чтобы его основать. К сожалению, в 1985 году завод забросили, забыли. Мы с друзьями решили создать свою группу любителей конного спорта. А по просьбе Председателя Госкомитета по спорту Шахабаса Шахова в девяносто пятом году была организована и конноспортивная федерация.

И вот три года наши кони постоянно участвуют в спортивных состязаниях. Правда, первые два года призовые места получить не могли, но вот уже в 1998-м заняли второе место среди команд Российской Федерации. И этот успех, скажу откровенно, достигнут благодаря конникам-частникам. То есть тем, кто приобрел коней в частном порядке. В состязаниях не участвовала ни одна лошадь с конезавода – вы видели, какие они худосочные, немощные, а в каком состоянии находятся конюшни: разбитые, сорванные крыши, выбитые окна... Душа болит, глядя на такую бесхозяйственность и безысходность.

– Я понимаю – любовь к лошадям великая штука. Но стоит это недешево. Если не секрет, во что она обходится?

– А мы дорогих не покупали. Мы брали жеребчиков и растили их сами. А сейчас, конечно, они стоят дорого. Я, например, продал два года назад одну лошадь, двухгодовалую, за десять тысяч долларов.

– Ныне, как говорится, за окном другая пора: одни наживают добро, другие строят дворцы, а Вы тратитесь на лошадей – ведь Вы платите и за аренду конюшни, покупаете корм, содержите конюха и жокея... Вас не считают эдаким чудаком?

– А я с такими людьми не общаюсь. Да, Вы правы, сегодня кто «болеет» дворцами, кто – «Мерседесами». А мне интересны лошади. Я свою лошадь ни за один «Мерседес» не отдам. А знаете, это только у нас в России не ценят лошадей. В Англии им цены нет. Там одного чемпиона Дерби оценили в 50 миллионов долларов. Или другой пример приведу Вам: там же, в Англии, одно покрытие жеребцом кобылы стоит миллион долларов. В Дубае на соревнованиях (скачках) чемпион получил приз в три миллиона долларов. В этом году сумма приза увеличена до пяти миллионов долларов.

– А Ваши лошади участвовали в скачках, соревнованиях?

– А как же иначе? Обязательно. Золотоус в 1997 году участвовал

в чемпионате по конному спорту в Ингушетии и завоевал приз имени Аушева. Мой Закат участвовал в состязаниях в Пятигорске, а в Нальчике стал чемпионом на 2400 метров среди трехлетних лошадей. В прошлом году на соревнованиях, проводившихся между командами Дагестана и Чечни в Казбековском районе, и Золотоус, и Закат выиграли забеги с большим отрывом. Шестого июля Закат завоевал приз имени Гаида Гашидова.

Я должен заметить, что последние пять лет первенства России проходят в Пятигорске: здесь и условия отличные для проведения соревнований, и ипподром первоклассный. В состязаниях принимали участие двадцать восемь наших лошадей. Три из них становились чемпионами, еще три – вторыми призерами. А в 1998 году, как я уже сказал, дагестанская команда заняла второе место в Российской Федерации. И это, заметьте, впервые... В этом году готовим к состязаниям сорок лошадей.

– Вы, наверное, хорошо скачете на лошади? Пускаетесь рысью, галопом...

– Ну конечно. В неделю два дня – субботу и воскресенье – провожу на коне. И вообще, как можно любить коня, не умея ездить?

– А случалось падать с него?

– Много раз. Даже в этом году, совсем недавно упал. Это ничуть не пугает. Я получаю очень большую разрядку, сидя в седле. Конь, его бег, скорость удивительно успокаивают нервы. Это мое самое любимое занятие.

– Как истинный поклонник скачек, Вы, я думаю, побывали не на одних бегах?

– Безусловно. Был на бегах в Дубае. Самые сильные кони у арабов. Это, к примеру, Аль-Акбар и Аль-Макдум. А какие соревнования проводят в Турции – словами не передашь. Бывал я в Саратове, Нальчике, Пятигорске. В последний раз, в ноябре, будучи в Москве, два дня почти не уходил с ипподрома на Беговой. И скажу откровенно: подготовка наших коней ничуть не хуже, но вот для тренировки их у нас нет никаких условий. Махачкала располагает огромным ипподромом, но беговая дорожка его распахана до безобразия. Наши соседи – Элиста и Нальчик – отлично готовятся к сезону, а у нас не только нет календаря соревнований – мы даже не знаем, будут ли они вообще.

Недавно объединили конезавод с ипподромом. И заметьте: оба развалены.

– Признайтесь: в тотализатор играли?

– Много раз. И выигрывал, и проигрывал. Но чаще выигрывал.

– Благодаря лошадям, я думаю, Вы познакомились и с интересными людьми, родственными душами. Я не ошибаюсь в своем предположении?

– Ничуть. В Дубае я познакомился с крупным предпринимателем, владельцем огромного магазина Аль-Махмудом. Он показал мне свой конезавод – весь в мраморе. Мы переписываемся. Он приглашает меня на соревнования. Был у Юрия Лужкова, смотрел его коней. Через друзей познакомился с глазником Святославом Федоровым, хочу погледеть на его конезавод. Очень большой мой друг живет в Баку – Рамиз Зайналов, начальник управления ГАИ Азербайджана. Страстный любитель лошадей. Мне выпала честь в прошлом году подарить ему двухлетнего жеребца по кличке Линч. Все были удивлены, поражены столь щедрым подарком.

– В рассказе Фазиля Искандера «Лошадь дяди Кязыма» повествуется о том, как любимое животное вернулось с Марухского перевала во время войны каким-то понурым, и хозяин, глянув на него, сказал: «Она порченная». Мальчик спрашивает у дедушки, как понять слова дяди, и тот объясняет: «У ней гордость убили, лошадиную. В ней игры нет». Вы понимаете смысл сказанного?

– Вот Вы видели сегодня, когда Закат стал бить копытом о землю, потом встал на дыбы, поскакал, понесся по загону, вскинув голову и подняв хвост... Лошадь играла. Она должна чувствовать свою силу, мощь своих мышц, в ней должна бурлить жизнь.

На свете есть три красивых, грациозных движения или явления: когда танцует женщина, когда скользит яхта, когда скачет лошадь.

– Насколько я знаю. Вы не ограничиваете себя только страстью к лошадям. Вы были и отменным мотоциклистом?

– К мотоциклам у меня тоже была страсть, вы правы, но в молодости. В шестьдесят восьмом–шестьдесят девятом годах играл в мотобол. В 1971 году на мотоцикле класса «Урал» участвовал в чемпионате России среди работников милиции. Выиграл титул чемпиона. Как сегодня помню руководителя нашей команды Алахверди Шапиевича Даудова: бежит, грозит кулаком, кричит: «Уменьшай скорость, разобьешься!». Но как удержишь себя в порыве, в азарте? И как он был рад, когда я стал чемпионом!

– И вообще, Вы мастер на все руки. Я слышал, что и дом свой возводили сами?

– Да, это верно. Своими руками поднял дом и в Мекеги, и в Махачкале. Строил я вместе с братом Чкалом. Он живет в селении и любому мастеру даст фору. Кладку делали и крышу крыли вместе, полы

стелили, оконные рамы и стекла ставил я сам, только внутреннюю штукатурку доверил мастеру.

– И сад сажали сами?

– И сад сам. Когда делаешь сам – дети смотрят и учатся. Ведь они должны уметь созидать. А Вы поглядите на современную молодежь: что они умеют, что знают? Горько сознавать, что ничего.

– Я узнал от нашего фотокорреспондента Федора Зимбеля, что Вы плюс ко всему и страстный охотник. Что Вас привлекает в охоте?

– Конечно, природа. Есть у нас такие места, где она сохранилась в первозданном виде. Она буквально зачаровывает меня. В Дагестане нет района, где бы я ни побывал. Ну, а во-вторых, большие пешие маршруты, бег, голодание, усталость – все это закаляет охотника, позволяет ему быть здоровым.

– Вам удается приносить домой трофеи с охоты? Часто случается, что незадачливый охотник приносит дичь... из магазина.

– Если даже бывают трофеи, я их не приношу. Раздаю. Обычно стреляю лис, волка, кабана, зайца. Тура – никогда. Разве можно убивать такую красоту? Стреляю вверх и разгоняю, чтобы другие охотники не убили. Считаю, охотник должен руководствоваться целью – не убивать, а любоваться, наслаждаться природой, землей своей, укреплять здоровье.

– Вы много лет работали в милиции и, должно быть, стреляете метко.

– Конечно. Я отдал милиции тридцать лет. Начинал рядовым, дослужился до начальника Управления вневедомственной охраны МВД республики. Был на разных должностях. Естественно, и стрелять должен уметь. Мои коллеги и друзья всегда говорили: лучше Джамала никто не стреляет. По сей день в тире «Динамо» хранится моя мишень за 1997 год, когда я выбил девяносто семь очков из ста. И это из пистолета Макарова!

– Чем объяснить, что двое из Вашей семьи – Вы и Ваш брат Магомед – пошли служить в милицию? Это была воля отца или так сложились обстоятельства?

– Ни то и ни другое. В то время мне нравилась милиция. Считаю, что в милиции должны работать крепкие, мужественные ребята. Да и сейчас считаю так.

А Магомед видел, что я дни и ночи провожу на службе, работа моя живая и интересная, и, окончив исторический факультет ДГУ, пошел к нам. А о том, как он начал служить, говорит такой факт. Как-

то замначальника горотдела милиции Лавров подзывает меня: «Джамал Омарович, у Вас нет больше брата принять к нам на работу?» – «Есть, – отвечаю. – А что случилось?» – «Очень хорошего парня ты нам дал, – отвечает. – Из него получится очень сильный оперативник». А у меня и времени-то не было узнать, как Магомед работает.

– И Лавров оказался прав. Во время известных событий в селе Первомайское Магомед проявил не только высокие профессиональные качества, но и такую заботу, внимание к солдатам, что его прозвали добрым полковником. Сегодня Вы можете быть довольны нашей милицией или как профессионал в ее работе видите много недостатков, недоработок?

– Не могу быть довольным. Ну как можно закрывать глаза на то, когда немало работников милиции сажают за личные преступления, за их связи с криминальным миром. Вместе с тем я всегда гордился и горжусь, что в милиции служит много мужественных, крепких ребят, которые работают на совесть, рискуя жизнью.

– Что Вас привело на административную работу?

– Я был в курсе всего, что творилось в Каспийске. Неблаговидные дела администрации, криминальная обстановка в городе, безработица, отчаяние масс – все это возмущало до глубины души. Но сказать, что я просился сюда, – не могу. Однако, когда меня пригласил Председатель Госсовета республики и сказал: «Надо идти», я, как всегда, не имел права отказаться. И оказался здесь.

– Итак, сегодня Вы – глава администрации. А это значит, надо хорошо разбираться и в экономике, и в социальных проблемах, и в коммунальном хозяйстве... Не сложно?

– Знаете, последние шесть лет я работал в Управлении вневедомственной охраны республики, где надо знать экономику. Так что моих знаний для главы администрации более чем достаточно. С коммунальным хозяйством ознакомился, и, честно говоря, для грамотного человека здесь каких-либо больших сложностей нет. Здесь другие проблемы, которые не дают покоя и требуют решения. Не работают ни один, ни другой завод, не улучшается криминогенная обстановка. Но считаю: с этими проблемами мы справимся.

– Какие у Вас планы, перспективы по оздоровлению экономического и социального климата Каспийска?

– Планов более чем достаточно. И самое первостепенное желание – чтобы заработали заводы, закипела жизнь в подсобных хозяйствах; остро стоят вопросы ремонта дорог, фасадов домов, канализационной

сети, водоочистных сооружений, озеленения дворов, улиц и парков, наведения порядка на рынке, в больницах, своевременной выдачи пенсий, детских пособий, строительства берегозащитных укреплений... Всего не перечислишь.

– Как Вас встретили в горадминистрации? Подхалимы, наверное, не заставили себя ждать?

– Встретили нормально. Наверное, поняли (я так думаю), что Госсоветом был сделан верный шаг. Что касается подхалимов, я их не терплю!

– Выборная кампания для Вас, наверное, была хлопотна, тяжела. Ведь Вы баллотировались впервые?

– Нет, не впервые. Я был народным депутатом Верховного Совета Дагестана. Это – второе мое избрание. И особых хлопот не испытал. Горожане видели, как я здесь работал несколько месяцев до выборной кампании, и сами сделали свой выбор.

– Любопытно, чему Вы посвящаете свободное время. Кажется, упомянули, что субботу и воскресенье посвящаете лошадям. А семье уделяете внимание?

– Если честно, в последнее время почти нет. Просто не получается. Очень много времени, как говорят, съедают прием граждан, рассмотрение писем и жалоб. Прихожу на работу даже в субботу. Остается свободным воскресенье, и его я уделяю семье. А она у меня большая: пять детей, три внучки и четыре внука. И почти у всех – пристрастие к лошадям. Ходят на все бега, которые проводятся в республике. Особенно обожает лошадей дочь Наида. Она прекрасно держится в седле, знает всю подноготную животных. Руководители республики, присутствующие на скачках, советуются с ней как с заправским знатоком наших лошадей. А внук Гамид (ему дали имя в честь Гаида Мустафаевича Гамидова), которому всего три года, уже несколько раз садился на коня и теперь, когда видит меня, радуется: «Ада, поехали к лошадям».

– Вы, наверное, и мастер готовить разные кушанья. Охотник должен уметь жарить, варить, коптить...

– Если честно... не умею. На охоте могу просто сварить мясо. Считаю, кулинария – удел и обязанность жены.

– Где Вы себя хорошо чувствуете: дома, на работе, в кругу друзей?

– Я везде себя хорошо чувствую. И дома, и на работе. А среди друзей – просто великолепно.

– У Вас бывают и минуты уединения: считаю, человек должен оставаться, да и остается на какое-то время наедине с самим собой. О чем в такие моменты Ваши думы?

– Только о Каспийске. Вы не поверите – и дома, в семье, заметили. Мне хочется многое сделать для этого города.

«КИНО – ЭТО ЗЕРКАЛО, В КОТОРОМ КАЖДЫЙ ЗРИТЕЛЬ МОЖЕТ УВИДЕТЬ СЕБЯ...»

Как живетсся деятелям искусства сегодня? Этот вопрос возник у меня не случайно. Знакомясь с биографией моего собеседника, я натолкнулся на такой факт: профессионал, киноактер... и вдруг хозяйственный деятель, связанный с рынком и потребкооперацией... Что это? Перст судьбы? Печать времени? Злая ирония сложившихся обстоятельств?

Но ведь и центральное телевидение рассказывает нам о тяжелой доле работников искусства, не сложившихся судьбах, об их зависимости от денежного мешка новых русских... Вот и в беседе с Урмасом Оттом нет-нет да и проскальзывала обида деятелей искусства на забвение их нелегкого труда, житейских проблем.

Как все это понимать? Таланты сегодня не потребны? Или само искусство не нужно, и личность, «наступая на горло собственной песне», ради выживания вынуждена идти в мир бизнеса, не отличающийся пока цивилизованными нормами? Послушаем моего собеседника Баганда МАГОМЕДОВА, снявшего в двенадцати художественных кинофильмах.

– Баганд, неужели это правда? Ты снялся в двенадцати фильмах? Не преувеличение?

– Нет, не преувеличение. 12 фильмов – это определенный жизненный отрезок моей биографии. Кто-то старается себя рекламировать, отснявшись в двух-трех картинах. А я ждал своего часа. Ждал свою картину, с которой мне было бы не стыдно выйти к людям. К людям, которые понимают толк в настоящем искусстве. Я ждал этой картины. Но она так и не состоялась.

– Ты можешь перечислить фильмы, в которых снимался?

– Среди фильмов, в которых я играл, наиболее дорогим для меня является «Сказание о храбром Хочбаре», ее снял мой друг кинорежиссер Асхаб Абакаров. Кстати, с его легкой руки я и стал киноактером. Первая моя картина – его дипломная работа «Завтрак» – поставлена на «Ленфильме» по рассказу Сомерсета Моэма. Затем были фильмы «Пирамида» по материалам расследования узбекского дела Гдляна и Иванова; «Тайна рукописного Корана» по повести Ахмедхана Абу-Бакара; таджикского режиссера Тахира Сабирова «Слезы и меч»; совместная картина студий Италии, Испании, Марокко и СССР «Битва трех королей» – режиссера Сухейль Бен Барха, обладателя Оскара;

туркменская лента «Принц – привидение»; фильм Одесской киностудии «Человек в зеленом кимоно»; студии «Ленфильм» «Белое проклятие»; художественная лента Голливуда, снимавшаяся на киностудии им. Довженко «Финальный конфликт»; «Шамиль» режиссера Ислама Казиева...

– А твоя самая первая роль?

– Самая первая моя роль в жизни – Хлестаков в учебном отрывке шестого класса школы-интерната № 1 города Дербента. В ту пору я участвовал в школьном драмкружке. Эта роль дала мне надежду и уверенность, что меня может ожидать успех в большом искусстве. За нее я получил в ту пору Почетную грамоту.

– А последняя роль?

– Последняя роль – в кино «Финальный конфликт» производства США, где я играл Смита – руководителя Центра управления работами. Кстати, помимо той роли, целый месяц мы ежедневно с друзьями делали трюковую работу буквально на износ. Да, а в кино впервые снимался в фильме «Завтрак» в роли бармена в кафе.

– Игра в трюковых фильмах давала, наверное, хороший заработок?

– Казалось бы, должна была давать. Но нашим каскадерам по сравнению с американскими платили гроши. Да и приехали американцы снимать фильм в Киев, зная, что здесь самая дешевая рабочая сила в мире. Ну сравните: американский каскадер за один трюк, заканчивающийся смертью по сценарию, требует тысячу долларов. Я в фильме умирал двенадцать раз, а получил за всю трюковую работу, длившуюся целый месяц, восемьсот долларов.

– Как ты оказался в кино?

– Оказался в кинематографии по приглашению друга Асхаба Абакарова. Пробовал себя в роли сапожника Исы в фильме «Горянка» по Расулу Гамзатову у известного режиссера Ирины Поплавской, но меркантильные интересы для нее оказались важнее, и она не пригласила на роль Асият мою однокурсницу Варигет Латипову. Из солидарности с ней я отказался от участия в фильме.

– А откуда ты знаешь законы кино?

– Законы кино нашей дагестанской студии, которая обучалась в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии, преподавал великий педагог Аркадий Иосифович Кацман – человек истинно творческий, преданный искусству до фанатизма. Он даже не обзавелся семьей, чтобы не изменять искусству. На наш курс приходил читать лекции о кино выдающийся кинорежиссер Алек-

сандр Козинцев. Мне посчастливилось слушать лекции и наблюдать репетиции: Ефима Капеляна, Сергея Юрского, Кирилла Лаврова, Вячеслава Стрельчика, Евгения Лебедева и других.

– Они верили в твой талант?

– Кстати, скажу о себе: я не талант. Каждому актеру можно дать определение: талантливый, великий, выдающийся, известный. Я себя назвал бы способным. К слову, Аркадий Кацман, мой мастер, был скуп на похвалу и не разбрасывался эпитетами. Но, отбросив ложную скромность, скажу: он меня ценил за трудолюбие.

– Что представляла собой твоя дипломная работа?

– Театральный институт – это своеобразный монастырь со своим уставом. Диплом в театральном институте – это спектакль, поставленный мастером, где каждому студенту дается возможность проявить себя в разных амплуа. В спектакле «Люди и мыши» по Джону Стайнбеку я играл конюха – негра, в спектакле «Наследники Робурдена» по Эмилю Золя – ростовщика Исаака, а в «Двух анекдотах» Александра Вампилова – скрипача Базильского. И все роли были моими дипломными работами. За них я получил пятерку.

– И вот после окончания института ты – директор Даргинского театра...

– После окончания института я два месяца работал актером в Даргинском госдрамтеатре им. О. Батырая и в том же году, 1977-м, поступил в очную аспирантуру на кафедру сценического движения и фехтования в родной институт к Ивану Эдмундовичу Коху, человеку-легенде, которого знал весь Ленинград. Он читал лекции по Ленинградскому телевидению о культуре поведения; он создал в российской театральной школе предмет «сценическое движение», он был мастером спорта СССР в пяти видах спорта; и, что интересно и немногие об этом знают, он являлся сыном главного архитектора Петрограда, подчеркиваю Петрограда. Всех его достоинств не перечислить. Я немного отвлекся... По окончании аспирантуры приехал на родину, и меня назначили директором театра им. О. Батырая. Почему я согласился? Потому, что надеялся со своими однокурсниками создать совершенно новый, по-настоящему живой театр. Этого мне не удалось сделать. Все мои мысли разбивались о бетон непонимания сначала в кабинетах чиновников министерства культуры, а затем и в самом коллективе.

– А в кино что тебе нравилось?

– Прежде всего привлекали встречи с интересными новыми людьми. Кстати, мое жизненное кредо – познание людей, познание мира.

– Многие деятели кино сами заявляют, что кино – это ирреальный мир, мир грез, фантазий, воображаемой жизни.

– Я согласен с этим, но для меня ближе определение, что кино – это зеркало, в которое может заглянуть каждый зритель и увидеть в героях экрана себя. Я думаю, в кино нет ленты, более отвечающей моим представлениям о кинематографе, чем фильм Федерико Феллини «Амаркорд». Когда я смотрел эту картину в Венгрии в 1977 году, буквально вернулся в свое детство и юность и в буквальном смысле слова был оглушен. Оглушен тем, что все показанное на экране было в детстве и юношестве пережито мной. Это и есть высшее предназначение искусства.

– Пришлось ли тебе работать с известными режиссерами?

– Нет, но считаю, что Асхаб Абакаров, который очень рано ушел из жизни, мог бы стать очень талантливым кинорежиссером.

– Чем был мир кино для тебя?

– Миром предстоящего таинства. Мне казалось, что на площадке будет царить творческая атмосфера, романтические отношения. Но в реальности кино – это мучительный труд, грязная работа, разбитые локти, переломанные ноги, старые дребезжащие автобусы, полевые скудные обеды, матерщина, нервные разборки и в результате – нищенская оплата. И... все же потом склеивается лента, появляется музыка, и на экране оживает мир грез.

– Как объяснить тот факт, что ты исполняешь отрицательные роли?

– Мой учитель Аркадий Иосифович Кацман приводил такой пример: проститутка по жизни великолепно играет целомудренную Джульетту, а порядочная девушка великолепно справляется с ролью гетеры. Это психологически оправдано: каждый человек пытается открыть для себя мир, в котором он не жил. Поэтому он легко перевоплощается в противоположный образ. Актеры говорят, что труднее всего сыграть самого себя. А я – актер.

– Почему ты ушел из кино в бизнес?

– Я ушел из искусства потому, что произошло предательство. Меня обманула страна, которая не могла меня содержать, оплатить заслуженный мною гонорар, меня предал мой коллектив, который не поддержал мои стремления сделать театр самобытным, ни на какой другой не похожий.

– И каков итог? Ты обогатился? Обзавелся недвижимостью?

– Отвечу откровенно: я перестал зависеть от рубля. Но главным сейчас считаю для себя не терять совесть. Я открыто могу смотреть

людям в глаза. Я ни у кого не отнимаю, если могу – отдаю. А сколько отдаю – пусть скажут сами люди.

– **Слышал, ты и спортом занимался, открыл школу.**

– В 1988 году мой брат Магомедсалам Абдулаев создал секцию китайской гимнастики ушу. С тех пор я заразился этим прекрасным, творческим видом спорта. Об ушу ходят легенды, а мне оно помогает творчески самовыражаться. Так родилась идея создать творческую студию боевых искусств «Аждаха» в Избербаше. В ней сейчас занимаются мальчики от 6 до 18 лет и взрослые от 20 до 65 лет. Правда, в последние годы у меня все меньше времени вести самому занятия. Меня спортсмены знают и как моржа со стажем. С 1984 года купаюсь в море и зимой, и летом ежедневно.

– **Джигитовкой где ты занимался?**

– О джигитовке лучше всего говорят мои фильмы, в которых я сам исполняю все конные трюки. Сегодня стараюсь чем могу поддерживать моих друзей из конной группы «Джигиты Дагестана» имени Шамиля. Думаю и мечтаю о том дне, когда Правительство Дагестана поймет, что джигитовка – это наш дагестанский вид конного искусства. И его надо возродить.

– **Где ты обучался каскадерству?**

– Каскадерству обычно не учатся. Каскадерами становятся. Скажем, нужно прыгнуть с лошадью со скалы в горную реку. Это может сделать любой спортсмен, но для этого нужен дух. Я являлся в сборной команде СССР каскадеров постановщиком батальных сцен, фехтовальных боев и драк. Но во время съемок приходилось делать любые трюки, вплоть до автомобильных, так как в конце съемок фильма мы делили деньги поровну. Наша команда была командой настоящих мужчин и верных братьев. Сачок сразу проявлялся, и он уходил из команды сам.

– **Ты и целитель. Откуда эта способность?**

– Так громко я о себе не могу сказать. Хотя я собрал большую библиотеку по народному врачеванию, встречался с целителями, учился у жизни, перенимал опыт старших, расспрашивал стариков из аулов и все обобщил в своих тетрадах и блокнотах. Сегодня я составил рецепты, простые, как спички, но эффективнее во много раз, чем «Эффералган Упса». Просто надо верить в то, что ты делаешь.

Хотите самый простой рецепт от простуды? Если вы почувствовали насморк и жар, в первую же ночь перед сном наденьте на голову шерстяную шапочку, а на ноги шерстяные носки. Выпейте побольше

жидкости, желательно травяной чай, и ложитесь спать. Утром вы почувствуете, что насморк сняло, как рукой. Это доказано опытом.

– Ты сегодня счастлив?

– Это очень трудный вопрос. Откровенно говоря, нет. А почему, спросите вы? Многое о чем придется говорить...

– В чем все-таки счастье человека? В нажитом, пусть даже праведным трудом, богатстве или в служении любимому делу?

– Я бы по-другому поставил вопрос. Как, скажем, великий философ современности Эрик Фромм, книга которого называется «Иметь или быть». Моя философия в жизни – быть.

– Ты сегодня уже не гредишь кинематографом?

– Признаюсь, я очень скучаю о кино, и не потому, что хочу зарабатывать, а потому, что не вижусь и не встречаюсь со своими друзьями из Петербурга, Бишкека, Владикавказа, Душанбе...

– Ты не прочишь своим детям дорогу в искусство? Или выбираешь им путь в благоустроенную жизнь?

– Я им не выбираю путь. Я создаю условия, а точнее, я пытаюсь создать условия, чтобы они сами выбрали и ступили бы на правильный путь. Они видели и кино, и театр и имеют представление, какой это нещадный и в то же время неблагодарный труд.

«БОЛЬШЕ ЗАНИМАТЬСЯ СОЗИДАТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ...»

От автострaды «Кавказ» асфальтированная дорога сворачивает в сторону гор, в Кайтагский район. Ровная, затененная густыми деревьями, она прорезает Маджалис, мчитсЯ дальше, потом через десятки километров обрывается, и... уже дорожные строители и техника продолжают очищать, выравнивать, утрамбовывать горную дорогу. Серпантинoм она ползет все вверх и вверх. С одной стороны, а затем с другой – ущелья (машина поднимается по спирали), одно – голое, испеченное солнцем, другое – заросшее густым лесом и прорезаемое лентой речки. Удивительная природа, замершая в ожидании кисти живописца.

Наконец серпантин кончается. Мы в поднебесье. Перед нами широко раскинулся Уркарах. Он взбежал на высоту 1500 метров над уровнем моря. Вдали тянется длинная-предлинная горная гряда. Как стена каменная. За ней – Акушинский район.

Дахадаевский район довольно-таки объемный. В нем 65 населенных пунктов, в которых проживают сорок тысяч человек. Основное занятие – животноводство. Не все обеспечены работой, а потому часть населения занимается отходничеством: прекрасные строители, они заняты на возведении домов в соседних районах, в Махачкале, за пределами республики. Во время путины уходят в рыболовецкие колхозы и артели.

В советские времена район славился животноводством. Несколько десятков лет назад в государственном секторе насчитывалось около 70 тысяч голов скота. После развала СССР и перестройки госсектор вообще сузился и количество скота дошло до 13 тысяч. Несколько лет назад спад приостановился, начался незаметный, но стабильный подъем.

Мне довелось побывать в Уркарахе, общаться с главой Дахадаевской администрации, депутатом Народного Собрания РД Магомедом Абдуллаевичем АЛИЕВЫМ. Мысли его, отношение к работе, оценка сегодняшних реалий, откровенно говоря, понравились. Чувствовались в них энергия молодости, ответственность и боль за порученное дело, любовь к людям. Поэтому я решил и вас сделать участниками нашей беседы.

– Магомед Абдуллаевич сейчас районными, да и городскими администрациями, руководят молодые люди. Что их тянет на этот пост? Неужели он медом мазан?

– Если бы я знал заранее, какое ляжет на плечи хозяйство – я бы еще задумался, идти ли в администрацию. Со стороны все казалось легко, просто, а на деле оказалось сложно. Что меня побудило идти в администрацию? У меня много друзей, и я видел, как хорошо поставлены и решаются хозяйственные, социальные вопросы в их районах, и как плохо у нас. Ну, взять, к примеру, дороги или обеспечение газом, водой. Хотелось покрыть дороги асфальтом, довести газ до Уркараха. Бывало до боли обидно, когда по телевидению и радио показывают и рассказывают о соседних районах, а о нас говорят очень редко. Хотелось что-то полезное сделать для района.

– Ну и как? Удалось сделать?

– Удалось. Не все, конечно. Не могу похвастаться, что создал много рабочих мест. В горах – это очень сложная задача, и решать ее надо на государственном уровне. Другая проблема – создание предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Третья – не удастся остановить отток молодежи в города. Ну, а остальное, что планировал, постепенно удается.

– Что, к примеру?

– В первую очередь нашел взаимопонимание с народом. Нашел и создал коллектив единомышленников. Когда я пришел в администрацию, здесь не было действующего устава, не был принят бюджет района. Сегодня все ветви власти работают слаженно. Восемьдесят процентов населенных пунктов уже решили проблему водоснабжения. Улучшилась сеть автомобильных дорог. Установлена телефонная связь, своими силами мы построили два моста. В трех сельских школах – в Шадни, Цисгари, Мирзета – сделали пристройки, в трех населенных пунктах – типовые спортивные залы, два фельдшерско-акушерских пункта.

Народ сам выходит на стройки. Водопровод люди прокладывают сами, причем с охотой, с задором. Кубачинскую больницу строили сами, своими руками. Стадион строят сами. Народ понял, что именно он хозяин, без его участия ничего не получится. А я понял – если общего языка не найдешь с людьми, ничего не сделаешь, будь ты и семи пядей во лбу, как говорится.

Не оставили мы в стороне и проблемы верующих: построили три новые мечети, отремонтировали пятнадцать.

– Я думаю, глава администрации должен хорошо разбираться и в экономике, и в социальной политике, быть даже психологом, он должен если не блистать, то покорять эрудицией... Это мое

мнение. Я не спрашиваю, силен ли ты в этих областях. Мой вопрос звучит иначе – какой вуз ты окончил?

– Институт Управления бизнесом и права. Сейчас продолжаю учиться в Академии Государственной службы при Президенте РФ в Москве.

– Это дало тебе хорошее экономическое образование?

– Конечно. Но я имею еще и юридическое образование. Окончил Бакинскую милицейскую школу и девять лет работал в Министерстве внутренних дел Дагестана.

– Остро стоят сегодня в городах и районах социальные вопросы. Как они решаются в районе?

– Если речь идет о пенсиях и детских пособиях, выплачиваем ежемесячно. В последние годы оказываем внимание ветеранам, участникам войны и вдовам погибших на фронтах Великой Отечественной, делаем ценные подарки, в день Победы накрываем столы, а в этом году выдали по четыреста рублей. Особое отношение у нас к вдовам – это у нас самая, можно сказать, ущемленная категория населения. А ведь они без мужей подняли на ноги своих детей, испытали массу невзгод, трудностей... Мы не имеем права их забывать.

И вот о чем я часто еще думаю: почему мы вспоминаем вдов и участников войны только 9 мая? Мы должны постоянно помнить о них, заботиться. На войне погибли и пропали без вести две тысячи пятьсот пятьдесят пять уроженцев Дахадаевского района. Вернулись немногие. А в живых остались всего семьдесят восемь. Это наш золотой фонд.

– Я думаю, что молодые главы администраций часто встречаются между собой. О чем их разговоры, какие вопросы их волнуют?

– Безусловно, больше всего блок социальных вопросов. Особенно положение, сложившееся в системе образования, в медицине, упадок в культуре. Много у нас проблем из-за отсутствия четкого взаимодействия между республиканскими и местными органами. Все это волнует и заботит многих глав администраций.

– Я сегодня немало слышу тревожных разговоров о состоянии школ в районе. Неужели проблема образование стоит так остро?

– Сегодня министерство образования не может помочь нам ни инвентарем, ни учебниками, не может порадовать строительством новых школ. Все требуют от учителей: работайте лучше, эффективней, как говорится, вкалывайте... А как я могу повышать к ним требования, если многим еще за 1997 год долги не вернули? Во всем районе нет ни

одного компьютерного класса. А сколько мечетей построили? Вот если бы сравнили, сколько школ построили и сколько мечетей... Сами не замечаем, как отдаем детей в руки религиозных людей...

В районе школьное образование сегодня буксует на месте. В последнее время мы много говорим о ваххабизме, об этом экстремистском течении в исламе (бороться, безусловно, с ним надо), но крайне редко стали вспоминать о просвещении и культуре, мало что делаем для их развития.

– Эта проблема характерна и для других районов? Если да, волнует ли она руководителей и общественность?

– Естественно, волнует. Это упущение, вернее – болезнь и других районов.

– Ты говоришь об этом довольно смело и открыто.

– Да, я говорю то, что думаю. И не хочу скрывать.

– На тебя за такие суждения не обижаются, не сердятся? Время-то такое: не тронь меня – будешь жить спокойно.

– Не без этого, конечно. Сердились, ругали. Говорили нелицеприятное. Сейчас уже тех людей нет рядом.

Простым людям мои суждения нравятся, ну, а недобросовестным, конечно же, не нравятся.

– Не боишься? Или, как говорится, смелости не занимать?

– Когда человек правильно поступает, чего ему бояться?

– Я слышал, население района заняло активную позицию в августе-сентябре 1999 года, когда бандформирования пошли на Дагестан...

– Да, было. Я считаю так: негоже выпячивать грудь колесом, поднимать над головой автомат, выкрикивать лозунги. Мы поддержали милиционеров, ополченцев, российских солдат и офицеров продуктами питания порядка на 500–600 тысяч рублей. Отправили автоколонну в Ботлих с мукой, картошкой, баранами. А в ополчение записалось наших мужчин только за неделю четыре тысячи человек. И отбоя не было от рвавшихся в бой.

– Ты состоишь в Союзе местных властей Дагестана, которым руководит глава администрации г. Махачкалы Саид Джапарович Амиров. Чем полезен этот Союз вам, главам местных администраций?

– Это хорошая школа по обмену опытом работы. Встречаемся, делимся успехами и неудачами, ищем пути выхода из лабиринта проблем, учимся, перенимаем лучший опыт. Разрабатываем общую стра-

тегию. Ну, что плохого в том, если я чему-то научусь у другого. Только спасибо скажу. Я приглашал недавно к себе глав администраций.

Работу с администрациями по большому счету никто не ведет. А Союз местных властей взвалил на себя эту миссию и делает доброе и полезное дело.

– Что тебя радует и возмущает сегодня? Только откровенно.

– Возмущает то, как проходят у нас выборы. Это же абсурд какой-то. По республике идет молва, что все делается за деньги... Мы, очевидно, еще не дошли до сознания, что выборы надо проводить по совести. Честно.

А радует позиция Владимира Путина по реформированию власти. Да, я приветствую идею власти по вертикали. А то что же получается? Я не могу объяснить нерадивым главам сельских администраций выговор. Разве это дело? Тому, кто хорошо работает, нечего бояться. Дагестану диктатура власти необходима.

И вот что еще скажу: меньше надо увлекаться выборами, а больше заниматься созидательной работой.

– Хочу задать неудобный вопрос: у многих глав администраций есть своя охрана, телохранитель. Ты пользуешься их услугами?

– Я не считаю, что у меня есть враги. Есть политические противники, оппоненты, но я не думаю, что из-за них стоит заводить охрану.

Успеху нашему завидуют? Ну и пусть. Без противников было бы скучно.

Что нужно, чтобы быть хорошим руководителем? Необходимо хорошее, доброе взаимопонимание с народом, с высшим руководством, и иметь несколько противников – жалобщиков, чтобы всегда быть в форме.

– Мы много говорим о делах. А есть ли у тебя хобби? Ведь ты живой человек.

– (Смеется). Люблю посещать спортивные состязания. Люблю футбол, теннис, волейбол.

Мое хобби – иметь много друзей. Отдавать свободное время детям – у меня две девочки.

А еще люблю строить, да, да, строить. Лично я построил пять домов: и себе, и родственникам.

– Какие проблемы тебя тревожат сегодня?

– Чтобы жара кончилась, и пошли дожди. А то речка высохла. Поливать нечем. И питьевой воды стало меньше.

– Утром ты выходишь из дому – над головой безграничное небо, под тобой горы, ущелья, перед глазами – длинная-предлинная горная гряда, отделяющая от соседей. Какие мысли рождаются в голове, какие желания?

– Быть достойным этих величественных гор, заветам наших предков. Не подумай, что высказываюсь высокопарно. Это то, что я на самом деле испытываю.

«Я СТАРАЮСЬ ПОСТИЧЬ РЕАЛИИ ЖИЗНИ...»

Депутат... Кто он, чем наполнена душа его? Какие мысли и думы одолевают, а иногда и гложут? Какие желания не дают покоя? А может, у него и нет этих желаний, и лишь высшая власть, высокий имидж – возжеленная его мечта? Ведь тысячи избирателей отдают ему свои голоса, надеясь на то, что его опыт, знания и энергия помогут обществу решить наиболее острые проблемы. Оправдывает ли он, депутат, эти надежды? И опять возвращаясь к изначальному вопросу: ну просто кто и что он за человек?

Некоторое время назад очень хотелось мне встретиться с молодым депутатом Народного Собрания. Долго перебирал – кого пригласить на беседу. Наконец, остановил свой выбор на Магомед Гаджиевиче Шабанове, человеке взрывном (такие не всегда и не для всех удобны), ощущаю, как в нем бурлит энергия: такой не остановится ни перед кем и ни перед чем, чтоб осуществить задуманное. Депутат Народного Собрания Республики Дагестан, заместитель председателя Комитета по законодательству Магомед Гаджиевич ШАБАНОВ.

– Что влечет людей, особенно молодых, в депутаты? Медом намазано его кресло, что ли?

– Честно говоря, как ответить, и не знаю. (Улыбнулся, и сразу с него спала серьезность: улыбка у него ясная, по-детски чистая и теплая). У каждого свои цели, намерения. Кто-то хочет славы, кто-то утвердить свое имя, кто-то просто быть владельцем удостоверения, кто-то на самом деле помочь людям. А кто-то и ради своего блага. Заглянуть в души невозможно.

– Общественность прекрасно знает, что многие кандидаты в ходе выборов нарушают элементарную этику – в ход идут деньги, продукты, сплетни...

– Да, это так, и ни для кого уже не секрет. Кандидаты, выдвигаясь впервые, ясно понимают, что основная масса избирателей их не знает, и пытаются привлечь на свою сторону людей, доказывают свою состоятельность, способность решать проблемы не программой, не четким видением решения злободневных задач, а подачками. Яснее – закупают их. И это на выборах всех уровней от районных до республиканских. И все это мы прекрасно знаем.

– Неужели и Вам пришлось столкнуться с такой практикой?

– Со мной по Голотлинскому избирательному округу баллотировались семь человек. Многие использовали метод шантажа, иные щедро раздавали деньги.

Мне помогло имя моего деда. Я вырос в Кизилюрте и меня в горах плохо знали, но ко мне приходили люди и спрашивали: ты внук Али Алибулата Шабанова? Хороший был человек.

А мой Дед Алибулат Шабанов много лет был председателем исполкома Кахибского, Цунтинского, Цумадинского районов, и о его добрых делах там до сих пор помнят и рассказывают. И, честно скажу вам, до того было приятно, когда я слышал об этом от простых горцев. Приходили ко мне не только из моего аула Телетль, а из многих других аулов и просто говорили: мы вас не знаем, но ваш дед очень много для нас сделал, и потому надеемся, что не ошибемся в вас. В ходе выборов я набрал четыре тысячи голосов, больше всех. Второй соперник – две тысячи. Третий – пятьсот.

(Магомед смущенно улыбнулся). Не для бахвальства, но хочу заметить – это удивительное совпадение. Мой дед Алибулат Шабанов был депутатом Верховного Совета ДАССР II, III, IV созывов по Голотлинскому избирательному округу, кстати, первым в районе награжден орденом Ленина. И я тоже депутат Народного Собрания РД II созыва по тому же избирательному округу. Может, это перст судьбы?

– Ну и как? Вы оправдали доверие своих избирателей?

– Не знаю. Пусть они сами скажут об этом, дадут оценку. Я, конечно, могу сказать – да, оправдал, но ведь некрасиво, некорректно, просто неэтично. Об этом должны сказать сами люди.

– Но что-то Вы все-таки сумели осуществить?

– Ну, если настаиваете... В селении Голотль отремонтировали два моста, ретранслятор, спортплощадку. В селении Гоготль для школы были завезены парты и стулья, помог министр образования в ту пору Низами Казиев, подготовили и заасфальтировали спортплощадку. Провел дорогу от Гоготля до Голотля. Родному Телетлю выбил триста тысяч рублей на строительство водопровода и сто семьдесят тысяч для ремонта административного здания райадминистрации. В селе начал строить новую школу, для этого был выделен по моей просьбе один миллион двести тысяч рублей.

Вы не устали слушать этот перечень? Нет? В селения Митли-Уриб, Датун, Верхний Колоб отправил трансформаторы для подачи электроэнергии (помог генеральный директор АО «Дагэнерго» Г. Гамзатов), а Верхний Колоб и Митли-Уриб уже получили деньги на строительство спортзалов.

Разговаривал с руководителем программы «Горы». Разговор обнадежил меня: буду заниматься проблемами сел Батлух, Кахиб, Нитлаб, Куаниб.

– **Вы взвалили на себя, как говорят в народе, тяжелую ношу. Непомерно тяжелую. Родители не отговаривали Вас от депутатской деятельности? Или, наоборот, советовали идти в депутаты?**

– Что вы. Встретили в штыки. Зачем это тебе, говорили, работай здесь, делай свое дело. Отец у меня педагог, сорок лет проработал в школе, мать была техничкой.

– Ты там не рос, – говорил мне отец, – люди тебя не знают, будет прокол и тебе станет обидно. Но, когда я выиграл, он произнес: – Я боялся, что ты можешь проиграть.

– **А друзья? Тоже отговаривали?**

– Большинство говорили – выставляй свою кандидатуру, мы тебя поддержим.

– **Итак, как сказал Цезарь: «Пришел, увидел, победил».**

– Честно говоря, когда пришел, думал: все планы и задумки можно довольно легко решить. Да и можно было бы решить. Но когда сталкиваешься с консервативностью чиновников в министерствах... ох, и тяжело же с ними бывает.

Горцы – люди красивые душой, они достойны лучшей жизни. Понимают ли чиновники это?

Вот один маленький пример. Никак не мог решить вопрос по установлению минигазонаполнительной станции для Голотлинского избирательного округа. Пришлось пойти к Магомедули Магомедовичу Магомедову. Он сказал жестко: – Надо помочь этим людям.

– **А без статуса депутата нельзя было решить те вопросы и проблемы, которые Вам удалось решить?**

– Я думаю, что нет. Даже имея статус депутата, работая в парламенте республики, я с большим трудом решал их. Со скандалом приходилось иногда пробиваться к руководящим работникам, министрам, директорам департаментов...

– **Как Вы шли к этой работе, которая, безусловно, не была вашей голубой мечтой?**

– Ну, мой путь к грамоте, знаниям начинался с Телетлинской школы, затем учился в Кизилюрте. Потом были Гагаринский зооветтехникум в Смоленской области, Буйнакский кооперативный техникум, юридический факультет Даггосуниверситета, Российская Академия госслужбы при Президенте РФ (факультет управления персоналом госслужбы).

– **Государственная служба... Не кажется ли Вам, что она в наше время неоправданно раздута? В пору советской империи чиновников было значительно меньше.**

– Да, было намного меньше. И в том масштабе, как они ныне разбухают в министерствах и ведомствах, – не нужны. Но министерствам, его отделам нужен глава, а если образно – голова, и притом грамотная. Необходим профессионал. Вот в таком ракурсе госслужба необходима.

– Вы сегодня чувствуете, что освоили все в своей работе, или Вам чего-то еще не хватает, недостает?

– Я думаю, что освоил только азы. Надо над собой работать, хотя и не хватает времени. Но работать надо.

– Вот Вы, молодые депутаты, безусловно, собираетесь вместе, что-то обсуждаете... О чем Ваши разговоры, думы, заботы, планы?

– Депутатов, которые находятся на постоянной работе в парламенте, не так много и не так мало. Где-то человек двадцать. И они на самом деле болеют душой за избирателей. Я дружил с Темирланом Расуловым из Дербента, Шамилем Расуловым из Тляраты и Аликом Нурмагомедовым из Ахтов, и другими. Часто собирались, обсуждали волнующие нас проблемы. Если проект закона не удовлетворял нас – договаривались не принимать. Если в нем чего-то недоставало, чего-то он был лишен – вносили изменения, дополняли.

– Этот активный ритм, бурлящая энергия в Вас от занятий спортом, очевидно? Вы, мне кажется, занимаетесь борьбой?

– От спорта? Да вряд ли. Я всегда смотрю на реалии жизни и стараюсь постичь их. Отец мне часто повторял: – Не делай человеку того, чего не желаешь себе. Из этого кодекса я исхожу и ему следую.

А что касается спорта... я возглавлял сборную Народного Собрания по волейболу. В нее входили Абусупьян Хархаров, Амир Амиров, Эльмади Джабраилов, Замир Замиров, всегда с нами был Муху Гимбатович Алиев.

– Я слышал, что Вы участвовали в войне 1999 года с международными террористами и бандитами?

– Пришлось.

– Но орденом Мужества за «пришлось» не награждают, как мне кажется.

– (Стеснительно улыбнулся) Честно говоря, накануне тех событий я собрал семью, и мы поехали в Телетль. Хотел отдохнуть в тиши на природе. И вот как-то прибегает запыхавшийся и взволнованный сосед: – Ты ничего не слышал? Включи телевизор.

Так я узнал о войне. Откуда ее не ожидали, оттуда и пришла. А ведь сколько чеченских беженцев жили у нас, у меня самого их было

несколько семей. Созвонился с городом, с Ашаханом Магомедовым (мы ведь земляки), выяснил обстановку, созвал сход села. Я заявил однозначно: я должен ехать в Ботлих. Услышав мое решение, братья заявили: – А мы что, не дагестанцы, и мы едем. Поехали сто пятьдесят человек на десяти машинах. Вооруженные. Оружие купили сами: люди продали коров, ценное имущество, чтобы защитить свою землю. Приняли участие в боевых действиях. После того, как выбили бандитов из района, поехал в Новолакский район, собрал ополченцев. Здесь встретился с генералом Виктором Казанцевым, депутатом Госдумы Эллой Памфиловой. Затем сопровождали с ополченцами эшелоны с военной техникой. Так что пришлось повоевать. А к ордену Мужества меня представило руководство Северо-Кавказского военного округа.

Из тех, кто воевал плечом к плечу со мной, пятьдесят активных бойцов были награждены почетными грамотами и именными часами. Тринадцать представлены Госсоветом к правительственным наградам Российской Федерации. Но... до сих пор не получили наград. Мне неудобно. Ведь каждый из них может сказать: почему Магомеда наградили, а меня – нет?

«В ШАХМАТАХ Я НАХОЖУ УТЕШЕНИЕ В САМЫЕ СЛОЖНЫЕ ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ...»

Махачкала пятидесятых-шестидесятых годов... Шахматный павильон в городском саду, постоянно заполненный любителями потягаться сметливостью и интеллектом. Шахматный клуб на улице Пушкина, где проходили встречи и соревнования и который не мог вместить фанатов этого вида спорта: многие наблюдали за игрой с улицы, у раскрытых окон. Шахматный павильон в Вейнеровском парке (Ленинского комсомола)... На улицах часто можно было видеть и молодых, и пожилых, с шахматной доской под мышкой. Да и пляж был превращен в спортивную арену: шахматистов обступали толпы знатоков этой игры и зевак.

То были годы шахматного бума. Были? Неужели этот спорт не возродится в республике? И помнит ли вообще она, республика, имена тех, кто ковал шахматную славу Дагестана, приобщал к этой интеллектуальной игре сотни и сотни людей?

Недавняя история и судьба шахматного спорта побудили меня встретиться с неоднократным чемпионом Дагестана по шахматам, ныне директором Каспийского физкультурно-спортивного лицея Альбертом Джабраиловичем ГУСЕЙНОВЫМ.

– Если не ошибаюсь, кажется, в шестидесятых годах ты был чемпионом Дагестана по шахматам?

– В принципе, и в шестидесятых. А в чемпионатах республики участвовал с 1954 года, еще будучи школьником. В пятьдесят четвертом выиграл чемпионат Дагестана среди юношей и выступил в чемпионате среди взрослых, где поделил четвертое-пятое места, в 1956 и 1957-м был вторым, в 1958 и 1959-м – уже чемпионом. И в шестидесятых не раз занимал высшую ступеньку.

– Нынешняя спортивная общественность помнит о твоём, скажем смело, триумфе?

– Помнит, за исключением молодых ребят, которые сегодня сидят за шахматной доской. Ныне своей игрой я заставляю и молодых, и ведущих вспоминать о нашем поколении шахматистов, не взирая ни на их разряды, ни на титулы. И потом, должен заметить, с шестидесятых годов я больше выступаю в роли организатора шахмат. Опыт развития этого вида спорта в Дагестане наглядно и убедительно говорит о том, что, если им никто не занимается, он испытывает серьезные спады.

Помню, в 1962 году мне предложили должность заместителя председателя Комитета по физкультуре и спорту. Тогда нам удалось вызвать настоящий шахматный бум в республике. Мы проводили турниры, приглашали известных шахматистов из других областей, краев, республик Союза. Махачкала стала превращаться в настоящий шахматный центр. Благодаря турнирам выдвинулась целая плеяда наших шахматистов. Особенно стремительным был взлет Магомеда Балитинова, обладавшего самобытным талантом. Он блестяще выиграл полуфинал чемпионата, проходившего в Грозном. А ведь за доской сражались такие известные шахматисты, как международный гроссмейстер Анатолий Лейн, международные мастера Георгий Борисенко, Самуил Жуховицкий, Георгий Бастриков и многие другие. Балитинов показал отличный результат, обыграв и Лейна.

Чемпионом СССР среди молодежи стал хасавюртовец Александр Захаров, чемпионом России среди юношей – Петр Ильягуев.

Авторитет дагестанской шахматной школы был так высок, что очередную традиционную ежегодную встречу команд России и Венгрии запланировали провести в Махачкале. К сожалению, тогдашние руководители не пожелали провести ее у себя.

Потом был спад. В 1989 году я возглавил федерацию шахмат Дагестана, и этот вид спорта снова ожил, точнее, воскрес. Федерация была хозрасчетная, нашлись спонсоры, и шахматы вернулись в Дагестан.

– Как ты думаешь, шахматы относятся к интеллектуальному виду спорта?

– Они требуют и интеллекта, и хорошей физической подготовки. Сидеть семь часов за доской – не каждому под силу.

Шахматы – это и спорт, и искусство, и научная работа. Михаил Ботвинник был первым шахматным исследователем. Я был знаком с ним.

– По-моему, одно время даже шла острая дискуссия: шахматы – спорт или искусство? Чем она закончилась?

– Ничем. Каждый остался при своем мнении. К общему знаменателю, собственно, не пришли. И вывод, сделанный Михаилом Ботвинником, что они совмещают и спорт, и искусство, и науку, жив до сих пор. Кстати, М. Ботвинник первым в стране предложил идею создания играющего робота и вел в своей лаборатории серьезные разработки.

– Ты должен знать многих известных шахматистов того времени?

– Да, я был хорошо знаком с Михаилом Ботвинником, мы входили в состав Совета Федерации шахмат России и СССР с Василием Смысловым. Знал старейших гроссмейстеров Григория Гольберга, Анатолия Лутикова, Ратмира Холмова, Бориса Эстрина, Николая Крогиуса и других.

– А с кем из них сражался за шахматной доской?

– С гроссмейстерами не встречался, но с мастерами, ведущими шахматистами – очень много. Шахматы для меня были не самоцелью, а просто увлечением.

– Ты не вспомнишь, кто из них посещал нашу республику?

– Почему же нет? В военные годы в Дагестане жил Давид Бронштейн. Приезжали в разное время Лутиков, Крогиус, Лейн, Холмов, участвовали в отборочных соревнованиях первенства России, ДСО «Труд».

– Судя по твоему рассказу, Дагестан не был обделен шахматным спортом. А как относились к нему тогдашние руководители?

– Если честно, шахматы всегда находились в положении пасынка. И сегодня – тоже. Они относятся к категории третьего вида спорта, который государством не финансируется. Здесь я хочу вспомнить Бадави Гаджиева, который, будучи министром просвещения республики, своим приказом ввел шахматы в учебную программу, что дало свои результаты. В махачкалинских школах № 39 и № 5 были созданы даже спецклассы. Из них вышли способные ребята, среди которых наибольших успехов добились Александр Волжин, Руслан Мусалов, Джакай Джакаев. Ныне Волжин – международный гроссмейстер, живет в Ростове-на-Дону. Мусаев и Джакаев имеют международный рейтинг мастера ФИДЕ и в ближайшее время могут получить это звание. Безусловно, в их становлении и росте огромную помощь оказали родители, которые поощряли и поддерживали усилия и желания своих детей.

– Твоя трудовая жизнь после завершения учебы в Даггосуниверситете началась в республиканской газете «Комсомолец Дагестана». Ты уже начинал славиться острыми и смелыми выступлениями против спекулянтов, воров, хапуг, нечестности, лжи и рутины. И вдруг порвал с журналистикой. Почему?

– Тянуло в спорт. Если помнишь (мы учились с Альбертом на одном курсе), я был членом сборной университета по футболу, в команде со мной играли Мурад Абакаров (ныне доктор наук), Чингиз Гашимов (кандидат наук), Гусейн Гусейнов (комсомольский и партийный работник), Тимур Султанов (кинорежиссер), ныне покойные Петр

Малаев (писатель) и Герей Ханмурзаев (доктор наук). И, когда пригласили в спорткомитет, для меня это было приятной неожиданностью. Без раздумий дал согласие. Хотя журналистика мне и сегодня доставляет удовольствие. В дальнейшем – на партийной работе я вообще превратился в писца – писал статьи, выступления, доклады. И испортил себе зрение.

– Чем тебе запомнился тот период работы в спорте?

– Себя я могу проявить только на самостоятельном участке. Меня назначили председателем отстававшего в ту пору ДСО «Труд». И уже в 1966 году мы выиграли спартакиаду народов Дагестана в комплексном зачете. К 50-летию Октябрьской революции «Труд» был занесен в «Книгу трудовой доблести» Дагестана. Со временем наше общество, которое держалось сугубо на рабочем классе, стало одной из опорных баз СССР и России для подготовки борцов и боксеров. В сборные страны и РСФСР входили наши воспитанники Руслан Ашуралиев, братья Насрулла и Аминулла Насруллаевы, Батал Гаджиев, Коральби Шомахов, боксеры Иван Зиборов, Анатолий Кашкуров, Суда Сунгуров. В 1967 году, к примеру, из одиннадцати разыгрывавшихся медалей чемпионата СССР среди молодежи семь завоевали воспитанники «Труда». И вот в ту пору, когда я возглавлял Федерацию борьбы Дагестана, мы впервые подорвали гегемонию осетинских борцов: в 1965 году в Калининграде выиграли общекомандное первое место в России, оставив позади бессменного лидера – команду Северной Осетии. Но, как ни огорчительно, всегда находилась ложка дегтя. Всю жизнь меня преследовали интриги.

– Что привлекло тебя в партийной работе? Ты многие годы проработал в Каспийском горкоме партии.

– Ничто не привлекло. Из спорта я никуда не собирался уходить. Вынудили. Начались финансовые проверки – пытались найти криминал. Ну, я понял, конечно, что нежелателен в ДСО «Труд».

– Помню, ты часто конфликтовал, или с тобой конфликтовали. Из-за чего? Неуживчивости характера?

– Я довольно уживчивый человек. Если вижу доброе отношение к себе, чувствую помощь, поддержку со стороны, отвечаю тем же, стараюсь ответить даже лучше. Но, если начинают дергать, даю ответ, невзирая на чины и посты, Собственную позицию заявляю четко. Свои убеждения не меняю. Так, по сей день, остаюсь коммунистом, работаю в городской партийной организации, член бюро Каспийского горкома КПРФ, стараюсь поддерживать каспийчан, особенно старшее

поколение, перенесшее тяготы времени. А ведь такие люди, как я, не были в почете в прежние времена, не любят их и теперь.

– Очевидно, были люди в твоём окружении, которые и предавали тебя?

– Были и такие люди. Но их мало, меньше тех, которые помнят добро. Вот, к примеру, Магомед Мусаевич Магомедов, ведущий тренер республики по боксу. Когда я пришел в «Труд», он работал станочником. Я помог ему с учебой, он получил среднее специальное образование (окончил тренерскую школу), вошел в состав тренерского совета по труду. Я был инициатором присвоения ему звания заслуженного тренера Российской Федерации. И этот человек мне платит добром за добро всю жизнь. Предателей мало, но сталкиваюсь с ними и по сей день.

– А шахматы предавали тебя?

– Нет. В шахматах я находил утешение в самые сложные периоды жизни. В любые стрессовые ситуации я мог сесть за шахматы, взять литературу по шахматам, окунуться в их мир и снять напряжение.

– Я убежден: в твоём сердце жила, живет и будет жить любовь к спорту. Ты как бы прикипел к нему. Вот и сегодня возглавляешь в Каспийске физкультурно-спортивный лицей, готовишь новую смену спортсменов.

– Да, безусловно, прикипел. А что касается лицея... Я несколько десятилетий вынашивал мечту: создать в регионе учебное заведение со спортивным уклоном. По опыту бывшей ГДР, где сумели организовать специализированную подготовку детей для вхождения в большой спорт, и уже в семидесятых годах ученики этих школ вошли в когорту прославленных спортсменов. Этот опыт был взят на вооружение многими странами, включая СССР. В 1980 году я оставил партийную работу и по согласованию с тогдашним Председателем Совмина Магомедом Юсуповичем Юсуповым решил создать на базе Каспийского интерната школу-интернат со спортивным уклоном. К сожалению, идея не была реализована из-за инертности бывшего руководства Министерства просвещения республики. И только пятнадцать лет спустя я осуществил свою мечту благодаря помощи и поддержке бывшего министра просвещения Бадави Гаджиева.

– Какие секции работают в лицее?

– Отделения вольной борьбы, дзюдо и бокса.

– А шахматное?

– Была и шахматная группа, функционировала два года. Но я смотрю чуть дальше, в перспективу. Со временем основными видами

сделаем бокс и борьбу. А сегодня ведущий вид – борьба. И именно женская. Так решили мы с тренером Гаджи Хаваевым, учитывая, что в женской борьбе лицей быстро даст и результаты, и обретет свое лицо. И не ошиблись. За два года работы достигли таких результатов: чемпионка мира Эльвира Мурсалова, призеры первенства России Тамила Кунаева и Хадижат Мирзалиева. Чемпионкой России среди взрослых стала Зумруд Курбангаджиева, она же и тренер, является реальной претенденткой на звание чемпионки мира. На подходе и другие девочки. Сейчас идет разговор о включении женской борьбы в олимпийский вид спорта. Если это случится, к двухтысячному году мы будем иметь двух-трех участников олимпиады от Дагестана. Ныне идет формирование группы девушек по дзюдо.

Ну и другое направление – бокс. В этом виде у нас многократные чемпионы Дагестана: Эльман Гюльяхмедов, Магомед-Загир Алиев, Нияз Амаханов. Они реально претендуют на включение в сборную команду России. Что касается базы... Завершаем своими силами реконструкцию зала бокса (переоборудовали клуб), реконструируем зал борьбы, и все своими силами, не получая ни рубля. На нашей базе занимаются триста учащихся лицея и шестьсот студентов Дагпедуниверситета.

– Если мне не изменяет память, твои братья тоже были спортсменами, шахматистами?

– В шахматы играли все братья. Но наиболее одаренным оказался самый младший – Руслан. Еще в шесть-семь лет он не отходил от меня, бывал со мной на соревнованиях, набирался ума и опыта. Ныне он мастер спорта, двукратный чемпион России среди сельских шахматистов. Блестящий результат показал на одной из спартакиад народов России, где среди сильнейших поделил 1–3 места с гроссмейстерами Виталием Цешковским и Юрием Разуваевым, оставив позади такого именитого гроссмейстера, как Лев Полугаевский и других. Он и сегодня не потерял силу шахматного удара. На последнем чемпионате республики в мае этого года преподнес себе ко дню пятидесятилетия подарок – стал в очередной раз чемпионом Дагестана.

– Любовь к шахматам передалась твоим детям и внукам?

– Сегодня за мной по пятам следует внук Оскар и просится играть. Ему шесть лет, уже ходит фигурами... Да и дети играют. Но они преданы выбранной профессии и сполна отдаются ей. Дочь – врач-гомеопат, живет в Коломне, оба сына – в Москве.

– Шахматы как вид спорта отвечают интеллекту дагестанца, или нам все-таки присущи боевые виды?

– Могу ответить на примере. Руслан Мурсалов и Джакай Джакаев, о которых рассказывал выше, обладают высоким интеллектом. Руслан оканчивает медицинскую академию, отец его – академик, мать – педагог вуза, две сестры и три брата – шахматисты. Старшая была чемпионкой Дагестана. Отец – большой любитель этого вида спорта. Джакай – из интеллигентной семьи, студент Даггосуниверситета, будущий юрист. У меня нет сомнения в том, что они – будущие представители интеллектуалов Дагестана. И таких ребят немало. Тридцать восемь человек приняли участие в нынешнем чемпионате Дагестана по шахматам. Из них шестьдесят процентов – ребята 15–16 лет. Это резерв дагестанской интеллектуальной мысли.

К сожалению, есть и другая крайность – во многих видах спорта общее, мировоззренческое развитие ребят отодвинуто на второй план. В этом я не вижу ничего хорошего как отец и как педагог.

– Тебе не больно видеть, как твой любимый спорт то умирает, то воскрешается. И однажды умрет.

– Эта боль и печаль меня неоднократно заставляли возвращаться к шахматам. В качестве организатора. Чтобы остановить очередной спад в шахматах, пришлось провести перевыборы руководящих органов – избрали нового президента федерации. Им стал генеральный директор ОАО «Дагестанские авиалинии» Алексей Джабраилов. Я вошел в состав федерации в качестве вице-президента и исполнительного директора. По регионам вице-президентами избраны Динислам Адисов (Север), Ахмед Хасбулатов (Центр), Михаил Дадашев (Юг). Провели чемпионат Дагестана. Наши ребята неплохо выступили на зональных соревнованиях России. Провели также юношеский турнир по шахматам, темпо-турниры в целом ряде районов.

Махачкала – единственная столица на Северном Кавказе, не имеющая своего стационарного шахматного клуба. Поэтому наша федерация совместно со спорткомитетом задалась целью решить этот вопрос. Есть много и других планов, но без поддержки, понимания, денежных средств их не осуществить.

«ЖИЗНЬ ПРОШЛА В ПРЕОДОЛЕНИИ ТРУДНОСТЕЙ...»

Прожить жизнь набело. А это значит – с чистой совестью, на радость себе и с пользой для людей. Многим ли это удается? Жизнь – хитрая штука. Бывает, человек выберет себе профессию и посвящает ей все свои годы. А другим судьба «правит» как ей заблагорассудится. Кто из них получает больше удовольствия в жизни? Кто на закате дней вздохнет со словами: «Жизнь прошла мимо», а кто воскликнет: «Я счастлив, что служил людям!».

Мой собеседник – Гусейн Абдулкадырович ГУСЕЙНОВ.

– Гусейн Абдулкадырович, ты окончил Сергокалинское педучилище, затем Даггосуниверситет, но судьба тебе уготовила почему-то не стезю педагога или научного работника...

– У меня была прекрасная возможность после окончания ДГУ остаться в университете. Но судьба распорядилась по-иному: поскольку в семье нашей было семеро братьев и сестер, я должен был помочь им встать на ноги. Вот и уехал в район. Сначала работал в Мюрегинской средней школе, затем в Сергокалинской, преподавал русский язык, литературу, историю. Педагогическая работа мне нравилась.

– А как же ты оказался на комсомольской работе? Может, уже в студенческие годы планировал сделать карьеру? Комсомольская работа открывала дорогу, для многих она была трамплином.

– И не думал об этом. Меня буквально забрали после долгих и настойчивых уговоров в обком комсомола. Сначала был инструктором. Потом заведующим отделом спортивной и оборонно-массовой работы. Хотя эта работа и была для меня новая, трудностей я не испытал: ведь в годы учебы в ДГУ принимал самое активное участие в общественной жизни. В каких только кружках не участвовал! Был дипломантом VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, участником Декады дагестанского искусства и литературы в Москве, дважды лауреатом республиканских фестивалей по национальным танцам, чемпионом Дагестана по борьбе, легкой атлетике, гимнастике...

– Удалось ли тебе внести в комсомольскую работу что-то доброе, новое?

– Ну, прежде всего о коллективе обкома комсомола: был он очень дружный, интернациональный, работалось с радостью, с удовольствием. Поскольку я курировал оборонно-спортивную работу, мне с товарищами удалось возродить впервые национальные виды спорта – ме-

тание камня, поднятие и метание гири, национальную борьбу, впервые провести конкурсы канатоходцев. Одним из инициаторов проведения этих мероприятий был первый секретарь обкома комсомола Дибир Магомедов.

В мою компетенцию входила и организация добровольных дружин, комсомольских патрулей. Был я председателем федерации борьбы. Это была полезная, нужная работа. Ныне молодежь предоставлена сама себе, ее разъедает безнравственность, разрушает западная идеология с ее вульгарными ценностями, пропагандирующими насилие, жестокость, наркоманию.

– Не стремился ли ты с самого начала трудовой деятельности к карьере партработника?

– Нет. Такую задачу перед собой не ставил никогда. Был активен, горел на работе – заметили. В 1965 году взяли заведующим отделом Избербашского горкома партии, затем назначили председателем Комитета народного контроля там же. После окончания Ростовской ВПШ и двух лет работы в Избербашском горкоме взяли в обком.

– Партийная работа не была гладкой, безоблачной. С чем тебе приходилось сталкиваться?

– И в ту пору было немало нечестных людей, занимавшихся воровством, хищением, взяточничеством. Особенно много безобразий было на транспорте, часто приходилось снимать с должностей руководителей АТП. В строительстве часты хищения, присвоения государственных средств, некачественная работа. На ДагЗЭТО из-за низкого качества строительных работ на новом корпусе произошел обвал: погиб человек. Виновные, конечно, были сурово наказаны, но ведь человека не вернешь...

– Можешь ли ты сказать, что там, где проработал, оставил добрую память о себе?

– Мне кажется, незачем распинаться в своих достоинствах...

– Речь не о твоих достоинствах и личных качествах, а о том, что ты сделал для людей.

– Много занимался благоустройством Избербаша, бытом жителей, отдыхом. При мне началось строительство кинотеатра «Восток», Дворца культуры ДагЗЭТО, я был одним из инициаторов перевода даргинского театра в Избербаш. В Левашах, где работал первым секретарем райкома партии, при мне был построен типовой кинотеатр, капитально отремонтирован Дворец культуры, построены новый двухэтажный магазин, здания РОВД и КГБ, форсировали здание райбольницы, заложили фундамент новой школы, провели в райцентр

воду и полностью реконструировали линию электропередач, заасфальтировали улицу и так далее, и тому подобное, как говорится. Да, чуть не забыл: привели в порядок кутаны в Кочубейской зоне: овчарни, кошары, жилые помещения для чабанов, приобрели для них радиоприемники, телевизоры...

Жаль, что не удалось осуществить все задуманное. Самая грандиозная задумка осталась невыполненной. И вот какая. Я задался идеей переброски воды Кази-Кумухского Койсу из Хаджалмахи в три района, то есть строительства водопровода Хаджалмахи – Леваши – Сергокала – Карабудахкент протяженностью 11,5 километра. Побывал в Москве, где было составлено технико-экономическое проектно-сметное обоснование стоимостью 39 миллионов рублей (по ценам 1980 года – это внушительная сумма) на строительство насосной станции для переброски воды. Несказанно был рад тому М.-С.И. Умаханов. И что ты думаешь? Сейчас речь идет о свертывании работ. Этот уникальный проект в наше время вряд ли будет завершен. А ведь население трех районов так ждало воды!

– Я помню, во время твоей работы в Левахах район буквально закидали переходящими Красными знаменами ЦК КПСС и Советов Министров СССР, РСФСР, различных министерств, ведомств...

– За участие в социалистическом соревновании. Да, так было. Один только факт: мы больше всех в республике сдавали шерсти.

– Партийная работа, зенит славы, и вдруг – кинопрокат. Верно говорят: неисповедимы пути господни. Что это было – ирония судьбы или чья-то воля?

– Воля, разумеется. Воля второго секретаря обкома партии В. Коробейникова. По наущению нечистоплотных, я бы сказал преступных элементов, он вежливо попросил меня перейти на другую работу. Хотя никакой вины за собой не чувствовал ни по работе, ни в личном плане. Вынужден был согласиться. Недолго работал в отделе Совмина, но... привык к живой работе. Вот и попал в кинопрокат.

– И здесь твоя кипучая энергия наткнулась на рутину. И угасла. Кино сегодня нет, и перспективы его на ближайшее будущее неясны.

– Был 1985 год. Период горбачевской перестройки. Вначале работа понравилась. С Госкино Союза сложились нормальные отношения, завозили много хороших кинолент, и зритель шел в кино. Вспомни, в те годы мы проводили декады, недели кино, приглашали в республику ведущих артистов, проводили диспуты. В городах горела световая

реклама. Всего этого сегодня нет. Через три года Госкино республики ликвидировали. Было создано киновидеообъединение при министерстве культуры. Одним словом, начался развал кино. У нас были отобранны кинотеатр «Родина» в Дербенте, специализированный детский кинотеатр «Комсомолец» в Махачкале. Сегодня дети в городе лишены возможности смотреть детские и юношеские фильмы, вынуждены бегать в видеобары на боевики и эротику.

Конечно, развал происходил и в других регионах, и Российское правительство создало самостоятельный орган «Роскомкино». Кино ожило, дела пошли в гору. За два года – 1990–1992 – мы покрыли все убытки и начали давать доход. И вдруг новая реорганизация. В 1992 году были созданы два киновидеоопроката – «Юг» и «Север». Все городские кинотеатры и сельская киносеть переданы в муниципальную собственность местным властям. Таким образом, на сегодняшний день в республике нет единой структуры кино или органа. Все кинотеатры несут большие убытки и увязли в долгах. В Буйнакске, Избербаше, Кизилюрте, Дагестанских Огнях, Южносухокумске, в районах фильмы вообще не демонстрируются.

Хочу заметить: есть постановление Правительства России о создании лицензионной комиссии в регионах при правительствах, о лицензировании телевидеопередач, независимо от ведомственной подчиненности. К сожалению, такая комиссия в нашей республике по сей день не создана, а ведь она способствовала бы поступлению в бюджет немалых денег.

– Не кажется ли, что твоя трудовая жизнь прошла не так, как хотелось бы тебе?

– Можно сказать, что вся моя жизнь, не считая одного года на учительской работе после педучилища, прошла в борьбе, в преодолении трудностей. И многое мне удалось сделать из задуманного. Отмечу немаловажный факт: если в прошлые времена можно было решить назревший вопрос – люди с пониманием относились к проблемам, то ныне совершенно невозможно пробить монолитную чиновничью стену.

– Бытует мнение, что партийная работа давала привилегии...

– Единственное благо, которое я имел все годы, находясь на партийной работе, – раз в год получать путевку в санаторий и пользоваться служебной машиной. А работал от зари до заката. И без выходных.

– Как относятся к тебе, твоей работе друзья, члены семьи?

– Уйдя с партийной работы, я потерял многих товарищей и друзей, видимо, они были не настоящими. Другие сочувствуют моей ны-

нешней работе, но ничем не могут помочь. Дети, конечно, сожалеют, что у отца в кинопрокате дела не получаются...

– Скажи откровенно, оценен ли твой многолетний труд?

– Тут скрывать нечего. Я награжден орденом «Знак Почета», двумя медалями, множеством Почетных грамот ЦК комсомола, Верховного Совета ДАССР... Одно обидно – за четырнадцать лет в кинопрокате не удостоился доброго слова. Не вспомнили даже в год 100-летия мирового и отечественного кино.

– Кем бы ты хотел стать, если бы предоставилась возможность?

– Начать жизнь снова?! (Смеется). Конечно, это из области фантазии. Но раз задаешь такой вопрос, отвечу: скромным сельским учителем.

«Я ЛЮБЛЮ ДЕЛАТЬ ДОБРО...»

Судьба незрячего борца Ахмеда Казимагомедова ее взволновала до глубины души. Она перечитывала интервью с ним, опубликованное в нашей газете, и горестно восклицала: «Да как же так можно, сам Всевышний велит оказать ему помощь!» Она близко воспринимает тяготы обделенного человека, так близко, что они проходят через ее сердце, вызывая к нему не только жалость и сочувствие, но и желание вдохнуть веру в человечность.

И разве только судьбой одного Ахмеда она встревожена? Какую только боль ни испытало ее сердце, сталкиваясь с несправедливостью, лицемерием, ложью. А каким чувством радости и гордости наполнялась она, когда видела в глазах своих опекаемых покой, а не тревогу, счастье, а не печаль. Много у нее должностных обязанностей – дел непереворот. Но самая главная обязанность – любить человека.

Мой собеседник – Барият Ильясовна ГАЙДАРОВА, председатель рескома профсоюза работников культуры, член Комитета Госсовета и Правительства РД по делам матерей и детей, член президиума Совета женщин, член президиума российского Комитета профсоюза работников культуры, заслуженный работник культуры РФ и РД.

– Барият Ильясовна, откуда, от кого у Вас эта черта характера – человеколюбие? Сегодня каждый старается хорошее, доброе делать для себя, а Вы – для обиженного, униженного, забытого.

– По всей вероятности, от мамы. Она у меня была очень добрая и мудрая женщина. Пять лет назад я потеряла ее, это было 4 марта. В этот день не работаю, не хожу в гости, сижу дома. И думаю... Она пережила две войны, теряла крышу над головой и нажитое добро, родных и близких людей, и при этом ее никогда не покидали милосердие, доброта. Бывало, нам, детям, нечего почти есть, а мама раздает садака соседям. Я выросла в селе, там окончила десять классов и сохранила свой намус, живу по библейским заповедям: не убий, не укради, не прелюбодействуй, возлюби ближнего своего, как самого себя, не сотвори себе кумира, не судите да не судимы будете. Какая пронзительная мудрость в них!

Я в детстве плохо говорила по-русски. И моя учительница Мария Алексеевна поражалась тому, что я читала Шиллера, Шекспира, Роллана. Почему их – до сих пор не могу себе объяснить. И все, что имею

сегодня, мне дали книги. Многие спрашивают: откуда у тебя знание жизни, острая жажда познать истину? Видимо, от книг.

Кое-кого удивит, а иных и рассмешит, если я признаюсь, что в детстве у меня подружек особо не было – меня окружали книги. Я окончила десять классов, и за все годы ни разу не была в кинотеатре. А сегодня обсуждаю художественный фильм, даю ему оценку, и к моему мнению прислушиваются. Я могу свободно вступать в дискуссию и обосновывать свою точку зрения, свое мнение.

– Выходит, детство у Вас было светлое, радостное?

– Я бы не сказала. Ведь родилась я во время войны, а в ту пору выживали крепкие, сильные. Мать меня кормила грудью дважды – утром и вечером, потому что весь световой день бывала в поле. А потом стала брать с собой. Помню, когда отец вернулся с войны, мама протянула мне что-то завернутое в цветную бумажку. Я развернула... и спросила удивленно: – Что это, мама? А это была просто конфета, которую привез папа. Так мама упала без чувств. Только повзрослев, я поняла, что ее потрясло. Мы были обделены даже конфеткой и не представляли себе, что это такое вообще. Нас поддерживала какая-то внутренняя сила. И улыбались мы, и довольствовались тем, что светило солнце и были люди вокруг. Солнце и светлые помыслы людей давали жизненную силу. Один из моих друзей сказал как-то: чтобы Барият уважать, надо ее знать.

– Много у Вас таких, от кого Вы отвели беду, кому помогли решить проблемы, вернуть веру в человека?

– Достаточно много. Представьте себе: десять лет я строила турбазы и пионерские лагеря. В 1977 году ушла из отдела, где занималась оздоровлением ста тридцати тысяч детей. Сложно сегодня представить, что это такое: заглядывать в котлы и тарелки детей, чтобы знать, что они едят, обходить комнаты, палаты, чтобы видеть, на чем они спят, следить, контролировать, чтобы нечистоплотные на руку и совестью взрослые не воровали у детей. Регулярно, а не от случая к случаю. Это невероятно тягостная работа. А как строили пионерские лагеря? Четыре раза я отказывала в приеме лагеря. Четыре раза! И не могу сегодня не вспомнить добрым словом Т. Тотурбиева, А. Саидова, В. Муслимова, С. Шаумцияна, Д. Даидова, которые очень много помогали строительству и укреплению материальной базы.

– Я слышал, Вы близко к сердцу приняли судьбу Ахмеда Казимагомедова.

– Да, а иначе и быть не может. Это ведь поразительно – незрячий человек достиг такого успеха в спорте. Ему, конечно, немало помога-

ли, но этого оказалось недостаточно. Вместе с Госкомитетом по спорту я решила обратиться к Председателю Правительства Хизри Исаевичу Шихсаидову, зная, какой он внимательный, сердобольный и милосердный человек. Хочу особо заметить, что и Председатель Госсовета Магомедали Магомедович, и Хизри Исаевич очень доступные люди. Они никогда не откажут в приеме, всегда готовы выслушать, решить назревшие проблемы, оказать помощь. Вот свежий пример. Построили белокаменный храм культуры – новую библиотеку на Ленинском проспекте, а ее никто не посещает. Почему? Потому, что не оборудована, нет никакой мебели, техники. Я обратилась в Госсовет на имя Магомедали Магомедовича. Сейчас правительство занимается вопросом оборудования библиотеки.

– Вы часто помогаете музыкальным школам и коллективам, работникам культуры, да и всем, кто обращается к Вам за помощью.

– Это моя работа. Должность моя выборная, и коли мне доверили такой участок, я должна, обязана оправдать доверие людей.

Хочу сказать (не воспринимайте это за лесть) спасибо Саиду Джапаровичу Амирову: он выделил 82 тысячи рублей на укрепление материальной базы музыкальных школ, на подписку городской библиотеки, на костюмы для детского ансамбля «Асса». Уже сегодня полностью отремонтированы три музыкальные школы.

Ко мне обратились за помощью работники Дома ребенка, что на улице Нахимова. И администрация города сделала для них уже столько, чего они не имели и не получали за все время своего существования. У детей сегодня – и холодильники, и мебель, и игры, и одежда, и обувь.

Часто ко мне приходят не с просьбой, а за советом и, выслушав, уходят успокоенные, умиротворенные. Спросите, чем я притягиваю их? Просто я умею выслушать человека и помочь трезвым советом.

– Но как выдерживает сердце женщины такие нагрузки: хлопоты, заботы, сопереживания горю и боли? Очевидно, часто болит оно?

– Очень часто. Потому что я по натуре очень эмоциональный человек, меня мучает чужое горе. Как-то то ли шутя, то ли серьезно сказали: «Ты из врагов делаешь друзей». Вы знаете, в жизни очень много встречается амбициозных людей, выпячивающих свое «я». Таким я даю время поразмыслить над своими поступками. И мне бывает приятно, когда такой человек пересматривает свое отношение ко мне.

Я училась жизни рядом с такими людьми, как Магомед-Салам

Умаханов, Шахрудин Шамхалов, Роза Эльдарова, Заира Хизроева, Шихсаид Шихсаидов, Магомед Джамбулатов, Омар Алиев и многие другие. Они учили меня находить тропинку к человеческой душе.

– Частые стрессы могут привести и на больничную койку.

– Да, приходилось ложиться и в больницу. Но я нашла в себе силы бороться с недугами.

– Как именно, если это не тайна?

– Представьте себе, начала заниматься спортом. В шесть утра хожу на море – круглый год. У нас своя дружная женская команда. Три раза в неделю играем в бадминтон в спорткомплексе Дагсельхозакадемии. Благодаря азарту Магомеда Мамаевича Джамбулатова увлеклась этим видом. Очень люблю теннис. И чувствую себя здоровым и бодрым человеком.

– Я прежде не знал Вас такой. Как вы пришли в спорт?

– Очень много читаю специальной, спортивной литературы. Сейчас во всех изданиях и по всем программам ТВ пропагандируют, как сохранить молодость, здоровье. Не грех прислушаться. Сегодня отношение и к еде у меня иное. Ведь мы зачастую забываем, что должны заботиться о своем желудке, не насыщать его. Теперь по любому симптому могу определить, какой орган и почему у меня болит.

– Барият Ильясовна, я Вас помню еще с тех лет, когда Вы, юная, возглавляли комсомольскую организацию в медучилище. Много воды утекло с тех пор. Как сложилась Ваша личная жизнь? Вы довольны ею?

– Грех жаловаться. Муж у меня хороший, очень внимателен ко мне. Воспитала скромного сына, даже чересчур скромного. Я очень люблю их и стараюсь, чтобы они всегда были чисто одеты и сыты. Меня часто спрашивают: у вас есть прислуга – домработница? Отвечаю: нет. Привыкла все делать сама. Да и средств на ее содержание не хватит. Известно такое выражение: счастье, когда тебя понимают. Вот я счастлива.

– Кто у Вас хозяин в доме – Вы или супруг? Зачастую женщины, занимающие заметные должности, привыкают руководить мужчинами, верховодят в семье...

– Нет, у нас хозяин – супруг. Как-то, а это было лет двадцать назад, пришла домой с партсобрания поздно. Муж спокойно заметил: женщина должна возвращаться вовремя. И с тех пор, где бы я ни была, стараюсь быть дома вовремя. Чтобы не огорчать его. Двадцать восемь лет живем вместе, и если бы не его понимание и терпение, семья, может, и не сложилась бы. Я никогда не забывала о том, что женщина-

горянка должна соблюдать традиции. Что прощается мужчине, не прощается женщине. Никогда.

– А на кухне кто хозяйничает?

– (Задорно смеется). Конечно я. Прихожу с моря, иду на базар (счастье, что живу рядом), готовлю... И сколько бы по дому ни бегала, не устаю. Физически не устаю. Потому, наверное, и не чувствую своих лет.

– Что Вы любите готовить? Особенно из национальных блюд?

– Побольше мяса и потоньше хинкал с хорошей ореховой подливой. Сейчас увлекаюсь овощными блюдами, фруктами.

– Мужчины ваши Вам помогают по дому?

– И очень даже помогают, особенно муж. Всю трудоемкую работу делают они. Муж мой – мастер на все руки, а у некоторых и гвоздь в стену забить не могут или не хотят. Бытовой техники у нас немало, вот муж ею и занят. Он меня жалеет – я это вижу и чувствую.

– Как часто Вы обращаетесь к косметологу, парикмахеру? Нет ли у Вас личных экстрамастеров?

– Особо услугами косметологов и парикмахеров я не пользуюсь. У меня прекрасные волосы от Бога и хожу только стричься. Никогда не меняю ни портных, ни парикмахеров, ни сапожников.

Кстати, чтоб не забыть: у меня в друзьях ходят не только женщины, но и мужчины. С последними я чувствую себя более уверенно. И вообще люблю дружить с людьми умнее себя – чтобы поучиться у них, как говорится, уму-разуму, мудрости.

– Раз Вы заговорили о дружбе, скажите, кто ваши друзья, кому больше симпатизируете?

– Я к дружбе отношусь очень серьезно, не признаю случайные компашки. Дружба должна быть чистой, искренней, честной. Хочу быть уверена, что те, с кем я дружу, меня никогда не подведут. Я очень часто ошибалась в друзьях, может быть, из-за излишней доверчивости, но потом, с годами, стала лучше разбираться в них. Не люблю выслушивать упреки, выяснять отношения... не дай Аллах. А хороших друзей перечислять не буду, чтобы не обидеть других. Они поймут меня. Многие из них говорят: ты умеешь объединять людей. Видимо, это так. Мне доставляет огромное удовольствие, когда люди друг другу искренне улыбаются.

– Вы – женщина мягкая, слабая или жесткая, мужественная?

– Где и когда надо – мягкая, ведь женщина должна быть женственной. Но все же я считаю себя мужественным человеком и не побоюсь этого слова.

– Вам никто никогда не угрожал? Как Вы реагировали на угрозы?

– Мужество мое заключается не в том, что я кого-то не боюсь. Нет. Мое мужество – в моих рискованных поступках, которые я совершаю ради блага слабых, незащищенных, нуждающихся.

– Помню, в те годы, когда наш город часто посещали артисты, Вы дружили с Эдитой Пьехой. Продолжаются ли ваши связи?

– Боже мой, что Вы вспомнили... Я ее любовно звала Эдиточкой. Долгие годы переписывались, поздравляли друг друга с праздниками, встречались во время Декады дагестанской культуры в Ленинграде, в Москве. К сожалению, время наложило свой отпечаток. Но я не нарадуюсь, когда вижу ее в последнее время по телевидению: она так же обаятельна, женственна, красива. Я встречалась и с югославской певицей Радмилой Караклаич, и с болгарской Лили Ивановой, и многими другими. Благословенные были годы.

Хоть и не спрашиваете о моих увлечениях, но я вам признаюсь: очень люблю музыку. И именно классическую. Не сказала бы, что эта любовь у меня с детства, как раз наоборот, в те годы чуть ли не запрещали мне слушать музыку по радио. Увлечение пришло с годами. А потом и сама научилась играть на фортепьяно. Благоговею перед сочинениями Баха, Гайдна, Шумана, Бетховена, Моцарта... Классика – моя страсть.

– Барият Ильясовна, Вы постоянно находитесь в водовороте людских проблем и судеб. Не надоедает? Не устаете?

– Если отвечать однозначно – нет. Мне моя работа нравится, потому что я люблю делать добро. В профсоюз я прихожу как в мечеть, как в благотворительный фонд, зная, что меня ждут люди, и я способна их защитить. Защищать людей – разве это может надоесть?

– Но посещает, очевидно, мысль, и не раз, что у Вас большие потенциальные возможности, но, к сожалению, они остаются невостребованными?

– Посещает. Не востребован, я бы сказала, мой деловой потенциал. Но это не оттого, что я умнее других. Просто мне нравится, вернее, я жажду быть деятельной.

– Раскройте секрет: кем бы хотели стать, какой пост занять?

– Я вижу и чувствую свое место в социальной сфере. Здесь как раз я смогла бы использовать все свои возможности. То есть сумела бы проявить в полной мере доброту, милосердие. Я хочу, чтобы всем жилось хорошо, и никогда не держу камень за пазухой против кого-

либо. И благодарю судьбу за то, что она одарила меня чувством снисходительности к людским глупостям.

– Если не ошибаюсь, Вы как-то выдвигали свою кандидатуру в депутаты Народного Собрания. Почему не участвовали в недавних выборах?

– Честно? Я следую правилам минеров. А у них, сами понимаете, как...

– О чем сегодня Ваши думы и заботы?

– *(Задумывается)*. Ну что сказать? Даже и не знаю. А впрочем... Кто думает об обеспеченной старости, кто о постах, а мои думы – иметь внука. Но это не значит, что я согласна быть бабушкой-нянькой. Пусть его воспитывают родители. А я еще буду работать и протягивать руку помощи тем, кто в ней нуждается.

«МОЙ ПАПА – СОЛНЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК...»

Пусть читатель не думает, что я вознамерился решить проблему отцов и детей. Как показала жизнь и современная наука, ее нет и быть не может. Родителями и водителями детей являются гены, и как бы чада ни старались уклониться от предначертанной колеи или приспособить ее себе, увы, эта затея ничего не дает. Она бессмысленна. По этому поводу очень точно и емко выразился Расул Гамзатов, человек, блестящий мудростью: «Мы себе путь не избираем. Путь избирает нас».

«Яблоко от яблони далеко не падает», – гласит народная мудрость. А вспомните слова из индийского кинофильма «Бродяга»: «Сын честного всегда честный, сын вора всегда вор». Гены? Может статься, что тот или иной человек способен развить данное ему родителями и природой доброе начало, или же злое... Но и только. В корне изменить не может. Злой в доброго не перевоплотится. И наоборот.

Дерево дает отростки. Каждая ветвь питается соком этого дерева. И как бы они, ветви, ни росли, ровно или криво, они дают плоды, которые произрастают именно на этом дереве.

Нет, я не намерен вмешиваться во взаимоотношения детей и отцов – неблагоприятное это дело. Но я хочу понять чувства детей, которые они питают к своим родителям, вникнуть в их слова, прислушаться к сердцу, заглянуть в глаза. Разгадать, унаследовали ли дети от своих родителей такие качества, как добро и честь, долг и достоинство, щедрость и терпимость, без которых человек немошен и жалок.

Я сижу с директором Дагестанского музея изобразительных искусств Салихат Расуловной ГАМЗАТОВОЙ в ее кабинете. Стены его в трещинах, с потолка обвалилась штукатурка, обнажив большой кусок дранки, но эту убогость затмевает красота. На двух стенах – прекрасные живописные полотна. С потолка свисает большая фарфоровая люстра под декор. Зеркало над диваном обрамлено рамой из такого же фарфора и такого же небесно-изумрудного цвета. И под впечатлением этих изумительных шедевров я задаю свой первый, вдруг возникший вопрос:

– Как сказывается эта красота на Вас? В музее она окружает со всех сторон. Не мешает делу?

– Ощущение, могу сказать, как бы двойное. Здесь долгие годы работала мама. И как бы тяжело ни было после мамы, мне надо мобили-

зывать свои силы. Если заикливаться на воспоминаниях – тяжело. А когда я работаю и что-то делаю, то делаю добросовестно. Поэтому и пришла сюда.

В последнее время в музее очень активизировалась выставочная деятельность. Каждое разумное предложение, поступающее от наших сотрудников, я с охотой поддерживаю.

К примеру, мы организовали выставку фарфора, другая прошла под названием «Женские образы».

Я в работе более демократична, более открыта, не консервативна. На втором этаже у нас экспонировались полотна русских художников, а недавно мы предоставили место Астемирову.

Готовя большую ретроспективную выставку А. Астемирова, предоставили для его работ зал русской живописи, чтобы наиболее полно показать работы.

– Мы слегка отошли от вопроса. И все же какие чувства вызывает окружающая Вас красота?

– Я как руководитель живу и действую разумом, сотрудники – сердцем. Я придаю законченную форму их желаниям.

Стараюсь, чтобы все богатства, что у нас есть, чем мы обладаем, были доступны людям и в наиболее полном виде.

– Фраза, высказанная Федором Достоевским «Красота спасет мир», стала расхожей. На самом деле красота может спасти мир?

– Спасение мира связано с духовным очищением и возрождением человека. Если он чист душой, то осознает, воспринимает красоту. Ну, а если осознает ее, то в таком случае она, красота, конечно, может спасти мир. Одна красота никогда не может спасти человека, если в его душе не осталось чистоты, духовности.

– Значит, мы все же пришли к философии Николая Рериха, который уточнил Достоевского: «Осознание красоты спасет мир». А теперь скажите честно: этот мир, окружающий Вас, близок Вам, или Вы готовили себя к другому делу?

– Этот мир близок мне. Но идеал видела в другом. Мне импонирует литература. Два года я работала в Дагестанском государственном педагогическом университете. Сейчас веду спецкурс по русской литературе в Даггосуниверситете, читаю русский символизм.

Но то, чем я непосредственно занимаюсь, мне близко и знакомо. Мама моя и сестра искусствоведы, часто бывала я с мамой на симпозиумах, проходивших в Лондоне, Баку, Ленинграде, других городах. Так что музейная жизнь мне очень хорошо знакома.

– Ваш отец – Расул Гамзатов. Каким Вы его видите: патриар-

хом поэзии, мудрецом, обыкновенным человеком, наделенным природой талантом?

– Наверное, он и есть патриарх поэзии. Но я вижу в нем хорошего, доброго человека. Как значительного, так и беззащитного человека. Вот такое у меня двойное ощущение.

– Что вам в нем нравится?

– А почти все нравится. Папа очень остроумный, бесхитростный, доверчивый, добрый человек.

– А есть в нем такое, чего не приемлете?

– Может, иногда хотелось бы, чтобы в некоторых вопросах или обстоятельствах он был строгим, требовательным. Вносил, когда надо, в действия элемент жесткости.

А в основном ощущения от папы такие солнечные... Если в бытовых делах бывает тяжело, ну, скажем, придешь домой и не знаешь, за что и как взяться, так на фоне папиной доброты становится легко.

Интересно сказал о своем отце Александр Дюма – сын: «Мой отец – это большой ребенок, который появился у меня, когда я был совсем маленький». И знаете, это откровение, доброе, солнечное откровение в чем-то близко мне...

С папой очень хорошо шутить, он все понимает. И всегда радуется, когда я шучу.

В чем-то он для меня как вершина. А в чем-то беззащитен, и я за него чувствую ответственность. К житейским проблемам он совершенно не приспособлен.

– Безусловно, Вы унаследовали от отца качества характера. Но вот какие? Не поделитесь тайной?

– Умение с юмором относиться к проблемам. Меня восхищают его доброта, великодушие, бесхитростность.

– Вас три сестры. К кому из Вас он благоволит?

– Я не чувствую, что он кого-то из нас больше или меньше любит. Он светит всем одинаково. Мы все его видим вот таким солнечным.

– Очевидно, все заботы и проблемы по дому ложились на маму Патимат Саидовну?

– На маму, конечно. Но нам очень помогала наша родственница. Она умела со знанием дела быстро и качественно все организовать.

– Ваша мама всю свою жизнь провела в мире искусств. Приобщала ли она Вас к своему миру?

– Конечно, приобщала. Моя сестра Патя окончила исторический факультет Московского государственного университета, отделение искусств. Она автор многих статей по дагестанскому искусству, в ча-

стности, по ювелирному, высоко оцененной специалистами. Работает в НИИ искусств. Наверное, ей мама и передала свою любовь к искусству. Патя у нас старшая.

Мама хотела, чтобы и я занималась искусством. Я училась два года на том же отделении МГУ, что и Патя, но потом перевелась на филологический факультет.

Зарема, другая моя сестра, занимается переводческой деятельностью.

Сказать, что мама заставляла нас любить искусство – нет, этого не было. Она прививала нам эту любовь своим отношением к искусству, своей любовью к нему.

– Не сомневаюсь: бывая в Москве, Ленинграде, за рубежом, Вы ходили по музеям, галереям, выставкам. И какие же чувства испытывали? Особенно возвращаясь в Махачкалу?

– Несколько раз с Патей во время ее студенческой практики по искусствоведению ездила в Ленинград, а будучи уже сама студенткой отделения искусствоведения, проходила практику в Пскове и Новгороде. В разное время посещала Русский музей, Эрмитаж, Музей изобразительных искусств, Третьяковку. Будучи с мамой в Англии, осмотрели Британский музей. Будучи в Париже, не преминула посетить Лувр, музей Родена, в Италии – Сикстинскую капеллу, в Турции – резиденцию бывших султанов, Ая-Софию...

Но... какими бы прекрасными ни были те города, как бы богаты и великолепны ни были их музеи и галереи, я больше всего люблю свой город, свою Махачкалу. Мне он нравится. Он мой, и этим все сказано. Ведь не обязательно иметь музеи и картинные галереи, чтобы любить горы...

И человека ведь тоже любят за внутреннее содержание, за душу. Если в нем есть благородство души, будет и внешность.

– Говорила ли Вам мать, что готовит вас в искусствоведы, а если точнее – на свое место?

– Она этого очень хотела, но я отказывалась. Ну а сегодня посетители музея после осмотра подходят ко мне и говорят: как хорошо, что ты здесь. Вот недавно открывала выставку, мне говорят: голос твой похож на мамин.

– Кривотолков не было в связи с Вашим приходом сюда?

– Наверное были. Но мне не передавали. Да и вряд ли кто-то был бы добросовестней на этой должности, чем я.

– От мамы какие нравственные качества в Вас?

– Наверное, собранность, умение концентрироваться. Но уж точно они не от папы.

– **Добились ли Ваши родители в жизни всего того, чего хотели, к чему стремились? На ваш взгляд.**

– Не могу сказать. Об этом надо было бы спросить папу, маму... Маму, например, посещала масса идей. Энергия у нее была кипучая. Постоянно ставила перед собой все новые и новые задачи. Как-то ее подруга даже заметила ей: – Патимат, теперь тебе осталось море успокаивать...

– **Ваше воспитание, то есть трех сестер, проходило в родительских наставлениях, или школой воспитания была просто их жизнь, их поведение?**

– Да, мы воспитывались на их жизни.

– **Откройте секрет, сестры отличаются характерами и принципами, или все похожи друг на друга?**

– Все очень разные. Наверное, из энергичных – это я. Зарема больше занимается домом, семьей. Пятя занята работой и сконцентрировалась на вере. Все живут своими делами, заботами, у каждой свое мировоззрение. Но всех объединяет семья.

– **Расул Гамзатович часто с юмором любит говорить, что он отец трех дочерей. Родился ли у него внук? Или дочери подарили ему внучек?**

– Да, три дочери подарили ему четырех внучек.

– **Поэтические гены отца, Расула Гамзатовича, казалось бы, должны передаться дочерям. Кто-то из вас пишет стихи или прозу?**

– Нет. Папа любит говорить, что плохой поэт – это критик. Может, потому и я критик.

Вот Заремина дочь, что учится на экономическом факультете, пишет для себя стихи. И знаете, неплохие стихи.

– **Безусловно, у вас бывает свободное время. Как вы его проводите?**

– Не так уж и много его бывает, ну а если и выпадет час-другой, то провожу их с дочкой, с мужем, а то ходим в гости, навещаю подруг.

– **На кухне любите быть хозяйкой?**

– Не часто. Я в основном решаю организационные моменты: все ли необходимые продукты есть дома, не пустует ли холодильник, слежу, чтобы все было готово к приему гостей, даже неожиданному. Одним словом – организатор.

– **А к каким блюдам имеете пристрастие?**

– К дагестанским. Люблю курзе, чуду и еще грузинские блюда. К ним я пристрастилась благодаря Нине Викторовне Мелик-Саркисовой, с которой многие годы дружили моя мама, все мои сестры. Нина Викторовна была прекрасным человеком, а для меня являлась примером для подражания не меньше, чем моя мама.

– Какие черты характера Вам импонируют в мужчине? И в женщине?

– В обоих – доброжелательность и искренность. А еще нравятся такие типы мужчин, которым претит доминировать, то есть которые не стремятся подавить другую личность.

– Где вы любите отдыхать?

– В Ачи-Су. На нашей даче. Мы каждое лето ездили с родителями, сестрами, детьми в Ачи-Су. Представьте себе это большое семейство с его веселыми шутками, смехом, разговорами...

– Ваш дом, Вашего отца посещали многие известные поэты, прозаики, критики, журналисты, общественные деятели. Вы многих из них лично знаете. У Вас есть среди них друзья?

– Я общаюсь со многими папиными друзьями: с Иосифом Кобзоном, Чингизом Айтматовым, Давидом Кугультиновым, Владимиром Карповым. Хорошо знала прекрасных папиных переводчиков, к сожалению, уже покинувших нас, наш мир – Наума Гребнева, Якова Козловского. Бывала с родителями в гостях у замечательного композитора Яна Френкеля. Но они – папины друзья.

– Ваш парикмахер?

– Альбина из салона «Лоранж».

– Любимые духи?

– Intuition.

– Одежду какой фирмы или от какого кутюрье предпочитаете?

– Marina Rinaldi.

– Какая обувь вам нравится?

– Удобная.

– Вам по нраву европейская гимнастика или восточная?

– Никакая.

– Ваш любимый спортсмен?

– Не увлекаюсь спортом.

– А киноактер?

– Ричард Гир, Аль Пачино.

– Ваш любимый писатель (поэт)?

– В разный период жизни – разные. А постоянные – Сомерсет Моэм, Джон Голсуорси, О’ Генри, Федор Тютчев, Акунин...

– Художник?

– Гойя.

– Ваша настольная книга сегодня?

– «Основы музейного дела».

– Какова бы ни была жизнь, как бы ни разворачивались события, каждый целеустремленный человек строит планы на будущее. Несомненно, есть они и у Вас...

– Я особо не стараюсь прогнозировать будущее. Куда дорога выведет... Надеюсь, она выведет на нужную и верную цель.

В декабре откроется выставка новых поступлений, которая посвящается памяти Патимат Саидовны Гамзатовой. Музею присвоено имя мамы. Автор эскиза мемориальной доски – Ибрагим Супьянов, его идею воплотил замечательный мастер по резьбе по камню, преподаватель Даггоспедуниверситета Омар Магомедов. Оба они хорошо знали маму.

Готовимся закупить акварели Халилбека Мусаясула, керамику.

А в частной жизни... не люблю загадывать. Она сама преподносит «сюрпризы».

«СИМФОНИЯ В КАМНЕ, А МОЖЕТ, ПЕСНЬ ДУШИ...»

Прогуливаясь по городу, вы обращаете внимание на здания? Общественные и жилые? На их архитектуру? Присматривайтесь к ним пристально, заинтересованно. И вы получите огромное удовольствие: вы наполнитесь настоящей радостью от многозвучной симфонии в камне. Ведь именно так, симфонией в камне, называют настоящую архитектуру.

Общественные здания нам остались от минувшей, советской эпохи (сегодня их почти не строят), но жилые – двух- и трехэтажные особняки растут в Махачкале как грибы после дождя. И один лучше, краше другого.

И город меняет свое лицо, свой облик. Свой имидж. Выехавшие из него лет двадцать назад изумленно оглядывают улицы, зачарованные, задерживают шаг перед коттеджами и особняками, словно увидели диковинку какую...

И на самом деле, сколько умения, тепла, любви вложили в проект их авторы.

Но кто об этом знает? Кто знает, кому, какому архитектору принадлежит проект того или иного дома?

Вы обращали когда-нибудь внимание на то, что наш город украшает несколько довольно крупных зданий, по почерку, стилю, духу исполнения принадлежащих одному автору? Несмотря на их масштабность, в них чувствуется какая-то легкость, невесомость, в них много света, прозрачности. Дом профсоюзов. Новая автостанция. Приморская гостиница. Кинотеатр «Махачкала». Аэропорт. Вам не кажется, что их создал один и тот же человек, один архитектор? И вы не знаете, кто он?

Могу его вам представить: Бадурдин Абдуллаевич ИБАКОВ. Бадурдин Абдуллаевич Ибаков – академик НАНД, советник Академии архитектуры и строительных наук Российской Федерации, академик Международной академии архитектуры стран Востока. В 1961–1967 гг. учился в Московском архитектурном институте. С 1967 по 1985 годы работал в проектно-институте «Даггражданпроект», где вырос от рядового архитектора до главного архитектора института. С 1985 по 1991 гг. – он главный архитектор Махачкалы.

В 1971 году Б.А. Ибаков был принят в Союз архитекторов СССР. В 1971 по 1991 гг. – он председатель Дагестанской организации СА СССР.

В 1975 году Б.А. Ибакову присуждена II премия на конкурсе мо-

лодых архитекторов Северного Кавказа (г. Пятигорск), в 1978 г. – Республиканская премия в области архитектуры. В 1992 году ему присвоено звание «Заслуженный архитектор Российской Федерации». Я неделю пытался застать его дома и, наконец, застал. Он отложил, вернее, перенес свою деловую встречу ради нашей беседы.

– Бадурдин Абдуллаевич, что-то Вы зачастили в последнее время в городскую администрацию. Признайтесь, Вы сегодня на подхвате или в расхвате?

– Нет, на подхвате я никогда не был. В расхвате, хотя и высокопарно звучит. Можно сказать, при деле. И это в наше-то время.

Прежде, если говорить честно, восемьдесят процентов работы шло в корзину. Проектному институту давали план, в основе которого было плановое жилье. Строили долго, некачественно – не было хороших строительных материалов. Все это плюс другие минусы сужало архитектурную деятельность.

Сейчас стало намного легче и интереснее. Почему? Заказчик требователен к архитектуре. Он состоятелен, имеет средства на строительство, не считает, во сколько ему обойдется выбранный объект, а потому и требует качественную и красивую работу.

– Город украшают великолепные, я бы сказал, объекты. Но широкие массы знают хоть, что они построены по Вашим проектам?

– Знают те, кто знает меня. И только. Я ведь не прикрепляю табличек. Правда, вот только в аэропорту прораб выбил свою фамилию, а затем мою. Я об этом позже узнал.

– Удивительно складывается... Писатель выпускает в свет книгу – его фамилия обязательно указывается на обложке. Композитор пишет оперу, симфонию, песню – его имя обязательно называют. По проекту архитектора воздвигают здание и никому невдомек, кто его сотворил. Это не задевает самолюбие?

– Конечно, задевает. И очень обидно бывает, что ты остаешься для широких масс неизвестным. Да почти везде так. В редких случаях указывается авторство. И все потому, что у нас нет авторского права, более того – права наши не защищены. Руководители строительства могут изменить этажность, переделать проект, а мы не можем отстоять свое детище.

– А почему бездействуете, молчите?

– Мы-то не молчим. Но тут возникают другие обстоятельства: если запретить изменение проекта, отстоять его – могут приостановить

или вообще прекратить финансирование. Кто с мешком, тот и хозяин. Процесс работы застопоривается. А голова-то не дает покоя, работает, постоянно в поиске.

– **А мысли, проекты случаем не приходят оттуда, свыше?**

– Нет, архитектура с мистикой не связана.

– **Я вовсе ее не связываю с мистикой. Сегодня уже открыто и смело говорят, что и писатели, и художники, и ученые получали и получают информацию из космоса.**

– Я... не получал.

– **Вы родились в Бабаюртовском районе. В детстве видели только одноэтажные саманные дома, за калиткой или воротами – степи до самого горизонта... И вдруг – архитектура. Откуда тяга или стремление к этой профессии? От кого?**

– Трудно сейчас сказать... В детстве я писал стихи, рисовал. Родители хотели, чтобы я стал врачом, но я... не переносил вида крови. Да, припоминаю... Как-то в детстве смотрел грузинский фильм об архитекторе. Там киногерой воздвигал удивительные строения. Фильм потряс меня. А профессия архитектора покорила.

И как родители ни отговаривали меня от поездки на учебу в Москву – они уже были старые – я их ослушался, настоял на своем. И братья меня поддерживали.

– **И как Вам было в Москве после бабаюртовских степей?**

– Она потрясла меня. Прекрасные станции метро, скоростные поезда, сталинские высотки, Каланчевка, Замоскворечье с его улочками, Арбат... Все это богатство задавило меня, нет, не то – ошеломило... А затем очаровало.

А какие светила архитектуры тех лет учили нас, величайшие люди. Один из них – Борис Сергеевич Мезенцев, автор гостиницы «Украина», Ленинского мемориала в г. Ульяновске. Мезенцев предлагал мне остаться после окончания института в Москве (у меня был красный диплом), но я не согласился. Две проблемы не позволили мне стать москвичом. Первая – жилищная. Вторая – тянуло на родину. А родина – это ведь немаловажный фактор.

И первым моим проектом по приезду на родину был проект Дома профсоюзов на площади имени Ленина в Махачкале.

– **Бадурдин Абдуллаевич, из окна вашей квартиры видны панельные пятиэтажки. И куда ни кинешь взгляд коробки и коробки, да еще с пристройками. Удручающе действуют на человека. Откуда же приходит вдохновение? Откуда эта легкость, прозрачность в Ваших проектах? Откуда этот стиль? Чья школа?**

– Во-первых, это школа нашего архитектурного института того периода. Московская школа. Она имела свой, присущий ей стиль. И потом, во-вторых, это результат внутреннего состояния человека.

– **Но дома Ваши не дают, вот в чем дело.**

– Я человек веселый по характеру своему. Во мне, не считите за нескромность, нет снобизма, напыщенности. И мне кажется, энергетика моя положительная.

– **Я слышал, что Вы часто ездили по стране, побывали во многих зарубежных государствах. Повидали мир. Эти поездки обогатили Вас? Многое увидели, многое познали, многому научились, ну хотя бы визуально?**

– Да, я много ездил. Последние копейки тратил на поездки. Побывал в Японии, Турции, Эмиратах, Египте, Индии, Болгарии, Румынии, на Кубе... Любовался архитектурой стран, изучал, встречался с архитекторами, делал зарисовки. Привез огромное количество слайдов. Конечно, такое ознакомление не прошло бесследно.

Опыт, достижения других стран у нас вообще не одобрялись, не приветствовались. Приглашают меня как-то, сами понимаете, большие люди и говорят: сделай проект административного здания, как в Нальчике. Сможешь? А почему как в Нальчике, спрашиваю, я могу сделать как в Японии, но привязать к нашим условиям. А ты сделай нам, как в Нальчике, нам не нужно, как в Японии. Понимаете, не давали вносить новое, оригинальное.

Вот, к примеру, в ходе строительства аэропорта стали нарушать проект, внесли ненужные изменения. Он должен был быть прозрачным, просвечиваться насквозь, а понастроили черт знает что. И качество отделки неважное.

Какое-то недоверие было к нам, архитекторам. Вот на проспекте Калинина построили здание мединститута, эдакий монстр. По киевскому проекту, видите ли, своим не доверили.

– **В других странах совершалась настоящая революция в архитектурном строительстве. Вспомним хотя бы Бухарест или город Бразилиа, который стал столицей Бразилии. Ведь грандиозный проект Оскара Нимейера был осуществлен безболезненно. На голом месте вырос новый город с доселе невиданной планировкой и архитектурой.**

– Верно. Благодаря поддержке президента Бразилии Кубичека Оскар Нимейер сумел построить новый город в новом стиле. Так Кубичек оставил о себе добрую память.

Наши президенты оставляют после себя такую память? Что-то не припомню. А как было бы хорошо.

– Вы учились в Москве и, несомненно, посещали не только ее музеи и театры, но и исходили ее проспекты, улицы, улочки... Старый Арбат и Новый Арбат, Тверскую, Кутузовский проспект, Замоскворечье и нынешние спальные районы. Что Вам по душе? Вы поклонник старины или нового стиля?

– Старый и Новый Арбат... Какой мне нравится? Хотя и сторонник современного стиля, я очень уважаю старину, добрую, теплую старину. Люблю Арбат Булата Шалвовича, тот Арбат, шестидесятых годов.

А если говорить о новом стиле, то он не всегда удачно подбирался и привязывался к месту. Вот сегодня уже стоит вопрос о сносе отеля «Националь» в самом начале Тверской. И «Националь», и Кремлевский Дворец сегодня уже не интересны, более того – мешают, но в ту пору были модны.

И в то же время сколько ни ругали сталинские высотные здания, сколько ни чернили, ни поливали грязью, а они стоят и украшают город, они – символ Москвы. Сейчас строят уже и восьмую высотку. Значит, и новое время, и новая эпоха признала их.

– Бадурдин Абдуллаевич. Ситуация у нас получается юмористическая: Вы, скажем так, сапожник без сапог. Проектируете, строите прекрасные коттеджи, а сами живете в бетонке. Ситуация не оскорбляет самолюбия?

– Я никогда никому не завидовал. Жаль, конечно, вернее, печально, что так получилось, пришел к такому исходу.

Мне нравится американский юмор. Они любят говорить в подобных случаях: если ты такой умный, почему не богатый? У нас же все иначе. Умные не богатеют. Еще Александр Сергеевич Грибоедов сказал, что в России нажить можно горе от ума, а не богатство.

Корбюзье построил директору часового завода дом. Полученный гонорар позволил ему объездить всю Францию. В портовом городе Гавр он осел, здесь год учился у Огюста Пере и стал архитектором с мировым именем. Вот вам пример, как оценивается труд там. Как мы выражаемся, за кордоном, где понимают, что есть что.

– В советскую эпоху заказы Вам давало государство. Все ваши крупные, значимые работы были сделаны в тот исторический период времени.

– И вы правы. Сейчас заказов вообще нет. И практически государственных, муниципальных объектов строится очень и очень мало.

Выполняем частные заказы. Напротив Дагпедуниверситета, на улице Ярагского, строим девятиэтажный дом, на двух нижних этажах будут располагаться магазины. Работаю над строительством свадебного зала. Полным ходом поступают заказы на коттеджи...

– Помню, лет двадцать пять-тридцать назад строились прекрасные планы по реконструкции проспекта Ленина, по строительству набережной и реконструкции пляжа, переносу железной дороги... То, что они остались неосуществленными, ясно и без пояснений. Но какова судьба проектов, имеют ли они продолжение?

– Они остались в архивах для истории. Сегодня наш город уже полумиллионный. А пляж протянулся всего на восемьсот метров. Не более. Где людям отдыхать? Никого это не волнует. Посудите сами – город имеет и море, и гору, условия превосходные.

Вот возьмем, к примеру, Тбилиси. Гора Мтацминда стала любимым местом отдыха. А мы свою никак не можем освоить, отдали на откуп самовольщикам.

А ведь по плану к ней должны были вести две канатные дороги: от конца улицы Чернышевского и с Буйнакского шоссе (ныне проспекта Акушинского).

– Я видел у Вас проект здания городской администрации. Нынешнее руководство администрации знает о нем?

– Не ведаю. И честно говоря, я не стал бы строить то, что проектировал 15–20 лет назад. Средневековый китайский художник Ци Байши в 94 года сказал: – Я как будто немножко научился рисовать. Прекрасно сказано, не правда ли? Сейчас я сделал бы другой проект и выбрал бы другое место для строительства.

– Вы часто проходите мимо «своих» зданий. Какие чувства испытываете? Гордость? Горечь?

– Честно? Не испытываю никаких чувств. Я не горжусь ими. Я не построил еще здания, которое бы мне нравилось. Вот новое здание Института народного хозяйства по мне, хотя и стоит не на видном месте.

– А вид уродующих зданий Вас не волнует? Вот, к примеру, бывший кинотеатр «Махачкала». Пристроили, понастроили, превращают его в урода...

– Как архитектора, конечно, волнует. 35 лет я живу в этом городе и знаю его как самого себя.

За это время хотя б одну улицу Ленина можно было бы обустроить, реконструировать. Хотя б одну... А у нас все делалось волевым решением. Вот поставили гостиницу «Каспий» торцом к улице

Дахадаева и закрыли вид на море: а ведь по генплану улица спускалась и заканчивалась на бульваре. Вот из-за этого ушел с должности главного архитектора Гаджи Ганиев. Так он выразил свое возмущение и несогласие волевому решению...

– **Сегодня город преображается на наших глазах. Но и уродуется. Вторые этажи, расположенные над магазинами или конторами, обрастают убогими пристройками. Вам не приходилось обращать внимание на крышу центральной библиотеки, что на проспекте Шамиля. Это Вас, архитекторов, не тревожит, не возмущает?**

– А для того, чтобы таких безобразий не было, есть главы администраций районов, участковые, главный архитектор.

Хочу с вашего позволения сделать экскурсию в недалекую историю. Несколько десятилетий назад я был инициатором пристроек, надстроек, закрытия лоджий по единому проекту. Договорился с директором домостроительного комбината и на предприятии из тех же имеющихся панелей стали изготавливать пристройки, отвечавшие сейсмичности до 9 баллов.

По нашему проекту были сделаны пристройки к дому, расположенному на проспекте Кирова (ныне Гамидова), на первом этаже его располагается магазин «Дары моря».

Другая пристройка (наша типовая) была осуществлена кооперативом.

А потом пошла анархия.

Понимаете, и людей нельзя осуждать, у них нет сегодня возможностей покупать квартиры, они вынуждены таким образом расширять свою жилплощадь. А районным администрациям, архитекторам надо бы им помочь это делать красиво и разумно.

– **Бадурдин Абдуллаевич, Вы давно не выходили на проспект Ленина с моста с Комсомольского проспекта?**

– Бульвар буквально заполонили огромные рекламные щиты. Они закрыли собой не только перспективу бульвара, но и перспективу самого проспекта. Поистине прав Виктор Степанович Черномырдин, когда заявил: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда». Неужели наш архитектор или главный художник города считают, что эта тяжеловесная атрибутика – венец красоты? Горожане уже называют нашу главную улицу рекламным проспектом.

Я был до глубины души возмущен этим. Что вы творите, говорил им, вы понимаете, что уродуете бульвар? Увы... А главный архитектор к этому безобразию не имеет никакого отношения.

– А главный художник города?

– Не знаю, почему он не согласовывает такой важный вопрос, как установка рекламных щитов на бульваре.

– Удивительно, в столице есть Союз архитекторов, Союз художников, и никто ничего не видит: ни безобразия, ни уродства. Живут по принципу «моя хата с краю, ничего не знаю».

– Не хотят наживать неприятностей.

Ведь к архитекторам уважительного отношения со стороны руководства почти не было. Нет, чтобы поддержать их, помочь, похвалить... Куда там. Кутиева – сняли с должности. Придаткина – сняли, Керимова – сняли. Меня... Крайних находят. А вот кого надо снять – не трогают.

В Астрахани главный архитектор города – заместитель мэра. Женщина. Уважаема и почитаема. А у нас – только обливают грязью.

У наших архитекторов даже помещения своего не было: это мне удалось его выбить благодаря помощи бывшего председателя горисполкома Магомеда Юсупова.

– И все-таки почему состоятельные люди строят такие большие особняки? Трехэтажные, с мансардой или чердаком... Есть ли в них надобность?

– Многие сегодня признаются, что зря... разочарованы. А все дело в том, что они не знают, куда, во что вложить свои деньги. А дом всегда в цене.

– На стенах Вашего кабинета, в Вашем альбоме много прекрасных графических рисунков. Рисуете вы?

– Я же вам говорил, что рисовать начал с раннего детства. А в институте у нас была кафедра рисунка, скульптуры и живописи и три года мы проходили довольно хорошую, профессиональную школу. Рисовали тушью, сами устраивали свои выставки. Бывая за рубежом, делал путевые наброски, а потом уже дома дорисовывал.

– Выходит, Вы еще и художник.

– Это увлечение. А может, и страсть. А вообще, честно говоря, я мало знаю архитекторов, которые стали художниками. Вот Андрей Вознесенский, выпускник нашего института – поэт. Виктор Некрасов – писатель, Ирина Архипова – певица, Андрей Макаревич – музыкант... Вообще, архитектор – универсальная профессия. Ян Спыхальский – министр обороны Польши. Минтов – президент Мальты. Ну и так далее...

– Архитектор, я думаю, дружит с литературой, музыкой, живописью, физикой, математикой, что расширяют и углубляют его познания.

– Безусловно. Литература, музыка – для души, облагораживают ее, обогащают, очищают. Правда, фантастику не уважаю. Любимые мои писатели Эрнест Хемингуэй, Скот Фитцджеральд... Профессии чтение ничего не дает, но душу обогащает, лечит.

Музыку люблю классическую – Бетховена, Моцарта, Стравинского. И «Битлов» люблю, они мои ровесники, они совершили настоящую революцию в музыке. С каким трудом мы доставали их пленки, боже мой, все запрещали в ту пору. Ограничения, запреты просто бесили меня.

А органная музыка!.. Это же часть архитектуры, ее главный несущий компонент!

– **У Вас много друзей? Кто они?**

– У меня много друзей, прекрасных. Они художники, артисты. Но мне не столь важно, кто они по профессии, мне важна их духовная близость.

– **И Вы вообще компанейский человек!**

– И вообще и в частности.

– **И у Вас есть хобби. Или я ошибся?**

– Хобби?.. Сбирал в студенческие годы марки. Потом перестал. Люблю читать, слушать музыку.

– **И к машинам нет пристрастия?**

– Абсолютно. И никогда не было. Не стремился иметь ее. Вернее, когда была возможность, – желания не было, а когда появилось желание – возможности не стало.

– **Вам удалось передать эстафету детям?**

– Нет. Я хотел, конечно, чтоб сын стал архитектором, и возможности были – у меня в Ростове, в архитектурном институте, очень много друзей. Но у него не было желания. А дочь – филолог.

– **Судя по тому, что Вас трудно застать дома, сегодня у вас много заказов?**

– Можно сказать, да, несколько объектов. Пристройка к институту народного хозяйства. Свадебный зал, многофункциональный комплекс по оказанию туристических и медицинских услуг.

– **Выходит, Вы не только загружены, но даже перегружены. Архитектура Вас не «забывает», если продолжают поступать заказы. Видно, она глубоко запала Вам в душу. Вы продолжаете считать, что архитектура – симфония в камне? А может, она Песнь души?**

– (Бадурдин Абдуллаевич, немного задумавшись, произносит)

– Скорей всего, что песнь души.

«Я ИСПЫТЫВАЮ ТОСКУ ПО БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ...»

Вы помните веселый каламбур «Писать стихи – моя стихия, и потому пишу стихи я»? Выпускники филологических факультетов должны помнить его. Да и кто в юности не увлекался сочинением стихов? Одни – баловства ради, другие – для повышения своего рейтинга интеллигентного человека, третьи – в желании выразить в стихотворной форме распиравшие их чувства, четвертые – в надежде разбудить и развить дремлющий в себе талант. И ведь получалось: иной становился автором одного стихотворения и... оставался таковым, другой – автором одной книжки, а одаренный Богом и природой – профессиональным литератором. Писать стихи и прозу становилось потребностью его души и ума.

К этой малочисленной группе относится и моя собеседница. Почему малочисленной? Посудите сами: численность населения сегодня составляет где-то два миллиона человек, а членов Союза писателей – чуть более сотни. Вот и подсчитайте, сколько пишущих (творящих) приходится на не пишущих. А слово писателя во все времена – и в дни торжеств, и бед народных – нужно было людским массам: оно возрождало душу, очищало совесть, возвращало веру в разум.

Моя собеседница – народный писатель Дагестана Бийке КУЛУНЧАКОВА.

– Что побудило тебя стать писателем: желание учить людей уму разуму, искать и находить в жизни свою цель, не потерять нравственные ценности или просто передать свои чувства, переполюющие душу?

– Такого желания, что ты перечислил выше, у меня, не хочу соврать, не было. А может... оно сидело где-то глубоко в душе. Первоначально выплескивались эмоции. Хотелось ими поделиться с людьми. Мне почему-то думалось, что они, мои эмоции, нужны людям. А ими я очень богата, и они вызывают неумное желание писать. Ну и, безусловно, эмоционально написанные стихи, рассказы чему-то учат людей... А если конкретно – добру, милосердию, человеколюбию...

– В роду у тебя пишущие были?

– Нет. В трех поколениях не было. Но в нашем роду очень сильно любят музыку. Мой отец сам делал домбру, виртуозно играл на ней старинные мелодии, исполнял песни, подражая звукам и голосам, и объяснял нам, детям, кого и что изображает голосом. Скорее всего, он учил нас понимать живой мир, населяющих его животных, птиц, растения, безбрежность степей и дыхание ветра... Это была хорошая

школа. Работал он бригадиром полеводов, трудился с раннего утра до позднего вечера и уже поздно-поздно, урывая время от сна, играл на домбре и вел нам свой рассказ. Это было самое чудесное время в моем послевоенном детстве, оно было как распахнутое окно в душевной комнате. Кстати, говоря о музыкальности нашего рода, хочу подчеркнуть, что двоюродная сестра моя поет прекрасно. Просто профессионально. Но певицей не стала. Так что есть и певуны.

– Ты помнишь свое первое произведение? Что послужило поводом к его написанию?

– Начала я писать с шестого класса, вела дневниковые записи, испытывала неподдельное желание излагать свои чувства, но стеснялась того, что кто-нибудь их прочитает и прятала. А когда их все-таки как-то нашли и прочитали – сильно расстроилась. Кстати, дневники пишу до сих пор.

Первая серьезная проба пера была после окончания педучилища, когда работала уже учительницей: это маленькие рассказы наблюдательного характера о быте, характере, жизни окружающих меня людей. Мне хватило ума писать короткие рассказы. Их с удовольствием печатали в районной газете, по ним в Доме культуры ставили интермедии. А первая книга прозы вышла в 1974 году.

После педучилища и четырех лет работы я поступила в Дагестанский педагогический институт. В аудитории садилась за последний стол и здесь в общей тетради писала главы повести «В одной семье». Потом уже дома переписывала и переделывала. На втором курсе написала всю повесть, она небольшая; на третьем – переделала – ужасно люблю переделывать. И в конце концов издала. А на четвертом курсе написала повесть «Казбек».

– Бийке, у тебя много любовной лирики. Сочиняя стихи, ты на самом деле раскрываешь тайные, сокровенные чувства?

– Если честно, то я всегда испытываю тоску по большой любви. И в то же время в своей личной жизни я человек скрытный, стараюсь не показывать свои чувства, так как люди любят все опошлять. Читатели думают, что то, о чем я пишу, случилось со мной. Ничего подобного. Еще раз повторяю: это – моя тоска по большой, светлой, великой любви.

А когда я говорю, что я человек влюбчивый, это не значит, что я влюбляюсь в кого-то. Ничего подобного. Я влюбляюсь в рассветы и закаты, в весеннюю степь и прозрачное небо, в птичий полет и трубный голос ветра, в султанчик камыша и ромашку... во все, что дорого мне.

– Не смущает, что читатель будет знать твой внутренний, личный мир?

– Нет, не смущает. Коли пишу стихи, уже не стесняюсь. Но тем, чем нельзя делиться, просто не делюсь. Вообще-то я всегда уважала людей немногословных, умеющих чувствовать. У кого-то читала (сейчас не могу вспомнить): если человек красиво говорит о любви, он ее не чувствует. Ибо тот, кто ее чувствует, стесняется, смущается.

– Но можно ли писать о любви, не изведав этого чувства?

– Нет. Не прочувствовав или хотя бы не испытав потребности в большом чувстве – нельзя. Но и не обязательно много раз влюбляться, чтобы написать о любви. Понимаешь, это великое чувство должно быть потребностью моей души. Душа должна хотеть любви. И потом... я не верю, что любовь бывает только раз в жизни. В таком случае человек жестоко обеднил бы себя. Новая, очередная любовь его встряхивает, будит, возрождает и вновь окрыляет, вызывая в нем новые силы и энергию, побуждая к новым, более высоким идеалам. Разве это плохо?

– А переводчик, не изведавший чувства любви, может переводить любовную лирику?

– Не может. Или, во всяком случае, сделает плохой перевод. Так испортит оригинал, что останется только профессиональная техника, а чувства в нем не будет. У меня есть стихи, которые в подстрочном переводе читаются так: зачем мне нужны слова, если при виде тебя они не сожгут тебя. То есть я хотела передать в этих строках, что если чувство очень глубокое, то оно непременно отразится в глазах, и если предмет любви заглянет в глаза любящей женщины, то он может сгореть, испепелиться. А переводчик перевел вот как: зачем мне нужны глаза, если, увидя тебя, от пламени страсти они не блестят. Благодаря такому «переводу» большое чувство превратилось в простое, а вернее, в игривое кокетство.

– Ты веришь в силу любви? Ее испокон веков проповедуют, кстати, и пророки.

– Верю. Я верю в любовь матери – это самое сильное и бескорыстное чувство на земле. Верю в чувство любви к Родине. Мне кажется, сегодня очень многим ее не хватает. В годы советской власти о нем так много говорили, что, мне кажется, человек привык к нему, чувство это притупилось и не вызывает уже порыва души. Если бы человек сегодня ощущал это великое чувство всепоглощающей любви, нас бы не преследовал и не ожидал экологический и нравствен-

ный кризис. Человек ныне, кроме себя, никого не любит. А если он все чувства и связанные с ним действия подчиняет только себе, своим желаниям, своей личности, он уже манкурт.

Людам, птицам, животным, цветам любовь необходима как воздух, как вода. Ведь не случайно же одна их библейских заповедей гласит: возлюби ближнего своего, как самого себя... Любовь – величайшая жизнеутверждающая сила, дарованная нам природой, и не следовать ее законам – значит, вступать в противоборство с самой природой. А она человеку этого не прощает.

– Если обратиться к твоей прозе, в ней превалирует степь. Ты на самом деле любишь степь, или она является для тебя символом принадлежности к этносу степняков?

– Я очень люблю степь, я дочь степей, и эта любовь перешла ко мне от предков. Она сидит в моих генах. Если бы мне довелось родиться в Сибири, я эту степь видела бы в сновидениях и приехала бы повидаться с ней наяву. Это какое-то огромное, неохватное, необъяснимое и неосознанное чувство.

– Почему тебя так остро волнует женская доля? Казалось бы, тебя обошли тяготы степной женщины.

– Меня волнует женская доля, знаешь, в каком смысле? (Задумывается). Вот послушай.

Наши степнячки домашним бытом не были так обременены, как горянки. У ногайцев пасли овец, добывали корм для них, чистили кошары мужчины. На них лежала обязанность кормильца. Женщинам отводилась только домашняя работа и воспитание детей: они закладывали зерна нравственности в душу ребенка. И потом – в каждом доме мужчина имел, если не трех, то двух жен. И обязанности распределялись между женами четко, и никто не смел и не пытался даже оспорить их. Все было разграничено справедливо, не ущемляя ни одну из сторон.

Я выросла в другое время, при другой уже общественной формации, и могу с уверенностью сказать, что революция ногайцам сослужила плохую службу. Все устоявшиеся веками традиции и бытовые отношения поломались, стали строиться новые, в результате чего проиграли женщины-степнячки. Они не могли уже, как прежде, беззаботно растить детей, на них тяжелым грузом легли проблемы службы и пропитания семьи. Вот почему меня волнует женская доля ногаяк – они проиграли.

– Как сложилась твоя судьба?

– Она сложилась в целом неплохо. Я мечтала стать учительни-

цей. И стала ею. Но, работая в школе, поняла, что в этой профессии не могу себя реализовать. И поставила перед собой цель – окончить филологический факультет и стать писательницей. Этому я подчинила и свои привычки, и свою жизнь.

– Ты довольна своей жизнью?

– Это непонятный вопрос. Я что, слон, что ли, чтобы быть довольной? Тем более такой жизнью? (Глаза хитро улыбаются). Но я оптимист.

– При твоём складе характера у тебя должно быть много друзей и подруг...

– В ранней молодости у меня действительно было много друзей. Не только потому, что я хотела общения: я умела давать свое тепло, была доверчивой, преданной, но не получала от друзей того же. И потому испытала много разочарований. А разочарования... они всегда меняют, хотим мы того или нет, наш характер. С годами я стала менее доверчивой, более требовательной к выбору друзей и научилась делить круг своего общения на приятелей, партнеров и друзей. Понятие «друг» более глубокое. Друг должен быть рядом и в беде, и в радости, должен быть надежным и независимым. Такое испытание не всякому по плечу.

– Расширяя круг друзей, ты не преследуешь корыстные цели, то есть выгоду от дружбы?

– Нет. Если в дружбе имеется хоть маленькое зерно корысти – это не дружба.

– В советскую пору ты, как и многие члены Союза писателей, часто ездила в дома творчества. Имеешь ли ты сегодня эту возможность?

– Нет, не имею. По материальным соображениям. Ты ведь сама знаешь, в каком состоянии находится сегодня Литфонд, некогда богатая организация. Кстати, много лет я была директором Дагестанского отделения Литфонда СССР, помогала нашим писателям путевками в дома творчества, санатории, оказывала материальную помощь, выдавала деньги на лекарства, больничные листы. Какие были, однако, благословенные времена...

– Ты – поэт, прозаик, представитель интеллектуального труда. Скажи: домашнюю работу любишь?

– Что ты... Очень люблю физический труд. Не поверишь даже, люблю стирать, делать уборку в квартире. Люблю готовить салаты, потому что при приготовлении их можно использовать всю свою бо-

гательную фантазию. А вот с тестом возиться не люблю. И вообще не понимаю людей, которые любят хинкал.

– **И какие же твои любимые блюда?**

– Мои любимые? Котлеты, жареная картошка, обожаю салаты. И фрукты.

– **А из напитков?**

– Коньяк.

– **А калмык-чай умеешь готовить?**

– У нас не калмык-чай, а ногойский. Очень хорошо умею готовить. По нашим традиционным рецептам.

– **Что тебе более по нраву – ногойский чай или кофе?**

– Конечно, ногойский чай. Он утоляет жажду. И очень сытный. Да и быстро готовится.

– **А по духу – Азия или Европа?**

– (Задумывается). Мне близка и европейская, и восточная культура. В Ташкенте, в Доме творчества, где я отдыхала и работала, мне часто говорили: Бийке, ты воспитана в европейском духе, хотя по своему складу характера женщина восточная.

– **Литературная работа – женское занятие или все-таки мужское.**

– Я думаю, это больше женское занятие, чем мужское. Здесь нужны усидчивость, терпение, большое трудолюбие. И тонкая женская чувствительность. Да точно, это женское занятие. И талант дает Бог, нас не спрашивая.

– **Предположим, тебе предоставилась возможность начать жизнь сызнова. Кем бы ты хотела стать?**

– Я бы выбрала опять профессию писателя, если бы Бог позволил. Но испытывая «прелести» сегодняшней ситуации, в которой мы оказались, не рассчитывала бы на такое государство как нынешнее, а полагалась бы только на себя.

«ЕСЛИ ЖИВЕТ ХОТЬ ОДНО ПРОИЗВЕДЕНИЕ – ЭТО УЖЕ ЛИТЕРАТУРА...»

Некоторое время назад на страницах отдельных средств массовой информации республики появились публикации довольно-таки необычного характера. Их авторы, еще не успевшие состояться в жизни и в литературе, а один, по его же собственному признанию, не читающий книг и не участвующий в литературном процессе, смело и решительно заявляли, что в Дагестане не было и нет ни писателей, ни литературы, ни литературной критики. Одним росчерком пера было перечеркнуто все накопленное за многие десятилетия. Не были соблюдены ни такт, ни мера...

В этом контексте вспоминается фраза, которую произносил в фильме «Мимино» водитель из Армении Рубик-джан (его исполнял актер Фрунзик Мкртчян): «Я так думаю». В данном случае, давая возможность оппонентам соглашаться с ним или не соглашаться, он позволял направить реакцию на себя. У авторов публикаций иной подход, иная позиция – безапелляционное утверждение, доселе еще не высказываемое никем. Можно подумать, что они желали предстать своего рода нигилистами – пионерами в отрицании дагестанской литературы и литературоведения.

Казалось бы, вслед за публикациями последует заинтересованный спор, разговор, обсуждение, дискуссия – называйте, как хотите. Увы... молчание тянется по сей день. Не задела за живое? Или не вовремя прокукарекали петухи? Или еще что-то там, что непонятно обществу?

В поисках разрешения туманности желания авторов публикаций, причин отрицания слова – духовного начала человека позиции писательской общины – я решил обратиться к народному писателю Дагестана Магомед-Расулу.

Короткая справка: Магомед-Расул РАСУЛОВ – член Союза писателей России, автор повестей и романов «Дикарка», «Отец пророка», «Чужой муж», «Горная звезда», книги-эссе «Ясновидящий дурак. Письма дилетанта», пьес «Потерявшая себя», «Абдал» и ряда других произведений.

– Я уверен, что ты читал публикации, ниспровергнувшие жизненный путь мудрого Расула Гамзатова, которого читают и почитают почти на всех континентах, и Эффенди Капиева, которым восхищался Луи Арагон... Сегодня каждый волен говорить,

что хочет: время на дворе такое. Меня удивляет и смущает другое: почему до сих пор никто из писателей, литературоведов не подал своего голоса, не откликнулся на призыв, как говорится, трубы?

– Да, я прочитал две публикации. Одна принадлежала и З. Магомедовой, другая – А. Кардашу. Они в один голос, словно спелись, заявляли, что за последние сто лет литературы в Дагестане не было и не намечается. Прозу Ахмедхана Абу-Бакара Кардаш представляет как увлекательную прозу. А не знать Эффенди Капиева... это уж, извольте, как хотите называйте. Великий Луи Арагон был очарован главой «Вечер» из его поэтической новеллы, озарившей наш литературный небосвод. Не говоря уже в целом о новелле. Надо быть полнейшим дилетантом, я беру на себя смелость сказать – даже дремучим дилетантом, чтобы не знать незабвенного Эффенди.

Константин Симонов, Юрий Бондарев называли его прозу высочайшей прозой во всех отношениях. Валентин Распутин, Чингиз Айтматов, Мустай Карим говорили о нем как о незаурядной личности. Об Эффенди говорили все крупные писатели, Эффенди признавали, им гордились.

У Ахмедхана Абу-Бакара свое осмысление жизни, событий, свой подход и решение глубинных процессов.

Я ждал, я думал, что кто-нибудь откликнется, выступит: интересно знать разные мнения, суждения. Сам я как прозаик не хотел вступать в дискуссию: создалось бы впечатление, что я защищаю себя. К сожалению, молчание затянулось. Никто из собратьев по перу газет не читал. Я просил их: ознакомьтесь с публикациями, скажите свое слово. Какая-то апатия к литературе, апатия к жизни. Но ведь так нельзя, нельзя молчать, когда на тебе ставят крест, тебя перечеркивают. Когда жизнь подносит подобные сюрпризы, убийственные сюрпризы, необходимо подать свой голос.

Не собираясь вступать в полемику, я отнес более месяца назад в редакцию одной из газет статью о Камале Абукове. До сих пор она лежит в ящике.

И снова возвращаюсь к реакции собратьев по перу: мне стыдно за них и за себя. Стыдно, что их молчание похоже на молчание ягнят...

– Очевидно, писателей публикации не задели. А тебя они сильно задели?

– Конечно, задели. Но поскольку я не литературовед, а прозаик, я ждал ответа литературоведа. К великому сожалению и огорче-

нию, они занимаются сиюминутной работой, серьезные, глубокие процессы, тем паче разрушительные, их не волнуют.

– Но имеется ли основание, хоть малейшее, выступить в газете с подобными сентенциями?

– Мне думается, что имеется. Очень затянулось затишье в литературе Дагестана: нужен, необходим какой-то всплеск. Раз все молчат, подают голоса молодые люди, теоретически подкованные, освоившие русскую литературу, стоящие на позициях классических требований, каковые прописаны в программах университетов. Пахнет ли здесь нигилизмом или авангардизмом (модное течение века) не знаю, но молодые хотели заявить о себе: вот мы такие.

И второе: газета, очевидно, намеревалась завести на своих страницах диспут, привлечь к себе внимание общественности. Но не сумела. Сорвалась идея.

– Не кажется ли тебе, что тут пахнет подстрекательством? Зацепим, подковырнем, подколем, а там глянем, куда нас гонимый выведет...

– Если была поставлена такая цель, то я вижу в этом скорее положительный смысл, чем отрицательный. Можно было бы начать хороший, полезный диспут, но не хватило, очевидно, организаторской работы. Или ее вообще и не было.

Помню, года два назад в «Дагестанской правде» была опубликована статья о положении писателя в современном обществе. Она вызвала интерес, на страницах газеты появился ряд ярких, глубоких по содержанию откликов, вызвавших общественный резонанс. Здесь четко прослеживалась умелая организаторская работа.

Зачинать идею и оставлять ее на авось ни в коем случае нельзя.

– И все-таки есть ли в Дагестане писатели и литература в высоком понимании этого слова?

– Если брать, то есть оперировать категориями классики мировой литературы, трудно однозначно ответить. Ведь и Пушкин занимал одиннадцатое-двенадцатое места по популярности среди писателей Российской империи. После Булгарина и Кукольника, которых мы, к сожалению, плохо знаем.

Хочу особо отметить, что и во времена Шекспира, и во времена Толстого, и во времена Шолохова были настоящие писатели и окололитературные писатели. Вот если исходить из таких позиций, в Дагестане и до революции были и писатели, и литература – Расул Гамзатов считает, что Батырай – один из выдающихся поэтов, и его по достоинству могут оценить через сто-двести лет.

В Дагестане и после революции были и писатели, и настоящая литература. Если в памяти народа, в истории народа остается хоть одно произведение писателя, это уже литература. Ну как можно безапелляционно заявлять, что у даргинцев нет литературы, если есть Рашид Рашидов, у аварцев Расул Гамзатов, у кумыков – Магомед Атабаев и так далее. Я называю только одно имя представителя народа, а можно и три-четыре, и в переводе их произведения прозвучат не хуже, чем другие литературы.

– Мы очень уж рьяно стали перечеркивать совсем недавнюю нашу историю. Хочу узнать твое мнение: чем был характерен минувший, советский период для развития дагестанской литературы?

– Я думаю, нет, я убежден, что литература не всегда зависит от экономического развития, от общественно-политической формации, строя... Литература – это особая область, на ее проявление внешние события не всегда оказывают положительную роль. Можно жить в самой отсталой и бедной африканской или латиноамериканской стране и иметь отличную литературу. И такое наблюдается. Возьми, к примеру, Габриэля, Гарсиа Маркеса.

И все-таки развитие страны имеет огромное значение для развития культуры и искусства. При Советской власти дагестанская литература добилась колоссального роста. Того расцвета, движения, скачка она вряд ли имела при другой власти. Имена Расула Гамзатова, Ахмедхана Абу-Бакара, Фазу Алиевой, Эффенди Капиева, многих других прозвучали благодаря Советской власти. Потому меня всегда возмущает, когда негативно отзываются о ней.

Вот задумайся: десять лет прошло, как ее нет, ее уничтожили. И ни одного яркого, глубокого произведения не появилось. И все же я твердо стою на своей позиции: не всегда экономическое процветание является мерилем роста писателя. Литература – это дар Божий.

И повторю еще раз: советский период сыграл величайшую роль в развитии нашей многонациональной литературы. Это и слепой не может не видеть.

– Я считаю явлениями в дагестанской литературе такие произведения, как «Сулак-свидетель» Магомеда Хуршилова, «Мой Дагестан» Расула Гамзатова, «Снежные люди» Ахмедхана Абу-Бакара. Интересные книги выходили и на языках народов Дагестана. А несколько лет назад свет увидел книгу-эссе «Ясновидящий дурак» Магомед-Расула. Необычный жанр, необычный подход к жизни, необычное письмо, то есть изложение состояния ду-

ши... Это исповедь человека в храме, выстроенном из прожитых лет, исповедь громко пульсирующего сердца в протянутой ладо-
ни... И почему-то ее никто не заметил.

– О себе говорить неудобно...

Творчество Эффенди Капиева – я часто обращаюсь к нему, ибо он для меня эталон – так вот творчество Эффенди тоже было новым шагом, новым воспроизведением жизни: это обычная, земная проза, чего не было ни в России, ни в мире. Но это и явление.

И «Мой Дагестан» Расула стал явлением. Посмотри, как тепло, мягко, красиво и прочно сочетаются в произведении и художественность, и очерковость, и публицистичность, и полет фантазии. Это явление так же незаурядно, как «Поэт» Эффенди Капиева.

А «Снежные люди», «Даргинские девушки», «Горянка»?

Извини меня, я не могу сравнить «Ясновидящего дурака» ни с «Поэтом», ни с «Моим Дагестаном». Расул Гамзатов об этой моей книге выразился так: – У тебя три читателя: один – который сегодня прочитал и скажет что-нибудь; другой – который будет ругать; третий появится через пятьдесят лет.

Для меня эта книга нова: я впервые, не выдумывая ни строки, писал о том, что случилось с моей семьей. Правда, мне говорили: зачем ты себя так терзаешь, так бьешь, но я затыкал уши. Сегодня мне приятно, когда слышу уже другие слова: как ты просто пишешь о матери, об отце, о себе, о жизни... И мне тепло от этого. До сих пор мне душу согревает мой «Ясновидящий дурак». Конечно, если книга вышла бы лет пятнадцать назад, была бы совсем иная реакция, но и сегодня она заслужила внимание.

– Сегодня для дагестанской литературы наступил «мертвый сезон». Я не вижу новых интересных произведений, яркого явления среди писателей. Если ты не согласен со мной, будь добр, опровергай.

– За десять последних лет я тоже не вижу ничего существенного. Но молодые силы есть. Это Касумбек Миграбов, Арбен Кардаш. Среди даргинок в поэзии сильна Хамис Шамилова, у нее действительно талант от Бога, в прозе – Джамиля. Чем они интересны? Они умеют философски осмыслить современный мир, чего не можем мы. Но... всплеска заметного, к сожалению, не наблюдается.

– Чем завершился минувший литературный год? Мы можем подвести какой-то итог?

– Во времена Белинского ежегодно подводились итоги литературной работы. Развивалась эта традиция и в советское время. Сего-

дня – нет. Правда, придумали разные премии, к примеру, Букера, которую присуждают больше за литературные выкрутасы, чем за изображение реалий.

А вообще, скажу тебе, может десять лет ничего не появляться, а на одиннадцатый год мы можем стать свидетелями заметного явления.

– Магомед-Расул, если в головах молодых людей бродит мысль о ненужности литературы, это опасный симптом. В один прекрасный день мы можем стать свидетелями, что самый читающий народ стал самым нечитающим.

– Это наша вина. Если будет раскрыта душа у человека, подняты его проблемы, он будет читать. Просто мы не смогли еще задеть его за живое. Нам нужно, необходимо научиться жить его жизнью, сопереживать с ним.

– Сегодня компьютер наступает на пятки уже и писателю. Для пишущего, творческого человека он бич или благо?

– Я глубоко убежден, что бич. Компьютер – механическая работа, я плохо представляю писателя за этой машиной. Он торопит и холодит душу, а писатель должен работать медленно, раздумчиво, выискивая и взвешивая слово, как доброе зерно.

Человек, сидящий за компьютером, лишает свое произведение душевного тепла. Оно уходит не в произведение, не в человека, а в машину.

– Многие творческие работники суеверны и не любят делиться личными планами. Но я все-таки задам тебе этот вопрос: над чем ты сегодня работаешь?

– Над новой повестью «Нечистая сила» (задорно смеется). Скоро она выйдет в свет. Меня сегодня волнуют процессы, происходящие не в обществе, а в душе человека. Если мы обречем душевную гармонию с природой, а человек – продукт мироздания, космоса, то мы всего добьемся.

ПОРТРЕТЫ

АХМЕД
ЗАХАРОВ

МУЗАКУР
МУХАМЕДОВ

УМАРОВ
ТАДЖУЕВ

СҶИЁННА
ҲАМНАИАС

АМУҲНА
РАБАДАҲОБ

АНУ
АМУРҲАҲОБ

АБДУЛ-ҶАМУД
АИАС

НАТОМЕД
ЗАҲДОБ

ТАДЖИ
НАТОМЕДОБ

АБДУЛБАҲОБ
ҚАРАМҲАС

«Я ВСЕ-ТАКИ ВЕРНУЛСЯ К ЛЮБИМОМУ ДЕЛУ...»

Старшее поколение помнит те благословенные дни, когда приезд в Махачкалу известных певцов, музыкальных коллективов превращался в общенародный праздник. У билетных касс выстраивалась очередь, на концерты публика приходила в вечерних туалетах, в зале сидели руководители республики и города, министры. Несколько дней длилось праздничное действо. Восхищение им не сходило с уст людей, а рецензии – с газетных полос.

Перестройка, а затем и последующие реформы поставили все с ног на голову. Концертные залы осиротели. Культура захирела. Но... как бы жизнь ни захлестывало зло, добро все-таки отстаивает свое право, данное самой природой.

В последнее время вновь зачистили известные певцы, звезды эстрады. И вновь залы заполнены до отказа. И вновь на сцену выходят с цветами благодарные зрители...

Среди них особенно часто можно увидеть крупного мужчину, припадающего на одну ногу. Любе Успенской он галантно преподнес огромный букет прекрасных роз. А Иосифу Кобзону... Это надо было видеть... Он быстро взбежал на сцену с мешком, вытащил из него белую бурку и накинул на плечи певца, а затем вручил и саблю: главные атрибуты горца.

Кто он, этот мужчина, так безумно любящий искусство? Молодому поколению он не очень знаком, а старшему хорошо известен. Впрочем, в последние годы его знают как отца дагестанского «Самсунга».

Итак, мой собеседник – президент акционерного общества «Даг-связьинформ», человек удивительной судьбы и неординарных взглядов Ахмед Курбанович ЗАХАРОВ.

– Ахмед Курбанович, я знаю Вас много лет и не понаслышке. Знаю, что Вас считали и продолжают считать независимым и смелым человеком.

– О моей смелости и независимости могут судить люди. Как я могу сам о себе судить? Вправе ли я это делать? И потом... все наши действия зависят от воли Аллаха. Но вот точно и утвердительно могу сказать следующее – я свободен в своих мыслях и действиях, а это многое значит. Конечно, должность кое к чему обязывает, да и все мы зависим друг от друга. Ведь как ни крути, ты зависишь от климата семьи, от друзей, считаешься с их мнением, их взглядами, оценками...

Но в решении деловых, профессиональных вопросов лучшим мерилom являются совесть и компетентность. Мне моя совесть позволяет быть свободным в своих мыслях, а компетентность – в профессиональных вопросах и действиях.

Поделюсь с вами сокровенным – отец мне часто говорил: «Мы людям обязаны». И я всю жизнь стараюсь людям делать добро. Но... иногда попадаю впросак. Так, некоторые, скажу откровенно, недостойные, нечестные считают, что я им обязан делать добро. Я советуюсь с совестью и... не иду на это.

– Откуда у Вас эта смелость духа?

– В молодости занимался боксом, да и другими видами спорта. А кто занимался спортом, тот силен духом.

– Помнится, в советскую эпоху Вы не всегда выполняли волю обкома, вернее, отдельных его руководителей.

– В партийных и советских органах единственным авторитетом для меня был Магомед-Салам Умаханов, человек военный, прошедший всю войну до Берлина. Были, конечно, и другие. Но... были и такие, которых вообще нельзя было брать в аппарат. Я часто вызывал их огонь на себя. Как человек самостоятельный и равнодушный.

Отец говорил мне: «Если человек упал, его надо поднять. Нуждается – помощи. Нельзя быть равнодушным. Равнодушие – подлость».

Понимаете, есть политики от Бога. Но есть такие, которые сделали себя политиками. Часто в политику идут люди, не обладающие высокими знаниями и интеллектом, лишенные профессионализма.

Я не пошел в политику. Я учился на связиста и стал профессионалом. И считаю, что мои профессиональные знания делают меня выше некоторых нерадивых политиков.

С первого дня работы в Дагестане секретаря Дагобкома Воробьева у него не сложились отношения со мной. Он увидел у меня на столе новейший пульт управления, единственный в Дагестане, изготовленный в Ленинграде. Ну, и захотел его занять. Он недолго проработал в Дагестане. Его сменил Коробейников, которому меня охарактеризовали как персону нон грата. И пошло-поехало.

Как-то в мое отсутствие (я находился в служебной командировке) целому ряду торговых работников установили телефоны, предназначенные для ветеранов и инвалидов. По приезде я велел снять с их квартир телефоны. Меня вызывает Коробейников коротким словом: «Зайдите». Захожу к нему со списком ветеранов и инвалидов (я ведь сразу понял, в чем дело), протягиваю ему и говорю: «Вычеркивайте, кого считаете нужным». Возникли натянутые отношения, неприязнь

ко мне. Затем в центральной печати появилась порочащая меня статья. И началась длинная долгая борьба с Коробейниковым и председателем КГБ Архиповым.

Пришлось восемь лет бороться за то, чтобы восторжествовала справедливость. Три ответственные комиссии из Центра приезжали на проверку. И никакой зацепки. Это в истории редкий случай, когда восстанавливают на прежнюю должность. Оправдали, но ведь какой был долгий путь через Прокуратуру РСФСР, СССР. Казалось бы – победа, но в обкоме и в Правительстве не нашлось ни одного высокопоставленного чиновника, который бы обрадовался торжеству справедливости, кроме единственного мужественного человека, занимавшего в 1990 году пост Председателя Президиума Верховного Совета РД – М. Магомедова. Он и сегодня является для меня мерилom порядочности.

А ведь преследовали, даже не объясняя, за что... Просто вызвали, заставили написать заявление с просьбой освободить от занимаемой должности. Я благодарен Аллаху, что тогда рядом оказался Магомед-али Магомедов. Вы знаете, как тяжело, когда нет рядом ни отца, ни братьев, ни спины...

– И Вы не боялись гнева высокопоставленных коммунистов?

– Если бы боялся, восемь лет не боролся бы за свою честь, за правду. Боролись вместе со мной моя семья, мои друзья. Из-за этого сняли с должностей специалистов высокого класса – Мадиева, Рабаданова, Дадашеву... Когда я возвратился, я всех восстановил на прежнюю работу. Из-за меня не должен был страдать никто.

Дорогие годы были потрачены на борьбу, когда можно было сполна использовать их на улучшение и развитие связи.

– Помню, еще в те годы, когда свирепствовал жесткий контроль, связь имела несколько машин, а в порту стоял ваш катер.

– Несколько машин я лично никогда не имел. Управление связи имело свой парк. Когда я пришел в связь, потребовал, чтобы в год нам выделяли хотя бы по 2 машины. Мои доводы были таковы: Дагестан значительно больше по территории, чем Калмыкия и Кабардино-Балкария, и это надо учесть. Министр связи Союза Талызин меня поддерживал, и вскоре наш парк увеличился в 3–4 раза.

А катер... он был выделен нам для доставки почты. Адмиралский катер. У меня была задумка: приобрести теплоход для прогулок и два вертолета (доставлять почту и ревизоров в горы). К сожалению, не успел.

Считаю, что если производство требует, нужно иметь столько транспортных единиц, сколько надо.

– Можно ли считать, что именно Ваша независимая и смелая натура позволила Вам выйти на «Самсунг»?

– Когда я пришел в связь в 1973 г., из 8000 телефонов не работало 1800. А у меня была мечта: сделать ее передовой. Я думал об этом, жил этим.

Однажды в Москве на выставке увидел технику фирмы «Самсунг». В то время по технологии она занимала одиннадцатое место в мире, сегодня – уже седьмое. Сорок семь процентов валюты, которую получает Южная Корея, зарабатывает «Самсунг». Фирма эта необъятная, ее продукция – от космических аппаратов до одежды.

Почему я остановился на «Самсунге»?

В 1995 году фирма продала нам технологию 1992–1993 годов, а другие фирмы реализуют России старую технологию – 1984–1985 годов.

И оборудование досталось нам в три раза дешевле. Как? «Самсунг» не имел сертификата России. Я посоветовал: сбейте цену. Прислушались, сбили. И они получили сертификат. Сегодня десятая часть России покрывается сетью «Самсунга».

– Ахмед Курбанович, Вы сами были в Корее? Если да, Вас не поразили обычаи, быт, культура народа?

– Ну как это не поразили... Я был в Южной Корее четырежды, и, конечно, многое увиденное казалось диковинным. Прежде всего, корейцы – это высокообразованные, добропорядочные, уважительные люди. Они абсолютно свободны, не чувствуют никаких ограничений. В любое время дня и ночи могут ходить по улицам. Умеют работать и отдыхать. Выходной день у них один, да и тот по желанию. Ведь они поставили перед собой цель до 2000 года догнать Японию и США по многим отраслям.

Люди очень вежливы, обходительны, берегут друг друга. Улицы зеркально чистые, вдоль трасс – теплицы. Телефонные будки просто блестят, в них можно посидеть на стульчике, можно сделать запись, к услугам писчая бумага.

Еще раз повторяю: это удивительно уважительный и мудрый народ. Они не выясняют, кто старший, не тычут пальцем: уступают место потому, что так надо. Надо – и все: это веление души и совести.

А как они гостеприимны... Гостеприимства и у нас не отнять. Мы можем резать корову, барана, но с шумом, с бравадой, а они все делают мягко, спокойно, вежливо, культурно.

– Вы можете сравнить менталитет южнокорейца и дагестанца?

– По душевности дагестанцы не уступят. У нас хороший, добрый, сердечный народ. Но по менталитету корейцы выше. Нам есть, что перенять у них, чему учиться, чему подражать.

Помимо квартир, домов корейцы имеют и комнату при общежитии на заводе: если задерживаются на работе, остаются ночевать. Отпуск составляет семь дней в году, да и те не используются: так здесь заражены энтузиазмом догнать Японию. Они не занимаются политическими, светскими, другого рода сплетнями.

Корейцу не надо повторять несколько раз: сказал раз – запоминает навсегда. Он никогда не обратит внимания, какая машина вас обслуживает, но у него сильно развито чинопочитание. Он может спорить, оспаривать свое мнение, но если говорит начальник, то слово последнего – закон: ему виднее.

Более двухсот корейцев побывало у меня, и только одного я отправил обратно. Все они компетентны в своей профессии, «болеют» за свое дело. Я доволен ими. По сей день многие обслуживают линию «Самсунг». Разве я могу таких людей не уважать? Более того, я дорожу ими, и они дорожат моим мнением.

– Благодаря Вам в дома дагестанцев вошел прогресс. Но вот психология работников связи оставляет желать лучшего. Они часто хамят, почему-то озлоблены. Однажды я имел удовольствие с этим столкнуться. Операторы отделения связи, что на Калинина, 22, мне заявили, что я задолжал за разговор с Америкой 150 тысяч рублей. Я пытался объяснить, что у меня в Америке нет ни знакомых, ни интереса, а с моего номера, подключившись, звонил некто. Но куда там... В ответ – грубости, оскорбления.

– Я согласен с вами. Есть и грубость, и хамство. Есть и случаи подключения... В ближайшее время добьюсь, чтобы всего этого не было. Сегодня нам есть из кого выбирать, то есть держать на работе ответственных, уважительных, честных людей. Они будут дорожить своим местом и службой. Перспективы у нас хорошие: открываются новые отделение связи, новые АТС.

– Как работники «Самсунга» (корейцы) относятся к нам?

– Прекрасно. Наш ансамбль «Лезгинка» совершил турне по Южной Корее с триумфом. Наших артистов носили чуть ли не на руках, рецензии в газетах – восторженные.

– Вы развернули большие дела. У Вас, очевидно, много друзей, коллег в Москве, Петербурге, без помощи которых Вам было бы трудно? И, несомненно, Вы прошли хорошую школу у них?

– Друзей очень много. Я, можно сказать, вырос в среде связистов СССР. В моем становлении активно участвовал маршал войск связи СССР Пересыпкин, министр связи СССР Псурцев, духовным отцом был генерал-лейтенант Муравьев. Это выдающийся человек, обладающий железной волей и хваткой. Он любил говорить: «У меня два сына, первый Захаров». Он меня «гонял» и в Среднюю Азию, и в Сибирь, надо было – и требовал с меня.

Работа в связи доставляет мне наивысшую радость. Помню, сижу в огромном кабинете Псурцева. За столом все министры союзных республик. Вдруг зазвонил телефон. Я и несколько товарищей автоматически потянулись к трубке. Псурцев посмотрел на всех и произнес: «Вы, Ахмед Курбанович, и вы, и вы – связисты. Остальные – нет. Связь для нас – как воздух. К ней нельзя быть равнодушным».

Восемь лет я страдал, отстраненный, оторванный от любимого дела. Два человека отняли у меня восемь лет...

– Думаю, по долгу службы Вы немало поездили по миру?

– Где только я ни побывал. И в странах Америки, и в странах Европы. Есть над чем задуматься. Видишь, как там живут люди, и зависть берет. Белая зависть.

США, Южная Корея, Испания, Италия, Франция, Германия, ну и так далее, надо что-то полезное, нужное перенимать, чему-то учиться, ну хотя бы подражать. А мы какие-то проклятые, что ли... Все думаем о еде. И все пускаем за еду – и нефть, и газ, и алмазы... А нам взамен дают третьесортную продукцию, не пользующуюся у них спросом. Мы стали огромным рынком сбыта, весь суррогат идет к нам.

Нас разлагает психология потребителя. Почему? Потому что мой родитель мне что-то недодал (для умственного, нравственного развития), вам недодал, вы недодали... и молодежь выросла неполноценная. Строить, созидать? Подумает. Поломать? Пожалуйста, в два счета. Украсть? Готовы. А в тех странах, которые прозвали некогда загнивающими, все берегут, сохраняют, приумножают. Там – все рачительные хозяева.

Самая страшная наша болезнь – в нашей психологии. А ведь равного нашему человеку, его душе не было и нет нигде. Особенно равного нашим женщинам.

И второе, почему там порядок: у них действует закон. Они знают силу неотвратимости наказания, им знакомо чувство страха.

– Ахмед Курбанович, мой товарищ долгое время работал с Вами и очень тепло отзывался о Вас. От него я узнал, что Вы компанейский человек, любите участвовать в вечерах, ходить на концерты, одним словом, – душа коллектива.

– (Смеется). Это за мной водится... В детстве был заводилой у ребят, в школе, институте – старостой, комсоргом, долгие годы председателем студсовета, создавал самодеятельность. Не ради бахвальства, нет: это сближает людей, и я это любил делать.

Сейчас открыли свою столовую, хорошую. Открыли реабилитационно-спортивно-восстановительный центр для связистов, открываем свою поликлинику.

– А каким видом искусства Вы сами увлекаетесь или какому отдаете предпочтение?

Сам – ни-ни... Не играю, не пою. Как говорится, Бог не дал. А вот спортсменом был заядлым. Занимался боксом, культуризмом, автогонками, на малой Невке гонял на байдарке.

– Ваше любимое увлечение?

Авто. Люблю сидеть за рулем, запоминаю все ямы, ухабины, рытвины, повороты. Лучше меня ездил только Мухадада Саидов. Но жестче него ездю я. Представьте: за семнадцать минут преодолеваю расстояние от Махачкалы до Буйнакска. Четыре раза из Ленинграда ехал в Махачкалу один. Да, а еще ездю без рук, по звуку двигателя могу определить, где какие помехи.

И еще люблю аудио- и видеотехнику.

– О Вас говорят как о завсегдатае концертов. Вы почти не пропускаете их. Слушали и Любу Успенскую, и Иосифа Кобзона... Чем они пленяют Вас?

– Что касается концертов... ну как можно на них не ходить, их не любить? Посещаем всей семьей. И коллектив увлекаю за собой.

С Любой Успенской я знаком давно, несколько раз летел с ней из Лос-Анджелеса в Москву. Замечательная певица и прекрасный человек. А с Иосифом мы как братья. Знаем друг друга тридцать пять лет, с тех далеких лет, когда я еще жил в Ленинграде. Как много доброго он сделал для Дагестана, а мы ему не отплатили ничем.

– Вас часто можно видеть на представлениях КВН, где соревнуются в остроумии «Махачкалинские бродяги». Что Вас влечет к ним: желание быть на виду или энергия молодых?

– Ну, конечно же, энергия наших детей, их задор, их жизнерадостность. И к тому же, замечьте, они прославляют нас, дагестанцев, на

всю Россию, на весь СНГ. Как можно не ходить на их представления, это просто невозможно.

И спонсирую я их не ради бахвальства. Ведь не от хорошей жизни им требуется финансовая помощь. Надо помочь – и помогаю, хотя сами четыре месяца не получаем зарплату. Да и ... что скрывать, общаясь с молодыми, становишься сам молодым.

– Ахмед Курбанович, Вы гурман? Или в еде не привередливы?

– Глядя на меня не скажешь, что я не гурман. Жена готовит очень вкусно, и я вынужден есть. Но... ем не один, всегда делюсь.

Конечно, люблю вкусное, как любят красивое, но не капризен, не привередлив.

– А сами умеете готовить?

– Лучше меня мясо никто не умеет приготовить: оно у меня получается с корочкой сверху, снизу и внутри. И лучше всех домашних жарю картошку с луком. Это у меня со времен общаги.

– Наши деды и отцы предпочитали пить вина. Сегодня вкусы иные. Что Вы любите из спиртных напитков?

– Я предпочитаю «Цинандали», «Гурджаани», «Киндзма-раули», «Тетра»... грузинские вина. Баловал меня несколько раз полусухими, полусладкими винами Нариман Алиев. Такие вина я люблю.

– А как Вы относитесь к кондитерским изделиям?

– Ну, это епархия моей супруги. Печет она изумительно, но я ем только один кусочек.

В основном люблю острое – перец, соленья, как и корейцы.

– Вы любвеобильный человек? Или проще – Вы любите женщин?

– Ваша мать и моя мать – женщины. Не любить их нельзя. Они нас родили, воспитали, поставили на ноги, вывели в жизнь. Никто так, как женщина, не умеет поднять мужчину на высоту, и никто так, как женщина, не может сбросить его вниз.

Я понял ваш вопрос, он лукав. Бабник тот, кто ведет себя так, как будто никогда не видел женщин. Таких восемьдесят пять процентов. Мне просто стыдно перед женщинами за то, что мы не сумели создать для них нормальных условий. А что касается ее души, ее качеств, женщина – это хороший, надежный тыл. А мужчина (не смейтесь) – петушок в начале и мокрая курица в итоге.

– Вся Ваша семья работает в связи, Вам скучно не бывает дома? Ведь разговоры, наверное, опять о ней, о связи.

– Слава Аллаху, что моя жена не сегодняшняя связистка.

Она, понимаете, профессионал. Еще в Ленинграде была связисткой. Да и сын еще в школе увлекался связью. И, поверьте мне, так бывает приятно, когда приходишь домой и слушаешь, как сын – без недела инженер – разбирается в схемах как профессионал.

Часто играем в шахматы, в карты. Нет, не скучно нам вместе. И я благодарен Аллаху, что у меня есть родные, с которыми приятно проводить время.

– Кем бы Вы хотели видеть своих внуков?

– Я бы вообще хотел их видеть (пока их нет). А кем – покажет время, дай мне Аллах дожить до того времени. Кем бы они ни были, главное – чтобы выросли настоящими людьми.

– Ахмед Курбанович, каковы Ваши дальнейшие планы? Чем Вы еще хотите «опутать» Дагестан?

– Я мечтаю увидеть Дагестан цветущей туристической республикой, но, видимо, моя мечта не скоро сбудется. А туризм невозможен без коммуникаций.

Я мечтаю, чтобы у нас были самые дешевые пейджеры, сотовая связь. А связь – прибыльная отрасль, она всегда окупается.

Сегодня, когда масса предприятий не работает, уже протягивают щупальцы к связи. Почему, спросите? Чувствуют запах прибыли. Но такой отраслью должны руководить компетентные люди, профессионалы. У нас наладится дело, я уверен, но при условии, если приоритетными будут компетентность, профессионализм, а не национальная принадлежность.

– Все как будто хорошо сложилось в жизни и сегодня уже нет никаких проблем?

– Не скажите... Сейчас предпринят неимоверный нажим со стороны правительства: платите за «Самсунг». А платить надо 700 тыс. долларов. Я бы просил нашего нового премьера серьезно, по-новому к нам отнестись. Без коммуникационных систем мы не сможем развить инфраструктуру. Не хочу, чтобы связь постигла та же участь, что и наши заводы и фабрики. Пусть посоветуется с профессионалами, специалистами, выслушает их мнение. Это моя просьба к нему.

– Но Вы забыли упомянуть о своей голубой мечте – 22-этажном Доме связи. Вы так долго вынашивали идею его строительства...

– Да, вынашивал... И защитил. И меня поддержали в Москве. Но два человека мне помешали... Я реальный мечтатель, и о высоте сейчас не думаю. Сейчас телесвязь достигла такого уровня, что может в

сотни, тысячи раз ужать площади. В центре мы поместили в одном кабинете пятнадцать тысяч номеров...

Но вот если бы в то время мы его построили, то сейчас людей радовали бы фонтаны, цветники, цветомузыка.

Один человек мне даже сказал: «Если ты это сделаешь, я должен буду установить мраморную доску с фамилиями авторов – победителей проекта». Тогдашний министр связи Талызин был за – я его уговорил. Нам выделили 67 млн. рублей (это десятая часть бюджета республики). На составление проекта выделили 349 тыс. рублей. Еще в ту пору я мечтал, чтобы в каждом селе, в каждом уголке Дагестана была устойчивая связь, без чего немыслима жизнь современного человека. А знаете, я этого все равно добьюсь.

... Я все-таки вернулся к любимому делу.

«ЕСТЬ ПРИЧИНЫ СЧИТАТЬ СЕБЯ СЧАСТЛИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ...»

Неисповедимы пути Господни.

Больше половины жизни он отдал постижению знаний и наук, волею судьбы и невероятным упорством оказавшись в самом горниле ученого мира. А когда из полуголодной страны за кордон стали уезжать видные умы, страдая от тяжкого чувства невостребованности, ненужности, бедности, а в столицу из окраин устремились «охотники за удачей», он решился на неординарный шаг: вернуться на окраину, на родину, послужить ей своими знаниями.

Увы... На своей земле, на земле предков он встретил такое глухое непонимание, испытал столько унижений, несправедливости, столкнулся с такими формами лжи, лицемерия, обмана, что хотелось быть волком.

Он остался один-одинешенек. Начатое дело ускользнуло, нет, не то слово, было вырвано, вытянуто из рук, за плечами – внушительный кредит в валюте, и ни своей крыши над головой, ни помощи... И в душе ежечасно, ежеминутно вырисовывались, вспыхивали сцены, картины той, прежней жизни, проведенной в городке Академии наук СССР. Какие муки он испытывал...

И все-таки он нашел в себе силы не пасть духом, выстоять. Очевидно, как он сам говорит и уверен в том, – ему помогают Высшие силы. Более того, ему поверили люди. Точнее будет сказать, в него поверили: может быть, от него исходила колоссальная энергия добра и созидания?

А он гордился тем, что люди поверили в себя, в свои возможности, свои силы и живут уже не одним днем, сегодняшним, а перспективой. И завод свой считают снова родным домом, более того – кормильцем.

Он сидит передо мной, крупный, уверенный в себе, в свои знания мужественный человек, но в его глазах я вижу следы еще столь недавних, вчерашних событий – боли и отчаяния. Я беседую с академиком Академии технологических наук РФ, доктором физико-математических наук, директором АО «Дагтелеком» Музакиром Шихсаидовичем ШИХСАИДОВЫМ.

– Мы жили на одной лестничной площадке, не бывало дня, чтобы наши родители не заходили друг к другу, но, насколько я помню, ни отец твой – известный государственный деятель, ни

мать и не помышляли, что ты станешь ученым, а ученым-физиком тем более.

– Но я с детства мечтал поехать на учебу в Москву. Мечта эта еще глубже засела в сердце, когда в Высшее техническое училище имени Баумана поступили двое моих друзей, окончивших школу раньше меня. Я ездил к ним на каникулы, и мне там понравилось. Когда я окончил школу и заикнулся об отъезде, отец спокойно сказал: «Ты что же, хочешь повторить путь своих близких друзей?» (а их к тому времени из института, как говорится, вытурили). Ну и ... я поступил на физический факультет Даггосуниверситета, в двадцать лет женился, а после четвертого курса, благодаря Хандуле Ашиковичу Магомедову и Нине Арсентьевне Виленской, был направлен в Москву писать дипломную работу. Так я оказался в Институте физики твердого тела Академии наук СССР.

– И сколько ты проработал в этом храме науки?

– Более двадцати лет. Прошел путь от лаборанта до доктора физико-математических наук.

– Казалось бы, всего достиг: и ученая степень, и квартира, и почет, и известность в научном мире. Что же тебя потянуло на Родину? Может, получил заманчивое предложение, обещали золотые горы?

– *(Задумывается)*. В этом деле свою роль сыграли два момента. В институте я близко познакомился с доктором наук, профессором, крупным видным японским ученым Суминой – он был гостем Академии наук, и мне поручили его опекать. А в 1989 году он пригласил меня на конференцию в Японию за свой счет. Здесь он мне и предложил заключить контракт на пять лет: я должен был жить в Японии с женой.

Представляете мое состояние? Я уже видел себя едущим в шикарном «Нисане»... Но меня очень быстро «привел в чувство», приземлил друг нашей семьи Нариман Абдулхаликович Алиев. На кого ты оставишь детей, спросил он удивленно, они у тебя еще не определены в жизни, им нужны родительская забота, внимание, присмотр. Это был один из двух моментов

Второй – как мы когда-то называли, патриотический. После защиты докторской диссертации хотелось что-то хорошее, доброе, значимое сделать для Дагестана. Я жил под Москвой в Академгородке, в Черноголовке, где и располагался наш институт, и ломал голову над тем, как новую методологию – самораспространяющийся высокотемпературный синтез – распространить в республике. Узнав, что в Мо-

скву приехал Председатель Совмина А.М. Мирзабеков, я встретился с ним и привез в институт. Он был большой практик и, ознакомившись с нашей методологией и поняв, насколько она интересна и перспективна, поддержал мою идею: «Закир, давай распространим ее у нас». Он загорелся желанием открыть филиал академического института в Махачкале.

Итак, в 1990 году приняты соответствующие постановления Академией наук СССР за подписью президента АН Марчука и Совета Министров Дагестана. Я взял в кредит в следующем году большую сумму в валюте, вложил все свои накопленные средства – надо было достраивать выделенное нам помещение... И по сей день никак не пойму, почему наш институт не состоялся. Помещение у меня отобрали.

Ситуация была страшная. Страшная своей загадочностью и безысходностью. Я и сегодня вспоминаю об этом с ужасом. В одночасье я остался на улице – без работы, без квартиры, без денег. Думаете, кто-то помог мне? Нет, да и я не обращался ни к кому за помощью.

А тут ко всему еще и сын задал задачку – физик по образованию, он решил поступить в Московский международный институт на экономический факультет. А за учебу надо было платить в год шесть тысяч долларов. Вот тогда-то я решил: надо перестать отчаиваться и оплакивать потерянное, а заняться собой, рассчитывать на свои силы. Я верил, что и Всевышний мне поможет: он всегда помогал. Вскоре я вернул кредит – и словно огромная тяжесть упала с плеч.

– Неужели, тебе не помогли родные в этой страшной ситуации?

– Я думаю, помогли бы. Но я ни у кого никогда ничего не просил. Всего добивался сам. И поездки за границу добился сам. В 1983 году в течение полугода я читал лекции в университете имени Маркони в Риме и в университете «Маспек» в Парме.

И хочу вам сказать: до этих странных событий вокруг несостоявшегося филиала института мне всегда везло на людей. На хороших, чистых, искренних, честных людей. Помню, как только вернулся из Италии, звонит мне Юрий Андреевич Осипьян, директор нашего института, вице-президент Академии наук, и говорит: «Вместе пойдем на работу». А по дороге твердо советует: «Пиши докторскую». Буквально через четыре дня я приступил к работе, но... столкнулся с недоработками. И добрых пять лет дорабатывал, обогащал, хотя все торопили. Я ни к кому не обращался за помощью. До всего докапывался, все делал сам.

Потому никому и ничем не обязан.

– Тебе не тяжело было, живя в Москве, содержать семью? Вас было, по-моему, четверо?

– Конечно, было сложно. Я уже говорил, что женился в двадцать лет. В двадцать три года у меня родился уже второй ребенок. Мы с женой сменяли поочередно друг друга. Я вожусь с детьми, кормлю, укладываю спать, к тому времени приходит жена – она работала терапевтом в больнице Академии наук, передаю ей эстафету и бегу на работу. Молодые были, тягот не чувствовали. Мне так нравилась моя работа, что я вокруг ничего не замечал. Для меня публикации моих статей, доклады на конференциях были дороже всего на свете. Сейчас совершенно другие ценности. Отец воспитывал нас строго. Два раза всего он сказал мне коротко: «Молодец». Помню, первый раз это было во время моей защиты кандидатской диссертации. Стоит, курит, делает глубокие затяжки и говорит:

«Я обещал тебе бросить курить, я бросаю. Ты молодец, ты оправдал мои надежды». Он смял пачку «Золотого руна» и бросил в урну. Кандидатом наук я стал в двадцать шесть лет и был самым молодым ученым в институте.

– Но откуда у тебя такая тяга к науке? Насколько я знаю, в вашем роду не было ученых.

– Меня ориентировал отец. Он часто говорил: «Только в науке человек может проявить свои возможности, свой потенциал». Более того, будучи в Москве, он приезжал в Академгородок и мечтательно говорил: «Ты самый счастливый человек на свете, если бы у меня была такая возможность, я бы бросил все и занялся наукой».

– Менталитет москвичей совершенно иной, чем у дагестанцев. Это, как говорится в народе, и козе ясно. Но как ты приспособился к ним?

– Мне там приспособиться было значительно легче, чем двадцать два года спустя вернуться сюда и адаптироваться к нашим условиям.

– Мировоззрение, быт, уклад жизни резко отличаются?

– Посудите сами. В нашей республике вы – интеллигентный, грамотный человек, крупный ученый. Но если у вас нет «Мерседеса», особняка, к вам, мягко сказать, безразличное отношение. Здесь руководствуются совершенно другими ценностями. Вы часто слышите, как дагестанцы кичатся: мы самые-самые... Но почему тогда во все времена и даже сейчас в бедной России мы самые бедные? У нас сегодня творится беспредел. Найти объяснение всему, что происходит, не могу. Действия отдельных не поддаются никакой логике. Надо мной,

моими идеями два-три года здесь смеялись, за это время многие умные головы отсюда уехали. А я здесь. Честно признаюсь вам, если бы я в ту пору не приехал, сейчас уж никакими уговорами и обещаниями не заманили бы. Мне сегодня плохо, тягостно, больно. Над собой, как ученый, практически не работаю и чувствую, что тупею день ото дня.

– У тебя, должно быть, в Москве осталось немало друзей, добрых соседей?

– Конечно. У меня было очень много друзей. И сейчас они есть. Но многие из них за рубежом: уехали на постоянное местожительство в США, Германию, Англию, Японию... Но остались директор завода научного приборостроения Володя Бородин, замдиректора академического института Николай Классен, замдиректора Института физики твердого тела Виталий Кведер...

– Москва – город театров, музеев, концертных залов, стадионов... Часто с женой посещали их?

Периодически. И театры, и концерты. А особенно часто, когда проходили партийные съезды. Тогда на сцену выходили все звезды. У нас в Академгородке был свой Дом ученых. Я был членом совета директоров и сам непосредственно организовывал мероприятия. Особенно красочно, зрелищно проходили у нас бальные танцы «Снежный бал». На него съезжались со всего Союза лучшие пары. Приглашал я «Машину времени» с молодым в ту пору Андреем Макаревичем, «ДДТ» ... Черноголовка хоть и не был закрытым городом, но иностранцам в него доступ был закрыт. А мне удавалось приглашать иностранных артистов к нам. И потому приходилось выслушивать разное.

А были 77-78 годы. «Закир, прекращай эти опасные игры, твоей карьере придет конец», – говорили мне. Но пронесло.

– Недавно узнал, что ты возглавляешь акционерное общество «Дагтелеком» – это бывший радиозавод. Он успешно работает, более того, предприятию требуются токари, слесари, около двух тысяч рабочих. Это что-то новое для Махачкалы. Как тебе удалось оживить предприятие?

– Дать исчерпывающий ответ сложно. Сказать, что завод функционирует в полную силу, было бы неверно. Проблем еще достаточно. Но разительных перемен добились. Вот пример. Объем выпущенной продукции за март значительно превысил весь объем 1998 года. Легче было бы получить завод с нуля. Когда я пришел сюда, он имел большие долги. Я вынужден был выдавать долги по зарплате еще за 1995 год. Уже сегодня мы ежемесячно получаем зарплату. Что мне еще удалось сделать? Убрал ненужных людей, то есть сократил управлен-

ческий аппарат. Сумели наладить производство в 21-м (инструментальном) цехе, где изготавливают пресс-формы. К нам вернулись наши люди с сепараторного завода, «Дагдизеля», МПО «Азимут». Но о становлении завода еще рано говорить. Ежегодно только полтора миллиона налога на землю я должен платить. Мне столько земли абсолютно не нужно, но цеха так разбросаны по территории, что занимают много гектаров земли. В чем я вижу выход из положения? В установлении для предприятий льгот на налог на землю. Это одна проблема. Следующая – при заводе было три общежития. Сегодня в них наших рабочих почти нет. А помещения висят на мне, и за электроэнергию я плачу огромную сумму. Забираю деньги у своих рабочих и плачу за тех, кто работает в «Дагэнерго», «Сапфире», в милиции. Наконец, в этом году генеральный директор «Дагэнерго» Г. Гамзатов согласился, чтобы за свет платили жильцы общежития «Энергосбыту». Хотя это можно было сделать год назад. Общежития, которые «повисли» на мне, пытаюсь передать в муниципальную собственность. Но пока мне не удалось решить этот вопрос.

– Кто тебе помогает в твоём подвижническом труде, на кого опираешься?

– Я отвечаю несколько иначе. Я рад, что попал в такой коллектив. Народ, доведенный до отчаяния, понял, что ему надо выкручиваться самому – надеяться не на кого. Работают во внеурочное время, в выходные дни. Они почувствовали, что завод вдохнул жизнь, получают зарплату. Поверили мне, а главное – в свои силы.

– Итак, завод работает. Какую продукцию производит он сегодня?

– Основную продукцию мы сохранили – это магнитолы. Отдел новых технологий разработал новую модификацию и уже через месяц начнем их выпуск. Опытный бизнесмен говорит: все яйца в одну корзину не кладут. Вот и я пытаюсь сделать завод многопрофильным. Сейчас стали привозить из-за рубежа с компаньонами комплектующие рации «Kenwood», которыми снабжены силовые структуры. Приобрели оборудование для его тестирования. Получили уже заказы от «Дагэнерго» и шестого управления МВД. Провели связь для городской администрации.

Второе направление – тароупаковка. Приобрели оборудование для закатки крышек «Евротвист» совместно со всемирно известной испанской фирмой «Vac-vem internationale» (г. Барселона). Пятьдесят процентов уставного капитала вложили испанцы. Уже работает цех по производству разовой посуды для упаковки молочной продукции.

Обеспечиваем ею наш гормолзавод, а также Ставропольский и Краснодарский края, просят их у нас астраханцы. Наладили работу второй смены.

Помимо всего перечисленного, производим товары народного потребления: тормозные колодки для автомашин, столы и стулья - полностью загружен деревообрабатывающий цех. Открыли цех по производству пластмассовой продукции: сегодня начальник цеха находится в Тольятти, где договорился для новых моделей «Жигули» делать переднюю решетку. Изготавливаем пластмассовые ящики для овощей и бутылок. Но главное наше достижение – это то, что продукция тут же реализуется. На склад мы вообще не работаем – он у нас ликвидирован.

– Очевидно, продукция завода была представлена на ярмарках?

– Конечно. Буквально два месяца назад на Нижегородской. Мы показали всю гамму продукции, которую я перечислил. Поступили интересные предложения из Нижнего Новгорода, Краснодара, Ставрополя.

– Ты добился для завода всего, чего хотел, или в перспективе – большие планы, разработки?

– У нас есть договоренность с иностранными фирмами о создании ряда предприятий. Моя задача – не деньги сюда привлекать, а технологии, чего нам недостает. У них накоплен хороший опыт, они владеют совершенными наукоемкими технологиями, и нам не надо изобретать велосипед. Далее я хлопочу, чтобы завод получил статус свободного склада производственного типа, чтобы собираемые изделия были освобождены от таможенных пошлин. Документы сейчас находятся в Государственном таможенном комитете России.

Сейчас очень модно заниматься политикой: создавать движения, выставлять свою кандидатуру в Народное Собрание... Я не слышал, чтобы ты активно вторгнулся в политическую жизнь. Почему? Многие считают это престижным делом.

– Я полностью удовлетворен тем, чего достиг в науке. Другого самоутверждения мне не надо. Нет ни одной высокоразвитой, цивилизованной страны, где бы я ни выступал с докладами, где бы ни публиковались мои статьи: США, Англия, Германия, Япония, Швеция, Италия, Франция, Испания, Австрия, Швейцария... Все остальное, я считаю, наносное.

– Какие ценности ты унаследовал от отца, известного государственного и общественного деятеля Шихсаида Исаевича Шихсаидова?

– Мне все-таки кажется, что отец был для меня идеалом. А все, что мне свойственно, далеко от идеала. Я не могу сказать, что такая-то, к примеру, черта во мне от отца. Нет, это было бы неправдой. Он завещал нам такие нравственные ценности, которые сегодня не в ходу, над которыми сегодня насмеются: совесть, искренность, честность, правдивость, служение народу, ответственность перед самим собой. Я никогда не забуду слова отца, когда он провожал меня в Москву: «Закир, оставайся всегда таким, какой ты есть».

– Нет, я не смогу сравняться с ним; его идеалы для меня недостижимы.

– Не скучаешь по Москве?

– Еще как... очень сильно скучаю. Воспоминания мучительны. Они часто преследуют меня.

– С друзьями не созваниваешься?

– Как не созваниваюсь? Очень часто звоним друг другу. Прежде с женой выезжали в Москву, навещали их – ведь сколько лет прожили бок о бок, страшно подумать: двадцать два года. Вот Володя Бородин хочет приехать, помочь мне в моих заводских делах.

– Чем ты занимаешься в свободное время? В Москве мог пойти в театр, на вернисаж, во Дворец спорта. А здесь и некуда. Не чувствуешь, не ощущаешь духовное оскудение?

– У меня интересный распорядок дня. В пять тридцать утра ухожу на море. Без десяти минут восемь уже на работе, встречаю народ у проходной. Если не вырвусь в город, часов до девяти вечера на заводе. Единственное развлечение – расписывать преферанс. И в последнее время – игра в футбол.

– Чему научило тебя время, проведенное в Москве?

– В Москве? (Улыбается). Я был оторван от жизни: четыре стены, потолок, пол – лаборатория. И потому реалий жизни, а точнее, изнанки ее не знал. Здесь я познал ее многоликость и хлебнул немало. Теперь-то я опытный и тертый.

– О чем ты думаешь в свободные минуты?

– Есть маленькие семейные проблемы. Сына надо женить. А в основном – работа, снова работа и еще раз работа.

– Признайся честно, жизнь у тебя интересная? Удалась она тебе?

– Удалась ли? Не знаю. Затрудняюсь ответить. Но жизнь я прожил интересно. Одну – в цивилизованном мире науки, другую – в со-

временном, реальном мире. И в том, и в этом ни от кого не зависел, никого ни о чем не просил, не имея работы, не потерял себя. Что касается семьи, она для меня была и есть моим тылом, моей надеждой, моей опорой. У меня был отец, которым горжусь. У меня есть причины, чтобы считать себя счастливым человеком.

Утром, приходя на берег моря и глядя в небо, я мысленно обращаюсь к Всевышнему: «Спасибо тебе, что ты меня поддерживаешь и даешь мне силы».

«ВСЕГДА ИСХОЖУ ИЗ ПРИНЦИПА: НИКОГДА НЕЛЬЗЯ ВРАТЬ...»

В круговороте наших суетных дней мы как-то забыли или пытаемся забыть людей, которые стараются внести хоть какую-то стабильность в жизнь, уверенность в работу, надежду на лучшее. Не пытайтесь уверить себя в том, что таких сегодня нет. Есть они. Мы просто не хотим их видеть, замордованные неурядицами политической и социальной жизни. Эти люди испытывают те же тяготы, что и все мы, но находят в себе силы не сворачивать с намеченного пути.

Один из них – мой очередной собеседник. Человек дела и слова – вот его краткая характеристика. Во всем его облике, походке, манере общения чувствуются основательность, решительность, граничащая с готовностью. А в улыбке – ясность. И какой-то успокаивающий свет. Мой собеседник – директор Республиканской газетно-журнальной типографии Умаросман ГАДЖИЕВ.

– Умаросман, откуда у тебя такая основательная хозяйственная жилка? Не от родителей ли унаследовал?

– Это однозначно – от родителей. Они были большими тружениками. Мне было тринадцать лет, когда отца не стало. Мать была женщиной независимого характера, сумела вырастить пятерых одна. Благодаря личному мужеству, упорству. Посуди сам: трое из детей окончили университет, двое – техникум. Сам я закончил факультет журналистики Ленинградского госуниверситета. Вначале учился на филологическом Даггосуниверситета, на третьем курсе предоставилась возможность перевестись в Ленинград. Безусловно, это давало возможность увидеть большой мир, расширить и кругозор, и знания. Я вспоминаю время, проведенное в северной столице, с огромным удовольствием и благодарностью.

У меня сложилась такая точка зрения: будущее человека можно определить по прошлому. Потому что основы будущего закладываются в семье, в школе. Но бывает, кому-то везет: случай играет большую роль в становлении человека.

Основа того, что у меня есть, чем обладаю я, заложена в семье. Это – любовь и внимание к людям, труду, делу. Отец был для меня примером в жизни. Степенный, немногословный, он прекрасно знал свою работу и тем снискал уважение к себе сельчан, многие из которых были его друзьями. Как я уже сказал, в основе взаимоотношений

в семье был труд. Именно труд плюс независимость и мужество матери помогли нам встать на ноги и выйти в люди.

– Я слышал о тебе лестные отзывы: что ты внимателен к людям, милосерден. Откуда эти качества?

– Оттуда же... Человек, испытавший трудности, прекрасно понимает тяготы другого. Если я скажу, что на мою долю выдалось много горя, было бы неверно, но с трудностями сталкивался. И преодолевал их, ставя перед собой цели. Может, они были невысокие? Не знаю. Но всего, что я ставил перед собой, достигал.

– Какие нравственные качества воспитывают в человеке земля, люди села?

– В сельской местности, если человек лживый, неискренний, эти качества проявляются сразу, и оценку непорядочности там смыть очень сложно. Помнишь одну из заповедей? Не пожелай человеку того, чего не пожелаешь себе. Я следую ей.

– О тебе в коллективе говорят с теплотой, уважением. Чем ты пришелся по душе?

– Думаю, тем, что чувствую себя равным с ними. Конечно, иногда делу подобное вредит, но это необходимо. Отношения между нами установлены сегодня как между единомышленниками и друзьями. Если даже завтра и расстанемся, останемся друзьями. Я всегда готов выслушать не только производственные, но и бытовые, семейные, личные проблемы. И помочь. Многие приходят с житейскими вопросами, которые трудно решить одному. Может, на крупном заводе такие отношения не всегда возможны, но в коллективе, где трудятся 100-150 человек, они естественны.

Правда, начинал, скажу честно, негладко. Всякое бывало. Находилась и ложка дегтя, которая могла бы испортить бочку меда. Случались и воровство, и прогулы. С некоторыми пришлось расстаться. В первый год так сложились условия, что нередко приходилось самому вместе с рабочими и разгружать бумагу, и ремонтировать машины. Вместе преодолевали трудности.

Но все негативы я решал человеческим отношением, личностным. Сажал рядом и просто говорил: Почему вы должны меня обманывать? Ведь я мог бы поставить в известность милицию, но не хочу унижать достоинство ваше, а вы унижаете меня своим отношением...

И я добился своего. И как приятно был удивлен их отношением и поддержкой во время выборов в городское Собрание. И благодарен.

– Ты заметно улучшил организацию труда полиграфистов за столь короткое время. Как это удалось?

– В первые же месяцы приложил все силы, чтобы восстановить трудовую и технологическую дисциплину. Нашли новых заказчиков (прежние многие отказались от услуг типографии).

Да и люди поняли, что я пришел сюда не ради обогащения, а расти вместе с ними. Стали производить новую продукцию, получать прибыли, платить налоги, полиграфисты стали вовремя получать зарплату. За четыре с половиной года моей работы только за июль люди получили зарплату с задержкой.

В дело пошли современная немецкая и финская краска, бумага, новое оборудование. Все это обошлось нам более чем в миллиард рублей старыми деньгами (400 миллионов нам дало Правительство, а 600 были наши, заработанные коллективом). Если бы не пошли на этот решительный шаг, у нас не было бы производства с полным циклом работ.

– Материальная сторона удовлетворяет рабочих?

– А когда и кого она удовлетворяла? Тем более сегодня, когда жизнь так сложна. Минимальная заработная плата, скажем, у уборщицы – 400 рублей, максимальная у начальников цехов и главных специалистов – от полутора до двух тысяч.

У нас работают около ста тридцати человек. Мы могли бы сократить тридцать-сорок, но им некуда податься. Потому и не идем на сокращение. Не хочется расставаться с людьми. Они при деле и имеют минимальную зарплату на питание. Кстати, есть планы на дополнительную загрузку.

– Я слышал, что члены коллектива часто получают бесплатно хлеб, картофель, овощи, фрукты. Из каких фондов?

– Нам никто ничего не дарит. Продукты покупаем и раздаем за счет собственных прибылей. В основном, и это хочу особо заметить, продукты берем по бартеру. Одно время почти год наши люди получали и по буханке хлеба в день, что было хорошим подспорьем семье. Если бы имели возможность получить все заработанные деньги, а нам сегодня должны более двух миллионов рублей (новыми деньгами), непременно перешли бы опять на этот же принцип.

– В коллективе установился здоровый морально-психологический климат. Вместе проводите вечера, отмечаете праздники, выезжаете на зону отдыха, организуете спортивные мероприятия. Кто инициатор?

– Коллектив у нас сплоченный, и инициатива подхватывается и поддерживается всеми. Одна поездка сплавляет людей больше, чем беседа в течение месяца. Люди хорошо работают, они должны и хорошо отдыхать.

– Что тебе нравится в твоих людях?

– Доброе отношение друг к другу, порядочность. И взаимопонимание. Я стараюсь их понимать, они – меня. Были случаи, когда коллектив оставался на ночные работы. Без ропота. Они испытывали себя на прочность.

– Не испытываешь противодействие со стороны отдельных лиц?

– В первый год на производственных участках это было. Поставленные мною цели не совпадали с интересами отдельных людей. Сегодня – нет. Любой может подойти со своими замечаниями, потому что уверен, что я его выслушаю.

– Ты активно участвовал в выборах в городское Собрание и одержал победу. Что тобой двигало? Почему такое огромное желание – стать депутатом?

– Уж такого острого желания не было. Просто каждый человек подходит к такому этапу, когда надо шагнуть на следующую ступеньку. А конкретнее – думал, что имею возможность делать добро большому количеству людей, а не только работникам типографии. Многие жители Редукторного поселка часто обращаются ко мне со своими проблемами. Выслушиваю их внимательно, не обещаю, но стараюсь помочь в том, что в моих силах, что сумею сделать, осуществить. Приходят и по личным, и по семейным вопросам, и по вопросу ремонта квартиры, и за материальной помощью...

– Какие функции возложены на тебя как на депутата?

– Я председатель комитета по жилищно-коммунальному хозяйству. Это очень сложный участок, и работа предстоит тяжелая. И в то же время, скажу откровенно, справляться с обязанностями будет легко. Почему? Глава городской администрации – человек новый, намечено осуществить много интересного и уже осуществляется.

Что касается коммунального хозяйства. Проблемы здесь копились годами и не решались. Но задача нами поставлена конкретная, и за минувшие сто пятьдесят дней уже проделана огромная работа.

– Что удалось осуществить и что в планах?

– В принципе, прошло не так много времени... Обсуждали бюджет на 1998 год – пожалуй, это самое серьезное дело, и рассматривался такой вопрос впервые. Значительная часть бюджета направлена на коммунальное хозяйство. С сотрудниками администраций участвовали в проверках подготовки к зиме. Скоро предстоит рассмотреть бюджет на 1999 год – это плановая работа.

– Много времени уходит у меня на изучение проблем моих избирателей. Проблем очень много и в Редукторном поселке, и в поселке торгово-закупочной базы, и в поселке Турали. Так, на сегодняшний день в Турали нет ни воды, ни газа, ни телефона, ни школы. Как можно в таких условиях жить по-человечески? Моя задача – помочь людям, которые доверились мне.

– Что тебе нравится в нашей действительности, что огорчает?

– Огорчающего – больше. Нравится свободная, размеренная жизнь. Правда, есть проблемы с трудоустройством, с перераспределением земли, собственности. Огорчает нестабильность. Производство поставлено в катастрофические условия. Все торгуют, не задумываясь над тем, что надо и производить. Ведь может сложиться так, что завтра нечем будет торговать. Глобальная проблема – установить стабильность, восстановить доверие людей к власти. И пора прекратить решение встречаемых вопросов с помощью оружия, путем угроз.

– Я слышал, что ты оказываешь и немалую спонсорскую помощь?

– Да, это часть нашей работы. Многие поэты и писатели поставлены сегодня в сложные условия, и я считаю своим долгом помочь им. Я мог бы назвать десятки книг, изданных безвозмездно. Бесплатно пользуется услугами типографии Кумыкский театр. Недавно односельчане попросили помочь в завершении строительства мечети. Как тут не помочь? Часто обращаются с просьбой организаторы спортивных соревнований, директора школ, заведующие детскими садами.

– Откуда деньги берутся?

– В период перестройки, а это были 1987-1988 годы, я с членами семьи создал арендное предприятие по производству гофротары. Потом взял в аренду небольшую типографию. Сейчас это предприятие – с полным циклом работ, где работают в общей сложности 25–30 человек. Оснащено оно прекрасным оборудованием. Оттуда определенная прибыль и идет на спонсорскую помощь. Для становления этого предприятия я не брал ни рубля кредита у государства. Я никому ничего не должен. Надо признать, ради этого благородного дела пользуюсь и служебным положением.

– Как выходец из села, ты продолжаешь дружить с землей? Имеешь дачу или земельный участок в Карабудахкенте?

– Когда я приехал в Махачкалу, два года не прописывался, надеялся вернуться... Сегодня в селе начал строить дом, может, завершу в следующем году. А работать на земле... Нет возможности, и времени не остается. Хотя работы я не боюсь. В студенческие годы шесть лет

трудился в стройотряде, получил хорошую закалку. И те специально-сти, которые я приобрел, – каменщика, сварщика, столяра – не дадут мне умереть с голоду.

– Чем заполняешь свободное время?

– Свободного времени у меня не так много, а если бывает оно, люблю футбол. Эта любовь у меня с детства: будучи школьником, приезжал с ребятами из Карабудахкента в Махачкалу на матчи нашей команды «Динамо». Люблю и сам играть. Часто устраиваем спортивные встречи с командами других трудовых коллективов. Играли с каспийчанами, с карабудахкентцами. В ближайших моих планах – строительство стадиона в Редукторном поселке, где с детьми будут работать профессиональные тренеры.

Люблю общаться с друзьями, очень часто у мангала на природе. Ходим в гости друг к другу, получаю от такого общения много и удовольствия, и жизненного заряда. Люблю читать. У меня своя домашняя библиотека, которую я собрал в советское время. Сейчас больше покупаю и читаю специальную литературу. Люблю смотреть кинофильмы по телевидению, в основном психологические, детективы. Страшно люблю комедии советского периода. Кстати, долгое время моей настольной книгой были «Двенадцать стульев».

Если позволишь, немного уклонюсь от твоего вопроса. Учеба в Ленинграде – одна из ярких страниц моей жизни. Я постоянно посещал музеи, концерты, театры... И сейчас, бывая в городе на Неве, с удовольствием посещаю места, где прошли мои студенческие годы, навещаю друзей, которых у меня там много.

– Ты уверен, что нашел свой путь в жизни? Или у тебя есть высшая цель?

– Я уверен, что тружусь в правильном направлении. Это доставляет и удовольствие, и радость. Конечно, была возможность пойти по другому пути, но рад, что выбрал это направление. Я понял, что именно здесь могу принести много пользы. Однако обстоятельства и ситуации так быстро меняются, что это может быть этапом к другому шагу. В марте будущего года состоятся выборы в Народное Собрание. Посоветовавшись со старшими, я принял решение баллотироваться.

– В чем, по-твоему, состоит счастье?

– Человек счастлив, когда осознает то, что имеет сегодня, и глупо несчастен, когда выражает вечное недовольство. А жизнь такова, что всегда можно быть чем-то недовольным. Надо радоваться тому,

что ты есть. Если здоров – ценить здоровье, если сыт – ценить благополучие.

– Какие нравственные ценности ты хотел бы передать своим детям?

– Честность – в первую очередь, порядочность. Я всегда исхожу из принципа: никогда нельзя врать, но не всегда возможно говорить и правду. Ведь жизнь так сложна... Хочу, чтобы мои дети жили по моим принципам.

«ЕСЛИ РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ИМЕЕТ ШАНС НА ДОСТОЙНУЮ ЖИЗНЬ...»

Высокие должностные лица. Министр. Председатель Комитета. Заместитель министра. Они облечены властью, наделены большими правами. Их деятельность протекает на глазах у общественности, которая вправе и может дать ей оценку.

Но ... есть и духовный мир, сокрытый от людских глаз. Каков он? Сумею ли я его раскрыть в беседе, разговорится ли мой собеседник и, главное, будет ли честен и искренен в разговоре?

Переступая через сомнения, я решился на встречу с Сулейманом Юсуповичем ХАППАЛАЕВЫМ.

– Итак, меня интересует внутренний мир должностного лица. Какими нравственными ценностями лично ты руководишься?

– 3 июля исполнилось тридцать шесть лет, как мы знаем друг друга (улыбается). Это прелюдия к нашему разговору. А что касается вопроса о нравственных ценностях, то они стары, как мир. Это порядочность, доброта, человечность. Они, собственно говоря, вмещают в себя, синтезируют все остальные качества. К примеру, когда речь идет о порядочном человеке, я уже знаю, что он не будет (не может быть) нечестным, сумеет отстоять свое мнение и свою правоту, безусловно, может пойти на компромисс, но при этом не совершит непорядочного поступка.

– Ты сверяешь свои помыслы и действия с библейскими и кораническими заповедями?

– Вопрос школярский. Это раньше так говорили: сверяешь ли ты свой шаг с моральным кодексом строителя коммунизма? Нет, я так вопрос не ставил бы, он является ничем иным, как продолжением разговора о порядочности. Когда я принимаю решения, всегда опираюсь на жизненные принципы. Да, иногда задумываешься, соответствуют ли канонические истины библейским и кораническим. Библия утверждает, что человек должен стремиться к идеалу, к Богу. А люди... все же есть люди, со своими недостатками, ошибками. И я не составляю исключения. Не грешен только ангел, наверное.

Наше с тобой воспитание, а я тебя oh как много лет знаю, и отношение к людям и к делу отвечают самым высоким требованиям, и я бы не побоялся этого слова, общечеловеческим ценностям. Человек меня не привлекает, если плохого в нем больше, чем хорошего, если

нечестен, беспринципен, живет не за счет своего труда, – я с ним или не общаюсь, или держусь на большом расстоянии.

– Ты согласен, что духовный мир человека формируется не только родителями, окружающей средой, но и умной книгой?

– Безусловно. По крайней мере, в наше с тобой время и в недавнюю еще пору. Многое из того, что воспитывали во мне родители, укреплялось да и закреплялось посредством книги. Я не хочу сказать, что мне подсовывали их. Я читал то, что меня привлекало. Сегодня перечитываю, что мне очень близко, и замечаю то, чего не видел прежде. Так вот и потому книги способствуют укреплению тех ценностей, которые мои родители, бабушки и дедушки заложили в нас и воспитали. Не случайно ведь сказано, что яблоко от яблони недалеко падает. А иначе и быть не может. Мы живем в окружении семьи, соприкасаемся с ее принципами, впитываем их. Дыша этой атмосферой, мы глядим на мир уже ее глазами. Сегодня изменилось общество. Ты видишь, какие книги заполнили прилавки и развалы, какие газеты издаются, какие передачи идут по телевидению. Мир столкнулся с насилием, жестокостью. И не потому ли такое большое распространение получили каратэ, восточные единоборства... Драки были и в пору нашей юности. Но тогда дрались один на один, стенка на стенку, а не трое на одного, никогда не били лежачего, не стреляли из-за угла.

Сегодня считается нормой показывать если не обнаженное, то хотя бы полуобнаженное тело. Понимаешь, идет постепенное, целенаправленное размыwanie нравственных устоев. Еще недавно, если на телеэкране показывали эротические сцены, родители выгоняли детей в другую комнату, сегодня уже не обращают на это никакого внимания – смирились.

На Западе, во многих странах, пропаганда культа жестокости и насилия по телевидению и в литературе запрещена законом. У нас безнравственность захлестывает общество. Я постоянно с тревогой думаю об этом, потому что старшая дочь только-только создает семью, повзрослела и младшая. И знаю многих молодых, которые теряют моральные ценности. А безнравственность приведет к распаду личности. Посмотри, сколько сегодня вокруг нас наркоманов. Они были в пору нашей молодости, но сейчас эта «болезнь» страшно распространилась, а продажа наркотиков стала выгодным бизнесом.

– Вернемся к нашим книгам. Ты был заядлым книжником, много лет собирал библиотеку. Не бросил это занятие?

– Я не покупаю так много книг, как раньше. Во-первых, я сформировал свою библиотеку из литературы, которая соответствует моим

потребностям. Сегодня приобретаю справочную литературу. А во-вторых, нельзя объять необъятное. Да и не так много времени для чтения. Прежде жена возмущалась: – Не успел прочитать одну – взялся за другую. Сейчас, если три часа в неделю уделяю чтению книги, – это хорошо. Ведь хочешь не хочешь, а приходится читать газеты, журналы, справочную литературу, много времени и сил отнимает редактирование «Книги Памяти». Поэтому те три часа для чтения для меня праздник.

– Какая литература составляет твою библиотеку?

– Русская, советская, мировая классика, книги русских писателей, поэзия, хотя до двадцати пяти лет я ею не увлекался. Книги по искусству. Много фольклора, фантастики.

– А духовной литературой не увлекаешься? Библию, Коран читаешь?

– Я считаю всю литературу духовной, ибо она служит не удовлетворению плоти, а совершенствованию духа. Плоть не насыщается литературой, а дух – насыщается. А Библию и Коран я читаю. Но сказать, что я тянусь к ним, нет, не могу. К слову, Коран в переводе Крачковского усваивается тяжело. Я получил удовольствие, прочитав перевод смыслов Корана Валерии Пороховой. Она переводит именно смысл Корана, сопоставляя его с Библией, Евангелием, другими священными книгами. Еще раз повторяю: в узком смысле чтением духовной литературы не увлекаюсь.

– Ты убежден, что упомянутые книги имеют под собой достаточное историческое основание, а не плод чьей-то фантазии? И к слову, Иисус Христос – действительно историческое лицо?

– Задумываться над этим я стал относительно недавно, лет пятнадцать назад. Думаю, что священные книги – не плод фантазии. Для их появления была реальная основа. И Иисус – не порождение человеческой фантазии, а реальное историческое лицо. На пустом месте такая личность не возникает и такой глобальной мистификации быть не может. А иной раз размышляю: Бог вылепил Адама и сотворил Еву или человечество занесено из других цивилизаций? Но тут возникает и другой вопрос: а те цивилизации откуда взялись? Из ничего ничего не возникает.

Знаешь, почему я увлекаюсь фантастикой? Люди, человечество в ней представлены в необычном ракурсе, и, в общем-то, фантастика – она тоже исследует человека и заставляет задуматься над такими вопросами, над которыми задумываются люди, читающие Библию и Коран. Это одна из ее воспитательных функций, если можно так выра-

зиться. Другая состоит в том, что фантастика помогает нам уверовать в моральные ценности и упрочить их. Да, человек должен обязательно посадить дерево, родить ребенка, построить дом. Но дерево не просто посадить, а вырастить, чтобы оно плодоносило. Ребенка не просто родить, а воспитать так, чтобы он был украшением земли, сеял добро, а не зло. Построить не просто дом, а семью.

А что касается Адама и Евы... Наверное, они и на самом деле существовали, потому что появляется все больше и больше публикаций, говорящих о том, что человечество произошло от ограниченного числа особей. То ли в Гималаях, то ли в Тибете. Но вполне возможно, это был и эксперимент Высшего разума.

– Я знаю: роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» – одно из твоих любимых произведений. Могу ли я предполагать, что ты не станешь отрицать существования других миров?

– А я и не отрицаю. Я предполагаю, что измерений гораздо больше, чем три. И не следует так узко понимать, что потусторонний мир – это ад. Ведь и у М. Булгакова тот мир и его обитатели имеют реальные человеческие характеры: возьми, к примеру, Воланда или Азazelло. Мне нравится фраза Воланда: «Ну что же, они – люди как люди... Ну, легкомысленны... Ну что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди...» Я люблю перечитывать «Мастера и Маргариту»: всегда нахожу то, что тревожит меня. И всегда нахожу успокоение во фразе «Рукописи не горят». Если рукописи не горят, человечество имеет шанс на достойную жизнь.

– Ты, безусловно, слышал о необычном открытии группы зарубежных ученых. Они утверждают, что на земле есть пустоты, тоннели или черные дыры, как их некоторые называют, через которые можно попасть в другие временные пространства.

– Да. И трудно это оспорить. Ведь немало случаев исчезновения людей. А иным удастся и возвратиться

– Откуда это убеждение? Не от увлечения ли фантастикой?

– От реального осмысления жизни и происходящих событий и явлений в нашей жизни. Нельзя замыкаться на одной видимой человеческой жизни. Это довольно-таки скучное да и грустное занятие.

– Ты веришь в предсказания астрологов, ясновидящих?

– Я не увлекаюсь этим «явлением». И потому не могу сказать, верю или не верю.

– Кто такой или что такое Бог для интеллигентного, образованного человека?

– Бог – это высшая моральная ценность, которая существует у каждого и для каждого человека.

– **Сумел ли ты своим добрым словом, добрым отношением помочь кому-нибудь выйти на путь истины, добра, милосердия?**

– Общаясь с людьми, я не веду счет и учет: этому помог, этому нет... Однако всегда помню, кому не смог помочь, и это мне причиняет боль. А кому сумел оказать помощь – значит, я сделал то, что должен был.

– **Ты любишь музыку?**

– Хорошую классику, которая успокаивает и умиротворяет меня – да. В последнее время часто ловлю себя на том, что в голове мысленно звучат Чайковский, Верди, Шопен. Все, что когда-то часто передавалось по радио, отложилось в мозгу и сейчас всплывает. Хотя специально я их не вспоминаю и не пытаюсь даже... И что удивительно: в голове звучит не джаз, который мы когда-то любили, а именно классика. Хотя с удовольствием слушаю и Гленна Миллера, и Дюка Эллингтона, и Эллу Фитцджеральд, и Луи Армстронга...

– **Каких музыкантов, дирижеров тебе посчастливилось видеть и слышать?**

– Эмиля Гилельса, Мстислава Ростроповича, Святослава Рихтера, Эдди Рознера, Олега Лундстрема и Джемала Далгата. Здесь, в Махачкале. Какие были хорошие, теплые времена...

– **Твой отец – народный поэт Дагестана Юсуп Хаппалаев. По всем параметрам отцовские гены должны были перейти к тебе. То есть ты должен был унаследовать любовь к стихотворчеству. Или они не ищут избранных в семье?**

– Наверное, они ищут избранных. Рифмовать строки я тоже смогу. Но отец сумел мне внушить такую любовь к литературе, что подделки мне претят, и я не вправе увеличивать их число. Может быть, я потому и избрал профессию редактора. Мне кажется, нет, я даже убежден, что хороший редактор сродни врачу, главная заповедь которого – не навреди.

– **Тебе посчастливилось познакомиться, подружиться со многими знаменитостями, которые были частыми гостями в семье отца. Ты не думаешь писать мемуары?**

– Да, ты прав, мне приходилось встречаться со многими интересными людьми, и я благодарен судьбе за это. Кто они? Поэты Кайсын Кулиев, Педер Хузангай, Михаил Дудин, близкий друг нашей семьи и мой лично Наталья Капиева, переводчики Яков Козловский, Наум Гребнев, народный архитектор СССР Абдула Ахмедов, композиторы

Сергей Агабабов, Мурад Кажлаев, Ширвани Чалаев. Я уже не говорю о Расуле Гамзатове, Ахмедхане Абу-Бакаре, Фазу Алиевой... Я дружил и дружу с очень многими известными, уникальными людьми. Но что касается мемуаров... У меня к этому жанру очень настороженное отношение. Понимаешь, многие мемуаристы пишут воспоминания не о ком-то, а о себе. А потом... я еще слишком молод, чтобы заниматься воспоминаниями.

– Но литературой пробовал заниматься?

– Пробовал. И писал. Небольшие рассказы. Больше юмористические. У меня хорошо получались сказки для моих детей.

Они и сейчас вспоминают и пересказывают их. А вообще заниматься литературой, я так считаю, – это не обязательно писать самому. Я и сейчас занимаюсь литературой – мне приходится редактировать произведения и труды друзей, родственников. И это стало увлечением, хобби.

– Многие дагестанцы сегодня украшают свои жилища старинным оружием, живописными полотнами, скульптурой. Ты не увлекся этим?

– У меня есть три-четыре кинжала. Есть картины, но не потому что иметь их модно. Я люблю картины. Понравившиеся приобретал. Увидев эту мою страсть, Хайрулла Курбанов, кстати, мой родственник, подарил мне несколько своих полотен. Повторяю, собираю картины не потому, что это сегодня модно или является своеобразной формой вложения капитала. Я люблю живопись. Глядя на мое увлечение, и некоторые мои друзья заразились собирательством: одни – с пониманием, другие – бездумно.

– Безусловно, ты не пренебрегаешь играми. Какая из них твоя любимая?

– Любимая игра – нарды.

– А какие считаешь престижными для руководителя?

– Я не думаю, что какая-то игра престижная, а какая-то – нет. Ну, а если ты все-таки настаиваешь, то престижная игра – шахматы. Это игра интеллектуальная. Кто-то любит играть в преферанс – я не умею. Хотя компьютер дает мне возможность учиться и этой игре.

– Что сегодня необходимо для руководителя?

– Образованность, высокий профессионализм, знание экономики, организаторские способности, настойчивость, воля, умение формировать задачу и решать ее, достигать цели. И моральная чистоплотность.

Я сегодня руководитель – выходит, оценили мои возможности. К этой должности я поднимался по всем ступенькам иерархической лестницы: от литраба (то есть литературного работника) до председателя Комитета Правительства РД. Плох тот солдат, который не хочет стать генералом. Я тоже хотел стать им. Но ради достижения этой цели преступать через все и вся нельзя: к ней надо идти трудом и умом.

«МНЕ ПОВЕЗЛО – МЕНЯ ОКРУЖАЛИ ЛЮДИ ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ...»

Не так уж много мы знаем людей, которые посвятили бы себя, свою жизнь одному, раз и навсегда избранному делу. Достоинством которых была бы одна, но пламенная страсть.

Такой страстью для моего очередного собеседника были мальчишки и девчонки, юноши и девушки, которых он чествовал, воспитывал, выводил в самостоятельную жизнь. Этой своей страсти он не изменил по сей день, работая председателем ФСО «Юность Дагестана» – заместителем министра образования республики.

Итак, мой собеседник – Аминулла Абдулкадырович РАБАДАНОВ.

Аул Харбук, откуда ты родом, славился оружейных дел мастерами. Но один харбукец владел оригинальным мастерством, в котором нуждался весь Дагестан. Он делал изумительной работы седла...

– Откуда ты об этом узнал? Верно. Это был мой отец Абдулкадыр. Один во всем Харбуке, если не во всем Дагестане. Отец рассказывал, что в горах живет еще один искусный мастер. В то время ремесло отца ценилось очень высоко – ведь конь был незаменимым другом горца, и нужда в седлах была огромная. И потому заказы у отца были очень большие. Но работа была трудоемкая, месяц-полтора уходило на изготовление одного седла. Долго обрабатывалась шкура быка, из которой делались подвязки для стремян, само седло изготавливалось из козлиной шкуры. У отца до сих пор сохранились деревянные станки по обработке шкуры.

Когда подросли мы, я и старший брат Рабадан, стали помогать отцу. Брат сам усовершенствовал станок для ускорения обработки шкуры, что позволило в месяц делать уже два седла. Так и жили. Готовое седло отец мог выменять на корову, быка, лошадь или ковер. Но если украшал ее еще и насечкой, мог продать за 350–400 рублей. Семеро детей в семье и родители кормились этим трудом отца.

Иногда слышу со всех сторон удивленный шепот: всю жизнь горбиться над седлами – это ли удел горца? Но ведь не всем быть музыкантами, кому-то надо и танцевать.

– От кого научился своему ремеслу твой отец?

– От своего отца Рабадана. А я с братом – от своего отца Абдулкадыра. Если потребуется, мы с ним и сейчас изготовим седла, и ничуть не хуже, чем в прежние годы.

Отец мой был очень трудолюбивый человек и удивительный интернационалист. Он никогда никому не отказывал в просьбе и никогда не подчеркивал национальность человека, а говорил так: мой кунак из такого-то района. Для меня он всегда был и останется примером доброты, порядочности и человечности.

– Твои дед и отец – известные мастера. Казалось бы, и тебе идти по их пути, а ты посвятил себя воспитанию детей, юношей, вырастил целую плеяду замечательных людей. Что это – воля Всевышнего?

– Отец уставал под тяжестью труда и хотел, чтобы его дети получили образование. Ведь он не только седла делал, но и пахал, косил траву на целом гектаре... Он любил часто говорить нам: мы не смогли получить образование, хоть вы получите, вы счастливые люди, что родились при советской власти. Из семерых детей шестеро получили образование. А старший брат – Рабадан – гордость аула: он – первый кандидат физико-математических наук из Харбука и первый доктор наук.

После окончания десятилетки я поступил в Буйнакский финансовый техникум, там и увлекся спортом. И в армии очень много времени уделял спорту. Отслужив, я поступил в старейший Ленинградский институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта, который основан в 1898 году.

– Ты можешь сегодня похвалиться, кого вырастил? Кем стали твои воспитанники?

– Несколько лет я проработал старшим преподавателем, затем деканом физкультурного факультета Дагпединститута. В те годы студентами были Юрий Шахмурадов, Загалав Абдулбеков, Владимир Назлымов, Омаркади Омаров, покойные Джаруллах Мурадов, Магомед Умалатов. А будучи председателем Комитета физкультуры и спорта республики, я вывел в спортивную жизнь братьев Насруллаевых, братьев Карачаевых, Сайпуллу Абсаидова, Магомед-Гасана Абушева, Магомеда Арацилова, Владимира Юмина, Руслана Ашуралиева и многих других. Они известны всей республике, да и не только республике...

– Откуда у тебя талант воспитателя?

– Наверное, от отца, от родителей. Как-то так получается, что я нахожу контакт с детьми, шутками, задачками, привлекаю, привязываю их к себе, увлекаю. Я люблю детей. И что удивительно: все мои друзья значительно моложе меня.

Был у меня в институте Лесгафта замечательный педагог Лев

Павлович Орлов. Он любил часто говорить: «Процесс воспитания и обучения не каждому удастся. Если хотите добиться успеха, поставьте перед собой следующие задачи: кто будет обучать? Кого будете обучать? Как будете обучать? Чему будете обучать? Если эти задачи не поддаются решению, лучше не браться за обучение и воспитание».

– Ты – человек добрый, отзывчивый или строгий, суровый?

– Добрый, отзывчивый. Откликаюсь на просьбы о помощи. Это доставляет душе огромное наслаждение. Но часто и страдание, потому что помощь получают и недостойные. Бывало и такое. Не отказывал никому. Как-то в девяносто втором году пришел ко мне молодой человек за помощью. Я оказал ему содействие – получить кредит и основать фирму, затем помог получить участок, построить кафе. И все за спасибо. Лично сам не имел от этого ни копейки. Таких примеров могу привести немало. А знаешь, какое получаешь удовлетворение, сделав доброе, богоугодное дело.

– Позволю себе заметить что не только ты выводил своих питомцев в большую спортивную жизнь, но и они выводят тебя. Благодаря им ты увидел мир, познакомился с интересными личностями, стал уважаемым человеком.

– Все в жизни взаимосвязано. Если бы не мои питомцы, ставшие чемпионами мира, Европы, СССР, я бы не стал заслуженным работником культуры республики, не получил два ордена «Знак Почета» и медаль «За трудовое отличие», Грамоты Президиума Верховного Совета республики. Если бы не эти ребята, я вряд ли выехал бы за пределы Дагестана. А ведь я объездил весь СССР, был в Иране, Турции, Германии, Франции, Непале, во всех странах бывшего социалистического лагеря.

А сколько было встреч, знакомств! Как сегодня помню турнир шах-ин-шаха Ирана Реза Пехлеви по вольной борьбе. Открыл его брат шах-ин-шаха. После соревнований он принял нашу делегацию, поблагодарил за приезд и участие в турнире, а мне подарил картину с видом Олимпийского спортивного комплекса в Тегеране. Она и сегодня висит в моей комнате.

– Ты беседовал, я слышал, и с Жоржем Марше?

– Да, после Московской Олимпиады в 1980 году меня послали руководителем спортивной делегации с группой гимнасток 12-14 лет на показательные выступления. Они должны были состояться на празднике газеты «Юманите» – органа ЦК Компартии Франции. В парке, где проходил праздник, было море людей – не менее четырехсот тысяч.

Днем, в свободное время, мы гуляли по парку. Под вечер зашли в кафе. Нам объясняют: это кафе обслуживает семья Генерального секретаря ЦК Компартии Франции Жоржа Марше. За стойкой буфета стояла его жена, обслуживал клиентов сын. Только хотели выйти – заходит сам Жорж Марше, в джинсах. Переводчик представил ему меня. Он усадил меня за стол, заказал две банки пива – себе и мне. Стал расспрашивать, как устроились, разместились, довольны ли условиями. Я рассказал о наших гимнастках, представил двенадцатилетнюю Юрченко: в дальнейшем она стала известной спортсменкой. Наконец, он спросил, откуда я сам родом, и когда узнал, что из Дагестана, воскликнул: «О, я знаком с Умахановым, очень хороший человек, хороший руководитель. По возвращении передай ему от меня привет». После нашей беседы он переоделся и выступил перед огромным стечением народа. А по завершении показательных игр для нас был организован праздничный ужин.

– У тебя были интересные встречи в Непале, Иордании...

– Перед Московской Олимпиадой с группой гимнастов я посетил Непал. Целью поездки были показательные выступления наших молодых спортсменов. В течение двенадцати дней каждый вечер наши мальчики и девочки принимали участие в соревнованиях по акробатике, художественной и спортивной гимнастике в Королевском Дворце столицы Непала – Катманду.

Очень тепло встретил нас посол СССР в Непале Камо Бабиевич Удумян. На наше последнее выступление он пригласил работников всех посольств, аккредитованных в Катманду. После выступления наших ребят на сцену вышла представительная женщина – сестра королевы, возглавлявшая противотуберкулезную ассоциацию, вызвала к себе меня, поблагодарила за хорошую подготовку и выступления спортсменов и подарила сувенир-чеканку буддийского храма. А Удумян передал мне письмо, которое я должен был вручить заместителю Председателя спорткомитета СССР. Как потом выяснилось, в нем содержалась благодарность за отличное выступление гимнастов.

А еще я познакомился с кинорежиссером, народным артистом СССР Сергеем Герасимовым и его женой народной артисткой СССР Тамарой Макаровой. И как ни удивительно – в Иране. Это было где-то в 1976–1977 году. Во время турнира по борьбе здесь проходил международный кинофестиваль, кстати, на нем три наших фильма заняли призовые места.

В Иордании на званом вечере я познакомился с Рафиком Нишановым, послом СССР в этой стране. Позже он стал Председателем

Президиума Верховного Совета СССР. Теплая дружба установилась у меня с космонавтом Петром Климуком. Мы часто встречались, я не раз бывал у него дома в Звездном городке. Случай помог мне познакомиться со звездой балета Майей Плисецкой. Она приезжала в Махачкалу на съемки фильма, которые должны были состояться на бархане Сарыкум.

Так что знакомствами с прекрасными людьми судьба меня не обделила.

– Ты много лет преподавал в Дагпединституте, руководил Комитетом по физкультуре и спорту, работал в аппарате обкома партии. Эти должности не отдаляли тебя от детей, подростков?

– Наоборот. Без подростков о каком спорте может идти речь? Сейчас моя работа связана с воспитанием молодежи. В министерстве образования республики я занимаюсь вопросами физического воспитания детей. Сегодня у нас семьдесят четыре спортивные школы в системе Минобразования, которые охватывают 60 тысяч мальчиков и девочек.

– Прежде со стороны государства к ним было самое пристальное, самое доброе внимание. А ныне?

– О прошлом не будем говорить. В вопросе все сказано. С 1995 года на поддержку детского спорта Минобразование не получило ни копейки. Только в этом году благодаря помощи министра финансов Абдусамада Гамидова удалось заложить в бюджет (по моей просьбе) 1,5 миллиона рублей. И все же не уверен, получу их или нет. Полгода проходит – ни рубля. А они, эти деньги, oh как нужны – на проведение соревнований, командировку делегаций, оплату дороги, гостиниц и т. д. Чтобы выполнить календарный план, необходимо 10 миллионов рублей. Нам выделили 1,5 миллиона. Да и их нет.

Сейчас дети ездят благодаря спонсорам. Бокс держится на Шарапудине Мусаеве – президенте Федерации бокса, борьба – на Абдусамаде Гамидове. Большую единовременную помощь оказывает Мурад Гаджиев – директор Дербентского коньячного комбината, Гамзат Гамзатов – генеральный директор АО «Дагэнерго», главы администрации Буйнакса и Махачкалы. Только в турнире махачкалинских дворовых и уличных команд по футболу по 5 возрастам на приз Саида Амирова участвовали 1200 детей – 115 команд. Прикинь, какие нужны средства... Проводит его республиканская детско-юношеская школа министерства образования. На спонсорстве далеко не уедешь. Оно лишает меня возможности отобрать сильнейших. Потому показатели не те.

– Тебя не тревожит положение, в котором оказались сегодня дети?

– Еще как тревожит. Сегодня я часто вижу побирающихся на улицах детей, роющихся в мусоре, студентов каких-то худосочных, видно, недоедающих. Ныне одни купаются в деньгах, другие – прозябают. Все, что было хорошего в былые годы, общество отвергло. Я напомним, что было. Дети из нуждающихся семей находились на полном государственном обеспечении: росли в детских домах, интернатах, получали образование, их направляли на работу. И попробуй не прими на работу! Государство все заботы брало на себя. Нищих и просящих не было.

Сегодня все это кажется сном. На воспитание детей, молодежи махнули рукой. Я живу между общежитиями ДГУ и ДГПУ. Что здесь творят!.. Не увидите, чтобы студенты выносили мусор. Все бросают из окон вниз – и пищевые отходы, и грязную воду после стирки. А ведь это будущие педагоги. Какими они станут – уже сейчас ясно. Могут сидеть на подоконниках и орать в 2-3 часа ночи или врубить во всю мощь магнитофон... Молодежь предоставлена сама себе, а родители думают, что их дети учатся культуре поведения, хорошим манерам. Жалко будущего наших детей и внуков, если их будут воспитывать такие горе-воспитатели.

– Сегодня некоторые наши спортсмены занялись бизнесом. А их как понимать?

– Видимо, время такое. Каждый хочет жить хорошо, в достатке. Практически все спортсмены занялись предпринимательством. Но многие занимают высокие и почетные должности. Так, Насрулла Насруллаев – председатель ОСТО, Сайпулла Абсаидов – зам. начальника республиканской налоговой инспекции, Руслан Ашуралиев – зам. начальника Махачкалинской городской налоговой инспекции, Загалав Абдулбеков – председатель «Динамо», Вагаб Казобеков – глава администрации Рутульского района и другие.

– А ты сам, члены твоей семьи не увлеклись бизнесом?

– Нет. Мы все на государственной службе. И, к моему счастью, все работают: жена – в ДГУ, старшая дочь тоже преподает в ДГУ, младшая – работает в «Эльбинбанке».

– Как ты думаешь, предпринимательством занимаются с целью выживания или обогащения?

– С целью выживания. Жизнь заставляет. Ведь устроиться на работу нигде. А обогащается... тот, кто занимается воровством, кражей бюджетных денег.

– И опять вернемся к твоим питомцам. Ты уверен, что они сумеют пойти по тому пути, по которому пошли Юрий Шахмуратов, Загалав Абдулбеков и другие спортсмены, прославившие Дагестан?

– Если честно, у них мало шансов. Раньше спорт финансировался государством. Сейчас говорят: найдите средства на поездку спортсмена, если нет у него отправляйте того, у кого есть. Вот так хорошие спортсмены остаются на обочине.

– Скажу тебе откровенно: мне повезло в работе. Меня окружали люди, пользовавшиеся большим авторитетом, люди высокой культуры и нравственности. Это председатель спорткомитета РСФСР Валентин Дмитриевич Алехин, незабвенный Шахбас Азизович Исмаилов – секретарь обкома партии, Ахмед Магомедович Магомедов – ректор Дагпединститута, а затем Даггосуниверситета, Магомед-Салам Ильясович Умаханов – первый секретарь обкома партии... Особо хочу отметить Магомед-Салама Ильясовича. Какое пристальное внимание он уделял спорту! Не было случая, чтобы он не принял спортсменов, не беседовал с ними: расспрашивал об успехах, интересовался жизнью, бытом. Он был прост в общении и требователен в работе, умел настраивать спортсменов на успех. Помню, перед Московской Олимпиадой в честь тренеров и спортсменов был устроен прием. После пожеланий удач на Олимпиаде он задумался, потом сказал: – Дорогие ребята, мы надеемся, что вы победите. Обязательно победите. – Помолчал, потом добавил: -- Кто завоюет медаль – того ждет «Волга», кто добьется участия в Олимпиаде – «Жигули».Ну и, разумеется, квартира. Это был великолепный стимул. Иногда слышишь: раньше спорт в загоне был. Чушь! Спортсмены получали не меньше министров и пользовались почетом и уважением.

Что касается меня лично... Я от государства не получил ни машины, ни дачи, ни других материальных благ. Но за ребят ходил, просил, требовал. И добивался.

«ПОМОГАЮ ЛЮДЯМ ВЫКАРАБКИВАТЬСЯ ИЗ НУЖДЫ...»

Некоторое время назад, когда бывшая советская система подвергалась массовой критике, ее завоевания предавались анафеме, а кадрам выставлялся особый счет, казалось, что комсомольские, партийные, советские работники окажутся на обочине жизни реформирующейся страны. Однако этого не случилось. Они раньше иных поняли и приняли рыночную экономику, вошли в нее лучше, чем иные «демократы», заняв, казалось бы, несвойственные для них, их взглядов должности, такие, как президент, управляющий коммерческим банком, руководитель акционерного общества, директор фирмы...

Что им помогло быстро сориентироваться в сложившейся ситуации, успешно освоить новое депо? Этот феномен долго еще будут изучать. Но одно несомненно – во многом тому способствовала подготовка. А если конкретно – стиль работы и сумма знаний, полученные в комсомольских, партийных, советских школах. В те годы, ставшие уже историческими, страна, строившая новое общество, руководствовалась лозунгом «кадры решают все». И не стеснялась их.

Впрочем, речь не об этом, а о том, как бывший партократ сумел стать способным, дальновидным и целеустремленным предпринимателем.

Я беседую с генеральным директором Международного туристического агентства «Джами» Али Чарандановичем АМИРХАНОВЫМ.

– Али Чаранданович, многие годы тебя знала вся Махачкала. Городские праздники, торжества, различные мероприятия не проходили без твоего личного участия или руководства. Казалось, ты прикипел к партийной, а если вернее, организаторской работе. И вдруг узнаю, что ты основал фирму «Джами».

– Я пришел в партию из комсомола. Пять лет работал в горкоме и обкоме комсомола, вырос от инструктора до заведующего отделом. Затем меня взяли на работу в горком партии, где я работал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации. Так вот, на работу я ходил как на завод: с радостью, с определенными творческими планами, с желанием сделать что-то... Мы занимались не только разговорами, то есть чтением нотаций, проведением лекций и бесед, но и живым делом. Решали вопросы строительства, скажем, школ, детских учреждений, их сдачи в срок, вопросы отопления, водоснабжения... В те годы все хозяйственные вопросы решались при непосредственном

участии партии. Так было заведено, такая была система. И партийные работники владели всеми навыками хозяйственников.

– Нужно заметить, что партийная работа учила еще и общению с людьми, умению угадывать их настроение и главное – быть всегда в движении.

.– Вот именно. И хотя иные кричали и шумели на весь мир о строительстве коммунизма, мы честно трудились и надеялись, что трудимся для блага людей.

Но вот пришел восемьдесят пятый год, потом началась перестройка, и в машине нашего аппарата зазвучали другие ритмы. А если проще – партийная работа изменилась. Живая работа оскудела. Почему? Заводы и фабрики затихли, резко сбавили темпы производства, хозяйственные вопросы не с кем и не для кого было решать. Со временем уже нечем и нечем стало руководить. Вот и сидели мы в кабинетах и следили через окна, кто собирается на площади на митинг, о чем говорят, к чему призывают... Осточертело мне это. Я видел и понимал, что партия уже не та и занимается не тем, чем надо бы. И 1 августа 1991 года ушел в туризм.

– Почему именно в туризм?

– Нужно было думать о себе, о семье. Еще работая в горкоме партии, я не раз просился на работу в туризм. Она была мне по душе. Ведь в комсомоле я несколько лет занимался вопросами туризма, сам не раз ездил в заграничные поездки, знал и прелести, и сложности этой работы.

Так вот, в душе теплилась надежда... В сентябре 1991 года я устроился в одну из туристических фирм. А немного погодя подумал: почему бы не создать свою? В июле 1992 года я зарегистрировал фирму «Джами», арендовал помещение, принял трех человек, на свои средства приобрел оргтехнику, машину. И началась работа.

Если говорить по большому счету, туризм – это огромная индустрия с обширной инфраструктурой. В нашей республике есть все климатические условия для его развития, природные, экономические. К сожалению, по сей день мы не имеем своей разработанной программы туристской индустрии. А то, чем мы занимаемся сегодня, – это шоу-бизнес. Отдельные фирмы работают ради бизнеса.

– А ты?

– И я, конечно. Но я первым делом решил помочь людям, моим землякам-дагестанцам, растерявшимся в рыночной экономике. В год услугами моей фирмы пользуются около двух тысяч человек. Теперь представь объем моей помощи республике: во-первых, на две тысячи

человек меньше на бирже труда; во-вторых, посчитай, сколько тысяч членов семей сыты, одеты, обуты; в-третьих, бюджет республики пополняется налогами на торговлю, пошлинами и т. д. Разве это не ощутимо?

– Можно смело сделать вывод, что годы, проведенные на комсомольской и партийной работе, не прошли впустую?

– Да что ты! Если бы я не прошел ту школу, не смог бы, поверь мне, ничего создать. То была настоящая школа жизни: она учила организованности, точности, дисциплине и самодисциплине, четкости, общению с людьми, умению владеть настроением масс и доводить дело до конца. Я же не случайно в начале беседы подчеркнул, что ходил на работу, как на завод.

Мой отец с детских лет учил меня дисциплине и честности, и с шестнадцати лет, работая в колхозе, я следовал его наставлениям и заветам. Но более всего школу жизни молодой человек проходил в комсомоле. Он выковывал характер, а главное – человека. Мои коллеги, находящиеся сегодня на руководящих должностях, почти все прошли школу комсомола.

Конечно, много было в ту пору такого, от чего стыдно становилось – жестокости, недоверия, оскорбительного неприятия... Людей загоняли в какие-то самими придуманные рамки: это можно, это ни в коем случае нельзя... Ну, к примеру, чтобы выехать за границу, нужно было пройти несколько инстанций, комиссию на работе, в горкоме, в обкоме партии, в КГБ. Да никому мы не были нужны там, за рубежом.

Послушай, какой конфуз произошел с нашей группой в Токио. Молодые японцы решили взять у наших ребят адрес, чтобы прислать фотографии, достали ручки, блокноты, но тут появилось наше «недремлющее око» – сотрудник органов и категорически запретил давать «капиталистам» свои адреса. Стыд-то какой, ты ведь сам бывал за границей и знаешь, как нас там «жалеют». Я решил спасти ситуацию и дал им свой адрес. Выговор сотрудника органов был жесткий, но я не обратил на него никакого внимания (меня выручило то, что я работал в горкоме партии). Спустя некоторое время, уже будучи дома, я получил большую бандероль с фотографиями, чему несказанно были рады ребята.

– Итак, ты создал фирму. Кто субсидировал начальную стадию работы?

– Как я уже сказал, немного денег было у меня. Субсидировало страховое общество «Титан», кредита не брал.

– Ты не расскажешь, как налаживал связи с зарубежными фирмами, если, конечно, это не коммерческая тайна?

– Уже не тайна. В начале 1992 года я обратился в Правительство республики к Ашиму Ашимовичу Акимову за помощью. Благодаря ему из Сочи прибыли пограничники, и мы совершили поездку в Сирию. Это было начало туризма. Первый международный рейс из махачкалинского аэропорта был организован мной. Нескромно? Но это было так, и от факта не уйдешь. Тогда же я помог Духовному управлению организовать перелет верующих на хадж в Мекку. Зарубежных партнеров я брал не с потолка. Сделал по телексу запрос в Российские посольства в Сирии, Иране, Пакистане, Сингапуре, ОАЭ с просьбой подыскать фирмы, желающие установить с нами контакт. Они подыскивали и сообщили мне адреса. Я связался с ними, а чуть погодя и встретился. В Иране – с президентом туристической компании «Каспиен Айрлайн», в Пакистане – с президентом компании «Хасиб Экспресс», в Объединенных Арабских Эмиратах – с президентом компании «Ал Раис Тревел», в Сирии – с президентом компании «Рамсис», в Южной Корее – с президентом компании «Уорлд экспресс» и т. д. И опять не лопну от нескромности (*широко улыбается*): и в Объединенные Арабские Эмираты рейсы шоу-бизнеса первой открыла наша фирма.

– Что дают ваши поездки зарубежным государствам? Это же для них, я думаю, лишняя головная боль?

– Это дает им все. В буквальном смысле слова. Если закроют границы, я не представляю, что они будут делать. Вся их работа, в частности, торговля, замкнута на туристах из стран СНГ. Других покупателей нет. Сотни тысяч работают в отелях, ресторанах, аэропорту, водителями такси, сотни и тысячи магазинов и лавчонок предлагают товар.

Представь такую живописную картину. Выходишь на улицу, а на ней полно нашего брата: узбеки, таджики, киргизы, чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкары, осетины, украинцы, москвичи... И везде слышна русская речь. Если три года назад местное население знало три слова: «заходи», «посмотри», «коробка, коробка», то сегодня, как говорится, чешут востро по-русски. В аэропорту двадцать самолетов стоят под флагами стран СНГ, три – западных стран. Когда недавно я вылетал из Фуджейра, пятнадцать самолетов стояло из России и лишь один из Америки.

– Выходит, мы сегодня работаем на эти восточные страны?

– Выходит, так. Обстоятельства заставляют. Но и мы заняли работой своих людей. Не будь шоу-бизнеса, миллионы безработных за-

полнили бы улицы, и еще неясно, во что бы вылилось их недовольство и отчаяние.

– Какое впечатление ты вынес из поездок в эти страны? Что там лучше, а что хуже, чем у нас?

– Хуже, чем у нас, нигде нет. Только раз в городе Карачи в Пакистане увидел грязь на асфальте. Везде чистота, буквально стерильная. Такой безобразной антисанитарии, как у нас, я нигде не видел. Ее невозможно придумать, понимаешь, если и захочешь, чтобы вокруг такая грязь была. Я побывал в семнадцати странах и нигде не видел разбитых дорог, канализационных рек на улицах, вырубленных деревьев. Зеленые насаждения берегут, как детей. Я не видел ни одного высохшего листа.

– Как ты думаешь, чем достигнуты такой порядок и чистота в Эмиратах?

– Мне кажется, умелым сочетанием норм шариата и высокой культуры производства, дисциплины, которые привили им англичане. Поэтому здесь не знают, что такое воровство или клочок бумаги на тротуаре.

– Твои родственники, семья довольны твоей деятельностью?

– Конечно. Я нашел себя. У меня жилка организатора. На этой работе я получаю удовлетворение. Мои родственники занялись бизнесом, открыли для себя мир. И семья имеет скромные доходы.

– Скажи честно, ты стал жить лучше, чем при Советах, или хуже?

– Как сказать... Я и раньше жил неплохо. Как работник аппарата, имел по сравнению с другими преимущество: получил в короткий срок квартиру, располагал хорошей обстановкой, автомашиной, большой личной библиотекой...

Сейчас занимаюсь бизнесом, и благосостояние мое не ухудшилось, а улучшилось. Но главное – нашел любимое дело, которое мне нравится, которому я отдаюсь сполна.

Поверь мне, я не столько думаю о доходах, сколько о том, чтобы помочь людям выкарабкаться из нужды и бедности. Я стараюсь делать сегодня все для того, чтобы «челночному» туристу было спокойно и хорошо, чтобы он не гонялся только за товаром, а познавал, изучал историю новых стран, радовался, восторгался их высокой культурой... Глядишь, и он что-то хорошее, красивое привнесет в свою и нашу жизнь.

– Думаю, ты можешь быть и спонсором, оказывать благотворительную помощь нуждающимся...

– Спасибо за доброе слово. Оказываю скромную поддержку студенческому фонду, спонсировал международный турнир имени Али Алиева и «Махачкалинских бродяг». Недавно Каспийску выделил два миллиона рублей. Помогаю строить в родном селении Изано Ах-вахского района мечеть.

Как-то заходит ко мне парень из интерната сирот за помощью. Представляется – Мурад Муртузов и говорит, что очень нужны деньги на поездку в Москву для лечения глаз. Поверил я ему. Выдал 750 тысяч. Спустя некоторое время заходит сияющий, со словами благодарности. Вылечили. Разве не защемит сердце от радости, что еще одному человеку стало хорошо на земле?

– **Как выживаешь в условиях конкуренции?**

– Конкуренция очень сильная. Если три года назад туризмом занимались 3-4 фирмы, то сегодня чуть ли не каждая сапожная мастерская. Ну, это фигурально, ныне их в городе не менее шестидесяти. В этих условиях нашей фирме приходится нелегко. Но живем и работаем. Добиваемся этого благодаря выполнению обязательств, которые даем туристам. Кроме того, оказываем высокие сервисные услуги.

– **Что бы ты оставил из той, ушедшей, системы?**

– Порядок. В широком смысле слова. Без порядка и дисциплины ничего у нас не получится. А чтобы был порядок, нужен спрос. Вот его-то и нет сейчас.

– **Если бы тебе предоставилась возможность начать трудовую деятельность сызнова, какую профессию выбрал бы?**

– Интересный вопрос (*смеется*). Я не знаю, что ответил бы десять лет назад, но сейчас знаю: выбрал бы культуру и в ней конкретно – туризм. На этой работе человек развивается и эстетически, и интеллектуально, он знакомится и общается с тысячами людей, соприкасается с их характерами, интересами, наклонностями, с их мыслями, душой, наконец. Разве это не университет жизни? Как бы мне хотелось создать индустрию туризма! Я сейчас не могу никого пригласить из зарубежных коллег; у нас нет даже приличной гостиницы. Нет каталогов, проспектов, сервиса... А как хотелось бы!

«ДОБРО ДОЛЖНО БЫТЬ СОЗИДАТЕЛЬНЫМ...»

Как улья, взгромоздились аулы высоко в горах. И как божественные пчелы неустанно добывают целительный нектар, так горы раздвигают границы скал и ущелий в желании познать мироздание, неистребимом рвении быть полезным людьми, обществу.

Чох... Кто не знает этот аул с коротким, словно выстрел, названием, который был колыбелью художника Халилбека Мусаясула, офтальмолога Хаджи Булача, прославленного борца Али Алиева... Сколько имен облагородили древний аул своей праведной жизнью, удивительными делами.

А недавно я познакомился с еще одним чоцем. Родившийся в поднебесье, где горы шепчутся со звездами, получив образование на равнине, где сосредоточилась образованная интеллигенция, он сумел – благодаря страстному желанию, напористости, целеустремленности – добиться своего. Сегодня он – заведующий кафедрой глазных болезней Дагмедакадемии, руководитель клиники республиканской офтальмологической больницы, главный офтальмолог Минздрава РД, академик МАН, доктор медицинских наук, профессор. Этот человек – Абдул-Гамид Давудович АЛИЕВ.

О нем как о человеке богатой, открытой души и разносторонних интересов я был немало наслышан, затем довелось встретиться с ним, и я был приятно удивлен его обширными познаниями во многих областях жизни. Потом мы встречались еще дважды... И вдруг однажды он приходит в полдень, в самую жару, когда ртутный столбик показывает 40 градусов в тени. На мой вопрошающий взгляд отвечает: «Я в отпуске». Договариваемся встретиться с утра, пока солнце не нагреет воздух. И первый мой вопрос должен был бы его удивить (ведь не с этого же начинать беседу), но он его воспринял как само собой разумеющееся.

– Вы в отпуске и никуда не уехали? Почему? Не влекут красоты Анталы, Испании, Эмиратов, Кипра? Сейчас модно проводить свободное время в заморских странах.

– В последние годы никуда не выезжал и, даст Бог, не выеду. Не бывал ни в санаториях, ни в домах отдыха. Я не представляю себя попивающим водичку, гуляющим в тапочках. Может, это все еще впереди. Что касается границы... Я достаточно совершил зарубежных поездок, особенно в бывшие соцстраны. И всегда что-то интересное, познавательное выношу для себя из этих путешествий. В 1989 был в Па-

невежисе, в Литве, посетил музей Чюрлениса, Тракайский замок. Впечатления – непередаваемые. А музей караимов заставил меня поражаться судьбе этого народа. Во времена литовского короля Витаутаса Великого в качестве личной охраны выпросили 500 семей крымчан. В их число попали и караимы. Я увидел детскую люльку, которая потрясла меня: она похожа на лакские, лезгинские, татские люльки. Поразили общность слов, которыми они пользовались, быт, который мне понятен. Я понял: люди везде одинаковы, деление на национальности – условно, а если они веруют, то и деление по конфессиям – примитивно, ибо ценности у всех – одни.

Отпуск для меня – это очередные поездки по Дагестану. Не только люблю природу, но и делаю больным операции. Как-то в ауле Герель в Тляратинском районе ко мне подошли люди с просьбой помочь женщине, которая совершала в ауле ритуальный обряд: ослепнет – и некому будет провожать усопших в мир иной. Я согласился ее оперировать. И не одну. Набралось пять больных. Операции проходили на веранде дома. Женщина излечилась, и по сей день мы переписываемся.

– Вы хорошо разбираетесь в политике, экономике, истории, культуре, искусстве... Неужели начало Вашим познаниям дала Чохская школа?

– Я учился в Гунибской школе. В ту пору там работали замечательные, великие, я б сказал, педагоги: русский язык и литературу вели заслуженная учительница России Айшат Кибичева, заслуженные учительницы Дагестана Патимат Мадиева, Шахрузад Шарапилова. Они привили мне и многим ребята любовь и уважение к русскому языку, понимали, что через знание языка лежит дорога к другим наукам, ибо язык – это носитель информации о культуре, истории, традициях народов. Физику преподавали заслуженный учитель Дагестана Гасан Идармачев, Кипли Мадиев. Вот так в далекой Гунибской школе я получил стартовое образование. Но должен заметить, большое влияние оказал на меня и мой отец. Он был инженером-гидростроителем, много знал, в 1929 году окончил землеустроительный техникум, неплохо владел тюркским языком, преподавал основы тригонометрии. Но тем не менее настоял, чтобы я стал врачом, что для многих было непонятно.

Школа привила мне и любовь к живописи. У нас была прекрасная художественная галерея, на уроках нас учили самостоятельно разбирать живописные полотна, делать умозаключения, выводы. Я сам тоже немного рисовал и думал поступить в Московский архитектурно-

строительный институт имени Репина. Но отец сказал не настойчиво, но убедительно: медицина развивается бурно, в ней применяются и физика, и математика, она сегодня универсальна. И я согласился с ним.

Отец мой был верующий человек, но об этом никто не знал. Когда мне было 5 лет, он научил меня читать Коран. И часто повторял: – Будешь ты верующим или нет – это твое личное дело, но Коран знать должен. Он был правильный человек, вел праведную жизнь, никогда не инициировал зло.

Я не такой, как отец. В юности все мы были полны энтузиазма, болели максимализмом – любили повторять: если не мы, то кто же преобразует мир?

Сегодня я экспансивен. Таким заставила стать жизнь. Я ясно понял одну истину: если хочешь делать добро, ты должен быть сильным и физически, и духовно. Чтобы творить добро, надо много работать, страдать, каждый день бороться и доказывать, что ты должен, должен, должен творить добро.

– Эрудиция, широкие познания не подавляют? Ведь умные, мыслящие люди сегодня не в почете.

– Я уверен, что знание – сила. Как говорили древние греки, *Stientia potentia est*. Если человек обременен знаниями – он разочарован, обижен и готов даже образовать партию обиженных. А это представляет опасность для интеллигенции. Знания должны указывать выход из критической ситуации. И я уверен, что любые познания рано или поздно будут востребованы в Дагестане. Главная наша задача заключается в том, чтобы знания сохранились у нас, и мы отдавали их тем, кто хочет их получить. Поскольку резко возросли мотивация и желание к получению знаний. Ведь, по сути, студент – это не сосуд, который надо заполнить знаниями, а факел, который преподаватель должен зажечь. Конечно, это трудно. Но выход вижу в профессионализме. Как, впрочем, и дела должны творить только профессионалы. В чем я лично вижу свою цель. Моя цель – быть лучшим офтальмологом в мире. Бог мне дал мозг, душу, преподавателей, страну. Если я не стану им, лучшим, – виноват я, и только я. Если Святослав Федоров лучше меня – значит, он сумел добиться этого. Почему я не могу добиться своего и стать выше него? Вот в чем заключается моя экспансия.

– Скажите, Вы любите шумные компании или предпочитаете одиночество?

– Откровенно говоря, я не люблю большие компании. По душе

небольшой круг людей, с которыми мне интересно общаться. А вообще наедине с самим собой мне никогда не скучно. Уединение – благо. Оно дает возможность работать.

– Друзья предавали Вас когда-нибудь? Прощали ли Вы им их проступки?

– Друзей у меня немного, где-то 10–15 человек. Круг знакомых более обширен. Но врагов у меня нет. Сама моя специальность не позволяет их иметь. Врагов нет. Может, я сам для кого-то являюсь врагом? Не знаю. Были люди, которые мешали мне жить, и я им благодарен за это. Своими действиями они вызывали во мне активное противодействие. Случаются у меня поражения, но причину их стараюсь найти в себе, а не в обществе. Талейран говорил: – У меня нет ни времени, ни желания думать о своих недоброжелателях.

Моя стратегия – делать все, чтобы стать лучшим офтальмологом в мире. Один из великих людей сказал: – Труд делает мой ум ясным, способствует достижению моих целей, вызывает уважение ко мне со стороны общества и приносит к тому же материальное богатство. Почему же тогда не заниматься этим делом?

– Я слышал, одним из Ваших друзей, и лучшим, является Святослав Федоров?

– Для меня он некий эталон высокопрофессионального врача. И друг. И человек, которого почитаю, к достижениям которого стремлюсь. Я часто бываю у Святослава Федорова в кабинете, и, к удивлению его сотрудников, запираюсь на полтора-два часа (несмотря на его огромную занятость). Он человек очень обширных познаний, – знаете, у нас много общего. Он очень любит природу, охоту, страстный фотограф, как и я. В голодные годы, когда его семья жила в Армении, он зарабатывал на хлеб фотографированием. И мысль стать глазным врачом подтолкнула идеальная модель – камера фотоаппарата, где вместо зрачка – диафрагма, а вместо чувствительного нерва – фотопленка.

Встречаясь, Святослав Федоров часто спрашивает меня о настроениях людей, о Дагестане. Посещаем село Протасово, где находится его конезавод. И вот что поразительно: мне часто задают вопросы: а вы видели его скакунов, а сколько они стоят, вы его автоматические двери видели? И никто не спросит: вы на его операциях присутствовали? Почему у нас дела обстоят хуже, чем у Федорова?

Я понимаю: до Федорова мне далеко, хотя меня и называют дагестанским Федоровым. Но, чтобы стать им, необходимо, чтобы мой комплекс был готов, чтобы он был начинен техникой и аппаратурой

ради того, чтобы поднять Дагестан до уровня цивилизованных стран. Превознося Святослава Федорова, я делаю все, чтобы достичь его и ... перегнать, ибо предела совершенству нет. И, если я это осуществляю, Федоров будет только рад.

– Одно время Святослав Федоров очень активно вошел в политическую жизнь России. Так ли необходимо крупному ученому заниматься политикой? Вы не говорили с ним на эту тему?

– Мое мнение такое. Совершенно не должно любому интеллигентному человеку участвовать в мелкой возне. Но в крупном деле – профессионал высокого класса, который добился всенародного признания, – не только может, но и должен. Чтобы показать, как надо правильно и эффективно работать, честно относиться к жизни, Федоров, создав свою клинику, доказал всему миру, что не национальность, не вероисповедание, не цвет кожи, не пол являются двигателем прогресса, а высокий профессионализм, умение эффективно работать. И если он говорит: – Уважаемые друзья – политики, посмотрите, как я все это сделал. И все экономисты, философы, социологи примут его постулаты за основу и внедрят во все сферы жизни страны, – это приведет к прогрессу. Федоров делает огромное дело. А грязным политик считается тогда, когда занимается политикой ради удовлетворения своих корыстных интересов.

Я ясно и четко понял одну истину: чтобы жить спокойно, надо приумножать количество сытых людей. Если не создать прослойки среднего класса, общество становится взрывоопасным: ведь намечается крайняя поляризация масс. Вот Федоров и не желает, чтобы Россия распалась на мелкие княжества, и предлагает свой рецепт выхода из кризисной экономической ситуации: создать класс созидателей на основе свободного общественно полезного труда, а не потребителей.

– А Вы сами не думаете заниматься политикой?

– Нет, не думаю. Очень много профессиональных проблем поставили передо мной жизнь, моя республика, да и я сам. Я являюсь заведующим кафедрой глазных болезней Дагмедакадемии, главным офтальмологом Минздрава республики, председателем Дагестанского общества офтальмологов. И вот весной руководством республики утвержден директором Республиканского центра микрохирургии глаза. Когда мой профессиональный опыт будет реализован и я покажу своим примером, как правильно организовать работу, только после этого, мне кажется, я буду иметь право что-то советовать другим.

Вот Федоров в этом плане совершенно прав. Ему ныне уже семьдесят лет, и с высоты своего профессионального и жизненного опыта,

причем опыта положительного, он знает, как должно быть построено и обустроено общество, чтобы оно работало с максимальной эффективностью. А играть в политические игры, потому что это модно, или манипулировать политическими, социальными проблемами республики, как это многие, к сожалению, делают, я не намерен.

– Абдул-Гамид Давудович, аул Чох дал Дагестану, я думаю, не только Халил-Бека Мусаясула, Хаджи Булача, Али Алиева?

– В этом горном ауле, где я родился, то ли по стечению обстоятельств, а может, по воле божьей, рождались удивительные люди, которые внесли яркий вклад в историю Дагестана. И во времена нашествия Надир-шаха, и, в бурные годы Кавказской войны и после Октябрьской революции этот аул давал миру востребованных людей, и общим для них была ошутимая историческая деятельность на благо своей малой родины – Дагестана. Что удивительно: деятели были популярными. Одни, находясь в царской армии, получали офицерские чины и дворянские титулы, другие верой и правдой служили имаму Шамилю. Наиб Инков-хаджи был предан имаму до конца дней своих, а Закарья Нахибашев имел удовольствие получить из рук Александра II золотые часы за строительство горных дорог в Дагестане и звание горного инженера. В Чохе было 9 мечетей и крупное медресе, в котором преподавали алимы, известные всему Дагестану. А за пределами нашей малой родины своим полководческим даром славился чохец маршал Фазил-паша. Широко известны сегодня имена профессора Хаджи Булача, который являлся одним из основателей Дагмединститута, Муслима Нахибашева – основателя, а в последующем одного из первых наркомов здравоохранения, первого ректора Дагмединститута, первопечатника Магомед-Мирзы Мавраева, который первым начал издавать книги на всех языках Дагестана на аджаме – основе арабского алфавита. Чох дал народу профессоров, докторов наук и почему-то, а почему – и сам не ведаю, очень много врачей и ученых медиков.

– Чем, на Ваш взгляд, обусловлено обилие знаменитостей из аула Чох?

– Мне кажется, большим смешением различных культур на протяжении большого исторического опыта. Чохец имеет свое лицо, свою ментальность. Он воспитан быть хорошим прагматиком. Чохцы – созидатели, а созидатель – всегда прагматик. Чувство исторической ответственности заставляет людей работать или хорошо, или вообще не занимаясь выбранным делом, если не получается.

– Как Вы лично оцениваете свои достижения в офтальмологии?

– Считаю, что мне многое еще предстоит сделать. Национальный и профессиональный потенциал офтальмологов Дагестана позволяет удивить мир, но отсутствие технических и материальных условий, передовых медицинских технологий приводит к тому, что мы не можем угнаться за новейшими достижениями зарубежных офтальмологов. И все же будущее Дагестана оптимистично. В последние годы наметились четкие тенденции руководства республики в кадровой политике отдавать предпочтение профессиональной состоятельности претендента на ту или иную должность. И в этом смысле я благодарен, что мне доверили возглавить Дагестанский Центр микрохирургии глаза, который является притчей во языцех с 1992 года.

– Любопытно, помните ли Вы своих наставников?

– Прежде всего хочу заметить: мы не должны забывать, что нашу Дагмедакадемию создавали представители многих национальностей Советского Союза. Что касается меня, то я защитил кандидатскую диссертацию в Одесском НИИ глазных болезней имени академика В.П. Филатова. Кстати, В.П. Филатов, уроженец Рязани, всю жизнь работал на Украине и в Одессе создал всемирно известный институт. Консультантом докторской диссертации у меня был выдающийся ученый, академик, профессор Э.С. Аветисов, другим консультантом – академик, профессор Ю.З. Розенблюм, оппонентом на защите – профессор Р.А. Гундорова. Докторскую диссертацию защитил в Московском НИИ глазных болезней имени Г. Гельмгольца. Как видите, даже сама география и перечень людей говорят, о том, что наука изначально интернациональна. И не должно, не может в ней быть национальных и этнических границ. Я бы сказал, наука является в хорошем смысле слова собирающим началом в обществе, при единственном условии: если его можно назвать цивилизованным.

– Абдул-Гамид Давудович, велико ли число больных, которым Вы вернули зрение?

– Ежегодно оперирую около 350-400 пациентов. Но было – время, когда заведовал отделением и проводил 500-550 операций. По ориентировочным подсчетам, за свою деятельность, думаю, провел не менее пяти тысяч операций. Как определить много или мало? Но для человека, который вернулся из мглы, это страшно много, грандиозно много. Ведь зрение – самый чудесный дар природы, и возвращение его всегда волновало не только умы ученых, но и простых людей. В 1997 г. я был в Израиле и посетил то место на берегу реки Иордан, где Иисус Христос творил свои чудеса, и среди первых чудес было исцеление от слепоты.

– Ваша профессия Вам помогает добиться материальной обеспеченности?

– Думаю, что у меня хватило бы способностей стать «новым дагестанцем», но я доволен тем, что избрал этот путь. А понятия бедности и богатства для меня относительны, вспоминаю о них только тогда, когда неблагоустроенность быта мешает мне эффективно работать. Чтобы творить, я должен иметь зарплату, кормить семью, знать, что она будет одета и обута. Материальное благополучие – не самоцель, а основа профессионального совершенствования.

– Сегодня набирает темпы нетрадиционная медицина. Как Вы относитесь к ней?

– Отношусь с уважением, поскольку она представляет исторический интерес. Но отдаю предпочтение новейшим медицинским технологиям, основанным на новейших достижениях медицинской науки.

– Хотя в Дагестане люди не любят говорить о душевных проблемах, все же задам вопрос: вы человек сердобольный, добрый?

– Честно говоря, мне непонятны такие понятия, как сердобольный, добрый. Потому что в этих словах нет компонентативного участия. Недостаточно только сопереживать, хотеть добра, несмотря на то, что это уже хорошо. Надо быть активным творцом добра. А для этого недостаточно благожелательного, добродушного созерцания действительности, необходимы желание и возможность улучшить мир. Для меня добро – процесс активный, экспансивный. Оно должно быть созидательным, фонтанирующим.

– Вы, должно быть, очень бережете свои пальцы – сложные операции требуют крепких, здоровых пальцев и рук. Так вот, бережете ли Вы в руки молоток, гвозди, ножовку?

– Я вам скажу и другое – по рукам можно и о многом судить, даже с большей достоверностью, чем по лицу. А что касается вашего вопроса... Я не особенно берегу пальцы, да мне и в голову это не приходило. Я сам монтирую колеса своей машины, люблю повозиться на земле с лопатой. И, раскрою вам секрет, в перспективе мечтаю взять в руки кисть художника. Я увлекаюсь живописью – но лет десять не рисую. Мне часто снится, как я пишу. Убежден: вернется время, когда вновь встану перед мольбертом. Люблю посещать вернисажи, читаю искусствоведческие статьи, в частности Т. Петениной, которые вводят в мир прекрасного, за что я ей благодарен.

– Как относятся к Вашей профессии члены семьи?

– Великолепно. Жена моя – сама офтальмолог, дочь стала офтальмологом, сын учится на 4 курсе Дагмедакадемии. Хочу, чтобы

тоже стал офтальмологом. Руководствуюсь не клановостью: просто хочу передать ему свои знания. Процент двадцать моих студентов, уверен, станут офтальмологами. Я горжусь своей семьей, своими студентами. Горжусь своей профессией, дарующей людям свет. И бываю безмерно рад, когда выдаются свободные минуты, позволяющие мне уединиться. Уединение необходимо для самоанализа, самоанализ – для самосовершенствования, а самосовершенствование – для более высокой профессиональной отдачи обществу. И я считаю, убежден, что любая мысль, любое действие должны быть созидательными и активными.

«РУКИ ХИРУРГА – НЕ РОБОТЫ, ОНИ ИСПОЛНЯЮТ ВОЛЮ УМА...»

Впервые я увидел его после операции, в реанимационной: меня привезла в Центральную больницу «скорая», и я не замечал вокруг себя никого, ибо стонал и корчился от невыносимой боли... Над моей головой, рядом с капельницей, стоял седой мужчина и тепло улыбался мне. Улыбка его была поистине щедрой... Спустя несколько лет я увидел его портрет в газете. На этот раз обратил свой взгляд на руки. Довольно большие, мясистые ладони, полные крепкие пальцы заволаживали. Такие руки бывают обычно у каменотесов, хлебопашцев... А мне казалось, что у хирургов должны быть тонкие руки и хрупкие пальцы, как у пианистов и скрипачей... И потому я решил ошарашить своего собеседника Магомеда ЗАГИДОВА, заслуженного врача РД, доктора медицинских наук, профессора Дагмедакадемии, академика Нью-Йоркской биологической академии США необычными, казалось бы, для него вопросами. Захочет ли он на них ответить? Не попросит ли задать другие, попроще, пообыденнее, не набившие оскомину, не затрагивающие, как говорится, ни душу, ни сердце.

Итак, я решился задать свой первый вопрос:

– Скажи, пожалуйста, когда ты оперируешь, то есть рассекаешь ткань, касаешься пальцами внутренних органов, что-то чувствуешь? Соприкосновение пальцев с больным органом сообщает что-нибудь?

– (Он внимательно и изучающе смотрит на меня, но недолго). Каждый орган и каждая ткань имеют свое свойство и в здоровом состоянии, и в больном. И все ткани меняются в зависимости от характера заболевания. Часто они уплотняются, сжимаются, повышается их температура. Иной раз бывает, что с воспаленным органом срастаются соседние здоровые и это состояние определить трудно. Но надо...

– Значит, ты хочешь сказать, что пальцы могут чувствовать, ощущать, предугадывать?

– Ну конечно. Это необходимое качество хирурга – чувствовать. Иной раз его пальцы даже слышат. К примеру, у больного острый приступ: то ли кишечная непроходимость, то ли аппендицит. Вот тут умные пальцы хирурга могут установить диагноз.

– А передают ли руки хирурга больному энергию?

– Безусловно. Всегда. Руки человека вообще обладают определенной энергией, которую они передают при прикосновении, при мас-

саже. Но вот степень выраженности этой энергии не у всех одинакова. Вот у Джуны Давиташвили энергия рук очень высокая, об этом она узнала случайно, когда работала официанткой. За столиком, который она обслуживала, произошла драка. Джуна подошла к потерпевшему мужчине и стала вытирать с него кровь: кровотечение тут же остановилось. Так она узнала о своем божественном даре.

Энергия восприятия чувства и отдача энергии у разных людей выражается по-разному.

– Я чувствую, что ты обладаешь положительной энергией. Но есть врачи, несущие отрицательную. И общение их с больными – беда. Или я неправ?

– Да, ты прав: это беда. Есть врачи, с которыми больным неприятно общаться, даже прикосновение их вызывает у больных отрицательные эмоции. А ведь войти в доверие к пациенту – это большое искусство.

– Признайся, рываться во внутренностях человека во время операции – а ведь часто его оперируют, не успев подготовить, ибо приносят с «колес» – не противно?

– Абсолютно. Потому что думаешь не о личном удобстве, а о жизни и здоровье пациента. Я стремлюсь всегда избавить пострадавшего или больного от опасной раны или болезни, угрожающей его жизни. Для этого, конечно же, надо преодолеть препятствия, и неприятные моменты в том числе.

Когда ты выполняешь поставленную перед собой цель – обращаешь внимание на обстановку, в которой находишься.

– Можешь вспомнить, когда ты сделал свою первую операцию?

– Я ее выполнил, будучи студентом четвертого курса. И почувствовал, что всего достиг: так был горд своей работой. Пришел в группу, рассказал ребятам. Это дошло до всего курса. Ты поймешь меня: молодые были, появилась какая-то ложная гордость, самоуверенность. А было так. Я проходил практику в тюремной больнице, что на Краснофлотской улице. И как-то надо было удалить больному аппендикс. Главврач Далгат Гамидович Испагиев обратился к трем студентам, возьмутся ли они оперировать больного. Те отказались. А я согласился. Ведь я очень хотел стать хирургом!:

– И все-таки руки – это умные роботы, исполняющие волю ума, десятилетиями приученные к точной и тонкой работе, или и они могут дрожать, ошибаться, приводить к трагическим последствиям.

– Нет, они не роботы, но исполняют волю ума. Дрожание, неловкие движения, конечно, бывают. Они связаны с устойчивостью, стабильностью нервной системы хирурга, с поиском выхода из критических ситуаций.

Часто случается: идя на одну операцию, хирург вдруг устанавливает совершенно другой диагноз, и требуются совершенно иные манипуляции. Неподготовленный к такому стечению обстоятельств человек обязан уступить место более опытному хирургу. А если рядом такого не оказывается – отложить операцию.

– Под твоими руками умирал человек?

– Один такой случай был, когда поступил человек с ранением сердца и крупных сосудов. Только открыл грудную клетку – умер. Не смог запустить сердце. Да, был и второй случай опять-таки с ранением сердца. Ушили рану, реанимировали больного, но мозг не выдержал критической ситуации и умер: он живет 4-5 минут без кислорода.

– И что ты чувствуешь после подобных исходов?

– Дело в том, что смерть бывает разная. Если человек умирает от тяжелой болезни, которую нельзя лечить, воспринимаешь иначе, чем когда умирают молодые, жизнеспособные люди, которых можно было бы спасти, – переживаю очень...

Существуют мельчайшие, но важнейшие оперативные манипуляции, от которых зависит жизнь. Успеешь их совершить – спасешь человека, промедлишь – потеряешь. К примеру, перевязал вовремя сосуд – пациент остался жить. Не успел – нет его. Разве это не больно?

– Ты бережешь свои руки или не чураешься никакой другой работы? Скажем, колешь, рубишь, строгаешь?

– Естественно, горцы не работать не могут. Но уход за руками, а главное – помнить, что эти руки надо держать в чистоте – эта мысль всегда присутствует.

В любом случае руки хирурга подконтрольны санэпидстанции. Кстати, подконтролен и нос: чтобы болезнь, если она есть, не передавалась больному.

К нашему большому сожалению, ныне здоровье хирурга не всегда и не везде проверяют, а ведь прежде регулярно проверяли. Это упущение нашего времени. Чтобы быть всегда в форме, хирурги должны заниматься игровыми видами спорта, только не тяжелыми. Игровые виды учат их скорости реакции, поиску выхода из сложных ситуаций, выносливости. Да и занимающиеся спортом люди мало болеют. А это для нас очень важный момент.

– Магомед Загидович, ты читаешь лекции. Перед тобой сидят

десятки, сотни студентов. Ты смотришь на их лица, видишь глаза... А обращаешь ли внимание на руки?

– Я читаю лекции хирургам, работающим интернами и клиническими ординаторами. Конечно, замечаю их повадки, обращаю внимание на руки. Есть среди них и такие, которые числятся хирургами, но хирургией мало занимаются.

– Не секрет, что нынешние студенты отличаются от студентов нашей поры. В те годы буквально грызли науки. Сегодня, к сожалению, «грызунов» – мизер. Не страшит, что через 5-10 лет в медицину придут слабые врачи-неучи? Они уже сегодня идут.

– Постановка вопроса интересная и правильная... Подобное явление имеет место. И потому в настоящее время ректор медицинской академии Абдурахман Османович Османов качеству учебного процесса придает огромное значение. По его инициативе создан аналитический центр, проверяющий качество преподавания, процесса усвоения, успеваемости студентов, посещаемость ими занятий. Центр контролирует справедливость оценки знаний. И потому те тревоги, которые были, уже сняты. А также повышены требования к профессорско-преподавательскому составу.

– Не в обиду тебе говорю, но ходят разговоры, что студенты платят определенную сумму за сдачу зачетов, экзаменов... Оценка становится не мерилom знаний, а товаром. Ты не сталкиваешься с такими фактами?

– Те студенты, которые надеялись быть врачами, без глубоких знаний профессионалами не станут. Старательному студенту для учебы у нас созданы все условия.

Что касается того, сталкиваюсь ли я с такими фактами... лично на нашей кафедре их не было и быть не может.

– Как складывалась твоя жизнь на пути к хирургии? И как ты шел к своим высотам?

– (Задумывается). Вся жизнь у меня была сложная. Отец погиб на фронте в сорок третьем году, и мы остались одни – три сына с мамой. Мне, как старшему, досталось... пришлось заниматься хозяйством с двенадцати лет. Зимние месяцы в школе учился хорошо, а вот в весенние и осенние пропускал много уроков – и соответственно, знания были слабые. И все же в институт поступил, было это в пятьдесят седьмом. Несмотря на большой конкурс, семь человек на одно место, набрал четырнадцать баллов из пятнадцати возможных. Первое время учиться было очень тяжело: я слабо знал русский язык. Со второго

курса организовали группу подготовки, перед сессией занимались с шести утра до десяти вечера.

После окончания института работал в 1-ой городской больнице ординатором и преподавал в медтехникуме, дежурил на «скорой помощи». Через 5 лет после окончания института поступил в аспирантуру, выдержал конкурс, работу выполнил в срок. После окончания аспирантуры стал ассистентом кафедры факультетской хирургии, которой руководил первый член-корреспондент Академии медицинских наук СССР на Северном Кавказе Рашид Пашаевич Аскерханов. От него я набрался многого. 20 лет работали рука об руку. Я чувствовал его большое доверие к себе. Он изредка говорил мне: «Когда ты дежуришь, я всегда спокоен». А своему именитому коллеге он как-то сказал: «Это единственный из моих учеников, за действия которого мне не приходилось краснеть никогда».

Тем не менее в научных рекомендациях я ослушался его. Он советовал мне продолжать работу над заболеваниями сосудов (и это было связано с рентгеноблучением). Но... коррективы внес случай... Умер мой близкий друг от амебного абсцесса печени. Его оперировали в одной из больниц республики. Случайно история болезни попала мне на рецензию. Выяснив причину его смерти, я задался целью заняться проблемой предупреждения осложнений при лечении гнояников печени. По этой проблеме на сегодняшний день у меня 4 изобретения, защищена докторская диссертация, выпущен ряд методических рекомендаций, монография.

Об одном из своих изобретений я докладывал в Москве на симпозиуме по заболеваниям печени с участием иностранных специалистов. И вот сразу после доклада мой коллега из Москвы сообщил мне, что американский хирург скопировал все наглядные слайды, очевидно, и текст перевода. Тревога была связана с тем, что американец мог присвоить приоритет открытия. Но я успокоил его, объяснив, что уже имею на изобретение авторское свидетельство.

Спустя год, я получил диплом Нью-Йоркской академии США и ряд предложений переехать на работу, на сотрудничество. Но... отказался. Почему? Я считал нужным работать здесь.

– Тебе, небось, помогли твои добрые ангелы?

– (Лицо его озаряет добрая, теплая улыбка). Добрых ангелов не было. Всего добивался сам. Становлению как хирурга помог Рашид Пашаевич Аскерханов, а при выполнении докторской работы – профессора А.З. Магомедов и А.М. Шахназаров.

– Трудная жизнь накладывает отпечаток на характер, даже выковывает его: ты человек добрый, сердобольный или строгий, суровый?

– Добрый... Конечно, добрый. Но и строгий, больше принципиальный.

– А доброта эта от кого?

– От мамы. Мама у меня была очень добрая и сердобольная женщина.

– А улыбка? Тоже от матери, скажешь?

– От мамы. (Смеется). С ликбезовским образованием она была завхозом в колхозе. Кстати, дед мой, отец мамы, был другом Магомедмирзы Хизроева... Так вот, все гонохцы указывали маме: почему детей отправляешь на учебу, пусть работают в колхозе. Но она выдержала давление аульчан, и все трое ее детей получили образование.

– Ты целенаправленно, упорно, настойчиво разрабатывал, изучал, развивал ту область медицины, в которой специализировался и которую успешно применяешь. Но ради чего? Денег? Славы? Каковы мотивы столь тяжелого труда?

– Только ради здоровья людей. Спасения людей. Не случись несчастия с моим другом, быть может, не было бы и меня как специалиста по печени.

– Ты случайно не сосчитал, скольких спас от смерти?

– Это практически невозможно. Я оперировал семнадцать человек только с ранением сердца, одиннадцать из них удалось реанимировать. А всех сосчитать... невозможно. В республике выполняют тридцать пять-сорок тысяч операций в год, и из них добрая половина – срочных. Если оперировать больного – он выживает, нет – умирает.

– Сегодня твои руки, пальцы, физическая подготовка не дают сбоя?

– Нет. Сегодня я в состоянии делать операции. Никакой физической усталости не чувствую. Но вот при умственной работе усталость ощущаю. Это, я думаю, связано с тем, что практически никогда не использую свой отпуск, не отдыхаю в санатории или на курорте. Мне бывает странно слышать, когда говорят: я отдыхаю. Как можно отдыхать, и от чего?

Лично я отдыхаю, когда занимаюсь спортом, то есть играю в бадминтон, волейбол. Занимаюсь через день в спортзале Дагсельхозакадемии, где старостой группы является уважаемый всеми нами академик, президент ДСХА Магомед Мамаевич Джамбулатов. Но... я остро ощущаю необходимость побывать в родном ауле, насла-

даться природой, побеседовать со стариками, с молодежью... Это – мои корни, мои истоки.

– Какие ценности ты сумел привить детям своим?

– Во-первых, честность. Во-вторых – умение четко организовать учебу и работу, создать четкий режим, для каждого года ставить задачу. В Новогоднюю ночь всегда спрашиваю: что вы сумели совершить в уходящем году и что планируете на следующий?

Если сумею им привить весь этот нехитрый комплекс требований к себе, – может, чего-то и добьются в жизни. Старший мой сын работает в органах, он майор милиции. Младший ждет поездки на учебу за границу по подготовке руководящих работников по указу Президента. Дочь учится в аспирантуре, младшая – школьница.

– Ты не жалеешь, что стал хирургом, а не предпринимателем, который так моден сегодня и пользуется почетом?

–Честно? (Улыбается). Я горжусь, что я хирург. Когда два года назад в районе чествовали меня, я специально подчеркнул дальновидность и мудрость моих земляков, которые оказали мне столь великую честь – пришли поздравить с юбилеем, когда самыми уважаемыми, казалось бы, становятся предприниматели. Люди знают цену всему, а цену жизни – в особенности. Кто сидит и день и ночь рядом с больным, вырывает его из когтей смерти? Врач.

В любое время я готов оказать помощь человеку. Это мой долг.

«БОРЬБА ПОМОГЛА МНЕ ВЫСТОЯТЬ И ВЫЖИТЬ...»

Об этом человеке, внешне ничем не отличающемся от других, в беседе – обаятельном, в случае необходимости в помощи – добром, отзывчивом, я невзначай услышал удивительные истории. Вся сознательная жизнь его проходила и проходит в борении, творческом поиске, защите гуманистического начала. Все его помыслы посвящены деяниям во имя человека.

Не скрою от читателя: мнение знающих его людей, да и слышавших о нем – разное, неоднозначное. Потому и интересно узнать внутренний его мир, услышать от него самого о предназначении человека, врача, ученого. Мой собеседник – кандидат медицинских наук Гаджи Магомедович МАГОМЕДОВ.

– Гаджи Магомедович, очевидно в ближайшем будущем мы будем называть Дагестан не только Страной гор, но и страной академиков. Пошла какая-то эпидемия академизации. Безусловно, иметь в такой маленькой республике, как наша, армию академиков неплохо – и для науки, и для престижа. Но вот вопрос: есть ли у этих академиков багаж открытий, исследований, имеющих практическое значение?

– Скажу так. С одной стороны, хорошо, что люди стремятся к высшим рангам. Но... И тут возникает это злополучное «но». Следовало бы обладать глубокими всесторонними знаниями. Настоящими знаниями. И прежде, чем получать почетные звания международных академий, было бы лучше, да и логичнее получить их у нас, в нашем Отечестве. А международные... Не ведаю, что они дают ученому, но знаю, как их добиться, – не нужно прилагать больших усилий и быть семи пядей во лбу. А вообще вопрос этот сложный, многогранный и ответа требует неоднозначного.

– Вы сами не пытались получить звание зарубежной академии? Скажем, Нью-Йоркской или какой-либо другой

– Нет. Один из видных московских академиков (не буду называть его фамилии) предложил отдать ему научные работы по отоларингологии и обещал содействовать мне – стать членом зарубежной академии. Но я был так загружен работой, что буквально не хватило времени собрать и отослать материалы. Вас удивляет, а это факт. У меня не хватает времени завершить начатые монографии, написать заявки для получения патентов на новые изобретения, новые методы операций.

И у Вас нет никакого желания подняться, как говорится, по лестнице вверх?

– В свое время было. Наукой я стал заниматься со студенческих лет. После того, как заслушали мой доклад, который я сделал на Всероссийском съезде отоларингологов в Ростове-на-Дону, меня приняли в аспирантуру Московского научно-исследовательского института уха, горла и носа. Точнее, я получил приказ о зачислении в аспирантуру без экзаменов. В ту пору я первый год работал в Ботлихской районной больнице. Будучи аспирантом, я за полтора года завершил кандидатскую диссертацию и там же начал работать над докторской. Тема ее была совершенно новая, никем еще не выполненная: пересадка и создание искусственной гортани.

Чтобы овладеть сложнейшей хирургической техникой, в том числе микрохирургической, я прошел подготовку во многих престижных институтах Москвы. В институте имени Склифосовского я стажировался в лаборатории по пересадке органов, которой руководил профессор с мировым именем В. Демихов. Кстати, у него практиковался ставший впоследствии всемирно известным хирург Кристиан Бернар. В этой лаборатории я провел немало экспериментов. Одним из них, промежуточным, была пересадка собаке головы.

– Имели Вы в Дагестане условия для проведения опытов и исследований?

– Я уже в двадцать лет был кандидатом наук и работал над докторской диссертацией. В исследовательской работе добился, не считайте за нескромность, заметных результатов: сумел осуществить пересадку головы собаке. Думал, в Дагестане меня примут, найдут применение моим умениям и знаниям. Как я был наивен! В Махачкале мне не дали работу не только в мединституте, но даже полставки врача в больнице. Кстати, такая же судьба постигла и некоторых других дагестанцев. Но я не сдавался. Я всячески пытался проводить свои эксперименты и исследования в Махачкале и Каспийске, при участии работников мединститута и врачей. Мною были сделаны три попытки, и все три раза мне не давали их провести, чинили препятствия. То аппаратуру и инструменты уничтожат, то разрушат светосистему в лаборатории.

Кто за всем этим стоял конкретно – не знаю. Но препятствовал мединститут. Вот с того времени и началась моя судьба, опасная для жизни, за право быть ученым.

– Чего Вы добились как врач-практик, что нового внесли в практическую медицину?

– Будучи студентом, а затем работая в Ботлихской районной больнице, я делал все операции по своей специальности, которые проводились в

республиканской больнице. Помню, в Ахвахе при свете керосиновой лампы в течение четырех часов делал операцию на ухе со вскрытием мозга, которая прошла успешно. В той же больнице девочке, которую настигла клиническая смерть, сделал операцию на дыхательном горле, удалив инородное тело из бронхов. В ту пору мне было двадцать шесть лет.

Я уже тебе сказал, что в аспирантуру меня приняли без экзаменов, но велели провести три операции. Присутствовавшая на них заведующая клиническим отделением научно-исследовательского института профессор А. Аткарская впоследствии своих аспирантов и ординаторов посылала на мои операции. Помню такой случай. Поступил к нам на операцию носа капитан сборной СССР по хоккею с шайбой Борис Майоров. Ну и стали судить да рядить, кто будет его оперировать. А. Аткарская прервала споры, кинула на стол историю болезни и обратилась ко мне: «Лучше всех оперируешь ты. Оперируй и Майорова».

Хочу заметить, что я в ту пору одновременно работал по совместительству ответственным дежурным в приемном отделении самой крупной больницы страны – имени С. Боткина. Здесь большинство пациентов и больных было из-за рубежа, так что пришлось и им возвращать здоровье. Моими пациентами были и дагестанцы, имена которых были известны в нашей стране и за рубежом, и члены Российского правительства...

А теперь конкретный ответ. В России и за рубежом пластические или, как их еще называют, косметические операции проводили в два этапа и соответственно в двух больницах. То есть операция по восстановлению носа проводилась в одной клинике, а пластическая операция – в косметологической лечебнице. Около пятнадцати лет назад я впервые в нашей стране объединил обе стадии операции и провел ее одномоментно. По своей, более щадящей методике. Об этой методике я делал сообщение на Всемирном конгрессе отоларингологов в Австрии, на съездах в Москве, Санкт-Петербурге. Ныне такие операции начали проводить в некоторых регионах России.

– Я слышал, что Вы занимались и геронтологией?

– Да, впервые в стране я начал фундаментально изучать процессы старения лорорганов у старых людей и долгожителей. Изучил более трех тысяч человек преклонного возраста как дагестанцев, так и москвичей. Разработал новые методы диагностики и лечения лорзаболеваний. Составил и издал рекомендации, опубликовал более пятидесяти

статей болезни уха, горла и носа. О результатах этой работы я делал доклады на всесоюзных, всероссийских съездах, всемирном конгрессе.

Дважды, в 1990 и 1992 году, из дагестанских врачей только я участвовал во Всесоюзном конкурсе по геронтологии, объявленном Комитетом по здоровью и милосердию. По результатам второго конкурса мне сообщили, что я занял призовое место.

– Вы многие годы вели борьбу за право быть самим собой, за право делать любимую работу. Увенчалась ли она успехом?

– Описать невозможно, к каким только методам давления ни прибегали, чтобы не дать мне работать в Дагестане. Я вынужден был десять лет преподавать в Дагпединституте, потому что передо мной закрывались двери медицинских учреждений. Но я добился своего. Стал профессионалом и лечу не стандартно, не по-книжному, а по своему, научно разработанному методу. Не думайте, что я мог бы остаться на задворках медицины. В трех институтах Москвы мне предлагали место хирурга. А я приехал в Дагестан. И эта борьба сделала из меня бойца и борца. Я сумел выйти победителем. А мои недруги... Да и многие из них были обмануты. Помню, обо мне был написан едкий фельетон. Стечение обстоятельств привело ко мне на операцию его автора (меня он в лицо не знал). После выздоровления он выступил в газете со статьей «Чудеса без чудес», дав работе хирурга высокую оценку.

– Какие операции Вы сегодня проводите?

– Все операции на ухе, горле, носе. Пластические – на носе.

– И все пациенты довольны Ваши работой?

– От меня ни один человек не ушел недовольным. Очень многие пишут благодарственные письма. Сотни и сотни, встречаясь на улице, тепло здороваются и жмут руку.

– Гаджи Магомедович, сегодня можно услышать, что наметилась тенденция выдавливания, выживания практиков. Так ли это?

– Видите ли, многие студенты честно выдерживают вступительные экзамены, хорошо учатся. Но есть, и немало таких, которые поступают, как говорится, по блату или за хорошие деньги. Ни для кого не секрет, что и за текущие экзамены они платят. Закончат они кое-как институт, их нужно устроить на работу, подобрать престижную должность. А кто должен уйти, освободить место? Тот, кто в свое время по призванию пришел в медицинский институт, стал большим практиком, профессионалом. Я не завидую больным 2010–2015 годов. Кто будет их лечить? Я не завидую и новому министру здравоохранения, пре-

красному человеку и профессионалу, которому досталось такое наследство.

– **Какие черты характера Вам нравятся в ученых медиках?**

– Скромность и достоинство.

– **А в самом себе?**

– Это удар под дых, как говорится. Никогда в жизни я не крал. Никого никогда не обижал. Никогда не подхалимничал. Делал только добро. Я потерял многих друзей, которые стали руководителями, и только потому, что не хотел угодничать перед ними. Никогда не возносился, не считал себя выше или ниже других. Никого и ничего не боялся. И, что главное, на мой взгляд, – не пришлось драться до крайнего истощения сил.

– **Какие черты в своем характере Вас настораживают?**

– Крайняя вспыльчивость. Никогда не задумываюсь о последствиях принимаемых решений и действий.

– **У Вас есть хобби?**

– О, а как же! Очень люблю сажать деревья, поливать их, ухаживать за ними. В детстве я с бабушкой сажал деревья и немало. Сейчас недалеко от нашего селения у родника растет огромный тутовник, который радует своими плодами и тенью горцев. Его посадили мы с бабушкой. Когда мне тяжело, неумогу в городе, до предела напряжены нервы, я уезжаю в горы. Ухожу в сады, вдыхая горный воздух и источаемый деревьями кислород. Какое это блаженство!..

Я часто обращаюсь к подросткам, юношам: совершайте богоугодное дело, сажайте деревья! Оно даст вам то, что нужно вашим легким, вашему здоровью.

– **Гаджи Магомедович, Вы активно стали заниматься политикой, возглавили Межнациональный комитет мира и духовности. Какие задачи он решает?**

– Межнациональному комитету мира и духовности уже более трех лет. С самого начала создания он внес лепту в освобождение неизвестных узников «Лефортова» и «Матросской тишины». Главное направление работы нашего комитета – активная пропаганда мира и укрепление братства между народами Дагестана и всего Кавказа, воспитание духовности и внутренней культуры молодежи и всего населения, установление человеческого отношения между людьми, утверждение достоинства, разума и добра. Президиум Комитета состоит из двадцати человек: в него входят члены Госсовета, депутаты Народного Собрания, представители интеллигенции, духовенства. В свое время они неоднократно выезжали в Грозный, Вено. В дни трагических

событий в Кизляре и Первомайском члены Комитета принимали активное участие в освобождении заложников.

– Нужно ли ученому-медику заниматься политикой? Не мешает ли она практике врача?

– Может, и мешает. Политикой надо заниматься не во вред своей профессии. Но... я считаю, что сегодня, когда так резко увеличилось число психических заболеваний, врачу следует как раз больше заниматься политикой, то есть спасать человека, ибо только он так хорошо, полно и обстоятельно знает психику человека. Я так думаю.

Подчеркиваю: я имею в виду не ту политику, которая ведет к свержению правительства, изменению государственного строя, а ту, что расширяет мировоззрение человека, оздоравливает его психику и в целом его здоровье. Ибо в нынешнее время – я в том глубоко убежден – нужно беспокоиться о здоровье народа. А здоровье народа и состояние медицины – эта основа государства.

– Как бы Вы устроили свою жизнь, если бы Вам предоставилась возможность начать ее сызнова?

– Так же, как и устроил. Но, безусловно, с некоторой корректировкой.

«ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ... И ЛЮДИ МЕНЯЮТСЯ...»

Поэты были, есть и будут барометрами эпох. Поэты от Бога. Потому что они как никто другой тонко знают психологию человека, остро чувствуют настроение и пульс общества.

Владимир Маяковский, прекрасно разбираясь в природе отношений между людьми и защищая собственное «я», в начале минувшей эпохи писал: «К одним паспортам улыбка у рта, к другим – отношения плевое».

Отношения те сохранились и поныне, поскольку они присущи людям. Потому актуальны и те слова. А если перефразировать... те стихи. Ну чуть-чуть...

Скажем, так: «К тому человеку улыбка у рта, к иным отношения плевое». Несколько слов заменены. А суть остается.

Человек, рожденный матерью-природой, не нуждается в чьей-либо улыбке, не заслуживает чьих-либо плевков. Человек достоин только уважения. Любой. Но каждый в той мере, в той степени, насколько он талантлив, духовно богат, крепок мировоззренческой позицией.

В последние годы заметным уважением стали пользоваться люди, внесшие достойный вклад в ту или иную область общественной, политической, культурной жизни. Их принято стало называть знаковыми. Да вот что замечено: и даже из знаковых иных почитают, а других отстраняют в тень. Почему? По какой причине?

Где те весы, на чаше которых взвешивают, кто из знаковых более знаковый? И есть ли они, эти весы? А может, этот выбор уже среди знаковых происходит оттого, что дремлет совесть общества?

Восемьдесят с лишним лет ходит по земле этот человек. Более шестидесяти лет он украшает землю своим красочным трудом. И наконец подарил республике плод своего сердца, ума, таланта – трехцветный стяг. Символ Дагестана. А поинтересуйтесь у школьника, студента, предпринимателя, знают ли они автора флага своей республики.

Многие ли чиновники министерств, горадминистраций и райадминистраций назовут фамилию человека, который подарил дагестанцам развевающееся над их зданиями полотнище.

Почему иные люди, украшающие жизнь общества, являющиеся солью этой земли, дарующие ей плоды своего древа, остаются незамеченными, на обочине, забытыми?

Казалось бы, мы взяли наконец строит демократическое об-

щество с человеческим лицом. Но, к сожалению, наше желаемое зачастую расходится с нашей действительностью. И как не назвать пророком Виктора Степановича Черномырдина за его летучую фразу: «Хотелось как лучше, а получилось как всегда».

Таков наш менталитет. А потому такова участь нашего общества и отдельно взятого человека.

Вот он сидит напротив меня – спокойный, с теплой улыбкой на лице, умудренный опытом долгой и красивой жизни. Абдулвагаб МУРАТЧАЕВ. Человек, которого еще недавно знала почти вся республика, от простых тружеников до руководителей. А сегодня...

– Ну кое-кто помнит, конечно (смеется)... А кто должен был помнить – забыл. Забывчивость становится частым явлением. Вот два года назад меня представили к званию заслуженного художника Российской Федерации. От нас все документы вовремя были отправлены в Москву, а там где-то застряли. Не знаю, почему. Может, анонимку кто направил, ведь у нас и такое случалось... Одним словом, забыли обо мне.

– Но молодежь, чиновники знают, что Вы являетесь автором флага Дагестана? Общественность, наконец...

– Точно сказать не могу. Ведь сегодня нас, художников, никто не видит. Вот прежде, в Советскую эпоху, мы ходили в вузы к студентам, в школы, к нам в мастерские приходили ребята... Встречи бывали частые, проходили оживленно, интересно – сегодня... совершенно другое время, другая жизнь, что ли, другие отношения...

– В Вашем флаге три цвета: зеленый, синий, красный. Но, как я помню, в эскизах их разделяли узкие белые полоски. И во время обсуждения кто-то из членов комиссии заявил, что изготовить такой флаг будет сложно... Было такое?

– А знаешь, да. Было. Белые полосочки, каждая миллиметров по пять шириной, хорошо разделяли цвета, особенно зеленый и синий, которые почти сливаются. С белыми полосками цвета четко выделялись, да и флаг красиво смотрелся.

А вообще участников конкурса было много, помню, около двухсот человек. Среди них – и депутаты Верховного Совета, и члены правительства, и школьники. Было много соперников, если сказать откровенно – даже противников.

Ситуация создавалась довольно неприятная, грязная: отдельные мои эскизы стали пропадать, исчезать. А эскизов было очень много. Один, к примеру, представлял такой рисунок: сверху флага были изо-

бражены Дербентские крепостные ворота, наподобие Кремлевских ворот...

Да, желающих стать победителями было немало. И все-таки члены комиссии, а затем и депутаты сессии, ведь она утверждала символику Дагестана, выбрали мой флаг. За него проголосовали пятьдесят семь человек, за другие – тринадцать.

– Вас не настораживало, что можете повторить чей-то другой?

– У меня были изображения флагов всех государств мира. Я специально их собрал, чтобы мой флаг не совпадал с другим. И на то время подобного моему не было.

– Если я не ошибаюсь, Вы работали и над эскизом герба Дагестана. Каким вы представляли его себе?

– Ну а тут вообще была история не из приятных. Я работал и над флагом, и над гербом. Герб хотел предложить свой и единолично, то есть без соавторов. А мне предложили присоединиться к другим. Я отказался и почувствовал, что уже не желателен: флаг же представил, чего еще надо?

Даже на комиссии, где обсуждали и отбирали эскизы, меня не приглашали; я появлялся каждый раз без приглашения и приносил все новые и новые работы, а это возмущало некоторых...

Тридцать эскизов, один не похож на другой, все в разных цветах... Члены комиссии рассматривали их, давали мне советы, я прислушивался к ним...

Но, к огорчению, некоторые просто не хотели меня, это было уже явно видно.

– И все же Вы вошли в историю Дагестана как создатель символа республики – его флага.

– Да, это верно. Три года я трудился над эскизами, три года покупал все материалы сам, три года не получал ни от кого ни копейки... Да ладно, не будем ворошить прошлое.

– Кисть и карандаш в Вашей руке, наверное, с детства.

– Это верно, с детства. Рисовал еще до школы, рисовал и будучи школьником. Я, как ты знаешь, таркинец, учился в шестой школе, которая располагалась на улице имени 26 Бакинских комиссаров; сейчас в том здании, расширенном, реконструированном – художественно-графический факультет Дагпедуниверситета. В школе в ту пору кружка не было, и я рисовал, как говорится, по своему разумению, и получал одни пятерки.

– В роду был, очевидно, кто-то, кто рисовал или пел, кто занимался творческой работой...

– Да нет. Вот мама иногда рисовала, но в основном шила. Шитье и помогало ей прокормить нас, детей. Отца моего в тридцать седьмом году репрессировали, а в тридцать восьмом году я пошел работать – мне только минуло тринадцать лет и я вступил в четырнадцатилетие. Вот с тех пор и по сей день работаю. Устроился в живописную мастерскую, где писали вывески, транспаранты, знамена, портреты... Оттуда и пошли мои университеты.

Шли годы. Стали поступать заказы. Заключали договора и выполняли уже большие работы. Я рисовал рекламы, афиши для кинотеатров, занимался праздничным оформлением города. Ведь надо было трудиться, помогать маме, носить передачи отцу в тюрьму.

Со временем я стал хорошим оформителем.

– Если не ошибаюсь, сегодня оформителя называют дизайнером.

– Точно ты сказал. Именно дизайнер. Я работал над этикетками для Дагвино, Дагконсервтреста, коньячного завода, я автор знаков «За заслуги перед республикой», «Золотое перо Дагестана», да и многого еще чего.

И вот к 50-летию Октября мне присвоили почетное звание «Заслуженный деятель искусств Дагестана». Заслужил, наверное. Я так думаю.

– Если оглянуться еще раз назад, в прошлое, какой коллектив Вы назвали бы своим самым богатым университетом жизни?

– Редакцию газеты «Дагестанская правда». Когда вспоминаю то время, тот коллектив, волосы дыбом становятся, мурашки по спине бегают. Какие люди работали там в ту пору! Газета пользовалась огромным авторитетом: ее уважали, с ней считались, ее слова боялись.

Так много мудрого, светлого, доброго дал мне коллектив, так тепло относился ко мне – не забыть до последних дней.

Семь лет работал я художником в редакции, и все эти семь лет для меня были школой, а если хочешь – университетом, который учил совершать добро, беречь честь, совесть, человеческое достоинство, быть гуманным и терпимым. Ведь большинство работников тогда были люди, вернувшиеся с войны, опаленные ею, познавшие цену жизни.

Помню, на праздновании 30-тысячного номера газеты эти родные мне люди преподнесли мне девять книг... Девять книг... А ты знаешь, как ценилась в ту пору книга!

А потом я был директором художественного фонда. Но с газетой не терял связи ни на один день.

– И долго директорствовали?

– Семь с половиной лет. Чуть позднее еще год.

– Наследство доброе получили, наверное.

– Да что ты говоришь. До меня, то есть до моего прихода, там ничего не было. Хотя и не люблю хвалиться, не в моем характере, я много доброго сделал для художников. Ну, к примеру, при мне были построены производственные мастерские (во многом мне помогал обком партии), художники получили квартиры, каждый год они участвовали в различных выставках, выезжали в дома творчества, при мне почетные звания получили Горьков, Горчаков, Салаватов и другие, при мне художники стали получать творческую помощь... Ну, достаточно, наверное.

– Как художник какому жанру Вы отдаете предпочтение: портрету, пейзажу?..

– Портрету. Меня всегда волновал портретный жанр. Я жил им, мучился им и все-таки стал портретистом. А ведь это один из сложнейших видов живописи. Особенно графический портрет.

У меня очень много графических листов, посвященных умельцам Дагестана, а также известным людям.

Графика, должен тебе заметить, очень многогранна. И промышленная графика, которой я занимаюсь, сильно отличается от книжной графики, в которой тоже я работаю. Ты в беседе точно подчеркнул слово дизайн. И вот что я тебе скажу: дизайн можно только придумать, фантазировать, он рождается в тебе самом, в голове. Этим и отличается промышленная графика. Все остальное берется из природы, окружающей тебя.

– Выставки были своего рода школой учебы. Вы участвовали во многих из них, как я слышал.

– Во многих. И не перечить: в республиканских, зональных, всероссийских, всесоюзных. Помню, отличился в зональной выставке «Юг России», где представил шесть графических портретов знатных людей Дагестана: академика Хайбулы Амирханова, врача Мурада Омарова, народного поэта Дагестана Расула Гамзатова и других.

В Москве на Всесоюзной выставке художников автономных республик были представлены мои графические рисунки. За работу «Войлочный ковер» я был награжден медалью выставки.

Участвовал в вернисажах в Каракалпакии, в Баку, в Старой Ладоге, что в Ленинградской области.

В Старой Ладоге была организована выставка книжной графики. По ее завершении все свои работы я оставил в подарок местному му-

зею. Прошло много лет, и вот приходит письмо-запрос обо мне, моем творчестве, моих успехах... Разве не приятно? Очень даже трогательно. А другой пример: в дни проведения той же выставки у одной артистки местного театра был день рождения и из работ шестидесяти художников только на одну из моих картин пал выбор для подарка. Подарил безвозмездно. Моя работа была замечена, выделена, и я был этим просто окрылен. Что может быть выше такого признания?!

Как-то в Дагестан были приглашены из Москвы художники Яновский с женой, чтобы изготовить этикетки и коробки для коньячной продукции. Посетив меня и увидев мои работы, они удивленно заметили: да у вас очень хорошо получаются графические работы! А чуть позже уже Шахрудин Шамхалов сказал: никого больше не будем приглашать, приезжий не знает наш стиль, наш дух. У нас есть свой художник – Муратчаев.

Ты видел, наверное, в Дербенте бочку? Ресторан-бочку? Вот его я оформлял по инициативе Шахрудина Магомедовича.

– Очевидно, Ваши работы выставлены в музеях, хранятся в заказниках, находятся в частных коллекциях. Не можете вспомнить, где, у кого?

– Мои промышленные графические работы были и за пределами России, и на торгово-промышленных выставках, и в валютных магазинах....

Для дизайна и дизайнера музея не существует, сама торговля, сама жизнь – это музей.

А графические портреты в цвете моей работы: Расула Гамзатова в музее изобразительных искусств республики, другой – в ДНЦ; Магомедали Магомедова, Такибат Махмудовой, Сагадулы Абусуева, Мурада Омарова, Магомед Бутаева, Разии Джамбулатовой, Магомед Джамбулатова и других – у них самих, в частных коллекциях. Более двухсот портретов я выполнил и подарил людям, среди них и участники войны, и ветераны труда.

– В народе говорят: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». Кто были Ваши друзья? И какое влияние оказывали на Вас?

– Мои друзья... (задумывается) Многих уж нет...

Вот Мурад Омаров, Магомед Бутаев, Ризван Ханакаев, Гаджи Гамзатов, Рашид Аскерханов...

Магомед Бутаева я знаю с той поры, когда он еще работал помощником первого секретаря обкома партии Абдурахмана Даниялова. А подружились с ним крепко уже по работе в Союзе журналистов Да-

гестана. Прекрасный человек – честный, совестливый, мягкий, дружим семьями. Таких бы побольше...

– Вы знали многих руководителей правительства, обкома партии, были вхожи к ним. Кто из них Вам благоволил, помогал вам?

– Абдулгамид Алиев, заведовал идеологическим отделом. И сейчас он ко мне предрасположен. Магомед Магомедов, заведовал отделом культуры. Магомед-Салам Умаханов, первый секретарь обкома партии.

Помню, к 50-летию Октября я выполнил графический дизайн 20 коробок для пищевой промышленности. Внимательно осмотрели их первый секретарь обкома М.С. Умаханов, секретарь М. Джабраилов, министр пищевой промышленности М. Алхазова, одобрили все двадцать. И тут Умаханов и Коротков говорят: и все-таки среди этих коробок нет особой, значимой, юбилейной.

Я озадачился. Сел за работу. И вскоре принес ее в обком, правда, размер коробки был внушительный. Он понравился всем. А Меседу Алхазова подходит ко мне и шутливо охает: сколько же шоколада надо положить в эту коробку?

– Доступ к руководителям в ту пору был не так строг, как ныне. Да и к людям они были ближе.

– Намного, что ты! Намного ближе и намного доступнее были. Сейчас и на порог не пускают. А когда мы им нужны, конечно, приглашают. Мы тогда, если честно признаться, свободно дышали. Работали и хорошо зарабатывали.

– Абдулвагаб, Вы прожили долгую, богатую творческую жизнь, встречались со многими-многими людьми, имели друзей. И друзья у Вас, а я многих из них знал и знаю, были прекрасными и душой, и помыслами, и поступками. Не растеряли их?

– Есть, конечно, они и сейчас, но мы уже мало стали встречаться. Годы, наверное, сказываются. Или жизнь так повернулась. Но они есть. Вот в недавнюю субботу был в Тарках, у Бекева Бекеева...

Вспоминали молодость.

– А тропа Ваша к высоким чинам еще сохранилась или уже заросла травой?

– Уже заросла. И давно заросла. После того, как подарил флаг. А ведь не то что днями, месяцами, годами пропадал в кабинетах высоких чиновников. Сейчас – нет. Да и не приглашают.

– Вы знаете жизнь, перипетии ее. Она меняется, что-то приобретает, что-то теряет. Как вы считаете, человек стал лучше, чище помыслами и душой или хуже?

– Мы вот беседуем вдвоем, ты воспринимаешь меня как человека. Мы не изменились. Мы жили чисто и честно: получали свою зарплату, ходили на базар... И продолжаем так же жить. Нет, мы не изменились. Времена меняются. Но и люди вокруг нас меняются.

Но из-за того, что времена меняются, разве люди должны убивать друг друга? Выдумали себе эту новую жизнь – брать, хапать... Как противно все это. А ведь жизнь у человека одна и так коротка... Смотришь на всю эту вакханалию и противно, ну никакой радости в душе не осталось.

– Вот Вы заметили, что прежде месяцами, годами пропадали в кабинетах высших руководителей. А сегодня каковы отношения художников с высшей властью?

– Ну распалось же все! С распадом Советского Союза. Нас, художников, не приглашают, не проводятся никакие мероприятия. Прежде художники вместе с музыкантами, поэтами выезжали в районы и на встречи с тружениками, организовывали вернисажи, создавали аллеи Героев, проводили юбилеи... Сейчас я хочу подготовить графические портреты Героев Советского Союза и Героев России к 60-летию Великой Победы и не знаю, к кому обратиться. Мне стыдно говорить об этом: не знаю, к кому обратиться.

Ты меня заставил вспомнить: к 30-летию Победы я подготовил большую юбилейную выставку. Выезжал в Баку для изучения опыта, привез негативы. Я выполнил тогда тридцать графических листов-планшетов размером 60 на 80 см.

Нужна ли такая работа к 60-летию Победы? Я думаю – необходима. Но сегодня об этом никто не думает. Развал – этим можно все и объяснить.

– А как складываются сегодня отношения между обществом и художником?

– (*Отрешенно машет рукой*) Абсолютно никто никому не нужен.

Меня вот выдвигали на соискание Государственной премии республики. Была надежда (*замолкает*). Прокатили...

– Скажите откровенно. Вы сегодня не жалеете, что стали художником, всю свою жизнь отдали работе с кистью и карандашом, красками и тушью. Может, извилистая тропа судьбы вывела бы Вас на политическую арену или на столбовую дорогу бизнеса?

– Тогда мне пришлось бы изменить свое отношение к искусству. А это для меня никак невозможно.

Политика – это борьба. Искусство – отдохновение.

Я сейчас вспоминаю как один радостный миг годы работы в «Дагестанской правде». Какое это было замечательное время, и какие люди были рядом со мной. Чистые душой, люди творчества.

Я никого не подводил. Не врал. Не занимался рвачеством. Никогда не ссорился ни с кем. Не искал недостатков в человеке, изъяны в нем.

– Абдулвагаб, вот Вам исполнилось восемьдесят лет. Прекрасная дата. И вы прекрасно (тьфу, тьфу, не сглазить) выглядите. Не буду говорить о Ваших графических работах, о Вашем подвижничестве в области дизайна. Вы – автор флага республики и это уже немало, если не сказать – много. О Вас вспомнили?

– Союз художников хотел организовать что-то в ресторане, но я сказал: я не привык, чтобы меня околпачивали. Собрал друзей у себя дома, их было немного, человек десять.

А знаешь, я и не хотел отмечать свой день рождения. Домочадцы заставили, а особенно дочь, она из-за меня отказалась от командировки в Москву.

– А от министерства культуры, правительства поздравительное письмо или открытка, телеграмма....

– Да что ты... На такие вещи, я знаю, они не способны. А из Москвы, от художников-дагестанцев были. И немало. Там ведь живет большая дагестанская диаспора.

– Обижены? Осадок на душе остался?

– Да нет, я не обиделся...

– И несмотря ни на что, продолжаете работать?

– Конечно. Выполняю графические портреты погибших на войне, своих родных.

Хотел бы к 60-летию Победы подготовить галерею Героев – они должны быть всегда с нами, с живыми, – да вот средств нет.

А материалы сегодня очень дорогие.

А сердце болит за них. Я их считаю и воспринимаю, как своих родных, как братьев. Они должны остаться с нами.

Как-то неуютно, тяжело бывает на душе от невыполненной работы, вернее – от неосуществленной идеи.

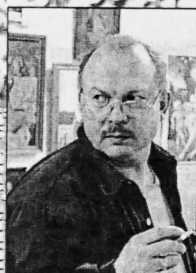
Вспомнил еще один кадрик жизни. На бюро обкома партии решили создать пять медалей – пять звезд Дагестана. Медали с графическим изображением поэтов... Гамзата Цадасы, Сулеймана Стальского, академика Хайбулы Амирханова, композитора Готфрида Гасанова, художника Муэтдина Араби Джемала. И к ним красочные дипломы. Они предназначались для лауреатов Государственной премии респуб-

лики в той или иной области. Поручили эту работу мне. Я выполнил ее в срок и на высоком уровне. Комиссия приняла, обком утвердил.

Это была очень ответственная работа. Но... медали так и не были изготовлены. Советский Союз распался. Развалилась и советская власть.

Кстати, первые медали – с изображением Сулеймана Стальского и Гамзата Цадасы, которыми награждают лауреатов, – тоже мои. Моя работа. Это к сведению, если не знаешь.

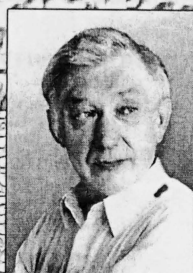
ПОРТРЕТЫ

АБДУСАТУР
НЫСАЕВ

МАТОМЕД
ТЫСЕНКОВ

ТЕРХАДУЙ
ТОЛУЕВ

ХАБИБУЛЛА
АБДУЛЛАТЫПОВ

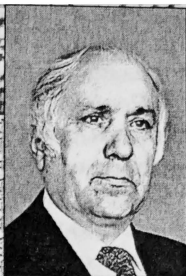
НАРИМАН
АЛИЕВ

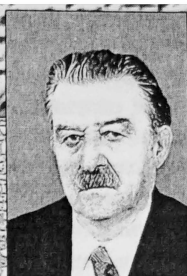
ДЖАМБЫЛАН
МАТОМЕДОВ

МУРБАТИ
НАРАЕВ

ТЕУБАТИ
ТЕУБАТОВ

АБДУ
МЕХМАТ

МАТОМБ-СОЛМАТ
ЯХОНОВ

ЖАНУДУН

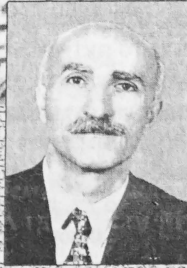
АРАМОНУН
ЯТУДАЕВ

МОЛЧУН
НАМАЕВ

САДУР
ТЕУБАТОВ

ЭКИН
КУРБАТОВ

«Я ОЩУЩАЛ ЗАПАХ ВРЕМЕНИ...»

В каждодневной суете мы не замечаем, и горше того, забываем, как много славных сынов у Дагестана, наделенных талантом, одаренных умением, прозорливостью, энергией и мудростью. Но немногие обладают сильными локтями и луженым горлом, чтобы заявить о себе. Во все времена скромность сиротливо оставалась на задворках, а нахрапистость перемахивала через все ограды и барьеры... Да и те таланты, которым удастся обратить на себя внимание и стать признанными, остаются подчас неизвестными для масс.

Художественное полотно живописца, с которым я имел удовольствие познакомиться, висит в просторном, светлом зале Дагестанской национальной библиотеки. Оно написано на историческую тему, так и называется – «XVII век. Шавхалы после междоусобиц». А еще я, к своему удивлению, узнал, что его автор вместе с Магомедом Шабановым, Гамидом Балиевым и Муртузом Гаджиевым является создателем Герба Дагестана, по-моему мнению, прекрасного произведения – символа. Многие ли об этом знают?

Я решил пригласить на беседу человека, который, надеюсь, окажется интересным для наших читателей. Это заслуженный художник Российской Федерации, заслуженный деятель искусств Республики Дагестан, лауреат Государственной премии Дагестана, заведующий кафедрой изобразительного искусства Даггоспедуниверситета, профессор Абдулзагир МУСАЕВ.

– Абдулзагир, несколько лет назад ты стал лауреатом Государственной премии Республики Дагестан. Это высокое звание было целью твоей жизни?

– Забавный вопрос (задумывается). Это была моя вторая попытка. Я покривлю душой, сказав, что не хотел бы, чтобы моя работа не была отмечена. Каждый стремится, чтобы его труд был замечен, признан обществом. Честолюбив ли я? Не исключаю этого. Почему бы и нет? Человек заслуживает, тем более способный, талантливый, творческий человек, чтобы общественность сумела обозначить какой-то этап его творческого пути.

– Как чувствует себя человек, поднявшийся на высшую ступень почета, сумевший возвыситься над другими?

– Если иметь в виду как-то выделяться среди цеховых друзей, вести себя иначе, чем до присвоения звания, то этого нет. Но осознание того, что да, свершилось, я звание получил, – радует. Это чувство есть. И оно, скажу откровенно, греет. Мне нравится, вернее сказать,

меня увлекает путь к достижению результата, весь этот долгий, тернистый, творческий процесс. Это своего рода игра, которая должна приводить к победе. Отмечу и такой немаловажный факт: в искусстве всегда был, есть и должен быть момент соревновательности. И потому в таком соревновании победитель получает истинное удовлетворение.

– **Какова была реакция окружающих?**

– Искренне рады были члены моей семьи, родные, настоящие друзья. Они живут тем, что я творю. А были и многие, которые не заметили этого факта. Когда обсуждалась моя картина, я знал, кто какого мнения о ней, кто что говорит в кулуарах и за спиной. Распространялись слухи, что у меня много друзей на телевидении, в редакциях газет, которые помогают мне. Это в порядке вещей и не должно удивлять. Такие люди всегда были и будут.

– **Звание материально тебя сильно поддержало?**

– Была поразительная ситуация: в процессе обсуждения картины разговоры шли не о ней, не о ее достоинствах и недостатках, а о том, сколько заплатят за нее. Меня интересовал факт: моя работа оценена, а многих – денежная сторона. Но когда, наконец, дело дошло до материальной части, многие были буквально поражены: не может быть, что четыре тысячи рублей, изумлялись они, может, четыре тысячи долларов?

– **Живопись для тебя хобби или единственная страсть на всю жизнь?**

– Путь в живопись – такой долгий процесс, что я ни на минуту не задумывался: хобби это или профессия. Ей надо подчинять всю свою страсть. И, честно говоря, я бы не хотел, чтобы этой профессии отдали предпочтение молодые люди. Очень тяжелый, каторжный труд. Терпеть не могу дилетантизм. Или занимайся профессионально, или бросай искусство. Для меня это – вся жизнь.

– **К чему больше расположена твоя кисть?**

– Вообще-то я всеяден, если можно так выразиться по отношению к живописи. Передо мной никогда не стоит вопрос или проблема написать то или другое. Для меня все хорошо, если того требует душа, если находит отклик, отклик в сердце.

– **В живописи много направлений – имажинизм, импрессионизм, сюрреализм, абстракционизм... Какому направлению ты отдаешь предпочтение?**

– Я учился в Ленинградской Академии художеств в мастерской Героя Социалистического Труда, академика Андрея Андреевича Мыльникова. Мастерскую часто посещали иностранные гости и зада-

вали вопрос: почему все пишут одинаково, будто смотрят одними глазами на предмет, который пишут? Любопытный вопрос, не правда ли? Да дело в том, что они учатся. А когда учишься, надо писать именно то, что видишь перед собой. Только став мастером, художник может видеть то, что предполагает.

Процесс образования – долгий и широкий. Он не даст результата, если ты не пройдешь и не познаешь всего, что сделано и достигнуто до тебя. Этот длительный процесс и вырабатывает мастерство. И со временем определяет твое главное пристрастие. Я никогда не разделял направления, не делал из этого проблему. Меня и в академии ругали за отход от классического реализма. Но... во мне росла необходимость, потребность работать в том или ином направлении. И это естественный процесс. Я всегда считал, что однобокость – недостаток художника. Я никогда не называл имена художников, которым следовал, – я следовал их манере работы.

Следовал Шагалу. Взял на вооружение стилистическую манеру абстракциониста Кандинского. Меня привлекали их мастерство, их приемы. В семидесятых годах в нашей стране стали выставляться полотна запрещенных художников, в том числе Кандинского, Шагала. Одна из композиций Кандинского так потрясла меня, что на глазах выступили слезы. А осознание того, можно ли достичь его высот за все долгие годы творчества, вообще возмутило мой ум.

Будучи в Германии и посетив Дрезденскую галерею, я три дня ходил смотреть «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля. А рядом висела «Венера» Джорджоне. Три дня я приходил, садился на стул и смотрел, шли толпы туристов и восхищались «Мадонной», а меня она не трогала... Настолько она была привычна, естественна, вошла в жизнь, в сознание. А «Венера» потрясла. Сила мастерства Джорджоне стала открытием для меня. Может быть, мы привыкли к величию Рафаэля?

То же самое произошло со мной, когда я смотрел на композицию Кандинского. Краски, звуки красок буквально потрясли меня. Я не могу отказать себе в том, что мне нравится. И признаю прежде всего высокопрофессиональное. Мне импонирует высказывание Игоря Грабаря: «Вещь должна быть в искусстве». Что это значит? Важно рассматривать не направление, не течение, говорит Грабарь, а работу.

– Я имел удовольствие побывать в твоей мастерской и ознакомиться с картинами. Должен признаться, что в твоих работах я уловил и светотени Куинджи, и сочные краски Гогена, и сюжетные сценки Пиросмани, и классический реализм Репина, и русскую иконопись. А где же сам Мусаев?

– Вопрос интересный. Другой зритель увидел бы и других художников... Да, был момент, когда я переживал многостилистичность, если можно так выразиться. Откровенно переживал, не выставлялся, ждал. Когда я начал входить в художественное творчество, как писатель – в литературу, стал чувствовать заметную благосклонность питерских и московских художников. Они были щедры на хвалебные слова, и мне думалось, что так и надо писать. Им нравилась дагестанская экзотика, и я взял ее на вооружение. Но после поездки в Германию и посещения Дрезденской галереи произошли некоторые изменения. Палитра стала открытой, светоносной. Многие работы были созвучны моей душе. Я никогда не считал зазорным учиться, а тем более у великих людей.

Если художник становится узнаваемым, он заводит себя в тупик. Необходима увлеченность. Вот в японском искусстве утвердилось такое явление: мастер претерпевает в своем творчестве несколько направлений - этапов, и на каждом этапе (стиле) он меняет свое имя. И в этом есть свое рациональное зерно, изюминка.

И вот во всем этом – во всех работах, направлениях, стилях – сам Мусаев. Все это сотворено моим сознанием, моими руками. Другое дело – все ли удачно? Но они – все мои дети.

– Ты удостоен звания лауреата Государственной премии за историческое полотно «XVII век. Шавхалы после междоусобиц». Как возникла тема работы?

– Художник всегда стремится к созданию подобных картин. И я долго испытывал себя, готов ли обратиться к такому широкому полотну (Я имею в виду временное пространство). Мысль отобразить историю Дагестана на живописном полотне родилась в кабинетах министерства культуры. Там же дали возможность художнику выбрать тему.

– Кто тебе помогал изучить быт, нравы, психологию людей семнадцатого века?

– Удивительно интересна и емка кухня создания подобных полотен. Были две темы, которые я хотел изобразить: период истории Хазарского каганата и объединительный процесс народов Дагестана перед экспансией с юга и севера. Выбрал вторую. Даже не мог подумать, что она найдет отклик и свое место в сегодняшнем процессе осознания народом своего единства. А что касается одежды, вооружения, образов, характеров, других атрибутов – все это сложилось в результате прочтения массы литературы, ознакомления с историческими памятниками того времени. Помогли своими советами ученые Арсен

Акбиев, Камиль Алиев, Владлен Гаджиев. Прислушивался к мнениям историков, но оставался свободен в выборе. Я сам ощущал запах времени.

– Сколько лет ты работал над картиной?

– Более года. Я довольно быстро завершил эту вещь, ибо не испытал никаких сомнений и проблем.

– Твое творчество пользуется успехом в России и за ее пределами? В каких выставках ты принимал участие?

– Художник обязательно должен показывать свои картины, и потому выставка – основное место, где мы общаемся друг с другом. Начиная с 1972 года, еще будучи студентом, я участвовал в более чем шестидесяти выставках – международных, всесоюзных, всероссийских, республиканских.

– Твои работы имеются в частных коллекциях?

– Да. В Турции, Италии, Германии, Японии, Израиле, Болгарии. В Италии приобрели портрет горца, в Израиле – пейзажи на дагестанскую тематику. Многие работы экспонируются в наших музеях, в музее Ленинградской Академии художеств...

– Творческие работники сегодня, мне кажется, самые униженные и обездоленные люди. Отдельные, правда, сумели «взнуздать» новое время и подхватили новые мотивы. А как ты живешь?

– На жизнь зарабатывать творчеством невозможно. И даже вредно для истинного художника – ширпотреб не имеет ничего общего с творчеством. Со стороны создается впечатление, что самые обеспеченные творческие работники – художники. К сожалению, это не так. Музеи перестали приобретать наши работы. Выставки не проводятся. Как бы ни звучало грубо, но это факт: художники вышли сегодня на панель – пишут и предлагают картины, созданные не для души, а ради желудка. Хочешь – не хочешь, а надо принимать правила игры.

Оказывается (мы только сейчас поняли), система Союза художников в советское время была наиболее приемлемой, полезной в социальном плане, ибо помогала работать и зарабатывать. Художник знал, что выставки будут проводиться регулярно, и он может выставляться и иметь спрос. Сегодня каждый ищет выход из положения. А такая тенденция может погубить творчество. Ширпотреб душит высокое искусство, его требования. На эту тему можно долго рассуждать, горевать, но жизнь есть жизнь, надо выживать. И все же... все же высокое искусство заставляет творить.

В любую эпоху существовал элемент времени, и художник зави-

сел от него, выражал суть его. По работам выдающихся творцов мы заключаем, в какое время было написано произведение, чем характеризовалось само время. Создавая заказные работы, выдающиеся художники оставались в искусстве. Сегодняшние творцы вряд ли останутся. Они пишут на потребу узкому кругу. А люди, приобретающие картины, абсолютно не сведущи в искусстве.

Что касается меня, скажу честно: приходится заниматься всем. И не требую от себя больше того, что могу дать, на что способен.

– Ты преподаешь на художественно-графическом факультете. Не мешает педагогическая работа творческой?

– Преподавательскую работу я начал еще в Академии художеств. После окончания учебы меня оставили в творческой мастерской, предложили вести занятия на факультете архитектуры. Делал я свою работу с удовольствием. В 1983 году встал вопрос: а что дальше? Оставаться в Ленинграде или ехать в Махачкалу? Выбрал второе. Встретился с ректором пединститута Ахмедом Магомедовичем Магомедовым, попросил его устроить мою супругу в вуз на работу – она искусствовед. Он не отказал, более того, предложил и мне возглавить кафедру на худграфе. И ты знаешь, как я ответил? «Я подумаю». Такое предложение! – и поразительно легкомысленный ответ. Удивительно, да?

Я никак не мог понять, кого же мы готовим? Возникшие две тенденции бесконечно вызвали бурные реакции. Методисты утверждали, что надо готовить преподавателей, а художники – людей искусства. Я старался объяснить, что нельзя ставить между педагогом и художником, необходимо развивать профессионально-художественную подготовку. Сегодня худграф – качественно иной факультет, структурное подразделение Института искусств Даггоспедуниверситета. И перед ним стоит задача по подготовке художников-профессионалов. Воплощение этой идеи в жизнь заняло немало времени, но нам очень помогло руководство университета, особенно его ректор Шейих Ибрагимович Исмаилов. Сегодня худграф готовит учителей, художников-профессионалов, прикладников.

Мне говорят: к чему тебе факультет, он отнимает много времени. Да, отнимает, но я пишу свои работы ночью. Это у меня еще с Питера. И еще считаю: художник, который не творит, не знает кухню искусства, не может быть допущен к преподаванию. Объяснять и учить способен только профессионал. Поэтому я должен быть всегда в творческой форме, ибо не могу лгать.

– Видишь ли ты в студентах продолжателей дел старшего по-

коления или это уже новая ветвь со своими взглядами, видением мира, манерой живописания, философией?

– Да, это уже иное поколение. Оно выработало прагматизм, чего не было у нас, у него иной взгляд на время, события. И это процесс естественный и вполне нормальный. И воспринимать его надо без надрыва. Я несколько не сомневаюсь, что из среды нынешних студентов выявится талант.

– Недавние военные события в Дагестане всколыхнули не только нашу республику, но и всю Россию. Побудили ли они художников к творчеству?

– Я не сторонник того, чтобы срочно взять и написать портрет или батальную сцену. Я должен пережить, прочувствовать это страшное событие, ибо происходили серьезные, опасные катаклизмы, которые могли закончиться трагедией для республики и народа. Это был страшный водораздел, ускоривший момент отрезвления человека и четкого осознания своего места и роли в обществе, разбудивший с новой силой потрепанное было чувство патриотизма. Это моя точка зрения. Конечно, я не исключаю, что писать надо и сегодня – это естественное явление. Что касается меня, то я не раз пытался побывать на месте боев, просился, но меня не взяли. К сожалению.

– Художники Горшельд и Рубо оставили истории картины Кавказской войны. Сумеют ли наши художники оставить потомкам полотна, отображающие борьбу дагестанцев и армии с международным терроризмом?

– Горшельд был свидетелем той многолетней борьбы и находился непосредственно на месте военных событий, потому мне интересно черпать знания непосредственно из его работ. А Рубо не был очевидцем той войны, но настолько глубоко изучил то время, что веришь ему. Кстати, Горшельд и сегодня не забыт в Германии: ни он, ни его творчество. В середине восьмидесятых к нам приезжал из Германии исследователь творчества художника, а в 1989 году мы со студентами совершили экспедицию по местам следования Горшельда – через Гудермес, Шали, Ведено, Анди в Гуниб, на место пленения Шамиля.

– Ты пишешь свои картины дома, в Дагестане, или за пределами республики, за рубежом?

– Не получив широкой информации, впечатлений, много не творишь. В Дагестане нет уголка, за редким исключением, где бы я ни побывал. Жил в семьях у знакомых, изучал быт, нравы, события, что давали пищу для правдивого отражения жизни. Собирал именно тот материал, который ложился в основу моих картин. Но было много по-

ездок и в Венгрию, Германию, с упоением писал Германию: у меня очень много этюдов. Занимался там и керамикой. Для художника очень важны такие поездки. Замкнутость приводит к надуманности тем и сюжетов. Художнику необходимо и общение с коллегами. Я часто встречаюсь с питерскими друзьями.

– И кто вращается в твоей орбите?

– Сегодня с благодарностью вспоминаю Александру Ивановну Марковскую, Паруха Муртузалиевича Дибирова. В Академии художеств моим учителем и другом был Андрей Андреевич Мыльников, который стал близок моей семье. Отношения учителя и ученика переросли в отношения отца и сына. Наша семья считала его родным при всей сложности его характера. Нашими друзьями стала милая семья Петра Татарникова и Дженнет Далгат: она дочь известного дирижера Джемала Далгата. Володя Загоров-Толстой, Петр Меркулов. Арсен Кардашов... Это тот круг друзей, с которыми я часто должен видиться, знакомиться с их работами. Мало того, что дружим, мы еще выполняем совместные работы. С Татарниковым и Толстым в Саяногорске Красноярского края делали роспись в кинотеатре, с Татарниковым, Толстым и Меркуловым выполняли эскиз гобеленов для Дома Правительства в Москве, с Арсеном Кардашовым – роспись в фойе Аварского театра. Круг моих друзей очень обширен: Александр Мелентьев, Салам Хавчаев, Камал и Алевдин Абуковы, Гейбат Гейбатов, Иса Хумаев, Хайруллах Курбанов, Магомед Шабанов...

– Ты любишь хорошие, веселые компании?

– Не могу сказать, что не люблю шумные компании, но когда работаю, должен быть один. Процесс творчества, как и женщина, требует уединения.

– У тебя не возникала мысль уехать за рубеж? Или хотя бы за пределы Дагестана?

– Сказав, не возникала, я бы согрешил перед совестью. Меня часто спрашивали: зачем ты приехал из Ленинграда, у тебя было и имя, и работа. Что тебя привело сюда? А у меня было много идей, которые я хотел реализовать.

Сегодня мысль эта имеет место – уйти, уехать от этой окружающей нас дикости, грубости, хамства. Но не могу оставить семью, родных.

– Чего ты хочешь достигнуть в своем творчестве, каких высот?

– В творчестве остановки не должно быть. Да и другим делом я заниматься не смогу. Каждый раз, создавая новые картины, хотелось

бы, чтобы о них говорили. И хорошо, и плохо. И это естественно. Но лучше – хорошо. Не хочется, чтобы рождались нелюбимые вещи. Не могу позволить, чтобы это происходило. Настоящий художник остается ребенком до последних дней. Глазами ребенка он должен наблюдать жизнь, но с философией взрослого человека.

Я не знаю, что еще напишу, не могу предугадать. Ведь рожая ребенка, ты не знаешь о его характере, о том, каким он будет. Просто надеешься, что будет самым великим, самым красивым, самым умным и порядочным. Жизнь покажет, каким он станет.

Творчество нельзя планировать. Сегодня я тот, который создал такие произведения. Завтра кто я – не знаю. Банальное выражение, но верное: самое лучшее, самое гениальное произведение – впереди.

СЕМЬ НОТ – И НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Семь нот. До, ре, ми, фа, соль, ля, си... Только семь. А какую музыку они подарили! «Чижика-пыжыка» и «Шаланды, полные кефали», «Аве Марию» и «Историю любви», «Прелюдии и фуги» Баха и «Венгерскую рапсодию» Листа, оперы «Аида» Верди и «Евгений Онегин» Чайковского... Соберите все песенки, шлягеры, камерную музыку, все, что создано за всю историю человечества, это огромное, не поддающееся ни измерению, ни охвату, ни подсчету скопище музыкальных произведений – и все это создано семью нотами. До, ре, ми, фа, соль, ля, си.

Семь нот – такие простенькие, бесхитростные, по-детски наивные, как медоносные пчелки, постоянно роятся в голове композитора, беззвучно невидимые витают по кабинету, усаживаются на клавиши открытого фортепьяно и после недолгого раздумья вновь взлетают под потолок. Кабинет чист, консервативно обставлен. Как я уже заметил – фортепьяно, стул, рабочий стол, книжный шкаф, музыкальный центр. Стены чисты. Без единой концертной афиши.

Я в гостях у композитора, заслуженного деятеля искусств РФ и РД, лауреата Государственной премии РД, лауреата премии имени С.Агабабова Магомеда ГУСЕЙНОВА.

– Мне казалось, стены кабинета композитора должны быть увешаны или облеплены концертными афишами, на столе, на полу разбросаны нотные листы, а здесь – ну просто стерильная чистота.

– Афиши? (Магомед удивляется). У композитора их не должно быть. И разбросанных нот... Это в кинофильмах принято показывать таким образом работу композитора. Показуха это. Афиши, говоришь? (Он улыбается). Здесь же не сапожная будка.

Да, я помню те будки сапожников, впрочем, и многие из вас их помнят, стены которых были облеплены иллюстрациями и репродукциями из журналов: то были красивые женщины, известные актеры, руководители государств. Чего только не было.

– Ну, если концертных афиш у тебя нет, может, голова хоть гудит от музыки? Помню прекрасный фильм «Чайковский», поставленный еще в советскую пору. Так вот у маленького Пети уже в детстве в голове постоянно звучала музыка, он чуть с ума не сходил от такого состояния, не знал куда убежать, куда деться от проклятой музыки. Она причиняла ему не радость, а сумасшедшую боль.

– Ну, это художественный фильм. В нем есть всегда место преувеличению (Магомед задумывается). И все-таки композитор, если он работает, больной, очень больной человек. Если ему есть что писать, если на него нахлынули чувства, он день и ночь, ночь и день думает. А думы приносят не только отдохновение, но и боль. Может, творческую боль, но это ведь боль. Я очень болел, душой, сердцем болел, когда писал «Трагические фрески для хора и оркестра» на стихи Сулеймана Стальского, Етима Эмина и Важа Пшавелы.

Это произведение Магомеда Гусейнова – протест совести, озвученный голосами и музыкальными инструментами, – было тепло встречено общественностью. Вот как отозвался о нем совсем недавно, 30 марта 2001 года, народный артист РФ и РД, лауреат Государственной премии России Ширвани Чалаев: «Имел возможность послушать и стал поклонником этого вдохновенного произведения. Оно является одним из лучших произведений дагестанской музыки последних лет».

И ведь это не единственный отзыв, не первая похвала. Вот что писал о произведении Магомеда Гусейнова заслуженный деятель искусств РСФСР Афанасьев: «Современны и изумительны пьесы симфонической сюиты «Музыкальные краски Дагестана». Свежесть гармонии, яркость оркестровых тембров и неожиданные контрасты частей делают это сочинение ярким и оригинальным». А Наби Дагиров еще в 80-е годы так писал о композиторских возможностях Магомеда Гусейнова: «С каждым новым сочинением в нем утверждает-ся настоящий художник. «Поэма-импровизация» для скрипки с оркестром и симфоническая сюита «Музыкальные краски Дагестана» особенно ярки по своему звучанию. Я утверждаю, что эти сочинения войдут в сокровищницу музыкальной культуры республики и сыграют большую роль для дальнейшего расцвета нашей музыки».

Магомед долго и неотрывно глядит в окно. Там, за квадратом стекла, простирается море, спокойное искрящееся под солнцем, далеко-далеко сливающееся с горизонтом. Уходящее в небо, сказал бы поэт.

– Какая музыка тебе ближе, какая чаще звучит в голове?

– Универсалом быть невозможно. Каждым композитором облюбован свой жанр. Как и многие, я тоже начинал с песен, народных песен, потом перешел к симфонической музыке. Когда у нас был создан эстрадно-симфонический оркестр под управлением Магомеда Абакова, стал писать эстрадную музыку. Песни исполнялись на лезгинском языке.

– А лезгинские слушатели приняли твою эстрадную музыку?

– (Магомед улыбается). Конечно, каждое новое, неординарное воспринимается не без труда. Понимать могут все анекдоты, да и в этом случае одни засмеются, а другие просто улыбнутся. Эстрадный жанр в лезгинской музыке был чем-то новым, но его приняли.

Магомед продолжал писать эстрадные песни на лезгинском языке, а потом стал творить и на других языках народов Дагестана.

К сожалению, сейчас этот жанр затих, застыл, что ли. Как выразился Магомед, музыка это наука, которой характерны годы упорного труда, взлеты, застой...

Частые поездки в дома творчества – Старую Рузу, Дилижан, Иваново – обогатили Магомеда новыми встречами с прекрасными мастерами музыкального искусства, новыми впечатлениями, мыслями, планами. Они помогли ему освоить симфонические жанры.

«Поэму-импровизацию» Магомеда Гусейнова исполнял симфонический оркестр кинематографии СССР. В журнале «Советская музыка» за 1982 год была помещена рецензия московских критиков. Они высоко оценили работу Магомеда, что, конечно, несказанно обрадовало и окрылило его.

– Есть композиторы, которые пишут общечеловеческую музыку, которая не имеет национального лица. Для меня важно было писать музыку, имеющую национальную основу, приемами, доступными всем.

После «Поэмы-импровизации» Магомед написал сюиту «Музыкальные краски Дагестана» («Утро в Рутуле», «Дорога на Фолфан», «Радранские горы», «Крепость Нарын-кала», своего рода музыкальный экскурс по Южному Дагестану). Исполнил ее симфонический оркестр Московской государственной филармонии, которым в ту пору руководила Вероника Дударова. Из симфонических произведений ему по сей день дорог концерт для гобоя с симфоническим оркестром, который исполнил оркестр Гостелерадио Азербайджана имени Ниязи. Оркестр народных инструментов Гостелерадио Азербайджана имени Сайда Рустамова исполнил «Лезгинскую рапсодию». А солист оркестра Рамис Кулиев исполнил ее на таре в Москве с оркестром под управлением Н. Некрасова.

По признанию московских и дагестанских музыковедов, одним из ярких проявлений в творчестве Магомеда Гусейнова была драматическая поэма «Эмин» для дудука с камерным оркестром. Она впервые была включена в программу фестиваля «Северо-Кавказская музыкальная весна».

– Это было явлением, – признается Магомед – как взрыв бомбы. Не сочти за грубость, но на самом деле обалдели буквально все... Потом, обступив меня, и композиторы, и музыканты, и критики наперебой говорили: что вы делаете в министерстве, зачем вы там сидите, уходите... а я в ту пору работал заместителем министра культуры республики.

И все-таки мое самое крупное произведение – «Трагические фрески», написанное в 1998 году. После него – отдых. Обязательно должен быть отдых. Чтобы психологически, нравственно, физически настроиться на новое произведение. Конечно, не сидел сложа руки, писал шлягеры – песни, музыку к спектаклям. Но к крупному произведению надо готовиться. Это иссушающий, но радостный труд. Да, да, он и иссушает, и радует. Ибо ты живешь в этом мире.

– Открой мне свою тайну: как ты пришел в мир музыки, к композиторству? И когда это случилось – в детстве, юношестве?

– А я и не знал даже, что есть музыкальная наука, музыкальное образование. В газете прочитал, что в Буйнакске есть музыкальная школа, значит, решил я, есть и училище. Поэтому приехал в Махачкалу, поступил в музучилище. Здесь был совершенно другой мир – меня подхватил океан музыки. Именно здесь, оставаясь наедине с собой, охваченный восторгом от красочных мелодий, я стал мечтать писать музыку. По сегодняшний день помню Готфрида Гасанова, Ивана Савченко, который, кстати, помог мне остаться в училище. А было так: Гасанов предложил мне сыграть. Я сыграл. А потом говорит: – Пой. Петь я совершенно не умел. И отказался. Но Савченко посоветовал спеть как уж сумею: из Рутульского района у нас вообще нет учащихся, сказал он, хоть ты будешь. Пришлось спеть. Приняли.

Потом учеба Магомеда продолжилась в Москве. Поступал в институт Гнесиных, да пропали документы, а для их восстановления нужно было время. Но уезжать «бесславно» не хотелось. Пошел в Московский институт культуры: послушали, приняли, документы предложили сдать позже, когда вышлют. Друзья не подвели – вскоре из Дербентского училища пришли все необходимые бумаги.

Наконец приступил к занятиям по композиции. Ввели их профессионалы: Осокин, Симаков, Зиновьев.

Музыкальную науку по композиции Магомед освоил в Москве. А вот где исполнялись его произведения, поинтересуется читатель. В столице и крупных городах: в Москве, Баку, Ереване, Грозном, Орджоникидзе, Нальчике. Будучи в Италии, подарил свое музыкальное

произведение «Десять образов для фортепьяно» Римской музыкальной академии «Сайта Чечилия».

– Свой авторский концерт «Ритмы лезгинской эстрады» я дал в Махачкале на летней эстраде филармонии где-то в 77-78 году. Почему лезгинской эстрады? Да потому, что музыка была написана мной на стихи лезгинских поэтов. Сколько было нареканий, разговоров по этому поводу в ту пору Что-то не стыковалось с идеологией...

– **Как тебе работается в нынешнюю пору и как оцениваются твои произведения? Ведь это немаловажно для творческого человека.**

– На службе работа, считай, конторская. Очень сложно заниматься творчеством. Обычно думалось и сочинялось в домах творчества. В нынешнюю пору серьезно музыкой заниматься можно только в субботу, воскресенье, да во время отпуска. Сейчас все мои мысли обращены к работе над музыкой к трагедии «Медая». Вся сложность состоит в том, что трагедия греческая, культура греческая, а мне надо найти середину, где будет присутствовать мелос Греции и Дагестана. Чтобы не было явно греческой музыки или явно дагестанской. Именно середины.

– **Часто можно услышать: музыка интернациональна. Верно ли это?**

– Ее слушают и понимают все. Верно это. Но я вот что скажу: музыка первична. Все остальное – живопись, поэзия, скульптура – вторично. Если в душе художника, поэта, ваятеля не будет звучать музыка, не будет и творчества.

– **Какой из музыкальных инструментов тебе роднее, ближе, точнее понимает твою душу, твои руки – тот, что здесь, или тот, что дома?**

– Не задумываясь, скажу: этот теплее. За этим я сижу более тридцати лет. Этот инструмент мне помогал, двигал меня к успеху, я с ним общался. У меня и дома есть фортепьяно, но этот роднее. Мне даже боязно бывает садиться за другой: вдруг не так получится...

– **Очевидно, здесь располагает аура?**

– Несомненно. Приезжая в Дом творчества, первым долгом изучаю, как расположены комнаты, где стоит инструмент. Если психологически не найду себя, значит, ничего у меня не получится.

– **Суеверен?**

– Это есть. Когда с кем-нибудь поделишься задумкой, не получается. Я убедился в этом.

– **Твоя музыка, твои сочинения прославили тебя? Может, я**

немного переиначу вопрос: благодаря творчеству ты пользуешься успехом у женщин или они равнодушны к твоей музыке?

– (Магомед улыбается). Одного спросили: почему ты решил стать композитором? Чтобы найти путь к сердцу женщины, ответил тот.

Директор Хлютской школы, в которой я учился, возмущался, что я пошел в музыкальную школу. А нынче я горжусь тем, что в Хлюте открыта школа искусств, и названа она моим именем. В ней пока три отделения: хореографическое, народных инструментов, фортепьяно. Учатся сорок ребят, дети жителей аула Хлют. И открыта школа совсем-совсем недавно: год ее рождения – 2000-й.

– Чем увлекается Магомед Гусейнов? Поэзией? Живописью? Рыбной ловлей или охотой? Игрой в бильярд или в нарды?

– Увлечений много. Люблю перечитывать классическую литературу, поэзию Востока, любоваться итальянской живописью эпохи Барокко. Последние годы занимаюсь собиранием материалов для сборника «Дагестанские деятели музыкальной культуры XX века».

Он закончил последнюю работу – рутульскую лирическую кантату «Ритмы Лалаана» для солистов хора и симфонического оркестра. Написал ее на стихи Шиназа Хазарчи, Джамисаба Саларова, Веры Махмудовой. Эта кантата – дань уважения рутульским ашугам. Впервые рутульский эпос переведен на русский язык.

Пять лет работает Магомед над созданием энциклопедии о музыкальных деятелях Дагестана. Старается убедить чиновников: пока еще трудоспособно наше поколение, надо сохранить связь времен. Фото и других документов собрано достаточно. Заинтересованные люди продолжают собирать. – Ничего похожего нигде нет и не делается, говорит Магомед, и пока мы живы, надо эту книгу составить. Потомки будут только благодарны.

Магомед включает музыку. По комнате разливается нежная мелодия, щемящая сердце: «Монолог Эмина» из пьесы Арбена Кардаша «Пери бренного мира». На мелодичном фоне мужской голос читает монолог. Молчим несколько минут. Музыка давно уже закончилась, а нам не хочется нарушать тишину, разбивать нахлынувшие на каждого из нас свои думы, свои чувства.

Не у всех творческих работников дети продолжают дело родителей. А в нашем случае они заболели «болезнью» отца. Дочь Магомеда – Гюзель – пианистка, работает концертмейстером хора ГТРК Дагестана. Дочь Айна – скрипачка, играет в симфоническом оркестре ГТРК. Сын Назим окончил по классу гобоя музыкальное училище. Арсен – психолог, а Муса – техник. Трех все-таки «захватила» эта

странная болезнь, состоящая из семи нот, иссушающая и доставляющая радость.

– Ты любишь бывать в дружеских, шумных компаниях или предпочитаешь уединение?

– Творческий человек расположен к одиночеству. Сейчас я живу в Редукторном поселке. С одной стороны от меня – море, с другой – озеро. Любуюсь кипением волн, покоем глади... Сколько мыслей и дум навевают они...

– Сегодня музыка не сильно мучает тебя? Просыпаешься ли среди ночи с новой мелодией в голове, или семь злополучных нот не так часто уже посещают?

– Семь нот исчезнут с моим исчезновением (Магомед смеется). Самое страшное для творческого человека, когда созданное им детище лежит в бумаге, не доходит до слушателя. Художнику легче: он может написать картину и выставить, а композитор должен общаться со слушателями через исполнителей. В этом плане мне грех жаловаться. Все произведения, написанные в последние годы, исполняются, звучат. Мечтаю исполнить кантаты. А самая большая, заветная мечта – написать оперу на лезгинский героический эпос «Шарвили».

Закончив симфоническую кантату «Ритмы Лалаала», я начал собирать материал для либретто. Боязни, что не получится, не испытываю. Но вот получится ли у меня так, как я хотел бы? Ведь должна быть сильная драматургия, сильная литературная основа, и сама музыка, естественно, должна быть понята и принята просвещенным лезгинским слушателем. А чтобы дойти до его сердца, музыка должна быть национальна, с использованием современных средств композиторской техники. Чтобы она нашла сценическое воплощение.

Не столь сведущие в музыке могут спросить: что все-таки написал композитор Магомед Гусейнов? Неужели такая уж глыба, что на него обратили внимание? По поводу глыбы рассуждать не станем, и разве только на глыбу следует обращать внимание? А вот композитор ли он от Бога, говорит его труд. Он автор многих симфонических произведений, среди которых «Поэма-импровизация» для скрипки с оркестром, «Музыкальные картинки», «Краски Юга», симфоническая сюита «Музыкальные краски Дагестана», «Адажио и Престо» для литавр, фортепьяно и струнного оркестра, увертюра «Дагестан», драматическая поэма «Эмин» для дудука, зурны и камерного оркестра, концерт для трубы с оркестром и др. Им написаны вокально-симфонические сочинения на слова поэтов Е. Эмина, И. Гусейнова, Р. Гамзатова, М. Гамидова, С. Суцеского, М. Колуба-

киной. Х. Хаметовой, А. Саидова, А. Мамаева. Любителям музыки известны его сочинения для хора без сопровождения, камерные произведения, вокальные циклы и песни, сочинения для оркестра народных инструментов, песни для детского хора, эстрадные песни и пьесы, музыка к театральным постановкам «Провинциальная девушка», «Жених из Парижа», «Старший сын», «Чинчирака», «Зов Эмина», «Крепость», «Хюлледжи», «Крысолов», «Совесть матери», «Чигали» и другие.

– Не погубит ли нашу музыкальную культуру поп-музыка, которая заполонила сегодня концертные залы и каналы телевидения?

– (Мой вопрос не озадачивает Магомеда). Поп-музыка приходит и уходит – говорит он. – Не ею определяется культура народа. У нас много молодежных групп, и это дань моде. Отвергать их не следует. У них есть свои слушатели, поклонники. Но уровень музыкальной культуры определяется не ими а, прежде всего, академическими жанрами – симфонией, оперой, кантатой. Мы в последние годы совершенно их не слышим. Все ссылаемся на трудные времена. Но ведь у соседей проходят музыкальные фестивали и, довольно регулярно, эта музыка звучит, ею восторгаются.

Дагестанская музыкальная культура, которая внесла весомый вклад в российскую музыкальную культуру, не должна умереть. А процесс возрождения серьезной музыки должен начаться с возрождения Дагестанского отделения Союза композиторов России.

Магомед Гусейнов подходит к окну и обращает свой взгляд на море, спокойное, искрящееся под весенним солнцем. Может, оно дает композитору вдохновение, силу, мудрость? И великую, безмерно радующую любовь к высокой музыке?

А быть может, он ищет, высматривает семь нот – этих белокрылых чаек, летающих и резвящихся между небом и землей и видимых только ему?

В КЕЛЬЕ, ГДЕ СОВЕРШАЕТСЯ ДЕЙСТВО

Он садится перед зеркалом, надевает парик, аккуратно, ловко поправляет локоны, прикладывает над верхней губой перышки-усики и... передо мной уже совершенно другое лицо, другой человек. Не актер Геннадий ГОЛУБЕВ, а Барон из комедии «Лекарство от любви». И удивительное преображение продолжается: он быстрыми, точными мазками наносит грим, и лицо начинает оживать, светиться иными красками, выражением.

С Геннадием Голубевым мы сидим в актерской гримерной. Она небольшая, обставлена не бог весть какой мебелью: зеркало, стул, два кресла, столик, вешалка... Нет, это не то, что мы часто видели в кинофильмах. В прежние времена – десятилетия, столетия назад она называлась артистической уборной и была просторна и роскошна, чуть ли не будуар. И в ней была добрая аура, и она была полна цветами (если принадлежала актрисе) и благоухала запахами духов. Никто из посторонних не мог зайти в нее, разрушить творческую ауру. Очевидно, в таких артистических уборных «рождались» Ромео и Джульетта, Отелло и Дездемона, Гамлет и Офелия. Кто знает...

Сегодня актеры живут и работают не по законам театра, а по законам жизни. Это слова Геннадия Голубева. Цельная натура, мыслящая личность, он глубоко предан театру, до боли в сердце любит его, радуется успехам коллег. Театр, сцена, актерское мастерство – его стихия, его поэзия.

– Грим создает тонирование, сглаживает морщины, – рассказывает Геннадий, поймав мой любопытный взгляд. – Грим может создать чудесное лицо и изменить его до омерзения.

Он прав, он знает свое дело. Грим работает на внешнее содержание актера. А внутреннее содержание – это талант, создающий образ. И самое главное, самое необходимое, чего должен достигнуть актер, добиться визита вежливого проникновения (тоже слова Геннадия Голубева) без назидания, полушепота, без дидактики. Это вершина мастерства.

– В прежние годы актеры руководствовались тремя заповедями, – говорит Геннадий. – Вышел на сцену: поздоровайся с публикой; расскажи, что у тебя на душе; уходя, не забудь поблагодарить за внимание. Сейчас этого не говорят. Забыта связь между публикой и актером.

Ностальгия по прошлому, скажете вы? Отнюдь нет. Ясное понимание путей и критериев служения искусству, служения народу.

Эти заповеди или категории высокой нравственности помогали актеру исполнять роли на высокой эмоциональной, созвучной времени волне и завоевывать широкое признание общественности и театральной критики.

По сей день в памяти театралов роли, сыгранные Геннадием Голубевым в спектаклях «Пленник» Ш. Казиева (1996 год), «Лекарство от любви» В. Красногорова и В. Плешака (1997 год), «Дом, где все кувырком» Альваро Портеса (1999 год), «Последние» М. Горького (2000 год).

– Геннадий, все-таки мне сдается, что прежде и гардероб актера, то есть платья персонажей пьес, был богаче, и бутафория ярче...

– Артисты провинциальных театров, а ведь актеры из периферии приезжали в Москву и здесь создавался столичный театр, к примеру, Качалов, Грибов приехали из периферии, так вот, в провинциальных театрах они имели богатый, свой собственный гардероб, от туфель до шляп. Артистов одаривали богатые меценаты – купцы, фабриканты.

В советское время актеру платье шило или покупало предприятие, то есть театр. Но актер не имел права брать его с собой. Однако не надо забывать, что это было время наивысшего подъема театра. Была вера в стабильность. Именно в советское время наш драматический театр им. М. Горького пользовался успехом и признанием у зрителей; выделялись деньги и на пошив костюмов, и на постановку, и на приглашение режиссеров.

Перестройка привнесла признаки серости в общество. Никогда не забуду слова замечательного актера Алексея Баталова, сказанные в пору, когда началась эйфория свободы: «Господи, наконец наступило время, когда подлецу можно сказать, что он подлец». К сожалению, он ошибся...

Но сказать, что сегодня так уж плохо, я не могу... Несколько лет М. Тулпаров и Р. Абдуллаев держат театр на плаву. Заботятся в первую очередь об актерах: днюют и ночуют в театре, когда готовится спектакль; в самые ответственные минуты они оба с нами.

Великое действо творится в театре. И все колдуется в гримерной. Гримерная – это наш второй дом. Это келья, где исповедуешься. Она дает актеру силу. Здесь собираются люди по духу, единомышленники, здесь шлифуется само совершенство.

– Ты можешь вспомнить свою самую первую роль? Может, она была сыграна в детстве?

– Как ни странно, я выступал как клоун...

Геннадий уже с малых лет играл на баяне. Он приносил в школу инструмент, в футляре – двух уток и под музыкальный аккомпанемент заставлял их кряканьем считать раз..., два... под восторженные крики и аплодисменты ребят. В ту пору в доме у него жили медведь, собака, кошки. Конечно, медведя потом пришлось отдать в приехавший в город зоопарк – зверь есть зверь. Но он по сей день не забывает, как из глаз медведя, сидевшего уже в клетке, текли слезы.

Затем были музыкальная школа, где преподавали замечательные учителя: Ханукаев, Авшалумов, Дагиров, Зелимханов, Савченко. А привел его в музыкальную школу знаете кто? Абуталиб Гафуров, потом музыкальное училище с Лошаковой, Селевко, Андреевым; театральная студия ВТО при театре им. М.Горького.

И судьбе было угодно, чтобы на него обратил внимание актер русского драматического театра Якушев. На отчетном концерте в Каспийске Геннадий играл на баяне. В зале находился Якушев. Он подошел к Геннадию, похвалил за игру и пригласил работать в театре. Аккомпаниатором. Вскоре он стал участвовать и в массовках.

Первая роль состоялась в 1960 году в спектакле «Сказка зимней ночи» по пьесе А. Васильева. Геннадий исполнял роль пионера. Играли в спектакле лучшие актеры: Т. Романова, Л. Филякина, С. Токарь, А. Копенкин. Было Геннадию шестнадцать лет. Якушев его работу заметил, поблагодарил и даже дал премию. Потом был спектакль «Юстина», в котором он исполнил роль Олови.

За сорок два года Геннадий Голубев сыграл более ста ролей. Лучшими из них он считает роль Меженина в спектакле «Берег» (Юрий Бондарев), Филимонова в «Аморальной истории» (Эльдар Рязанов и Эмиль Брагинский), Мурова в «Без вины виноватые» (Александр Островский), Кузи в «Святом и грешном» (Михаил Варфоломеев), Ивана Коломейцева в «Последних» (Максим Горький). Он был премирован министерствами культуры Дагестана, Чувашии, Мордовии, Адыгеи, Украины...

И еще одна немаловажная деталь: в течение пяти лет – 1995-2000 гг. Геннадия признавали лучшим актером года. Он лауреат фестиваля драматических театров Дагестана 1996 года, получил звание за роль Эдгара в спектакле по пьесе Дюрренматта «Сыграем Стринберга» («Пляска смерти»). И наконец – народный артист Дагестана.

– Я думаю, твоя игра не ограничивается только сценой нашего драмтеатра.

– Нет, конечно. Выступал на сценах театров Москвы, Ленинграда, Минска, Бобруйска, Керчи, Винницы, Даугавпилса, Вильнюса, Риги,

Мордовии, Чувашии. Играл в Германии, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии...

Три года Геннадий работал в Мурманске, был приглашен политуправлением в театр Северного флота. С ним выезжал на гастроли к зимовщикам на Северный полюс СП-35, СП-37, на Новую Землю. Привез богатейший опыт и прочитал массу литературы, которую на материке еще не знали. За спектакли «Без вины виноватые», «Пусть гитара играет», «Прошлым летом в Чулымске» двенадцать человек, в их числе и Геннадий, были премированы поездкой в ГДР. В Германии они побывали в творческой мастерской Юргена, Фрица Дица и Хофмана при кафедре немецкой Академии театральных искусств. Заведующим кафедрой был Шварцхоф Иоганн. Кстати, (дабы вспомнил читатель) актер Фриц Диц исполнял роль Гитлера в советском фильме «Освобождение», а Юрген играл в польском фильме «Ставка больше, чем жизнь».

– В спектакле «Пленник» ты исполнял роль Руновского. Пьеса Казиева о Шамиле. Руновский – царский генерал. Исполнить эту роль надо было так, чтобы не задеть чувства дагестанцев и в то же время сделать генерала значительным, благородным, с чувством собственного достоинства и чести... Ты шел по острию сабли...

– То, что Руновский симпатизировал Шамилю, было ясно. Настоящий боец, отвечавший за жизнь вверенных ему людей, он искал компромисса; его принципом было победить не ценой крови, а методом убеждения. И победил-таки убеждением. Но какой ценой... Его опять направили на Кавказ.

Руновский понимал, что вопрос о независимости горцев нельзя решать штыком и пулей. Он был дальновиднее Чичагова, за что и поплатился. Врагами Руновский считал тех, кто не хотел мира. Он был убежден в том, что нельзя с Кавказом разговаривать на ты. Ибо нигде свободу и независимость не ценят так, как на Кавказе.

Зритель восторженно встретил спектакль. Ведущий театральный критик Гулизар Султанова и московский критик Нелли Сорокина особенно акцентировали свое внимание на Руновском, ибо он был чуть ли не самым главным лицом в спектакле.

Я счастлив, что играл с А.Махачевым (роль Шамиля), Б.Джумакаевой (роль Калимат, невестки Шамиля), А.Башировым (роль Казимагомеда, сына Шамиля). Огромную работу проделал постановщик Скандербек Тулпаров, сумевший убедить и совместить несовместимое в понятии о свободе, равенстве, братстве.

В этом спектакле впервые сошлись актеры – исполнители главных ролей из разных национальных театров: аварского, кумыкского, русского...

Геннадий берет со стола баян. Играет. В полуоткрытую дверь заглядывают актеры, а он – далеко от нас, то ли в туманном прошлом, то ли в глубинах чувств и мыслей. Он играет свои ранние произведения, потом Сергея Агабабова, которого хорошо знал: его «Тропинку», «По горным дорогам», «Мы звонкое, юное племя»...

– **Какой бы ты хотел видеть актерскую гримерную?**

– Конечно, более уютной. Чтобы в ней было больше тепла. В гримерной прочитана лучшая книга, в гримерной делимся с друзьями сокровенным, страдаем и радуемся... Мы можем прийти сюда поработать, подумать о сегодняшнем, вспомнить о прошлом, помечтать о будущем. Здесь я понял: человек, который прожил день, не посмотрев ни одной картины, не прочитав ни одной странички великолепного произведения, не вспомнив о своих родителях, усопших или живущих, не обнял и не поцеловал своего ребенка, разве может называться человеком?

Я часто думаю о талантах. В Дагестане они есть, но, к сожалению, не все востребованы. И очень бывает обидно, когда наш брат-актер бросает гримерку и уходит... А такие есть. Жалко их. То ли пересилить себя не могут, то ли быт затягивает... Причины всякие.

Но я очень благодарен своему коллективу за поддержку, за взаимопонимание – Л. Леташовой, В. Новикову, М. Курбановой. Н. Сыченкову, Ю. Колчину, Л. Даниловой, В. Киричшвили, Н. Тушишвили и другим. Они – моя опора. Мой тыл.

Я ухожу из актерской гримерной под вечер. Гримерной? Нет, из келы, как ярко и точно охарактеризовал эту маленькую комнату Геннадий. Из келы, где актер исповедуется, где богатые чистыми порывами и сильные духом люди готовятся к совершению великого действия – спектакля, очищающего человеческие души, роняющего в них зерна добра и любви, милосердия и терпимости.

«КОМУ ПОВЕДАТЬ О МУКАХ, ТЕРЗАЮЩИХ МЕНЯ...»

С обложки книги «Театр. Режиссер. Спектакль» смотрит улыбающийся человек. Да так, словно заглядывает вам в глаза, в душу. «Он живет ради красоты и добра на земле, верит в социальную справедливость, в будущее людей и потому интересен не только своей работой, спектаклями, но и своими мыслями, накопленными долгими годами, опытом», — пишет о нем автор вступительной статьи.

Я знаю этого человека многие годы. С десятков лет назад, а может, и больше, копна его волос была цвета утомленного солнца, лицо бело, как горный снег, а сегодня волосы покрылись снегом... Но так же живо, как в ту пору, блестят его глаза, так же тепла и сердечна улыбка, так же кипит в нем страсть...

Хайбулла АБДУЛГАПУРОВ. Главный режиссер Аварского государственного музыкально-драматического театра им Г Цадасы. Именно он смотрит с обложки книги. И именно с ним мне повезло встретиться в майский послепраздничный день.

— Хайбулла, надоело обходить острые углы в разговоре, заглушать нелицеприятные, а они возникают все больше и больше, вопросы. Так вот, осмелюсь задать тебе один из них: скажи откровенно, имеем ли мы сегодня театры в настоящем понимании этого слова (ну, если не считать Русский драматический). Уже очень сильно отдаёт от наших театров художественной самостоятельностью.

— Совершенно верно. Потому что в республике в последнее десятилетие расцвел культ самостоятельности, площадности, позволю себе так выразиться. Если в семидесятые годы чувствовалась атмосфера поисков, серьезной работы, то в последние годы в моду вошел ширпотреб, безответственное, беспринципное отражение действительности.

Я не люблю устоявшуюся формулу «искусство принадлежит народу». Искусство принадлежит элите. Народу принадлежат концерты, представления, шоу.

Театр — это институт эстетического воспитания, однако сегодня к нему внимания нет. Основа театра — драматургия, и если кто-то мечтает о его подъеме и расцвете, то надо начинать с драматургии. Но кто мне может сказать, что появилось за последние десять лет созвучное нашему времени? Нет ничего. В семидесятые годы было. Сегодня нет. Что, события никакие не произошли? Еще какие произошли. А драма-

тургии нет. Мы с Нариманом Алиевым задумали создать лабораторию драматургии – никто к нам не пришел. Не соизволил. Может, есть и функционирует такая секция в Союзе писателей? Нет и там. Вот почему театры оказались на мели, и, если хочешь знать, теряют свой статус.

– Да ты только подумай: в последние четыре года не было денег ни на декорации, ни на костюмы, ни на пьесы, ни на переводчиков.

– **Сотню лет назад в России провинциальные театры способствовали созданию столичного театра. А у нас, в Дагестане, сегодня столичные театры играют на уровне домов культуры.**

– Сергей Образцов как-то сказал: – Если нет атмосферы, не только творчество – редиска не вырастет.

Для творческого мышления нужна атмосфера, а она – на уровне клубов и домов культуры. Нет уважения к художественному мышлению, творчеству, личности. Личность не должна быть лизоблюдом, угодником, подхалимом, а у нас она почему-то, настоящая личность, вызывает аллергию, ее считают дегенеративной

Театры потеряли свой статус, права, обязанности. Правит администрация – очевидно, это удобно начальству. Защита творческой личности отсутствует, она подменена защитой групповых интересов. Если вдруг появляется личность, она оказывается чужаком. Последние четыре-пять лет не было ни одной театральной конференции.

Мы сейчас живем в пору перевернутой демократии: свобода мысли, свобода слова творческой личности заменена своеволием, циничностью чиновников: я хочу, я могу. Мы никогда не сталкивались с таким позорным и постыдным явлением. Если в эпоху Сталина я был винтиком в машине, то сегодня даже уже не винтик. Такого унижительного отношения к себе я не ощущал. Живем надеждой: может, что изменится.

В прошлом году нас собрал в городской администрации Саид Джапарович Амиров. И тут почувствовали, что мы тоже люди. В этом году встречались с Хизри Исаевичем Шихсаидовым. Эти два человека вселяют надежду в будущее творческого человека. А творческому человеку очень дорого внимание. А то сеешь, сеешь и не знаешь, для чего сеешь...

– **Ты бывал в театрах Москвы, Петербурга... Чем они берут зрителя, что в них необычного для нас?**

– Я работал в театре Маяковского, год – в Вахтанговском, в лаборатории Евгения Симонова, два года – в Ленинградском театре имени Комиссаржевской...

Главное там – приоритет творчества. Театр должен чувствовать, что он существует для творчества, как и мельница для помола зерна. Когда артист ощутит, что здесь, в театре, творят, создают, сразу изменится атмосфера.

Повторю: там приоритет художественного начала. И главное мерило спектакля – хорошо сыгран или плохо.

А у нас многие талантливые артисты уходят, потому что не приемлют угодничества, куначества, потому что над ними оказались непрофессионалы.

В столичных театрах творят добро. Конечно, и там бывают и ссоры, и выяснение отношений, но все это заканчивается, когда начинается разговор о спектакле.

– У нас немало актеров, получивших и специальное образование и работающих над собой. Но многие ли из них достигают высот мастерства? Может, актерство – все же дар божий, как и любое другое творчество?

– Ну конечно. А профессию актера надо безумно любить, быть ей беспредельно преданным. Мне рассказывали, Шалапин над одним жестом так долго и упорно работал, что упал без сознания. А Бетховен что говорил? Бог дал это мне (о своем таланте), и я должен передать людям, и это меня держит. А Чехов? Если каждый человек на земле сделал бы все, что он смог бы, как прекрасна была бы земля.

Труд – вот главное мерило человеческого характера.

Меня больше всего беспокоит невысказанное мнение обо мне, чем то, что говорят в лицо. Пусть на меня не обижаются друзья и приятели, нет у меня человека, кому я мог бы раскрыть свою душу, с кем мог бы поговорить о муках, терзающих меня, о боли... Нет такого, кто так, как и я, мучился бы. Друзья, приятели есть, больных муками – нет.

Мне кажется, мы немного отвлеклись на тему человеческой совести, нравственности. И это вытекает из темы нашей беседы. Сегодня нас окружает немало сатанинского. Да и таланты стали создавать что-то сатанинское, разрушая этику и эстетику. К примеру, известный режиссер Роман Виктюк, который вынес на сцену порнографию и нездоровый секс. В человеке, конечно, заложено что-то звериное, ведь он – создание природы, но это не свойственно ему. Красота, достоинство, целомудрие должны возвеличивать его. А они подвергаются разрушению. Сохранить их нам помогает религия: делай человеку добро, не грешь, будь чист в своих мыслях и думах...

– И все же вернемся опять к предыдущему вопросу: есть ли у нас актеры, наделенные даром Божиим – талантом?

– Очень много. Генетически мы страдалцы! Потом и кровью добились и сохранили землю, а рожденные в трудной борьбе всегда талантливы.

Танхо... Его стиль, почерк, азбуку взяли на вооружение все танцевальные коллективы Северного Кавказа и создали особый, кавказский стиль танца, эстетики. Ведь это Танхо утвердил такой стиль, что сегодня почти каждая семья стремится научить своих детей танцам. И мало кто знает, что не кто иной, как Шахрудин Шамхалов привез из Туркмении Танхо Израилова, совершившего революцию в мире танца. Надо бы нашему правительству вспомнить эти традиции.

Таланты от Бога? Это Курумов. Барият Мурадова, самостоятельный, гордый человек. Самое страшное, когда творческая личность, талант не востребованы.

– **«В театр ходят не смотреть слезы, а слушать речи, которые исторгают». Это сказал Дени Дидро. Ты солидарен с ним или хочешь возразить?**

– Я в ноябре хочу доказать это. Готовлю свой «Поэтический театр». Я очень люблю слово, слово зажигающее, воспаляющее, ведущее... А для того чтобы оно было таковым, нужен актер, обладающий позицией. На сцене надо не играть, а высказывать то, что у тебя на душе. Вот, к примеру, актеру говорят: играй Гамлета! Да нет же, не Гамлета надо играть, а те проблемы, которые стоят перед ним. Вот таким актером был Курумов.

– **«Весь мир – театр, и люди в нем актеры». Этот афоризм был известен задолго до Шекспира. Скажи, пожалуйста, ты тоже решил стать актером? Я имею в виду твое участие в выборной кампании.**

– Я реалист, а не праздный мечтатель, у меня своя твердая позиция в жизни, четко продуманные намерения.

И больше всего не уважаю чиновников. Каменщик в кабинете не сидит – он кладет камень. Крестьянин трудится на земле. И мне жалко видеть врача, сидящего в кабинете. Человек должен заниматься тем, чем его наделила природа. Был у меня случай с милиционером: спрашиваю одного, стоящего на посту, почему он надел форму. Хотел услышать от него, понимает ли он, к чему обязывает форма. А он мой вопрос посчитал за оскорбление и чуть не отвел в отделение милиции. Чиновник?

А теперь конкретно на твой вопрос. Нет, мне не жалко, что я втянулся в политику. Жалко, что разочаровался в ней. В мире, наверное, нет такой инертной интеллигенции, как наша. Моей целью было раз-

будить ее, собрать, организовать, вовлечь в работу. Создал региональное отделение Всероссийского общества «Духовное наследие».

В ходе предвыборной кампании я узнал такую грязь... Лучше бы не знать... Вот тебе одно чудо: я (ты, он) должен собрать семь тысяч подписей, но если заплачу тридцать тысяч рублей – список не нужен: сразу выдают мандат. Как это понять? Значит, мерило – деньги? Толстосуму все пути открыты?

Надо мной насмехались: чего ты борешься, ведь не осилишь. Я отвечал: хорошая собака, если ухватится, держится до смерти. И знаешь... я думал, что получу 5-6 тысяч голосов, ведь у меня не было ни денег, ни плакатов, да и встречался только раз с избирателями, а проголосовали за меня тридцать две тысячи. Это о чем-то да говорит.

Если бы в Тарумовском районе, в педуниверситете, в школах мою фамилию из списков не вычеркнули, цифра была бы выше.

Да, к сожалению, разочарования больше. И виноваты в том люди, следившие за ходом выборов. Вот и задаюсь вопросом: кто им дает право нарушать принцип свободного волеизъявления?

Мое огромное желание, чтобы наша интеллигенция, а это врачи, педагоги, ученые, творческие работники, смело боролись за мандат депутата.

– Станислав Говорухин – замечательный кинорежиссер. А сел в кресло депутата Госдумы и как-то потерялся, уронил свой имидж, что ли... Надо ли такому высокому профессионалу идти в политику? Не лучше ли создавать такие произведения, которые «исторгают речи», как выразился Дени Дидро, воодушевляющие народные массы?

– Я его приветствую. Говорухин сегодня не столько кинорежиссер, сколько политик. У него активная жизненная позиция. Конечно, мне не понравилось, когда он выдвинул свою кандидатуру на пост президента. Этого я ему не простил, да и сам он себе не прощает, очевидно: может, от злости на кого-то решил на такой шаг...

А как кинорежиссер он – талант. У него есть силы создать высокохудожественные произведения. Вспомни нашумевший фильм «Так жить нельзя». А картина «Ворошиловский стрелок» – вообще талантливая вещь.

– Если бы ты стал депутатом, не потерялся бы в толпе говорунов, карьеристов?

– Ни в коем случае. Я в 13 лет уже стал самостоятельным человеком, освоил также нравственные качества, как достоинство, честь, совесть, справедливость.

Депутат – всесильная должность. Знаю не понаслышке. Я был депутатом Советского, затем Ленинского райсоветов, помогал людям ремонтировать крыши, провести и установить телефон. Много доброго можно сделать.

Если бы стал депутатом, собрал бы воедино интеллигенцию, помог ей раскрыть свои силы, талант, вернул бы веру в справедливость.

– Тебе не жаль себя? В советское время, я думаю, ты жил во много раз лучше, свободнее, радостнее, чем сегодня.

– Иногда бывает очень жаль. Но моя судьба, видимо, такая. Я всегда был максималистом и не признавал посредственность, как человек гордый, самостоятельный, не люблю зависеть от чиновников, потому и страдаю. Сегодня я беспомощен что-либо оригинальное создать, предложить, потому что испытываю сильное администрирование. Я рожден для крупных, масштабных, классических вещей, а не кукольно-кухонных.

За последние двадцать лет я поставил более ста спектаклей, работал один, не зная ни выходных, ни отдыха, ни санаториев. И что же? Пятидесятилетие мое отметили в родном Шамильском районе: здесь я неугоден. Скажу тебе честно: если бы появился профессиональный режиссер, я бы ушел. Устал...

– Как думаешь, ты стал гордостью своей семьи, родных, тухума своего?

– Думаю, да. Если бы я не оставался честным и чистым, причинил бы им боль и страдание. С утра до вечера я в театре как проклятый, наверное, мало добра сделал родным, да простят они меня за это. Но они должны гордиться, что не вор я, не хапуга. Они могут быть спокойны: никто им не бросит в лицо, что их Хайбулла подлец. Но самое главное, они понимают, какую тяжесть я ношу. И я благодарен им за это.

– Дети не пошли по твоим стопам?

– Потуги были. Но я им сказал два-три слова, они поняли меня.

– Они что же, не любят искусство? Или гены твои оказались немощны?

– Нет, почему же, они понимают искусство. Это я виноват в том, что не привлекал их к искусству, будучи поглощен изнурительным трудом.

Но... как бы я ни хотел, младший сын намерен стать режиссером.

– Ты мог бы считать себя гордостью своего народа? Ведь ты добился многого: удостоен званий заслуженного деятеля искусств ДАССР, народного артиста республики, являешься лауреатом

республиканской премии за постановку спектакля «Батырай». Излишняя скромность обедняет человека, тем более творческого.

– Сильно сказано. Я не все еще осуществил, что хотел. Если Бог даст еще 5-10 лет, постараюсь доказать, на что способен, что умею делать. А если нет - сделаю все, чтобы хотя бы возможное сохранить.

– А Дагестан гордится тобой?

– Не знаю. Но убежден в том, что гордостью являются Рустамов, Айдаев. Могу одно сказать: я трудился много и больше всех и создал более ста спектаклей. Это о чем-то, наверное, говорит. Как бы ни было трудно, что бы ни испытывал на своем пути, я нет-нет да и благодарю Бога, что работаю режиссером. Мечтаю создать в Буйнакске театр народов Дагестана, который будет состоять из нескольких национальных трупп. Надо дать выход талантливым творческим людям.

Прошу судьбу, чтобы разрешила мне хотя бы один год делать то, что я хочу, показать людям то, что я хочу.

– Хайбулла. Ну для чего тебе нужен этот театр? Ради чего столько мук, терзаний, тревог?

– Великий Бернард Шоу сказал: «Человек научился летать как птица, научился плавать как рыба, но не научился жить на земле как человек». Наверное, когда очень сильно хочется жить как человек, и появляется страсть к самоусовершенствованию, а потом и к изменению жизни. Добро создает человека, зло уничтожает его. Поэтому, я думаю, и существует театр, чтобы сеять зерна добра. Поэтому я и предан театру.

«У МЕНЯ СЕГОДНЯ НА ХЛЕБ ЕСТЬ. А ВОТ ВДОХНОВЕНИЯ – НЕТ...»

Он автор трех десятков пьес. Они ставились на сценах дагестанских драматических театров, крупных городов Советского Союза. Ему принадлежит множество басен и юморесок, бичевавших пороки бывшего общества, за что он получил нарекания и от отдельных властей имущих, принявших сатиру в свой адрес.

Все свои произведения как драматические, так и сатирические, будучи сыном азербайджанского народа, он пишет на русском языке, овладев им в совершенстве.

Это – человек, проживший жизнь честно, совестливо, на виду, без привилегий. Правда, как он сам любит говорить, у него в советскую эпоху была одна привилегия – его называли сыном врага народа, со сменой общественной формации его лишили и этой привилегии.

Мой собеседник – драматург, заслуженный деятель искусств Дагестана Нариман Ибрагимович АЛИЕВ.

– Нариман, расскажи, как началась твоя драматургическая деятельность?

– Когда я вернулся из Азербайджана в 1956 году после реабилитации отца (он был репрессирован, нашу семью выселили из квартиры, мать выгнали с работы, и мы вынуждены были в 1937 году уехать в Кировабад, в отцовский дом), так вот, когда я вернулся в Махачкалу, то в первую очередь зашел в Союз писателей Дагестана, где познакомился с Александром Федоровичем Назаревичем: он хорошо знал моего отца. Я показал ему свои первые литературные пробы – рассказы, басни. Прочитав басни, он сказал: – А знаете, это маленькая драматургия, не попробовать ли вам писать пьесы? Я пожал плечами. В это время зашел Ахмедхан Абу-Бакар. Мы познакомились. Разговорились, Ахмедхан поделился своими планами, заметив, что война закончилась, а следы ее еще остались. И он думает написать пьесу. А так как я писал на русском языке, он предложил мне работать в соавторстве. Я согласился.

Ни у него, ни у меня не было квартиры. После работы по вечерам, устроившись где попало, часто в Союзе писателей, мы писали эту пьесу. А тут вдруг объявили конкурс на пьесы. Мы и представили свою. Называлась она «Следы». С трепетом ждали результата. Первой и второй премии не было. Одну третью премию присудили нам с Ахмедханом, другую третью – Дмитрию Ивановичу Трунову за пьесу «Цветы на камнях».

Пьеса «Следы», написанная в соавторстве с Ахмедханом, и была моя первая работа.

Поставил ее кумыкский театр. Но не скажу, что имела успех. Это была первая проба пера, получилась несколько сыроватая. Тем не менее она была оценена.

– Сколько пьес написано тобой?

– После той, о которой я говорил, написаны еще тридцать три. Первая самостоятельная моя пьеса была «Девушка с гор», посвященная молодым рабочим завода имени Гаджиева. Эта веселая музыкальная комедия уже имела успех: была поставлена русским драмтеатром и шла три сезона. Она вышла и за пределы республики. Ее играли театры Азербайджана, Карачаево-Черкессии, Чечено-Ингушетии, народные театры.

Ну, а главная моя работа, как ты знаешь, – «Итальянская баллада». Хочешь знать историю ее написания? Как-то Юсуп Хаппалаев показал мне газету, в которой рассказывалось о Гасане Камалове, бежавшем из фашистского плена и сражавшемся в отряде Сопротивления. В одном из боев он погиб. Материал для драматургии был очень интересен, и, чтобы нарисовать запоминающийся, правдоподобный образ героя-горца, пришлось многое о нем узнать от знавших его людей, земляков. И все-таки я назвал его Джамалом, поскольку дал волю воображению, фантазии. Предложил Юсупу Хаппалаеву соавторство, идея была его. Он согласился. Но когда прочитал пьесу, категорически заявил, что его соавторство неуместно, ибо пьеса моя, Наримана Алиева.

Пьеса имела нелегкую судьбу. В республике ее не хотели ставить. Она лежала в портфеле лакского и русского театров и бог весть сколько могла бы еще пролежать. Я решил отправить ее в комиссию по драматургии Союза писателей СССР, которую возглавлял Афанасий Салынский. И каково было мое удивление, когда получил приглашение на Всесоюзный семинар драматургов в Ялте с этой пьесой. На семинаре она получила очень высокую оценку, была отмечена в докладе Мустая Карима на 1 съезде писателей РСФСР. Мне было очень лестно видеть свою фамилию рядом с безвременно ушедшим из жизни Александром Вампиловым. После этого в республике в верхах всполошились, пьесу утвердили и включили в репертуар русского драмтеатра. Поставил ее Ислам Казиев. Это была его дипломная работа. Через три года ее поставил лакский театр.

В Москве Всесоюзное управление по охране авторских прав растиражировало пьесу, и вскоре я узнал, что «Итальянскую балладу»

играют в театрах Днепропетровска, Бугульмы (Татария), Казахстана... В общей сложности в четырнадцати театрах.

– Пришлось ли тебе присутствовать на премьерах своих пьес в городах Союза?

– Да, я был на премьере в Бугульме, Днепропетровске, Черкеске. Меня приглашали не только в качестве автора, но и гостя. И знаешь, я обратил внимание, что там театры борются за своих драматургов. А здесь тебе говорят: «Ну, хватит»... Но почему хватит, если есть пьеса, если есть тема, если слово просится к народу? Отношение к драматургам тут и там диаметрально противоположное. Посуди сам: получаю из Черкеска телеграмму: «Ставим сотый спектакль по вашей пьесе». Разве это не приятно?

– Посчастливилось ли тебе встречаться с известными драматургами, учиться у них?

– Ну конечно же! Знаешь, кто был одним из моих консультантов на семинаре? Леонид Генрихович Зорин. Бывший режиссер МХАТа Леонид Федорович Еремеев во многом мне помог в постановке «Итальянской баллады». Учили меня уму-разуму Анатолий Андреевич Барянов, профессор Литературного института Владимир Федорович Пиенов, очень близко знал я выдающегося белорусского драматурга Андрея Макаенка, встречался с Виктором Сергеевичем Розовым, дружил с Александром Вампиловым, выдающимся грузинским драматургом Александром Чхиидзе. Наши встречи проходили в домах творчества в Ялте, Коктебеле, Пицунде, Дубулты, Переделкине.

Общение с такими людьми – это великая школа. Я никогда не был в отпуске, я работал, работал и учился в домах творчества. Московские и ленинградские драматурги всегда просили меня дать им почитать пьесы. И наши беседы, общение были для меня великими университетами.

– Какой теме ты отдавал предпочтение?

– Молодежной. Ведь и самая первая пьеса – «Девушка с гор» – посвящена зарождению молодого рабочего класса в Дагестане. Да и лейтмотивом «Итальянской баллады» проходит тема, если можно так сказать, проклятия жестокой войне, которая убивает молодых. Пьеса завершается монологом матери: «Как это несправедливо — хоронить своих детей». Молодежной тематике посвящен целый косяк комедийных пьес. Неплохо шли на сценах театров «Тропинка любви», «Когда чабанов много, овцы дохнут» (в Аварском театре), «Легкий испуг» (в Русском театре и Минском ТЮЗе).

Написал две сказки – «Эльдар и Патя» и «Добрый юноша Надир».

В позапрошлом году Лакский театр поставил музыкальную комедию «Веселое село» (музыка Амина Рамазанова). Пьеса рассказывает о колхозе, который готовится к приватизации...

Я по натуре оптимист и весельчак, хотя внешне и кажусь хмурым. Собрал габровские анекдоты и написал пьесу «Габровские эликсиры». Ею заинтересовался режиссер Русского театра Геннадий Иванович Якунин, приступил к работе над ней, но случилось несчастье: он скончался. И судьба пьесы повисла в воздухе.

– Есть ли в твоём столе пьесы, не сыгранные театрами? О чем они?

– Очень много. Лучшая не поставлена, это сатирическая, я бы сказал, саркастическая комедия «Бутылка с Наполеончиком». Пьеса о дутых номенклатурщиках. Ее в свое время хотел поставить в Русском театре Виктор Тургенев, но в верхах воспротивились. Послал в Москву, но, поскольку номенклатурщики были и в Москве, не приняли и там. Лежат комедийные пьесы «Дядя Алибек, его жена и дети», «Купила тетка «Жигули», кстати, хорошо встреченная на семинаре драматургов Северного Кавказа, «Отец застрелился» – о личной жизни и другие.

– Над чем ты сегодня работаешь?

– Будем реалистами. В моем возрасте генералы и писатели пишут мемуары. Я тихо - тихо воспроизвожу встречи и серьезные, и смешные. Назову их, очевидно, «Были – былинки». Пьесы больше не пишу. Они не востребованы. Понимаешь, до чего дожили: раньше звонили домой: «Давай пьесу», а сегодня рады даже тому, что зритель не ходит в театр.

– Как тебя «угораздило» писать на русском языке?

– Когда я учился в махачкалинских школах №1 и №2, у нас были прекрасные преподаватели. В свое время работавшие в гимназии, в совершенстве знавшие язык и литературу, они были требовательны и строги. Мы, ученики, наизусть знали многих классиков русской и советской литературы. Это была потрясающая закваска. И не только я так овладел, прекрасно знал язык Надир Маллачиханов (сын революционера), Калерия Сариади (она стала врачом), да и многие дагестанские ребята. Русский язык стал моим первым языком. До двенадцати лет, до переезда в Азербайджан в 1937 году, я не знал азербайджанского языка. Уже в Кировабаде стал изучать родной язык. Но я не пишу на азербайджанском. Только переводы на азербайджанском были опубликованы в журнале «Кирпи».

– Тебя не мучает ностальгия по земле отцов, не тянет в Азербайджан – окунуться в свой мир, свою среду, свою культуру?

– Вопрос, конечно, интересный. Я очень люблю Азербайджан и страшно переживаю, что он стал границей. Но ностальгия у меня была другая – когда нас вынудили уехать из Махачкалы в 1937 году. И, как только отец был реабилитирован, я тут же сел в поезд и приехал в родную Махачкалу.

– Мир искусства – это мир восторга, грез, любви... Без утайки – были у тебя поклонницы?

– Сказать без бахвальства... ну были, конечно. Но поклонницы – в хорошем смысле слова, в чистом. Есть и недоброжелательницы. Но без них скучно. Иногда диву даешься их острым языкам и экзотическим сплетням, и я говорю себе: родная Махачкала, ты обо мне знаешь больше, чем я о себе. Но я уже сказал раньше: я большой оптимист. У драматурга Шкваркина есть известная пьеса «Чужой ребенок». В ней молодой человек по имени Сенечка говорит своей возлюбленной: «Если ты меня не полюбишь, я брошусь под поезд, улыбаясь из-под колес». Вот я такой, как Сенечка, хотя и немолодой.

– Как ты живешь – вдохновенно или скучно?

– В арии Рудольфа из оперы Пуччини «Богема» есть такие слова (поэт):

*Певец любви беспечной,
Горя, нужды не знаю.
В мире грез бесконечных
Я гимны распеваю.
Доволен сам собою,
Я миллионер душою...*

Ты знаешь, я ведь учился и в консерватории...

– Как ты реагируешь на убогое существование писателей Дагестана?

– Это происходит не только в Дагестане. И это наша боль. Происходит девальвация, я бы сказал, умышленная девальвация литературы, музыки, театра, культуры. Писатели живут на убогие гонорары, среди них много нуждающихся. Нас лишили домов творчества, где мы могли работать. Будущее за это будет расплачиваться жестоко. Настанет время, когда внуки будут вопрошать, кто такой Пушкин, Чехов, Достоевский? Я не плачу в жилетку, я возмущаюсь. У меня сегодня на хлеб есть. А вот вдохновения – нет. Петь гимны сегодняшнему дню я не могу.

– Тебе хватает твоей пенсии?

– Я живу не только на пенсию. У меня бывают кое-какие гонорары, сотрудничаю с издательством. Помогает правительство. А кому, скажи, хватает пенсии?

– Чем ты занимаешься в свободное время?

– Ты знаешь, я старый, заядлый шахматист. Играю со всеми известными шахматистами мира, то есть разбираю их партии. Учю говорить своего попугая. К огорчению, пока что мои педагогические усилия никаких результатов не дали. Но вот чирикает он как мой дверной звонок. И на каждое его чириканье я бегу открывать дверь. Я его так и прозвал – Чирикушка. Да, еще много хожу пешком.

– И очень любишь проводить время на кухне?

– Что значит – люблю? Я вынужден, рано оторвался от дома. А вообще это чисто азербайджанская черта. Ни в одном ресторане в Баку вы не найдете повара-женщину. А как получаются мои блюда – приглашаю тебя отведать их, особенно пить.

– Твои дети не заразились от тебя писательским ремеслом?

– К моему счастью, нет. Дочка – педагог, живет в Баку, старший сын – строитель – в Краснодаре, младший – в Петербурге, окончил лесотехническую академию.

– Надеюсь, поварскому искусству-то научил их?

– Этому научил, и довольно искусно.

– Каково нынешнее состояние драматургии Дагестана?

– Сложно что-то оптимистическое сказать. Произошла смена поколений, ушли известные драматурги. А чистых драматургов ныне нет: пьесы пишут и поэты, и беллетристы... Драматургии надо учиться, а сегодня нет семинаров ни на российском уровне, ни на Северном Кавказе. Драматурги даже лишены знакомства с театрами других крупных городов. Театры сейчас живут за счет проведения концертов, юбилейных вечеров, лишены финансовой поддержки. Тут нельзя винить министерство культуры: у них нет денег, а если и бывает, то очень мало. Ты знаешь, кого ставят сегодня в Москве? Булгакова, Достоевского, Чехова, а не нынешних, современных. Потому что остались и есть костюмы, декорации от спектаклей по их пьесам, а на новые денег нет.

– Перейдем с минорной ноты на мажорную. Поздравляю тебя с Новруз-байрамом. И последний вопрос: как ты отметил его?

– Спасибо. Я тебя тоже поздравляю. Ведь это праздник весны, надежды, обновления. Помню, в 1988 году в Новруз-байрам в Алма-Ате проходил фестиваль драматургии Казахстана и Средней Азии, в кото-

ром участвовали театры крупных городов СССР, Индии, Афганистана. И сам фестиваль назывался «Новруз». Это действительно был праздник искусства. Я хочу, я мечтаю, чтобы к следующему Новрузбайраму воспрянуло искусство, а на душе у людей стало спокойнее за завтрашний день.

А на праздник я пригласил своих друзей – поэта Изамита Асекова, академика, директора Института геологии Демира Мирзоева и многих других. И стол мой украшали, хотя я не сладкоежка, восточные сладости. И ароматный плов. Собственного приготовления.

«СЧИТАЮ СЕБЯ СЧАСТЛИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ...»

Дагестан второй половины XX века прославился двумя именами, емкими и не требующими пояснения и перевода: Расул Гамзатов и Государственный ансамбль «Лезгинка». Чуть позже началось славное шествие борцов, затем Россию покорили «Махачкалинские бродяги», но Мир узнал о республике, затерянной в горах, по Расулу и «Лезгинке». Страны и континенты бурно аплодировали мудрым словам поэта и искрометным, зажигательным танцам ансамбля. Концертные залы содрогались от оваций, газетные полосы пестрели снимками патриарха поэзии и лихих джигитов и грациозных девушек.

Слава культуры Дагестана птицей парила над городами и весями. Жива ли она сейчас? Любим ли, почитаем ли сегодня ансамбль «Лезгинка»? Как протекает его творческая жизнь в наше сложное во всех отношениях время? Много вопросов задает нынешний день. Их я пытаюсь выяснить в беседе с директором Государственного академического заслуженного ансамбля танца Дагестана «Лезгинка», заслуженным работником культуры Российской Федерации и Республики Дагестан Джамбулатом МАГОМЕДОВЫМ.

– Джамбулат, что тебя побудило взвалить на себя хлопоты огромного коллектива? Отдачи-то ведь никакой.

Честно говоря, я не ожидал такой колоссальной нагрузки и такого фронта работ у директора ансамбля. Конечно, знал, что будут проблемы, и немалые, но о столь огромном объеме, с которым столкнулся, не мог и помышлять. В ансамбле я восемнадцатый директор, и ни один из них не проработал более четырех лет. А я тружусь уже девять. Это о чем-то говорит? Еще раз повторю: придя в ансамбль, я столкнулся с таким множеством трудностей, что становилось даже страшно. Но желание и дружелюбие, с которыми меня встретил коллектив, поддержка, которую оказал художественный руководитель Иосиф Матаев, не позволили мне уйти из коллектива.

– Несколько лет назад от одного слова «Лезгинка» будто веяло романтикой, оно олицетворяло наши высокие духовные порывы. Не кажется ли тебе, что сегодня нет уже того ореола, той славы?

– Думаю, что с самого начала перестроечных процессов не только «Лезгинка», но и вся культура, все истинные ценности подвергаются серьезному испытанию. Ведь как было прежде? Система, механизм танцевальных ансамблей «Лезгинка», Игоря Моисеева, «Березка»,

«Кабардинка», «Алан» имени Сухишвили были защищены государством. Выделялись деньги на зарплату, на костюмы, на поездки, а поездки планировались регулярно. Коллектив чувствовал защищенность, внимание. Абдурахман Даниялович Даниялов часто посещал коллектив, приходил на репетиции, знал артистов в лицо. Большую помощь оказывал Шахрудин Магомедович Шамхалов, не пропускавший ни одного концерта. Артисты имели возможность получить квартиру, без очереди по госцене приобрести автомобиль... То есть чувствовали особую заботу к себе.

Сегодня ситуация резко изменилась: судьба ансамбля зависит от различных коммерческих структур. К сожалению, и об этом надо говорить открыто, многие руководители таких структур далеки от понятия культуры. Да, они посещают концерты, но для личного престижа: одни демонстрируют новую шубу супруги, другие общаются по сотовому телефону с компаньонами, показывая свои возможности и превосходство. А истинный зритель, который мечтает посмотреть концерт ансамбля, к сожалению, лишен этой возможности.

И все-таки «Лезгинка» сегодня не менее популярна, чем в 60-70-е годы, когда она находилась на точке высшего подъема, или, как говорят, в зените славы.

– Сохраняются ли традиции, заложенные основателем ансамбля Танхо Селимовичем Изра일로вым?

– Да, «Лезгинку» всегда отличали и отличают не только почерк, но и характер танца. Танхо Селимович заложил и утвердил колоссальную дисциплину, которая существует и поныне. И когда я пришел в ансамбль, поставил перед собой задачу: продолжать те же традиции. Вот представьте: когда бы ни закончился концерт, какой бы ни была нагрузка, артисты сами собирают костюмы в кофры, сами сдают костюмы в костюмерную, не перекладывая на других. Вы никогда не увидите, чтобы девушка подняла тяжелый чемодан – это делают ребята. Особое, очень трогательное отношение к старшим. За этих людей мы можем быть спокойны – как бы в дальнейшем ни сложилась их судьба, они не станут ни бандитами, ни наркоманами.

Ходят разговоры о моральной неустойчивости наших девушек. Это неправда. Все они замужем, многие работают в ансамбле целой семьей. И никто не позволяет себе чего-то аморального. Да такие в ансамбле и не удержались бы. Не будь у нас чувства единой семьи – не было бы ансамбля.

– А ты знал Танхо Селимовича?

– Нет, к сожалению. Я знаю всю его биографию, многие его дела, многих людей, которые его знали, дружили с ним, работали, учились у него. Я знаком с его братом Махаем Селимовичем, который сейчас живет в США. Во время наших гастролей он всегда приходит на концерт.

– **Устраивал ли стиль работы Танхо Селимовича членов его ансамбля? Говорят, он был жестким.**

– Ни в одном коллективе руководитель не может устраивать поголовно всех. Просто не может быть такого коллектива. Да, Танхо Селимович был жесткий и недоступный на репетициях и концертах, но преображался после выступления ансамбля: становился мягким, веселым. В радости и горе бывал со всеми. Много сил отдавал, чтобы решить квартирные проблемы артистов. И его любили. Но были и такие, которым он не нравился. Они и ускорили его уход из «Лезгинки».

– **В ансамбле, как мне кажется, была занята вся его семья: дочь, сын, жена, братья... Такая семейственность не мешала работе?**

– Я считаю так: если люди соответствуют своему месту они не мешают. У этой семьи были творческие гены. Дочь Танхо Нина была блестящей солисткой ансамбля. Его брата Махая никто и сегодня заменить не может. Да, танцевала вся семья, и все были звездами. Конечно, вокруг семьи могли возникнуть и возникали кривотолки. Но стоило этих артистов увидеть на сцене – и все суды пересуды исчезали, таяли, как дым: они всецело отдавались танцу, они творили чудеса.

– **Я слышал, и ты с малых лет увлекался танцами?**

– Мне было пять лет, когда я пришел к Казиму Абасовичу Манافову в Клуб рыбаков. Был октябрь, а запись производилась в сентябре. И, конечно же, меня не приняли. Но мама упросила Казима Абасовича. Он уступил, но с оговоркой: если подтянешься – никаких проблем. И с пятилетнего возраста в течение шести лет я посещал кружок танцев.

– **Но пошел учиться в сельхозинститут... Почему именно в сельхоз? Ведь твои родители - писатели, люди творческие. Неужели гены притупились?**

– А вот почему. Две мои тети живут в Кокреке. А там куда ни глянь – виноградные плантации. Все каникулы я проводил у них и как-то незаметно увлекся виноделием. Мой покойный брат тоже окончил сельхозинститут. Ну и я решил идти в этот вуз. По окончании экономического факультета поступил в аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию. И вот однажды, когда летел в Москву, в само-

лете оказался рядом с Иосифом Матаевым. Две недели назад ансамбль вернулся с триумфальных гастролей в Америке, и теперь Иосиф летел в столицу. Я заметил, что он очень расстроен, но не хотел докучать ему расспросами. Он сам объяснил свое настроение: два члена ансамбля подрались, и если информация дойдет до Москвы, поездки заблокируют, «Лезгинка» станет невыездной.

Пока эта проблема не была решена, я не отходил от Иосифа и, конечно, помогал, чем мог.

Когда все было утрясено, он обратился ко мне: «Джамбулат, как бы я хотел, чтобы у меня был такой директор». Дня через три он разыскал меня, пригласил к себе в гостиницу и, как бы шутя, представил друзьям: «Вот мой новый директор». А когда проводил гостей, заметил: «Джамбулат, все-таки у тебя творческие корни. Переходи работать в ансамбль».

Я не дал твердого слова. Но в один из вечеров уже в Махачкале мама говорит: «Почему бы тебе не пойти работать в «Лезгинку»?» Ну, я решился. И уже на третий день состоялись гастроли в Дербент, Баку, Москву. Я рад, что моя работа началась не с кабинетных разговоров, не с совещаний, а именно с гастролей. Многому учил меня Иосиф Матаев, а самое главное – привил любовь к ансамблю. Мы и сейчас часто созваниваемся, много общаемся, встречаемся – он живет в Москве. Я благодарен ему за то, что связал свою судьбу с «Лезгинкой».

– А Иосиф продолжал традиции Танхо или привнес в ансамбль свои?

– Видите ли, дело в том, что после Танхо ансамблем руководил прекрасный хореограф Курбан Курбанов. Но «Лезгинку» всегда отличал особый почерк, который заложил Танхо. Большая ошибка Курбана в том, что он хотел отойти от фундамента, заложенного Танхо. А отход от устоявшегося, признанного почерка обрекает на провал. Хотя у Курбана были и большие успехи.

Иосиф был продолжателем линии Танхо. Конечно, танцы при нем сильно отличались уже от прежних – сложнее стали трюки, появились новые костюмы. Но почерк оставался. И свои постановки Иосиф осуществлял на том фундаменте, который заложил Танхо. После ухода Иосифа художественным руководителем ансамбля стал народный артист республики Залимхан Хангереев.

– Когда было интереснее работать – в советскую пору или сейчас?

– В ту пору меня в ансамбле не было. Но знаю о его работе. Она была планомерная, системная. Сейчас механизм деятельности резко

отличается: надо самому изыскивать средства, организовывать гастроли, уговаривать спонсоров... Сегодня работа директора более значима, но менее благодарна.

– А полный аншлаг бывает ныне?

– Знаете, я этим и горд, и счастлив: еще не было концерта, чтобы хотя бы одно место пустовало. Ныне мы приехали с гастролей в Карабудахкентский район, так в Доме культуры не только зал был битком набит – люди приходили со своими стульями. В ноябре минувшего года были в Ставропольском крае. Нас буквально забросали цветами. В честь «Лезгинки» назвали один из пионерских лагерей. Такой же прием устраивают в Москве.

А за границей ансамбли пользуются колоссальным успехом. Когда мы приехали в Южную Корею, в нашем посольстве нас предупредили, что местная публика аплодирует лишь в завершение концерта, и пусть это не смущает артистов. Но как только начался концерт, зал взорвался аплодисментами, продолжались они до последнего номера. А в зале было пять тысяч мест.

– В дореформенное время гастроли намечались Министерством культуры, Госконцертом. Кто сегодня занимается организацией ваших концертов, поездок?

– Так сложился механизм взаимодействия, что я сам должен искать связи, договариваться, планировать гастроли...

– Гонорары, получаемые артистами, устраивают их?

– Любой артист ансамбля не получает десятой доли того, что заслуживает. А славой они пользуются завидной. Вот вам пример: выступали в Турции – пятьдесят процентов танцоров получили приглашение остаться. Был период, когда «Лезгинка» являлась законодательницей мод. И сейчас артисты не менее симпатичны, красивы, артистичны и интересны, но вот материальная сторона... В среднем они получают шестьсот рублей в месяц. А если учесть их нагрузки, особый режим питания, одежду. Разве это деньги?

– В былые времена, приезжая с гастролей, артисты выволакивали из вагонов тюки, баулы, чемоданы со всяким добром...

– Сейчас привозить из-за границы смысла нет. Наоборот, туда можно вывозить дагестанскую продукцию, организовать сувенирный стол, распродажу, что-то заработать на карманные расходы.

– Маршруты ансамбля и сегодня широки и разнообразны?

– Конечно. За последние пять-шесть лет мы побывали в Южной Корее, Гонконге, Тайване, Израиле, Испании, Турции, Бельгии, Чехии. Эти гастроли организовали такие престижные фирмы, как «Айсизм»,

«Самсунг», «Юрок», «Мерседес», «Эфес Пльзень» и другие. Это ведущие центры шоу-бизнеса. Мы благодарны Ахмеду Курбановичу Захарову, который помог нам с поездкой в Южную Корею: она была незабываема. В составе делегации Совета Федерации вместе с Рамазаном Абдулатиповым побывали на Кипре. В марте наш путь лежит в Эмираты, оттуда в Канны, в октябре – в Японию.

– **Танцы, исполняемые артистами ансамбля, покоряют и пластикой движения, и артистизмом, и музыкой. Все они хороши. Но... лично тебе сегодня какой танец нравится? И есть ли композиторы, пишущие танцевальную музыку?**

– Мне нравится танец, существующий вот уже пятнадцать лет, – «Нежность». Музыка Джумшуда Ашурова.. Этот танец исполнялся, а мы говорим – побывал во многих странах мира и получал премии. Я испытываю особое состояние души, когда смотрю его и слушаю музыку... Сейчас оркестр возглавляет опытный руководитель Мутай Хадуглаев, народный артист республики. Хорошую музыку писал Зайналбеков. Сотрудничают с нами Наби Дагиров, Магомед Касумов.

– **А российский зритель ходит на концерты «Лезгинки»?**

– Я сам одно время думал, что посещают в основном наши земляки. Ничего подобного. Залы бывают заполнены российским зрителем. Нас здорово принимают, очень здорово. Мы пропагандируем не только духовные ценности, культуру, но своим трудом вносим вклад в сближение народов. Так было недавно и в Ставропольском, и в Краснодарском краях.

– **Поездки за границу, очевидно, сулят артистам весомые гонорары. Или зарубежные продюсеры научились уже «обставлять» наших?**

– Прежде зарубежные поездки были выгодны: платили и командировочные, и гонорары. Сейчас все зависит от того, как договоришься. Заключающие с нами контракт знают о состоянии экономики России, о нашем материальном положении и стараются платить маленькие гонорары.

– **Кого из нынешних танцоров можешь выделить?**

– Кого-то... очень трудно. Каждый танцор по-своему неповторим. Но есть особо одаренные: Расул Расулов, Гаджи Иманалиев, Руслан Токбулатов, Габриель Лобжанидзе, Марат Амирханов, Султан Хамбулаев, Елена Раджабова, Елена Гаджиева, Татьяна Гасанова, Сабина Алиева и другие.

– **Проработав много лет в ансамбле, они уходят. Но куда? Вы не в курсе, как складывается дальнейшая судьба артистов?**

– К сожалению, после двадцати лет на сцене они уходят на пенсию. Это самый трагичный момент, когда люди, ряд лет находившиеся в зените славы, оказываются не у дел, никому ненужные. Работая в ансамбле, они не имеют возможности учиться хотя бы заочно в вузе, приобрести другую профессию – так плотно занято время репетициями и гастрольными поездками. И, уходя на пенсию, бедствуют. Единички устраиваются в детские ансамбли.

– А ты сам не жалеешь, что пришел в ансамбль? В начале беседы ты заметил, что благодарен Иосифу за то, что он связал твою судьбу с «Лезгинкой». И все-таки? Тяжелые мысли посещают?

– Случаются моменты, когда проклинаю эту работу и думаю: зачем это мне надо было? Но такое состояние бывает крайне редко. Считаю себя счастливым человеком: у меня есть любимый коллектив и любимая работа. Я прикипел к ним и не мыслю себя без них.

– К слову, ты смог воспитать любовь к танцам у своих детей? Грация, пластика, одухотворенность, мелодия, чистота помыслов - ведь все это компоненты высокой духовности...

– Да, вы совершенно правы. Дочке моей сейчас три года, но как только ей исполнится пять лет, обязательно поведу в танцевальный кружок. Сын в шестом классе, занимается вольной борьбой, но я решил, что он обязательно будет танцевать. Считаю, каждый дагестанец должен уметь красиво танцевать.

– Джембулат, я слышал, ты в студенческие годы превосходно имитировал...

– (Задорно хохочет). Как вы об этом узнали? Да, я имитировал голоса многих преподавателей – в ту пору я возглавлял студенческий театр эстрадных миниатюр. Об этом узнал ректор сельхозинститута Магомед Мамаевич Джембулатов, пригласил в кабинет и попросил изобразить педагогов. Вообще, должен заметить, стиль, метод работы, школа Магомеда Мамаевича, дисциплина, которую он установил, помогли мне во многом. Их я использую в своей работе. Кстати, и сегодня, собираясь с друзьями, я люблю обращаться к имитации и пародии. Не представляю жизнь без юмора.

– Только юмором не ограничиваются твои увлечения?

– Нет, конечно. В две недели раз расписываю преферанс с друзьями и в неделю два раза играю в футбол. В зарубежную поездку обязательно беру с собой спортивную форму и по возможности играю в футбол. Но с артистами играть в преферанс себе не позволяю.

– Как ты думаешь, «Лезгинка» еще долго будет жить полноценной жизнью, восхищая мир своим искусством? И главное – долго еще будет символизировать собой Дагестан?

– Хороший вопрос. «Лезгинка» особенный коллектив. Или он будет таким, каким был и есть, или его вообще не будет. Если ансамбль изменит своему почерку, заложенному Танхо Селимовичем, снизит свой уровень, – он потеряет интерес и импресарио, и зрителей, потеряет и себя. Кстати, такого интернационального коллектива, как «Лезгинка», нет в мире: в ансамбле собраны не только представители всех народов Дагестана, но и украинцы, белорусы, армяне, грузины, цыгане... И перспективы у него хорошие. Если мы сумеем улучшить не только художественный уровень, но и материальную базу, он будет существовать всегда.

В самые тяжелые времена, когда уже срывались поездки, на помощь приходил Магомедали Магомедович Магомедов. А недавно Госсовет подарил нам прекрасный комфортабельный пассажирский автобус «Мерседес». Сколько лет существует «Лезгинка», столько же – и проблема базы. С приходом в правительство Хизри Исаевича Шихсаидова и этот вопрос утрясается. Сейчас завершается реконструкция базы, которая будет иметь школу-студию, два репетиционных зала, свой музей, фонотеку. Очень приятно, что Хизри Исаевич лично посещает базу, контролирует ход работ. Мы связываем с ним большие надежды и перспективы ансамбля. В курсе всех наших проблем министр культуры Наида Абдурахмановна Абдулгамидова. Так что, можно твердо сказать: «Лезгинке» жить, танцевать и покорять сердца вечно.

«ЧЕМ СТАРШЕ СТАНОВЛЮСЬ, ТЕМ БОЛЬШЕ ХОЧЕТСЯ ПИСАТЬ О РОДИНЕ И ПЛАКАТЬ О НЕЙ...»

Я задумал с ним встретиться в начале весны, позвонил ему домой. Мне сообщили, что он уехал в Москву зимой и вот-вот должен приехать. «Вот-вот» затянулось до середины августа.

Чем были заполнены эти столь долгие месяцы? В основном он сидел в Москве и творил. Ездил в Смоленск, Омск, Санкт-Петербург с концертами. Вел телефонные разговоры с Челябинском, Саратовом, Краснодаром. Совершил две знаменательные поездки: в феврале – в столицу Португалии Лиссабон с Мариинским театром. В рамках культурной программы «Экспо-98» под руководством лучшего дирижера Валерия Гергиева в концертном исполнении была подготовлена и исполнена его опера «Король Лир». На вечере, который проходил в Культурном центре «Белем», присутствовал президент Португалии. В опере были заняты артисты Мариинского театра.

А 12 марта с Валерием Гергиевым он уже выступал в Миланском театре «Лирика». Пел с оркестром песни народов Дагестана из цикла «Четверостишия». Кстати, оркестр имени Джузеппе Верди, дирижируемый Валерием Гергиевым, исполнял в тот вечер «Фортепианный концерт № 2» и «Скифскую сюиту» Сергея Прокофьева.

Как оказался он в Милане со знаменитостями? В прошлом году менеджер, побывавший в России, заинтересовался его «четверостишиями». Предложив дать концерт в Италии и получив согласие, включил в филармонический абонементный концерт: зарубежные менеджеры стали проявлять авторский интерес к нашим деятелям искусств.

Вас уже заинтересовало, кто этот человек, имя которого я никак не назову? Мой собеседник – композитор Ширвани ЧАЛАЕВ, лауреат Государственной премии Российской Федерации.

– Ширвани, ответьте на банальный вопрос: какие цвета в природе Вам нравятся?

– Я бы сказал, осенние цвета. Конечно, нравятся и ранние весенние, и летние, но более осенние. Может, это связано и с возрастом. В осенних красках есть какая-то... правда. А если можно так выразиться, итоговость. Ведь осенние краски – итог того, что была зима, весна, лето. (Задумывается). А может, итог несостоявшегося... Сейчас в горах начинается самая чудесная пора.

– А в музыке какие ноты любите – светлые, легкие или настораживающие?

– В музыке люблю тональности, связанные с черной клавиатурой – с диезами, бемолями.

– **Вы поклонник мажорных тонов или минорных?**

– Мажор и минор в дагестанской музыке не несут той нагрузки, которую несет классическая. У нас мажорной музыки нет, у нас более минорная. Но если даже и найдется, мажор более печальный, т.е. покрыт вуалью печали. Почему, спросите вы? У горцев открытой радости было мало, а если и случалась, они как-то стеснялись ее. Хочу еще раз подчеркнуть: мажор у нас не такой, какой принят в европейской классической музыке. Более всего у нас, в Дагестане, красота, правда жизни утверждается в миноре. Как ни странно.

– **Что настраивает Вас на создание своих произведений: ситуация? Голос космоса? Настрой души? Вы можете сказать – вдохновение. Но оно чем-то обуславливается?**

– Ситуация жизни никакого отношения не имеет к тому, что я пишу. Более того, если бы настоящая музыка имела отношение ко времени, она уходила бы вместе со временем. Но поскольку не уходит, значит, вызывается иными законами? Есть примеры и исчезновения. Многие композиторы, музыканты воспевали минувшую власть. Она ушла – и композиторы с их творениями исчезли.

Я бы сказал так: творчество питается настроением, состоянием души, но не испытывает их диктата. Оно, творчество, больше, глобальнее, богаче того времени, в котором ты живешь. Ведь не случайно великие художники прошлого рождали, творили выдуманный ими мир, который был далеко не художественным для их времени. Даже великий Махмуд, творец «Марьям», не писал о пулях, порохе, смерти и крови, олицетворявших войну, а посвятил свою поэму великой любви.

Время – это адрес места, где находится автор, но не суть его. Вспомните, Лев Толстой написал «Хаджи Мурата» спустя много времени после известных событий. А «Война и мир»? Гигантские произведения отображают время сквозь призму ушедшего времени «Большое видится на расстоянии», – как точно сказал великий поэт.

– **Музыка – дар божественный?**

– Да. И только божественный. Ловить звуки, которые реально слышишь, и оправдать этот дар, посланный Господом Богом, – и есть творчество. Осознание дара тоже не сразу приходит. И чем больше осознаешь его, тем труднее, печальнее.

Мне часто приходится бывать в Москве на станции метро «Площадь Пушкина». И всегда подхожу к стене, на которой выбиты слова гения:

*Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира.
О нет, недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой.*

Как замечательно сказано! Все-таки осознание этого дара, данного судьбой, – уже половина и творчества. Беречь, лелеять его – собственно и есть жизнь.

– **Как пришла к Вам музыка?**

– Трудно ответить. Нет, не могу. Единственное, что могу сказать, – я ощущаю ее, музыку. Когда сочиняю, ухожу к тем обрывам, скалам, снегам – мысленно, которые в моей памяти живут с детства. Довелось немного побывать за рубежом, но никогда не возникло желания писать об этом – о поездке, о той стране... Чем старше становлюсь, тем больше хочется писать о родине, плакать о ней. Писал «Короля Лира», а мысленно в музыке видел отца, сестер. У этого начала, которое называется музыкой, нет начала. Не знаю... может ли поэт сказать, как он стал поэтом?

Помню тот день, когда я запел песню, и лица людей. Они говорили потом: у тебя был такой голос... лучше, чем у Робертино Лоретти. А пел я в густой траве, со слезами, взхлеб, от отчаяния, что потерял альчики. Если бы я тогда не запел, не стал бы музыкантом.

Я как-то наткнулся на такие слова Гарсиа Лорки: «Я люблю одинокий человеческий голос больше всего на свете». И как бы нашел себя. Одинокая стрела... Одинокий камень... Какая внутренняя сосредоточенность! Одиночество и есть само творчество. Оно таит дорогу к мысли. Не потому ли с одиночеством сражаются государства, да что там государства – миры, создают шумы, звуки, шоу, пытаются подмять, отвергнуть его.

Когда я пою свои песни, я ухожу в одиночество, и иностранцев это захватывает, завораживает. Как прекрасно, завораживающе поют Доминго, Каррерас и Паваротти! Но только Паваротти – обратили внимание на его отрешенность – уходит в одиночество, покидает мир людей и вещей и отдается своей сладостной боли, своим мыслям.

– **Ваша душа больше поет или плачет?**

– Плачет. Да, все-таки плачет. Странное дело: я никогда не пишу музыку в ауле. Мне там хорошо. Я пишу, когда уезжаю из аула. Казалось бы, вот она жизнь – прекрасная природа, вдохновись. Но в душе не рождается ни один звук. Правда, пою, бываю на свадьбах, вечеринках, живу, как и все меня окружающие; даже наигрываю на аккордео-

не. А на стороне – уже после отъезда, когда вспоминаю все прожитое и пережитое, вдруг нахлынет на душу тоска, и захлестывает вдохновение.

– Легко ли было в советскую пору получать заказы, ставить оперу?

– Во всяком случае жить было легко, в смысле экономическом. Вопросы о завтрашнем дне не возникали. Оплатой труда занимались четко. С нами заключали договор, мы получали аванс, жили и работали в домах творчества. Именно там создавали свои великие произведения Прокофьев, Шостакович, Свиридов, Хренников, Мясковский, Шебалин, Щедрин. И такая там была атмосфера, словно сам Бог направил свой луч. Сейчас туда съезжаются крутые ребята, включают музыку. А муза, задрав платье, бежит прочь.

Для композиторов Дом творчества был своеобразной Меккой. Как верующие ходят в мечеть, так творческие люди устремлялись в дома творчества. Никто этого не может отрицать. И я очень жалею, что это устремление ушло. Осознание творчества, высокого творчества тогда было. Конечно, были и огромные минусы. Ценности художественного творчества определялись не ценностями Творца.

Сегодня есть все возможности, чтобы появились новые произведения. К сожалению, того вдохновения и той ценности нет.

Для меня, для моего творчества адресный интерес лучше. Раньше я варился в общем котле, а сегодня интересуются непосредственно качеством моих звуков. В прежние годы никакой менеджер меня не заметил бы и не выбрал. Сегодня он может обратить на меня внимание, заключить контракт, пригласить за рубеж.

– У Вас много друзей среди российских композиторов?

– Трудно в это поверить, но почти никого. В Дагестане Камиль-паша Алискеров, Рамазан Фаталиев, кстати, мой ученик. И практически все. В Петербурге – среди композиторов Борис Тыщенко, музыковед Михаил Бялик. Среди исполнителей Владислав Чернушенко, руководитель капеллы; он собирается ставить мою оперу «Маугли» в оперной студии консерватории. Очень любит, когда я пою, исполнил мою хоровую «Поэму-посвящение» и Валерий Гергиев, выдающийся дирижер. В Москве – исполнитель Борис Покровский. Он в преклонном возрасте – ему девяносто лет, но поражает всех ясностью ума.

Когда говорят: у меня много друзей, я всегда печально фиксирую, что у меня их почти нет.

– Может, они есть за рубежом?

– Был друг Алан Буш в Англии, он умер. В Италии знаменитый

Луиджи Нона, в Болгарии – Дмитрий Христов, в Израиле – Захарий, в Литве – Купревич, на Украине – Сильвестров, современный композитор. Дружил с Альфредом Шнитке, Эдисоном Денисовым, Гией Канчели, Бидзина Квернадзе, был в очень добрых отношениях с Евгением Мравинским. Почему-то много приятелей у меня было модернистов. Может, потому что нечего было с ними делить? А вообще вокруг меня просторно. В юности я был максималистом в некоторых вопросах.

– **Вы сегодня относитесь к лицам кавказской национальности. Не вносит ли это определенные ноты в отношения с творческими, да и с рядовыми людьми?**

– Нет, абсолютно. Кстати, в Москве документы проверяют не только у лиц кавказской национальности. За все годы, проведенные в столице, а я там с 1959 года, меня остановили только один раз. И то потому, что я надвинул кепку на глаза и тем самым вызвал подозрение и желание проверить мои документы.

– **Не возникало желания остаться где-то за рубежом?**

– Никогда. Хотя бывают моменты – плюнуть на все и уехать куда-нибудь. Но остаться где-то? Нет.

– **Где Вам удалось побывать? Какова была оценка Вашего творчества?**

– Практически во всех городах Советского Союза, крупных музыкальных центрах России.

Мою музыку любят и авангардисты, и традиционалисты. Вот что писали о моих «Крестьянских танцах»: «Слов нет для того, чтобы выразить впечатления от музыки Ширвани Чапаева... Могучая музыка». А так написал председатель Союза композиторов Северной Осетии А. Макаев: «Это событие не только для Вас, для вашего народа, но и для нашей музыкальной культуры. Фантастическая музыка, чарующие тембры, далеко не крестьянские мысли – все это Ваша музыка».

Конечно, приятно, что понимают суть мою. Среди музыкантов есть мнение, будто я эксплуатирую народную музыку. Но ведь народная музыка – наш багаж, доставшийся от предков, и потом она доступна всем композиторам, но они не делают того, что делаю я. Мои творения – это мое внутреннее ощущение музыки, которую я слушаю, вижу и слышу за спиной огромный мир. Я чувствую, ощущаю, что музыка, которую пишу, уже живет. Наша народная музыка позволяет человеку оглянуться, увидеть, познать свои истоки. Собирая в аулах фольклор, я сталкиваюсь с потрясающим мироощущением, с симфонией звуков, красок, архитектуры.

Обращу ваше внимание на сельскую архитектуру. С уходом пло-

ской крыши ушло тридцать процентов мироощущения. Ведь как бывало? На крыше сушили фрукты, шили, вязали, судачили, беседовали. Общались люди. Это ушло. Как-то у меня гостил режиссер Эстонского театра Каарел Ирд. Неподалеку от аула Чирах он сел на камень и три часа, ровно три часа безмолвно смотрел на плоские крыши. Он учуял ту правду, которая таилась в них.

– Сегодня на волне славы такие композиторы, как Крутой, Дунаевский, Малевич, Добрынин, Газманов... Как Вы относитесь к их творчеству?

– Абсолютно безразлично. Мне жаль, что целая человеческая жизнь тратится на то, что эти люди делают. Мне часто говорят: Ширвани, почему ты не пишешь для кино? Так не бывает. Что бы ни писал, ты должен стилистически быть в русле того, что делаешь всегда. Я не судья им. Но я ими не восторгаюсь. Более того, их музыка мне чужда.

Мне импонируют слова, которые сказал Фолкнер Хемингуэю: «Эрнест, о твоей храбрости говорит весь мир. Ты любишь с войны возвращаться живым. Но ты никогда не делаешь больше того, что умеешь».

Я к перечисленным композиторам не отношусь с иронией, но я не осмелился бы на такое творчество, которое выбрали они, – потратить жизнь. Понимаете, пепси, лимонад, коньяк – вещь вкусная, но самая вкусная – чистая вода. Все остальное – производное от нее. Когда есть Бородин, Мусоргский, Чайковский, можно позволить себе и Газманова. А когда у твоего народа только пробиваются крылья, даже Пугачевой нельзя быть.

Я отношу себя к Робинзону, который посеял зерна и дрожал над каждым росточком. Пока нам надо хлеб выращивать.

– Вы остаетесь при мнении, что Свиридов, Шнитке, Денисов – музыкальные столпы конца XX века?

– Во всяком случае – они заставили к себе относиться как к столпам. Особенно Альфред Шнитке. Останутся ли столпами? Технологическая сторона их творчества оставляет много пищи для времени... Должно пройти определенное время, чтобы дать настоящую оценку их творчеству. Кроме Прокофьева и Шостаковича, я пока не знаю других гениев.

– Почему наши композиторы не пишут в последнее время оперную музыку? Вокруг только и слышна попса.

Я хочу попытаться сделать прорыв. Пошел на телевидение, попросил показать оперу «Король Лир», исполненную в Лиссабоне. Со-

гласились. А вообще оперная музыка есть. Но нет ей выхода. Сегодня время мужиков - хохмачей.

– **Как Вам работается сегодня? Что Вы пишете?**

– Работается сложно. И сложность – в самом себе. Мне куда-то хочется, но не знаю, куда, чего-то хочется, но не знаю, чего. Мне кажется: я нес на спине большой сноп, устал, лег у порога и не могу ни встать, ни сделать что-то. Какая-то художественная усталость наступила, что ли...

В последнее время написал шесть скрипичных концертов, шесть виолончельных, два концерта для альты, два – для гобоя, два концерта для флейты с оркестром. За последние 5-6 лет сочинил двадцать два концерта, не говоря о других сочинениях. Я думаю: остановиться ли на них, вывести на люди – исполнить или продолжать писать? Ведь многое из сочиненного еще не исполнено. Я очень давно и тяжело пишу оперу «Кровавая свадьба» по Гарсиа Лорке. Правда, очень хорошую оперу по Лорке написал румынский композитор Соколаи, но и я тоже хочу. Она, эта история, описанная испанским поэтом, походит на нашу горскую жизнь. Хотел бы сейчас написать сочинение типа «Реквиема», что-то большое, ритуальное, на духовные стихи Державина, Мея, Лермонтова, Бенедиктуса, Сантуса.

– **Как Вы живете? Покупают ли Ваши произведения?**

– Трудно живу. Не потому, что не покупают. Их охотно берут. Но оплата чисто символическая: денег нет. Но мы не можем давить на государство – у нас нет рельсов. Бросить писать? Ну и черт с тобой, скажут, не пиши.

– **Очевидно, и Союз композиторов влачит существование, как, впрочем, и другие творческие союзы?**

– У всех у них одни и те же трудности. В изменившихся обстоятельствах Союз композиторов не может жить так, как жил прежде. Я мало контактирую с Союзом. Раньше материальная сторона как-то объединяла всех нас. Ныне этого нет. Сегодня художник свободен, свободен даже от деспотизма Союза. Он просто должен сочинять. А Союз просто существует, хотя и не претерпевает никаких изменений. Ведь существуют же министерства, которые не нужны.

– **Чем Вы увлекаетесь помимо музыки?**

– Зимним плаванием. Очень люблю холодную воду. Купаюсь в проруби. Ну... и больше ничем.

– **А поэзией? Ведь Вы читаете наизусть, и с упоением, многих поэтов.**

Это параллельно музыке. Пишешь музыку – надо знать и поэзию.

– **Я слышал, Ваш сын тоже сочиняет?**

– Да, мой сын Камиль Чалаев – по профессии музыкант. Живет в Париже. Женат на француженке, пишет духовную музыку, реквиемы, поет церковную музыку в Кельне. Учился он в Москве, в Центральной музыкальной школе при консерватории, затем в Мерзляковском училище. Учебу завершил в Париже. Сейчас совершенствует свои знания в Сорбонне.

– **Не жалеете, что посвятили себя композиторству?**

– Нет, не жалею. Но часто задаюсь вопросом: а как сложилась бы, могла бы сложиться моя жизнь? И стал ли я счастливым, уйдя от той жизни, которая суждена была Богом – родиться в горах, пасти скот. Мне трудно ответить на это. Ответа нет. Это одна сторона нашей судьбы. А другая... Мы ведь тоже задаемся вопросом: прав ли был Петр I, прорубив окно в Европу? Правомерно ли было убийство сына Алексея, который воспротивился реформам?

Вопросы... Вся жизнь состоит из вопросов. Стал ли человек богаче, получив ТВ? Ни от одного человека я не услышал нужного ответа. А некий сказал: ты бы не увидел анаконду. Ну а анаконда видела, как я в горах картошку сажал?

– А вопросом этим я все-таки задаюсь: я не знаю, чем бы я занимался, если б не музыкой. Из-за нее я не знаю болезней, не знаю отчуждения. Старший брат говорит мне: «Ширвани, я прихожу к тебе и вижу только твою спину». Я много тружусь, но я счастлив. Потому что я – тот человек, что нашел свое счастье.

– **Что внесло в Вашу жизнь присуждение Вам Государственной премии Российской Федерации?**

– За мою судьбу боролись не в Дагестане. Я горд и доволен своим крохотным чувством независимости ни от кого и ни от чего. Я внутренне спокоен и свободен, ибо взбирался вверх без помощи чужих рук, канатов, крюков. Я испытываю чувство удовлетворения – чего врать? И еще чувство гордости, что занимаюсь своим делом. Как чувствует себя конь, который на бегах приходит первым? (Победу чувствует жокей). Что он испытывает, когда его шею повязывают платком? Трудно сказать.

Так и я. Но заявить, что мне все равно, было бы неверно. Я так не сказал бы.

Государственная премия мне присуждена за «Концерт для скрипки, струнного оркестра и флейты» и «Хоровую поэму-посвящение» на стихи А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.

«МИНУВШИЕ ГОДЫ – ЭТО ВЕХИ НАШЕЙ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ, И ЕЕ НАДО УВАЖАТЬ...»

Монументальному искусству в советском Дагестане уделялось большое внимание. В городах и райцентрах воздвигали памятники, скульптурные композиции, посвященные борцам за народное счастье, героям войны и труда. Отдельные памятники, в частности руководителям революционного подполья, становились местом поклонения махачкалинцев. Сегодня отношение к минувшей истории неоднозначно. У некоторых людей оно негативное. Негативно и отношение к творчеству художников, скульпторов, отображающих героизм недавнего времени.

Я беседую с заслуженным художником Российской Федерации, народным художником Дагестана, народным художником России членом Союза художников РФ Гейбатом ГЕЙБАТОВЫМ.

– Гейбат, сталкиваясь с нигилизмом определенной части населения, особенно молодежи, не гложут ли тебя сомнения, что многие твои художественные произведения не нужны «новым» дагестанцам и их детям?

– Я не могу согласиться, что они не нужны. В том, что произведения мои и моих коллег нужны нынешнему и будущему поколениям, нет сомнения. Если говорить об искусстве, то оно всегда было необходимо определенной части населения по мере развития общества. Разве мы можем заявить, что нам не нужна музыка? Или яркая, красивая архитектура? Все это – душа, песня сердца народа и отражает его культуру. Обратимся к быту горцев. В принципе, как бы скромна ни была его сакля, ее всегда украшал тканый ковер, посуда, утварь... Это придавало настроение, воспитывало духовность. Я глубоко убежден, что наши народы равнодушны к произведениям искусства – это подтверждают и народные промыслы. В крови, в сердце наших людей – любовь к прекрасному. Как прекрасны, возвышенны, поэтичны их танцы, народная музыка. А как красивы их национальные одежды – мы наслаждаемся ими, а гости восторгаются. А горы... Ведь они стоят как огромные скульптуры, монументы, и в них горец видит образы.

Ты знаешь, что религия запрещала ваять, и народ свою душу вкладывал в поэзию, роспись, резьбу по камню и дереву. Он писал, изображая свое время, оставляя свой след. Каждая эпоха – это страница истории.

Что касается моего поколения, то я и мои товарищи родились при советской власти, воспитывались этой властью и искренне верили в

торжество разума и светлое будущее, выражая свои чувства и мысли в своих работах. Нас вдохновляли своими подвигами образы борцов за народное счастье, революционеров. Мы не могли оставаться равнодушными к их делам и помыслам и увековечили их образы. Они были восприняты, востребованы, признаны народом. Я не могу сказать, вернее, не могу мириться с тем, что образы, воплощенные в скульптурной группе «Расстрел руководителей революционного подполья» в Махачкале (сначала она называлась «Памятник мужеству»), вызывают негативное отношение.

Минувшие годы с их радостями, печальями, успехами и неосуществленными планами и наши работы, посвященные героике этого времени, – это страницы жизни, веха нашей общей истории, определенный временной период двадцатого века. Эта веха никогда не исчезнет из мировой истории, и ее надо уважать.

– ...о чем говорил в свое время Александр Сергеевич Пушкин: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости».

– Замечательно сказано. Я бы сказал: безнравственно забывать исторический опыт народа, а также важный период советского времени.

– Чем была советская власть для тебя? Способствовала ли она раскрытию таланта художника?

– Я выходец из бедной семьи. Родился в селении Микрах. Отец был крестьянином, мать ткала ковры. Спустя некоторое время отец стал рабочим бакинских нефтепромыслов. Я рано осиротел – умерла мать. Шла война, и меня определили в детский дом. Государство всю заботу обо мне взяло на себя: одевало, кормило, обучало. Высшее образование я получил в Ленинграде в Академии художеств имени Репина. Могу ли я сказать, точнее – позволительно ли мне сказать, что та власть была для меня плохой? Она была моей судьбой. Я был доволен, счастлив и не имею ни человеческого, ни морального права говорить о том периоде плохо.

И после окончания Академии художеств я чувствовал заботу и внимание. Получил квартиру. Были трудности с рабочим местом, но со временем решилась и эта проблема, я стал работать в своей творческой мастерской. И скажу честно, не кривя душой: памятник руководителям революционного подполья был не платой за заботу государства, а выражением моей художественной позиции, моим кредо. Я долго вынашивал тему, затем работал для себя, создал скульптурную композицию небольшого размера. Но когда о ней узнали руководите-

ли республики, в частности Магомед-Салам Ильясович Умаханов, Магомед Юсупович Юсупов, они оказали всяческую помощь, чтобы я создал этот памятник.

– Известно, что руководство часто и довольно энергично вторгалось в святая святых художника? Так ли это?

– Бывали такие случаи. Например, первоначально композиция, посвященная руководителям подполья, была задумана пятифигурная: пять участников подполья, расстрелянных и похороненных на ст. Темиргое. Но М.-С. Умаханов, М. Юсупов и В. Одинцов убедили меня присоединить к пятерым и Оскара Лещинского под идеей интернационализма.

Хочу заметить, что Союз художников в те годы получил прекрасный Выставочный зал, мои многие собратья обрели творческие мастерские. Это, несомненно, было проявлением настоящей заботы о развитии искусства. Добавил бы и другое: сегодня творческий потенциал художника до конца не раскрыт. Министерство культуры Дагестана старается поддержать его, но его помощи недостаточно для решения проблем. Отсутствие финансов сказывается на творческой работе и на развитии искусства в целом.

– Гейбат, очевидно, прежде чем приступить к работе, нужно было прочитать немало книг, чтобы создать нужный образ?

– Конечно. Я прочитал трилогию А. Кремлева о революционных событиях в России и особенно на Северном Кавказе (второй том), работы профессора Шугаиба Магомедова, писателя Магомед-Султана Яхьяева, письма Тату Булач. Образы Уллубия Буйнакского и Магомеда Дахадаева возникли в воображении не только из прочитанного, но и из живых, потрясающих рассказов Хасбулата Аскар-Сарыджи, который знал их. Судьба этих людей была драматична. Они искренне желали счастья трудовому народу и приняли смерть в доказательство правоты своего дела. А разве они не хотели жить, влюбляться, радоваться солнцу? Ну как такие образы могли не вдохновить художника?!

– Как складывалась судьба твоих коллег?

– В 60-70-е годы Союз художников республики бурно развивался и количественно, и качественно. Ряды его пополняла молодежь, оканчивавшая высшие и средние специальные заведения. Проводились многочисленные общие, тематические, персональные выставки, многие художники участвовали во всесоюзных и всероссийских выставках. Особенно стали развиваться графика, живопись, народно-прикладное искусство. Ну и, конечно, скульптура. Ни одна крупная выставка, проходившая в стране, не обходилась без дагестанских мас-

теров. Живопись Э. Путерброта, И. Супьянова, Ю. Августовича составлялась в Германии, Б. Каллаева – в Италии. Значительные произведения создали живописцы Х. Курбанов, З. Рабаданов, А. Мусаев, скульпторы А. Ягудаев, А. Сагидов, Б. Мурадова.

– **У тебя были хорошие отношения с руководителями республики, партийными работниками. Из твоего рассказа я понял, что они оказывали тебе помощь. Разбирались ли они в искусстве?**

– Главное в нашей работе – инициатива мастера, творца, настойчивость, умение убедить. Если он этими качествами обладал, то и во многих случаях находил поддержку. Что касается того, разбирались ли они в искусстве или нет (улыбается), то пусть это никого не волнует. Доказательство – памятник руководителям революционного подполья.

– **Какие работы особенно дороги тебе?**

– Памятники выдающимся хирургам Николаю Пирогову и Александру Вишневскому (на территории республиканской клинической больницы в Махачкале), композитору Готфриду Гасанову и художнику Юсупу Моллаеву, Казимагомеду Агасиеву в совхозе его имени Магарамкентского района, Герою Советского Союза Шамсулле Алиеву в одноименном совхозе, Сулейману Стальскому в Касумкенте, Етиму Эмину, правда, он законсервирован, руководителям революционного подполья («Памятник мужеству») в Махачкале... Мне не менее дороги мои станковые произведения, экспонировавшиеся на всесоюзных, всероссийских, зональных, республиканских выставках.

– **Когда было интереснее творить: до реформ или ныне?**

– Безусловно, в советское время я чувствовал себя более вовлеченным в скульптуру и общественную жизнь республики. Осознавал нужность своего труда для общества, у которого были свои идеалы, нравственные ценности. Я жил в русле своего времени. Но это не значит, что не было проблем. И тогда были сложности, касающиеся специфики моей профессии. Отсутствие производственной базы, необходимых специалистов, резчиков, формовщиков, литейщиков и т.д. и т.п. являлось огромным тормозом в создании произведений скульптуры. Сегодня решение этих проблем стоит более остро. Но, тем не менее, в силу своего творческого призвания я активно включен в работу. Как тогда мне была важна историческая судьба моего народа, так и сейчас я обращаюсь к образам своих соотечественников. В прошлом году я создал памятник Али Алиеву и мемориал в честь погибших работников милиции на Ленинском проспекте в Махачкале.

– **Над чем ты сейчас работаешь?**

– Над памятником Сулейману Стальскому для Дербента. Сделан проект-привязка в городском парке. И в то же время, как я уже заметил выше, у меня в мастерской стоит гипсовая модель будущего памятника классику лезгинской поэзии Етиму Эмину.

– Ты не жалеешь, что посвятил свою жизнь монументальному искусству?

– Это моя судьба и призвание. Быть скульптором непросто. Это сопряжено с огромными, неимоверными творческими муками. В этих муках и рождается красота. Я выбрал такую судьбу и другой не желал бы.

– Как относятся к твоей профессии в семье?

– С полным пониманием. Жена у меня искусствовед, а дети соприкасаются с художественным творчеством и интеллектуальным трудом. Надеюсь, семейная традиция будет продолжена моими внуками.

– Нужно ли монументальное искусство Дагестану?

– Даже необходимо. Памятники – это выражение национальной, культурной и исторической жизни народа. Они несут эстетические и воспитательные функции, создают общественно-культурную среду городов и селений республики.

«БЕЗ ЛЮБВИ НЕТ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ...»

Важные события в его жизни происходят как-то вдруг, неожиданно, будто его вела незримая рука судьбы. Иначе как объяснить вот даже эти три штриха, которые я коротко изложу.

В доме отца в селении Аджахур, что в Кусарском районе Азербайджана, на стене висел тар. В те далекие годы, да, впрочем, и сейчас, ни один уважающий себя человек не отказывал себе в удовольствии иметь дома этот звучный, красивый музыкальный инструмент. Даже если сам и не мог играть. Отец его тоже не умел играть на таре, и когда его не бывало дома, мальчик поднимался на стул, дотрагивался до струн и вслушивался в дивные звуки. Так продолжалось долго. Но однажды он снял со стены тар, сел на стул и заиграл. И тихо-тихо запел. Было ему в ту пору шесть лет.

Будучи студентом Дербентского педучилища, он уже писал стихи, которые нравились людям. Но однажды к нему подошел преподаватель и поэт Абдул Муталибов и доверительно, как сыну, сказал:

– Послушай меня, мой мальчик, тыпишешь на азербайджанском языке, это похвально, но ведь высот Самеда Вургуна не достигнешь. Азербайджанский язык – для него ана дили (язык матери, родной язык), а у тебя ана дили лезгинский. Пиши на своем, и ты оседлаешь своего крылатого коня.

В шестьдесят лет он ушел на пенсию. Много десятилетий был редактором музыкальной редакции лезгинского радио и сразу, вмиг, сжег за собой мосты. Никто на Даградио и не думал, что он уйдет на пенсию, да и намек не было ни с чьей стороны: ни друзей, ни завистников. Что его побудило совершить такой шаг? Выяснилось со временем. Сын решил строить себе дом, и отец обещал помочь. Но он не мог ломать рабочий ритм редакции: отпрашиваться, брать отпуск без содержания, опаздывать на работу под надуманными предложениями. Он был человеком чести. И совесть свою не хотел мारать.

Вот те три штриха, о которых я обещал вам рассказать. Говоря о нем, не перечисляют титулов, достижений, успехов. Просто называют его имя. И этим все сказано: Асеф МЕХМАН. А в переводе Мехман означает – желанный гость.

Недавно он подготовил к изданию сборник нот «Сто одна песня» и выпустил в свет новую поэтическую книгу «Сто газелей». И беседа наша началась со стихов.

– Асеф, я немного знаком с твоими поэтическими произведениями раннего и позднего периода. Они резко различаются: если ранние ничем не выдаются из общего ряда дагестанской поэзии, то поздние насыщены мотивами восточной поэзии. Откуда это: от Саади, Фирдоуси, Хафиза?

– А вот откуда. Я родился и вырос в Кусарском районе. Вокруг жили лезгины, азербайджанцы, таты, а в школе учились только на азербайджанском языке. И литературу читали на азербайджанском. А на этом языке издавались сборники восточных поэтов, или, как мы привыкли говорить, классиков персидско-таджикской поэзии. В ту пору я особо любил слушать мугамы, а музыка мугама положена как обычно на газели. Отсюда и любовь моя к тем дивным мелодиям и к глубокой философии Востока.

– И с каких же пор ты стал увлекаться персидской поэзией?

– С самого детства и по сегодняшний день. Сейчас, даже беседуя с друзьями и как бы подчеркивая мысль, привожу примеры, а точнее, читаю стихи персидских поэтов. В молодости я четыре с половиной года служил в Советской Армии, в Узбекистане, в районе Бухары. И, владея азербайджанским языком, кстати, и татским, а это диалект фарси, я имел возможность читать в свободное время восточную поэзию и получать от нее огромное удовольствие и отдыхал душой.

– Итак, ты сегодня увлекся сочинением газелей. А не пугает, что тебя обвинят в отходе от традиционного дагестанского стихосложения?

– Ну что я могу поделать, если в голове складываются газели? Душа поет. Я не могу приказать ей: не пой газели, пой четверостишия. Почти все сто моих газелей опубликованы в «Лезги газет». И всем нравятся. А вообще-то для лезгинской поэзии газели – характерный вид стихосложения. Превосходно знал их Шахэмир Мурадов, писали Ризванов, Шихнабир Кафланов и другие. Но отдельной книгой газели в России издал, хоть и нескромно об этом говорить, только я. Редактором ее является народный поэт Дагестана Байрам Салимов.

– Тебя не смущает, что твои газели будут повторять поэтов Востока, то есть твои мысли, твоя философия будет уже вторична, а не первична?

– Нет, я этого не боюсь. Все темы моих газелей навеяны современностью. Но я должен сказать, что лирические мотивы у всех гениальных поэтов повторяются: темы любви, женской красоты непреходящи. Если не возражаешь, я прочитаю тебе одну мою газель.

*Мир постареет, а любовь извечно молодою будет,
И даже узника в тюрьме любовь снедать собою будет.
Не в тягость речи о любви, коль верностью жива она,
Тот, кто разлукою сожжён, навек разбит тоскою будет.
Нам ноги для ходьбы даны, язык и губы – для бесед,
А руки милых нам обнять, и счастье с лихвою будет.
А если, словно солнцу, ты не будешь кланяться любви,
Поймешь, вконец, что жизнь твоя мучительной тщетою будет.
– Асеф Мехман, познай любовь! Других учи любить сполна!
Для всех влюбленных песнь твоя негаснущей звездою будет.*

– Асеф, сколько книг стихов у тебя вышло в свет до «Ста газелей»? Какая дороже всего сердцу?

– До газелей издано пять книг. И дороже всего, конечно, первая – «Сердце матери». Открывается стихотворением «Мама». Оно так пришлось по душе мне (ну как может тема матери не задеть струны сердца!), что я написал музыку. Песню сейчас исполняют почти на всех языках народов Дагестана: на кумыкском – Зумруд Атаева, на лакском – Ясак Гашимов, на табасаранском – Ахмед Уруджев, на аварском – Магомед-Гаджи Исаков...

– Асеф Мехман у нас еще и музыкант, и композитор, и своими чарующими мелодиями снискал любовь народа. Какие твои песни на устах у людей? И у тебя?

– Как-то по делам я ехал в Баку. С соседом по купе разговорились. Я рассказал, что вот уже тридцать два года работаю редактором музыкальной редакции, сам пишу. И он меня узнал! «Мы часто слушаем в Азербайджане ваши песни, – обрадованно и с благодарностью сказал он, – а что вы окончили?» «Аджахурскую «консерваторию», – пошутил я». Ну какая консерватория может быть в горном селении Аджахур? Об этой беседе я рассказал кусарскому журналисту Видади Савзиханову, а он возьми да и напиши статью о моем творчестве и моей «консерватории». А если серьезно, я не учился ни в консерватории, ни в музыкальной школе, как, впрочем, не обучался и в литературном институте.

А на вопрос, какая песня мне дорога, есть ответ, стандартный, моему, для многих: песня о матери. Ну как о ней не писать? Когда отца арестовали в тридцать седьмом году, все тяготы судьбы ей пришлось вынести одной... Дорога мне и песня «Первая любовь». Кстати, предмет первой любви, а он и на самом деле был, живет в Баку. И когда мне приходится по делам выезжать в этот город, моя жена Сери-

ханум велит мне одеться чисто, красиво, дабы, если вдруг (случается же в жизни) встретится та, кому посвящена песня, не укоряла в душе мою хозяйку. Другая моя любимая песня – «Хош гелди» («Добро пожаловать»). Ее играют на всех свадьбах.

Свои мелодии я пишу на свои слова. Но, чтобы не обидеть друзей, несколько песен сложил и на стихи Шахэмира Мурадова, Байрама Салимова, Алирзы Саидова и других поэтов.

Музыку пишу не так много, как некоторые. Один из наших дагестанских композиторов, не хочу называть его имя, побывал в Доме творчества. Возвратившись, стал хвалиться: – Представляете, я написал восемь романсов. Мой друг композитор Магомед Гусейнов, обратившись ко мне, удивленно пожимал плечами: «Асеф-муэллим, Узеир Гаджибеков, создавший великолепную музыку, за свою жизнь написал всего несколько романсов, из них «Сенсиз» и «Севгилим джаны» и сегодня волнуют людские сердца, а наш друг за один только месяц сочинил восемь. Удивительная работоспособность...

– Я слышал, как твой коллега по работе принародно сказал: «Асефу надо за это памятник поставить». За что, объясни, пожалуйста.

– (Смеется). Как ты об этом узнал? Это сказал главный редактор даргинской редакции Зубаир Гаджиев. На худсовете мы рассматривали работы наших авторов, а многие из них не могут писать ноты... За них писали Сейфула Керимов, Наби Дагиров и другие. А я не только сочиняю, но и пишу ноты (партитуру). Потому Зубаир и сказал: «Асефу надо за это памятник поставить».

– Ты не окончил ни консерваторию, ни литинститут. Значит...

– Значит, два памятника. А чтобы не смущать общественность, один – в Азербайджане, другой – в Дагестане (смеется). Это шутка.

– От кого такой щедрый талант? От Бога?

– Знаешь, есть люди, которые всю жизнь чего-то ищут, к чему-то стремятся. А тут... В моем случае и стихи, и музыка – они сами меня ищут. Наверное, все-таки это Божий дар.

Я очень люблю стихи Етима Эмина, они поются как песни. Как-то в один из серых дней, когда за окном лил дождь и на душе было тоскливо, я взял в руки тар и стал напевать мелодию на стихи Етима. Не Всевышний ли помог, подсказал? Не знаю...

– Какие чувства заставляют тебя создавать поэтические и музыкальные произведения? Ведь чтобы писать что-то значимое, должно гореть сердце, неистовствовать душа?

В молодости – любовь. Затем жизнь. С течением времени – философия нашей жизнедеятельности. А сегодня – страх: холодильник полон продуктами, а боишься за завтрашний день. Все вокруг шатко, нестабильно. Разве это не тема для размышлений?

– Ты должен быть человеком впечатлительным, милосердным, ранимым. Холодному сердцу не постичь душу человека, его боль, горе, гнев.

– Ты правильно это подметил. Когда я вижу плачущего ребенка, пусть он даже держит «Марс» или «Сникерс» в руке, у меня слезы выступают на глазах. Не могу смотреть на страдания людей. Иногда жена упрекает: «Ты же горец, будь твердым». Да, я горец, но у меня не камень в груди, а душа, и она болит и не разучилась болеть. Может, это и хорошо? Не знаю.

– Девушка, которая стала твоей женой, матерью твоих детей, за что тебя полюбила?

– Это тоже интересный вопрос, и ответишь на него не сразу. Мне кажется, за мои мелодии. Я до тридцати двух лет не был женат. Уже и не думал о женитьбе: мне достаточно было любимой работы, друзей и звучного тара. Хотя родные и прожужжали все уши о том, что давно пора иметь свою семью, а старший брат как-то позвонил из селения возмущенно: «Из-за тебя не можем папаху носить».

И вот случилось то, чего все ждали. В мае город праздновал День песни. Народ стекался к стадиону. Гляжу, человек пятнадцать, и все девушки, толпятся у входа, а пригласительных билетов нет ни у одной. Подхожу к милиционеру и прошу пропустить их как участниц хора Даградио. Они веселой стайкой вошли на стадион и тут же исчезли, испарились в огромной толпе людей. Только две остались сидеть на скамейке. Короче говоря, после праздника проводил их до общежития. Одна из них и стала моей женой. Вот так я нашел мать своих детей.

– Дети унаследовали от тебя любовь к поэзии, музыке?

– Нет. Музыку любят, но сами не играют. Думал, старший сын хоть пойдет по моим стопам, купил пианино с целью обучить его, учителя нанял. Но вижу, душа не лежит. Ну и не надо. Без горения огня не бывает.

– Каждая литература национальна: писатель прославляет свой язык, свой народ, природу своего края. Музыка же интернациональна: ее понимают и принимают как свою все и каждый. Ты, представленный в двух ипостасях, кем себя ощущаешь?

– Ты знаешь, у меня есть восьмидесятилетняя сестра Чимназ. Она с нами с тех пор, как я женился. Однажды по телевидению Бостонский симфонический оркестр исполнял музыку азербайджанского композитора Фикрета Амирова. Сестра пришла из другой комнаты, под села к телевизору и так внимательно слушала, словно для нее перестало существовать все вокруг. Я был поражен: азербайджанская музыка, исполняемая американцами, захватила ее. Вот это и говорит о том, что музыка интернациональна. И я сам тоже интернационалист.

– Если я не ошибаюсь, ты владеешь несколькими языками?

– Азербайджанский язык в Аджахуре считался ана дили (материнский язык): на нем учились и говорили. Сам я лезгин и обязан знать свой. А когда работал в Хизинском районе в Азербайджане, научился татскому языку. Во многих селах жили таты, и в течение трех месяцев я овладел их языком: кстати, он родствен фарси.

– Наверное, у тебя и друзей немало было среди них?

– Ну, конечно. Как можно без них? Это известный тарист в Дербенте – азербайджанец Саади Заманов и популярные композиторы: тат Джумшуд Ашуров и азербайджанец Баба Кулиев, это и поэты Шахмир Мурадов и Буба Гаджи-Кулиев, и музыковед Владимир Сперанский... Всех не перечислишь.

– Асеф, почему-то ты не рассказываешь, что являешься и драматургом, пишешь пьесы.

– Ну что ж, придется похвастаться. Впервые в Дагестане музыкальную комедию написал я. И либретто, и музыка мои. Называется комедия «Моя Седеф» (Седеф – имя девушки). Успех она имела очень большой, была поставлена Лезгинским драмтеатром в Дербенте и несколько раз показана на сцене Русского театра в Махачкале. Вторая музыкальная комедия называлась «Шуршурали». Третья пьеса – драма в стихах «Каменный сундук» – неоднократно передавалась по дагестанскому радио.

– В детстве все мечтают о романтических профессиях. О чем мечтал ты?

– Не поверишь, если скажу, что я хотел стать художником. Почему-то не вышел, не получился из меня художник. Но главной целью моей с детства было... не догадаешься, если не скажу, – чтобы меня все знали. Чтобы звучало на устах у всех мое имя. Мать меня постоянно корила: – Все деньги зарабатывают, а ты гонишься за именем. А это было моей страстью, и я ею гордился.

– Как ты думаешь, поэты и композиторы ныне в чести?

– Нет. Когда я работал на радио, писал песни – меня поздравляли, как-то славили. Сегодня – нет. Даже если пишу лучше, намного лучше, чем в те годы. Не в чести мы, никому не нужны.

– Вот ты проповедуешь в своих газелях праведную жизнь, красивую, чистую любовь, а миром ныне правит философия денег. Не пустой ли звук для нового поколения твои газели?

– Нет, не пустой звук. Без денег жить, конечно, нельзя. У нас в народе говорят: «Бедность заставляет открывать дверь врага». Но сколь бы ты ни был богат, без любви – нет жизни на земле. Да и богатый человек без любви в душе – пуст; он не знает для чего живет.

– Сегодня твоё творчество еще горит или уже погасло?

– Ты хорошо задал вопрос. Все спрашивают о творческих планах, а ты иначе... образно, красиво. Нет, не погасло. Когда устанет душа, когда перестанет биться сердце – тогда погаснет и моя любовь.

«Я ВЛЮБЛЕН В ЛЮДЕЙ, О КОТОРЫХ ПИШУ...»

Юбилеи отмечают по-разному.

Одни юбиляры оповещают родных и друзей, знакомых и незнакомых загодя. Другие проводят творческие вечера. Третьи, не терпящие славословия и суесловия, показухи, вообще выезжают из города. Да есть и такие. Андрей Вознесенский, не терпящий лицемерия и ханжества, исчез из дому. И оказался в тиши дачи. Нашлись его последователи и у нас.

А тот, с кем я имел удовольствие беседовать, накануне своего дня рождения зашел в редакцию поговорить о смысле жизни, пройденном пути, проблемах, томящих душу. А ему есть что сказать и о чем переживать. Он провел сиротское детство, но не был обделен людьми и страной детским счастьем, прошел долгими огненными дорогами Великой Отечественной войны до Победы, окончил Дагпединститут, Высшие литературные курсы, испытал себя на партийной и советской работе. Был главным редактором альманаха «Дружба», секретарем Союза писателей Дагестана. И написал и подарил будущим поколениям более двадцати книг и двенадцать пьес. Итак, у меня в гостях народный писатель Дагестана, лауреат Государственной премии РД имени С. Стальского, литературной премии имени Ирчи Казака Магомед-Султан Яхьяевич ЯХЬЯЕВ.

– Магомед-Султан Яхьяевич, у меня на столе лежит ваш новый роман «В полдневный жар», посвященный Джелалутдину Коркмасову. Ранее вами изданы романы об Уллубии Буйнакском «Три солнца» (трилогия о гражданской войне). Вы так сильно симпатизируете революционерам?

– Конечно... А как же иначе? Ведь это люди особого склада ума, порыва души. Они бессмертны. Во имя народа, его свободы и счастья они сознательно шли на лишения, на смерть. Нет, я не знаю другого поступка, который бы возвеличивал человека на века. Принять смерть во имя утверждения своих идей – это беспримерный подвиг.

Если говорить честно, с детства увлекался книгами, в которых раскрывалась реальная жизнь. Увлекался людьми, которые посвящали себя народному счастью, – Герценом, Огаревым, декабристами. И чем больше читал о них, тем больше утверждался в своих вкусах, пристрастиях.

А когда стал писать свои книги о народных борцах, даже не заключал договоров с издательством. Верил: то, о чем я пишу, нужно, необходимо людям.

К сожалению, выход моих книг был сопряжен и с трудностями: спорами, субъективными оценками... И несмотря ни на что, книги выходили и находили дорогу к своему читателю.

Так что, еще раз повторю: я влюблен в людей, о которых пишу.

– Но сегодня в умах многих дагестанцев происходит переоценка ценностей?

– Да, вы правы, к сожалению, происходит. Даже те, кто в советскую эпоху стали кандидатами и докторами наук, изменились, перевоплотились, охаивают прошлое. Это чудовищно. Хотя мне и больно об этом говорить, но мне кажется, они сравнимы с варварами, что могут прийти на кладбище и плюнуть на могилу отцов.

Ведь что получилось с ними? Вчера они взахлеб хвалили революционеров, сегодня их проклинают. Историю нельзя ни проклинать, ни охаивать. Ее надо беречь, у нее учиться. А эти люди... никогда не были честными: ни сейчас, ни в советское время. Я прошел длинную жизнь, провел сиротское детство и всегда с благодарностью говорю, что меня вырастила советская власть, русский народ.

– Вот и выскажите свое мнение: так ли обременительно Дагестану находиться в составе Российской Федерации? Неужели, будучи с Россией, живя в одной семье с русским и другими народами, мы ничего не получили от них, ничем не обогатились?

– Да что вы говорите? Если бы не Советская Россия, я не знаю, что бы представлял собой Дагестан... Мы не знали, что такое белье... Вокруг была нищета. Достаточно прочитать воспоминания участников культсанштурма, чтобы представить ужасную картину: люди аулами умирали от кори, сыпного тифа, малярии. Достать керосин было проблемой. Ели мучери, а пшеничный хлеб оставляли гостю, и мы, дети, бывали рады, когда появлялся гость и нам доставались крохи... Ведь об этом знают все, но хотят просто забыть.

Без России нам не жить. У нас не хватает земли, своего хлеба... А если говорить о культуре? Вспомним, сколько к нам приезжали: учителя, врачи, ученые, обучали наших детей, лечили горцев, делали науку. Я твердо знаю: мы крепко связаны с Россией, никакой другой вариант нам не нужен. Ходят досужие разговоры, что нас когда-то завоевывал Петр I. А разве нас не завоевывали Турция, Иран, разве не прошли по нашим землям огнем и мечом Тамерлан или Надир-Шах?

Нет, нам без России нельзя, она – наша судьба.

Вот я несколько слов скажу лично о себе. С шести лет я овладел русским языком. Мой отец работал на рыбных промыслах Турали-6, где было немало русских. Там проводил детство и я. А когда после

смерти отца меня определили в детский дом, я вполне прилично говорил по-русски и стал любимцем учительницы. Она привила мне любовь к Пушкину, Лермонтову... Ну как я могу не быть благодарен русскому народу?

– Вы уверены, что Вашим романам суждено будущее, то есть они будут жить в народе?

Я уверен. Невозможно уничтожить нашу историю. При любых катаклизмах она живет, напоминает и учит. Вы знаете, чем больше сегодня нравственных потерь, тем больше будут интересоваться прошлым. А в моих романах показаны люди высокой нравственной чистоты, идеальные личности. Как можно ими не восхищаться?

Я уверен, для будущего поколения их образы, их смысл жизни и порыв души будут потрясением.

– Прежде рецензенты, критики и литературоведы пели Вам дифирамбы по случаю выхода Ваших книг. Каково сегодня отношение?

– В свое время, действительно, много говорили о книгах, особенно о трактовке роли личностей, героев гражданской войны.

И если говорить честно, настоящую оценку У Буйнакскому, а затем Д. Коркмасову дал я.

Одно время мне ставили в упрек, почему я беру в герои кумыков. Позвольте, объяснял я, в моих произведениях нарисованы образы представителей всех народов Дагестана. С огромной симпатией написаны портреты и Махача Дахадаева, и Гаруна Саидова, и Казимагомеда Агасиева, и Ермошкина, и Котрова, и Гамида Далгата, и других.

А ведь упреки эти доходили до такого накала, что мне после одного разговора с руководящим работником пришлось пять месяцев лечиться в Москве...

– Камал Абуков в предисловии к книге «В полудневный жар»... пишет: «Кто он, прозаик Магомед-Султан Яхьяев – консерватор или демократ? Полагаю, что все же консерватор с точки зрения прочности политических убеждений и цельности эстетических взглядов. Консерватор по нетерпимости художественных критериев, ко всякого рода промежуточностям, перевертышам, флюгерству, но он не страдает отрывками догматизма. Писатель всегда открыт и отзывчив к новому, но при одном условии: это новое должно заключать в себе здравый смысл и быть созвучно народной морали». Вы согласны с такой оценкой?

– Конечно. Камал своим принципам не изменяет. Он знает меня, мою жизнь, мою историю, и он, я считаю, прав. Он уловил то, что я

мог бы не увидеть. Человек со стороны, не знающий меня, этого не сказал бы.

– Вам не жалко своих лет, потраченных на возвеличивание образов революционеров?

– Нет, не жалко. Я никогда не откажусь от своих произведений. Я уверен в их бессмертии.

– Над чем Вы работаете в последнее время? Какие темы Вас волнуют?

– Если откровенно, то сегодня я нахожусь в положении застоя. Мне исполнилось 75, и к этой дате должна была выйти в свет моя книга, но... задержалась.

Что касается новых, то на кумыкском языке написан роман «У подъема есть свой спуск». Он автобиографичен. Его герой – я, то есть моя жизнь и жизнь моего окружения. Он в издательском плане, но денег, к сожалению, на выпуск нет. Другая работа детская повесть в переводе на русский язык «Приключения Магомеда в стране фараонов». Раньше я с удовольствием ездил в Подмоскovie и на Рижское взморье, где и работал в тиши и уединении, а в свободные часы проводил время с товарищами по перу. Сегодня нет ни литфонда, ни путевок. А следовательно, ни Подмоскovie, ни Рижского взморья.

Что касается пенсии... она у меня как у участника войны. На жизнь хватает.

– Вам исполняется 75 лет. Как Вы отмечаете эту дату?

– У себя дома, в узком кругу, среди членов семьи, родственников, близких друзей.

– В последнее время республику захлестнула юбилейная эпидемия. Неужели у нас так много выдающихся деятелей культуры и науки, которые внесли неоценимый вклад в достижения нашего горного края? Или это (пусть нас извинят за столь нелестные слова) элементарная погоня за званиями и подношениями?

– Вы правы, задавая этот вопрос. Раньше, отмечая юбилей, исходили из двух основных принципов: возраст, заслуга. Как в республиканском, так и всесоюзном масштабе.

А сегодня? Сами себе проводят юбилеи. Совершенно неизвестные, неоперившиеся приходят в Союз писателей и заявляют: я хочу провести юбилей, поддержите. Подчас эти люди не имеют никакого отношения к культуре, но умеют находить спонсоров, заинтересовать районное руководство... И требуют подарки. И так повелось, что ныне юбилеи стали называть ковравыми юбилеями. Вот кто-то проводит

свой творческий отчет. Отчета вообще не слышно, зато к ногам бросают ковры.

В наше время такого не было. Я, конечно, в принципе не против того, чтобы мастер отметил свой день рождения. Принародно. Но подходить к этому важному, серьезному мероприятию надо тоже серьезно и ответственно.

Лично я свой юбилей не намерен отмечать.

– Как Вы проводите свое время?

– Читаю. Вновь и вновь перечитываю классиков. И восхищаюсь ими. Читаю газеты, смотрю ТВ. Органически не переношу «Санта-Барбару». Это сплошная чушь. Невозможно смотреть фильмы, где только убивают и взрывают. И никто из власть имущих не понимает, что ныне телевидение учит насилию, деморализует общество. Последние очаги культуры исчезают. В аулах ныне библиотеки и клубы закрыты, самодеятельности нет. А кругом – нищета. Волком завоюешь от такой жизни.

Вот хвалят наши челноки взалхлеб закордонную жизнь. Они там видят богатые магазины, особняки, то есть фасад общества. А я знаю и изнанку: нищие кварталы. Приведу только один пример: в Турции электрифицировано только сорок процентов сел. Вот вам и богатые соседи.

– Есть в Вашей семье продолжатели Вашей профессии?

– К сожалению, нет. Одна дочь – врач. Другая преподает в музыкальной школе. Сын – токарь.

– Кем бы Вы хотели стать, если бы не заразило писательство?

– (Смеется). Я скажу. Или музыкантом, или художником. Живя в интернате, я рисовал. Играл на агач-кумузе. Играю и сейчас, особенно, когда грустно. По слуху подбираю мелодии на фортепиано.

Если бы родители не умерли рано, я выбрал бы стезю музыканта. Но в педучилище познакомился с Казияу-Али, подружился с ним. От него увлечение литературой перешло и ко мне. А близость с Анваром Аджиевым, Аткаем вообще, как говорят, «пригвоздила» к литературе.

– В Вашем тухуме не произошла переоценка ценностей? Есть ли близкие, занимающиеся предпринимательством?

– Конечно, есть. Есть занимающиеся предпринимательством в селе. У племянников небольшие магазинчики. Но они искренне разочарованы в современной жизни. Говорят открыто: когда же это проклятое время кончится, когда придут светлые дни?

– Понимаете, что произошло в обществе? У людей отняли радость труда, упраздняются, исчезают такие вековые традиции, как хо-

дять в гости, угощать друг друга. Люди становятся прагматичными, скрывают от родных, от друзей деньги, свой достаток... Человек деградирует.

– Вас не шокирует убогое существование дагестанских писателей? Люди, дававшие обществу духовную пищу, ныне сидят на голодном пайке. Неужели из-под их пера может родиться и выйти что-то значимое?

– Да, больно смотреть на нынешнее наше житье. Мы-то еще что-то писали. Издавали. А нынешним молодым писателям каково? Как им жить, издаваться? Каково их будущее? Боюсь, что печально. Что дальше будет – невозможно предсказать.

Многие, разочаровавшиеся в социализме, уповают на капитализм. Но до цивилизованного капитализма нам далеко. И боюсь, что он у нас не приживется.

«Я ВЕРЮ, ЧТО ПРИДЕТ КОНЕЦ НА СВЕТЕ ДУРНЫМ ДЕЛАМ, И ЗАВИСТЯМ, И СПЛЕТНЯМ...»

Казалось бы, над головами этих людей должен светиться нимб, сотканный из солнечных лучей смеха. Ведь они способны даже у вечно угрюмых людей вызвать слезы безудержного веселья... Михаил Жванецкий, Михаил Задорнов, Леон Измайлов, Григорий Горин... Их слово вызывает у кого хихиканье, а у кого хохот. Но сами они при этом, как ни парадоксально, остаются всегда серьезными. Чем объяснить природу такого состояния или характера? Тем, что их таковыми создала природа? Или тем, что они постоянно помнят крылатые слова Николая Васильевича Гоголя: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь».

К гильдии мастера смеха относится по праву и лауреат Государственной премии Республики Дагестан ЖАМИДИН (Гаджимурадов Жамидин Гаджимурадович).

Как я и ожидал, наша беседа прошла исключительно в серьезном ключе, не вызвав на его лице даже улыбку. Но скажу по секрету: задорные глаза его поминутно улыбались.

– Жамидин, в нынешнем году тебе посчастливилось стать лауреатом Государственной премии РД. Во-первых, прими мои искренние (без смеха) поздравления. И, во-вторых, признайся, что дало тебе это звание?

– Во-первых, большое спасибо за поздравление. И, во-вторых, это звание доставляет мне радость и в то же время налагает на меня ответственность. Я часто спрашиваю себя: достоин ли я этого звания? И успокаиваюсь: очевидно, достоин, если признали меня, мой труд, мой талант. А потому я должен оправдать звание сатирика. До присуждения звания спроса с меня не было. Теперь мой читатель будет ждать от меня большего, лучшего. А знаешь, сколько времени он знает меня? Более пятидесяти лет. И чем больше тянется время, тем оно строже и тем ответственнее моя работа.

Ныне мы все оказались в чехарде экономических реформ. Думаю, нынешнее состояние не так скоро выправится. Но мы, сатирики, на жизнь смотрим с оптимизмом и стараемся приблизить тот день, когда исчезнут зло и пороки.

– Скажи честно, считаешь ли ты, что твои произведения достойны высокого звания?

– Безусловно, в дагестанской литературе много писателей, кото-

рые достойны этого звания. Не мне судить, кому его присуждать. Но, поскольку присудили мне, значит, посчитали, что я что-то сумел создать в этом жанре. Ты можешь спросить: не могут ли ошибиться в выборе кандидатуры? Один человек может ошибиться. Коллектив – нет.

– Как ты чувствуешь себя в качестве лауреата Государственной премии РД?

– Между нами говоря, это звание ничего не дает. Просто приятно, что тебя заметили, на тебя обратили внимание. Многие думают, что с присуждением премии я стал богатым. Хочу успокоить всех: это символическая оценка труда. С этим денежным вознаграждением «новым дагестанцем» не станешь – на него можно один раз хорошо посидеть с друзьями в ресторане.

Домочадцы, узнав о премии, собрались за столом и составили большой список – кому что я должен купить. Я прочитал его и серьезно промолвил: дорогие мои, дайте мне бумагу и ручку, я составлю список всех своих родных, которые должны преподнести мне подарки. Ведь я прославил их род!

– Ты шел к этому званию целенаправленно или оно пришло к тебе как само собою разумеющееся?

– Честно говоря, никогда не думал, что удостоюсь этого звания. Получилось естественно. Вообще творческий работник не должен думать о премиях, званиях и тому подобном. Его удел – творить. Сколько талантливых людей ушло из жизни без регалий. А имя их живет в народе.

– Щекотливый вопрос: что ценнее и значимее по-твоему – звание лауреата премии или народного поэта?

Безусловно, звание народного поэта. Тут не может быть никаких сомнений. Лауреаты бывают различных степеней, разных категорий. А звание народного – одно, без степеней и категорий, и для творческого человека нет ничего выше него. К сожалению, в последнее время это звание как-то нивелировалось. Раньше народных поэтов мы называли корифеями. Их можно было по пальцам сосчитать, но знали их все – от Нагорного Дагестана до Юждага. Ныне их стало довольно много. Может быть, это делается для того, чтобы хотя бы морально поддержать?

– А какое легче получить?

– Сложный вопрос. И то, и другое легко получить, и даже оба одновременно, если ты успел понравиться всем. Ну а если серьезно, без шуток и ерничества – то и другое трудно.

– Ты как сатирик известен не только в Дагестане. Был вхож во многие редакции центральных газет

– Давно прерваны наши связи с редакциями и издательствами Москвы. А ведь было время, когда заходил к друзьям, как в дом родной. Сейчас они сами находятся в очень сложном положении. Мой любимый «Крокодил» выходит раз в месяц. Многие авторы перестали писать из-за мизерных гонораров. Да и ехать в Москву, оплачивать проживание стало страшно дорого. Но мы – россияне и не падаем духом. Выдюжим. Не раз выходили из сложнейших переплетов.

В минувшие годы мои книги выходили в издательствах «Советский писатель», «Советская Россия», «Правда», печатались в журналах «Крокодил», «Юность», «Нева», «Москва», «Дружба народов» «Литературной газете», в «Литературной России». Благодаря русскому языку и русским переводчикам мои произведения стали известны России, Болгарии. На заседании правления Союза писателей РСФСР под руководством Леонида Ленча впервые было обсуждено мое творчество. Ведь это говорит о внимании не только ко мне, но и к нашей дагестанской литературе, к нашим народам.

Сегодняшняя действительность причиняет мне боль: как в экономике, так и в литературе все связи прерваны... Но не отчаиваюсь, живу надеждой. Ведь говорится же в святом писании «Все возвратится на круги своя».

– Жамидин, в прежние годы сатира высоко котиновалась. Гримасы антиморали вызывали реакцию общества. Сегодня эти гримасы захлестнули нас. Мне кажется, общество оступело от них, не реагирует на сатиру. Ты согласен со мной?

– Полностью нет. Чувства юмора человек не теряет. Прежде реакция и реагирование были быстрыми, моментальными, действующими. И сегодня народ понимает и принимает юмор. Но вот другая беда его подстерегала – он не имеет возможности читать, с утра до вечера работает, добывает деньги семье на пропитание.

Юмор всегда был и останется в почете, он всегда с нами: и в радости, и в бедах, помогает уйти от стрессов и выжить.

– Над чем ты сегодня работаешь?

– Готовлю большую книгу «Семь доверительных писем». Это сатирическая поэма о том, что происходит с нами сегодня. Пишу стихи. Каждое утро выхожу из дому как охотник и возвращаюсь с добычей – новой темой, новыми сюжетами.

– Не обижаются ли на тебя прототипы твоих произведений? Ведь они узнают себя в нарисованных тобой портретах?

– Еще как обижаются! Ведь они меня знают, и я их знаю. Вот только в суд на меня подать не могут: я не называю их фамилий. Были у меня знакомые, которые, как говорится, души во мне не чаяли; сейчас на меня смотрят совсем иначе, а многие ненавидят. А был случай, когда вызывали меня в КГБ. Почему вы бьете того, спрашиваю, кто идет впереди, а не сзади? Я обличаю зло, пороки, а вы меня привлекаете к ответственности.

И четверостишие прочитал на эту тему:

*Быки в одной упряжке под ярмом.
Один из двух – лентяй – отстал в пути.
Но почему же в случае таком
Хозяин бьет того, кто впереди?*

Выслушали. Посмеялись.

А одна из эпиграмм была воспринята очень даже серьезно; днем и ночью раздавались телефонные звонки, слышались угрозы. Слава Богу, обошлось.

Вот и сегодня задаюсь вопросом:

*Мы всегда за истиной идем.
Почему же так бывает, люди:
Кто стащил цыпленка – под судом,
Кто стащил верблюда – на верблюде.*

– У тебя, безусловно, много друзей среди сатириков и юмористов. С кем ты дружишь?

– Прежде всего – это дагестанцы Хизгил Авшалумов, Нариман Алиев, Магомедбек Османов. К сожалению, наш цех дагестанских сатириков очень беден. А вот среди российских у меня очень много хороших друзей – Андрей Внуков, Алексей Пьянов, Леонид Ленч, Аркадий Арканов, Григорий Горин, Леон Измайлов. Аркадий Инин, Юрий Благов, Владлен Бахнов и другие. Особая дружба связывает меня с Байрамом Салимовым, который считает меня своим учителем в жанре сатиры и юмора. Да, забыл сказать, что принимал участие в Днях сатиры и юмора в Москве. Ленинграде, Одессе. Ростове-на-Дону.

– Не оказывался ли ты сам в смешной ситуации?

– А как же! И не раз. Но выходил из нее как человек, обладающий юмором. Однажды возвращался домой после свадьбы на своей машине. Свадьба, понимаешь сам, есть свадьба. Останавливает инспектор ГАИ, и начинается обычная, как говорят, бодяга... Видя, что инспектор от меня не отстает, я принялся читать ему сатиру на гаишников.

Он выслушал первое четверостишие, махнул рукой, словно отгонял осу: «Проезжай, Жамидин».

– **Что необходимо человеку, чтобы стать сатириком?**

– Надо просто родиться им.

– **А какими качествами он должен обладать?**

– Не только чувствовать боль человека и общества, а быть нервом времени. Обладать такими качествами, как человечность, милосердие, гуманность, честь и достоинство. В слезах человека, выступающих от смеха, я вижу боль чувствительного сердца сатирика.

– **Почему почти все сатирики и юмористы в жизни слишком серьезны, чуть ли не угрюмы?**

– А иначе как может быть? Он отягощен, озабочен проблемами человека и общества, сопереживает горести и трудности вместе с ними и принимает их намного ближе к сердцу, чем кто-либо. Он же не шут балаганный, чтобы вызвать по любому поводу и без повода на своем лице улыбку или разразиться смехом. А вот его боль, переданная в форме стихотворения, должна вызвать у человека улыбку или смех.

– **Как ты смотришь на современное общество?**

– Я на этот вопрос отвечаю своим четверостишием:

*Посмотришь на иных людей – похоже,
Они планету путают с базаром:
Один продать желает подороже.
Другой приобрести стремится даром.*

– **Как ты думаешь, есть ли у сатиры будущее?**

– Уверен, что есть. Я с оптимизмом смотрю вперед. С древнейших времен светлые умы борются с недостатками и болезнями общества и отдельного человека. А болезни эти дошли до двадцатого века, и боюсь, что перелезут и в следующий. Но мне... мне очень хочется, чтобы человечество изжило эти болезни раз и навсегда, и я стал последним сатириком.

*Я верю, что придет конец на свете
Дурным делам, и завистям, и сплетням,
Тогда бы мне хотелось быть последним
Сатириком, последним на планете.*

БУРЖУЙКА, ЛОЛИТА И ШАШЛЫЧНИК НИСОН...

На улице сыро, промозгло. А здесь мы расположились в старых, потертых креслах: от колонки – буржуйки, которая работает на газе, растекается тепло, в огромное окно смотрятся пантистажки, словно нарисованные на большом сером холсте.

Чисто, уютно, нет того нагромождения работ, творческого хаоса, который характерен для мастерских скульпторов. И доберман Лолита, тонкий, изящный, с умными глазами, лаем отозвавшийся на мой стук в дверь, лежит сейчас у ног хозяина, положив длинную морду на вытянутые передние лапы.

Я давно не был у Анатолия ЯГУДАЕВА, и вот теперь мы беседуем на совершенно разные темы, перескакиваем с семейно-бытовых на политические, с политических на этнические, с этнических на творческие, а все вместе – это темы житейские. Ибо они составляют нашу жизнь.

– Ну как ты сегодня себя чувствуешь? Делают тебе заказы?

– Да какие там заказы, мелочь одна.

– А в прежние годы, советские, тоже туго было с заказами?

Ну конечно. И прежде кто был сноровистей, нахрапистей, мог выбить себе заказ или отобрать у другого. К примеру, когда я нашел заказ в городе Шевченко, меня тут же обложили: ты должен поделиться с нами. Много пришлось приложить сил и потратить нервы, чтобы отстоять свою работу. В дверь обкома партии приходилось стучаться. А работа была немалая: декоративные композиции на центральной площади и в административных зданиях.

Как Анатолий вышел на город Шевченко? В ту пору художники и скульпторы много ездили по аулам и городам в поисках заказов, отправлялись и за пределы республики. Вот и он отправился в город Шевченко и предложил свои услуги. Сначала к нему отнеслись с пренебрежением, с недоверием, но увидев эскизы, буквально вцепились в него и создали все условия, чтобы он выполнил работы для города.

Труд его был отмечен министерством среднего машиностроения, был он на приеме у министра Елавского, познакомился с известными архитекторами, лауреатами Ленинской и Государственной премий Коротковым и Левиным, от которых услышал много лестных слов. Разве это не признание?

А иногда вдруг, нежданно-негаданно улыбалось счастье. Как говорят: на ловца и зверь бежит.

Как-то зашли в его мастерскую незнакомые люди. Говорили на английском языке. С ними переводчица. Выяснил, что приезжие из Австралии. Его работы им так понравились, что одна из посетительниц приобрела сразу семь композиций для частного музея своего деда.

А многие ли дагестанцы знают, что на центральной площади города Спокан, что в США, стоит памятник Шамилю, выполненный Анатолием? А с чего все началось? В недалекие советские годы, которые постепенно блекнут в памяти народа, входило в моду дружить городами. Стали побратимами Махачкала и далекий Спокан. Делегация американского города посетила нашу столицу, совершила поездку по Дагестану, пригласила махачкалинцев в Спокан.

Но не поедешь же с пустыми руками? Дагестанцы в этом отношении всегда сообразительны и щедры. И вот заместитель председателя горисполкома Фатима Эмирова пригласила к себе Анатолия и стали думать, что повезти побратимам.

Анатолий засел за работу. Памятник Шамилю получился на славу. Анатолий сам вез свою работу (благо, что его включили в состав делегации). Устанавливали в Спокане при огромном стечении народа.

Что он получил за свою работу? Отлитую из бронзы! Я об этом интересовался еще много лет назад. А ничего. Абсолютно ничего. Вот только чета американцев, у которых в течение нескольких дней жил Анатолий, – хозяйка – воспитательница, хозяин – архитектор-строитель, – позднее прислали ему большую цветную фотографию памятника и негативы. За что Анатолий был безмерно благодарен им.

– Анатолий, и все-таки интересные моменты случаются в нынешней жизни? – прерываю я свои размышления.

– А почему нет! И не моменты даже. Вот в июне ездил в Питер полюбоваться Белыми ночами. Ездил один, даже жену не взял с собой. Весь город обошел...

А ведь пять лет учился в Питере и за все те годы не видел того, что увидел за один месяц. Ходил по улицам, переулкам, любовался памятниками, побывал на кладбище. Посетил Пушкинский музей, пять лет учился – ни разу не заходил, а вот в эту поездку посетил. Целый день ходил по Эрмитажу. Побывал в Гатчине, не обошел и Павловский музей.

– Не преминул заглянуть в ресторан...

– А как же. Выпил кружку пива за 45 рублей, а на улице она продается за 18 рублей (задорно смеется).

– **Слушай, как тебя отпустила жена одного?**

– Да очень просто. Бояться уже нечего – возраст не тот. Я специально на Белые ночи ездил. Увидеть это чудо. Заодно повидал и старых друзей.

– **Значит, твой маршрут Махачкала – Петербург был удачным и богат впечатлениями?**

– А Москва? Я ведь побывал и в Москве, встретил наших друзей Мишу и Наташу Кучер, звонили Володе Портнову, приглашали к себе, он обещал быть, но почему-то не приехал.

У Наташи Кучер был пригласительный билет на два человека на Всемирный День театра, и мы вместе пошли на это представление. Потрясающее было зрелище, богатство, роскошь световых красок в ночи, музыка, песни... Оно длилось до двух часов ночи на Москва-реке. Ты, наверное, по телевидению смотрел. А сидел я рядом... догадайся с кем? С Геной Хазановым и Леней Ярмольником. Шутили, смеялись...

Одним словом, прекрасно провели время. Есть что вспомнить.

– **На воспоминания ты охоч...**

– Что ты! Если вспомнить, где я бывал и какие истории со мной приключались...

– **Расскажи.**

– Только уговор, об этом не пиши. Обещаешь?

– **Обещаю.**

– Когда служил в армии, объездил всю Сибирь и Дальний Восток. В спецсвязи я развозил секретную почту. Из рук командующего Дальневосточным военным округом Малиновского получил Грамоту за отличную службу. (*Анатолий вдруг задорно смеется*). А еще я был чемпионом Дальневосточного военного округа по штанге. Представляешь? Я – чемпион (*он опять заливается смехом*).

– **В наилегчайшем весе, что ли?**

– Точно, в наилегчайшем весе. А знаешь, как? У меня не было соперника в этой весовой категории. И победу присудили мне. Я стал чемпионом. (*Мы оба смеемся*).

– Ты обещал не писать об этом? Сдержи слово – не пиши.

– **Анатолий, но это же жизнь, это яркие осколки нашей жизни, без которых она была бы неинтересной и тусклой.**

– Ну ладно, пиши. Убедил. А с тигром, ты знаешь, как я встретился с тигром?

– **Откуда я могу знать, ты мне об этом не рассказывал.**

– Это было в уссурийской тайге. Я привез секретную почту, а во-

инское подразделение располагалось в летнем лагере. Ну, пошел я в тайгу, скажу тебе по секрету, по нужде, там вокруг, куда ни глянь – тайга. И тут вижу... из зарослей на меня смотрят острые, злые глаза. Тигр... Я аж сел. Представь перед собой такого зверя. А он вышел из зарослей, огромный, полосатый, прошел мимо меня и скрылся в зарослях. До сих пор не пойму, почему прошел мимо.

– Твой запах его отогнал. Он зверь чистый и очень чуток на запахи.

Анатолий удивленно смотрит на меня... и мы заливаемся смехом.

– Сколько со мной случилось приключений.

Помнишь первых террористов – прибалтийцев, отца и сына, которые хотели угнать самолет и застрелили стюардессу? Вскоре после этого случая мы летели в Москву на ТУ-134 – я, Герейхан Палчаев, рядом с нами Саидов, управляющий «Дагнефтью». Сидим – попиваем коньяк, Герейхан смотрит в иллюминатор и тут обращается ко мне. (А он любил шутить): – Толик, смотри, какая прекрасная поляна внизу, пойдی скажи пилоту, чтобы посадил самолет.... Я встаю, к удивлению Саидова, иду к кабине (честно признаюсь, мне хотелось в туалет и я пошел к кабине, то есть вперед, потому, что в самолетах того типа, на которых я прежде летал, туалет располагался впереди, и мне казалось, что и в ТУ-134 там же), значит, иду вперед и вдруг выходит пилот и наставляет на меня пистолет: – Стой, ты куда? – Я замер.

– В туалет, – еле выговорил.

– Туалет сзади, в хвосте, – гаркнул он. – Так что чуть не...

– **Застрелил...**

– *Далее следует случаи за случаем, я слушаю и одновременно осматриваю мастерскую. На стенах – великолепные картины. Они резко выделяются яркими красками в сумрачной комнате.*

«Аул. Базар» – работа художника Зулкарная Рабаданова. Портрет Анатолия чуть ли не в сюрреалистической манере, работа Миши Кучера. Эскиз панно Дворца культуры Нового Куруша.

Картина Алексея Августовича «Горячие ключи», написанная маслом. Цветная фотография памятника Шамилю. Все они подарены скульптору.

Высоко, почти под потолком, оригинальная картина – «Зимний пейзаж». Анатолий ловит мои взгляд:

– Подлинник. Автор неизвестен. Мне его подарил Юрий Абрамов, ты его помнишь, кандидат наук, работал в политехническом институте.

А остальное – почти все известное мне. Вот голова Хемингуэя –

прекрасный портрет в металле. Но только (в последнее время) с отверстием во лбу. Как-то гостили у Анатолия в мастерской друзья-приятели. Оказался среди них и милиционер. Стали рядить – спорить, крепка ли голова Хема. Милиционер, не долго думая, вытащил из кобуры пистолет и выстрелил в голову...

А в какой позе стоит Владимир Высоцкий! Гордо поднятая голова. Устремленный вдаль взгляд. На колене приподнятой левой ноги – гитара с обрубленным грифом. Композиция содержит в себе глубокий смысл.

Всеволод Мейерхольд, в изящной позе сидящий на скамейке, всей своей позой устремленный ввысь, к искусству.

С оригинальным триптихом Анатолия я познакомился несколько лет назад. Это три прекрасно исполненные скульптурные композиции, которые были положительно встречены общественностью: «По ком звонит колокол», «Люди гибнут за металл», «Похищение России».

Вторую, сколько ни ищу глазами, не могу обнаружить.

– Купил ее новый дагестанец.

– Да ты что, он так прекрасно разбирался в искусстве?

– Осмотрел скульптурные портреты, остановил взгляд на композиции «Люди гибнут за металл» и решительно заявил: «Беру этих боксеров». Я объясняю, что это не спортсмены, а он свое: «Какая разница, они же дерутся, видишь, какая в них сила, мощь. Беру».

Как бы там ни было, а работа Анатолия тронула даже человека, который совершенно не смыслил в искусстве. Факт – он получил импультс, в его мозгу вспыхнула искра, сердце дрогнуло, прореагировало. Разве это не здорово?

– А хочешь послушать еще историю, приключившуюся со мной?

Анатолий с лукавой улыбкой смотрит на меня.

– Так ты же боялся их огласки!

– Да ну тебя, – он со смехом отмахивается. – Послушай, как я сфотографировался с Хрущевым и Фиделем Кастро. И миллионы людей лицезрели мою физиономию рядом с двумя лидерами в газетах. Ха-ха-ха... А было так. Я в ту пору учился в Ленинграде. Отец дал мне носить плащ, прорезиненный, тогда такие были в моде. Плащ оказался очень длинный, и я его подрезал. Укоротил до колен. А из поношенной рубашки в клетку сделал кашне и обмотал себе шею. И в таком виде вышел на улицу. Гляжу – толпа людей, и стоят Хрущев и Кастро. Милиционеры оттесняют толпу, а меня заметили и подталкивают: иди, мол, вперед, к ним. Подумали, что я иностранец. Я и подошел. А

фотокорреспонденты тут как тут: шелк, шелк. И я вошел в историю. С Хрущевым и Фиделем Кастро.

Я знаю Анатолия Ягудаева давно, знаю и его работы. Они заставляют людей радоваться, восхищаться, спорить, судачить... Но чтобы негодовать... нет. Диапазон его творчества очень широк: это и декоративные композиции «Вечер», «Танец», выполненные в технике чеканки по металлу, и монументальная композиция по оформлению Чиркейской ГЭС совместно с Г. Гейбатовым, Х. Курбановым, З. Рабадановым, и портреты Хемингуэя, Мейерхольда, Абуталиба Гафурови, Аметхана Султана, Гавриила Илизарова, скульптуры Дж. Коркмасова, А. Тахо-Годи, Эф. Капиева, мифопоэтические работы «Весенние краски», «Коронованная любовь». «Весна», «Свадебное шествие». Удивительно мил и симпатичен «Шашлычник Нисон» – этаким настоящим шашлычник в белом халате и в белой шапочке, стоящий с шампуром у мангала словно маг или кудесник... Одна композиция – а сколько в ней добра и радости. Все, что создает Анатолий, создает с любовью к людям.

Работы Анатолия экспонировались на многих Всесоюзных и Всероссийских выставках художников. Сорок его работ были приобретены на этих выставках. А с персональной, которая состоялась в 1987 году в Москве, министерства культуры СССР и РСФСР и художественные фонды СССР и РСФСР купили пятнадцать работ.

Произведения, созданные умом, руками, талантом Анатолия, экспонируются в ряде музеев. Так, в Дагестане – в Музее изобразительных искусств, в Республиканском объединенном музее, в Москве – в Третьяковской галерее. Очень много работ в частных коллекциях – у архитекторов Короткова (Москва), Левина (Петербург), лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического труда скульптора Аникушина, у Расула Гамзатова... В Австралии...

Наверное, многие сотни махачкалинцев десятки лет проходили по улице Горького, мимо цветочного павильона, где стояла бронзовая девочка в коротеньком платьице. словно подросшая Дюймовочка, она безмолвно глядела на прохожих, наполняя их души покоем и радостью. Это была работа Анатолия. А несколько лет назад она исчезла. Ее спилили у основания. Выкрали и продали как цветной металл: ведь была сделана из бронзы. Так и не нашли варваров.

Поднимаю голову. С потолка свисает американский флаг. Не бутафорский ли? Настоящий?

Анатолий, не дожидаясь вопроса, объясняет:

– Вот за памятник Шамилю мэрия города Спокан подарила мне флаг. Наверное, он дорого ценится, их флаг. А когда мэр Спокана

приехала в Махачкалу, мне позвонили домой и пригласили в ресторан «Лезгинка». Поехал с женой. Столы ломились от блюд и яств, чего только на них не было. Мэр Спокана приветствует меня (ведь мы познакомились в США) и преподносит подарок в красивой упаковке с огромным бантом. Все горят желанием увидеть, что в ней... Мы с женой устояли перед соблазном открыть ее. Приезжаем домой, раскрываем, а там, в маленькой пластмассовой коробке, две шарошки – напильники для обработки металла.

Анатолий протягивает мне коробку и эту самую шарошку величиной с мизинец.

– Американская чета, у которых я жил, сделала мне куда более ценный подарок – прислала цветную фотографию памятника и негативы. А мэрия – шарошки...

– Ну так бери заказы у новых дагестанцев, оформляй им бассейны, фонтаны...

– Нет, не хочу. Не нужно мне это.

– И что же, так и сидишь, у буржуйки с доберманом и мысленно ворошишь минувшие дни?

– Я же сказал тебе, есть заказы, но редкие и очень мелкие. Вот сейчас выполняю эскиз композиции для одного Дворца бракосочетаний. Недавно для махачкалинского Дворца бракосочетаний к своему панно делал новый Герб России. Ты видел мое панно? Нет? Зайди, посмотри. Оно тебе должно понравиться, внушительных размеров. Бывшая заведующая ЗАГсом, при которой начался капитальный ремонт, хотела его разбить и выбросить, но, к моему счастью, ее сменила новая. Калимат Омаровна Хасбулатова не позволила тронуть панно. Одним словом, спасла его, за что огромное ей спасибо.

– Сознайся, а были случаи отказа со стороны заказчика от выполненной работы?

Анатолий оживает:

– Был один. Руководитель района из Юждага заказал мне памятник Ленину для райцентра. Сделал эскиз: на высоком постаменте стоит во весь рост Ильич, он в движении, в порыве, одна нога вынесена вперед, едва касается постамента – на весу. Руководитель приехал, глянул – понравился памятник. И вдруг:

– Да ты что, он же упадет

– Почему упадет, – спрашиваю, он же в движении. А тот – свое:

– Еще шаг – и рухнет вниз, а это уже политика.

Видишь, как политическую зрелость проявил. А эскиз – вон он, на полке стоит.

Как удивительно сложна жизнь и как удивительно она интересна. Рядом с добром неотступно шагает зло. Но чуть отстают, чуть запаздывают. Иначе... Иначе не столь светлы и радостны были бы наши дни.

А Анатолий Ягудаев, скульптор, заслуженный деятель искусств Дагестана, лауреат Республиканской премии им. Г. Цадасы, продолжает работать.

Его колонка – буржуйка согревает своим теплом посетителей мастерской.

Его доберман Лолита оповещает приход гостей лаем, потом ложится на пол, кладет длинную морду на вытянутые лапы и смотрит добрыми, осмысленными глазами.

Его работы вселяют в нашу душу надежду, радость и покой.

«ДЕТИ НИ РАЗУ НЕ ПРЕДАЛИ МЕНЯ...»

Перекресток улиц Комсомольской и 26 Бакинских комиссаров в Махачкале. Двухэтажное здание довольно красивой архитектуры – Дом пионеров и школьников. К нему притулился длинный узкий двор, в котором жили несколько семей. Он постоянно оглашался детскими голосами, мальчишки задорно танцевали, не зная устали. Среди них выделялись два брата, любимцы не только двора, но и всей улицы. Особенно младший, чернявый, задиристый, непоседа – ноги у него сами собой пускались в пляс.

Подшло время – и вслед за старшим братом он вошел в Дом пионеров и школьников изучать грамоту танца. Это было в недалеком прошлом. Спустя время он поступил учиться в институт. Затем создал детский ансамбль, которому отдал всего себя.

Всю жизнь с детьми... У этого человека должна быть по-детски открытая, чистая, совестливая душа, если он посвятил свои годы мальчишкам и девочкам, учит добру и милосердию, а дети сохраняют и берегут в нем эту девственность души.

Я беседую с этим необыкновенным человеком, заслуженным деятелем искусств Дагестана, лауреатом международных конкурсов и фестивалей, художественным руководителем заслуженного ансамбля танца «Виртуозы Дагестана – Счастливое детство» Шолуми МАТАЕВЫМ.

– Шолуми, как случилось, что ты с самого начала трудовой деятельности - с детьми и несешь, как говорится, свой крест по сей день?

– А ведь произошло все совершенно случайно. У меня не было никаких намерений связывать свою судьбу с детьми. После окончания Московского института культуры (отделения режиссеров балета) мне предложили остаться и возглавить ансамбль «Дружба» в сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, которым я руководил, не отрываясь от учебы. Между прочим, он был создан в 1953 году Танхо Израйловым. Предлагали мне и место художественного руководителя государственного ансамбля «Нальмес» в Адыгее, и главного балетмейстера Туркменского государственного ансамбля танца. Но я стремился домой. Почему? Ужасно хотел работать в «Лезгинке». А еще горел желанием (ведь я считал себя сформировавшимся специалистом) создать хореографический коллектив.

Увы, дома мои планы рухнули. В «Лезгинке» все места были заняты. А о создании новой хореографической группы в министерстве

культуры со мной и разговаривать не стали. Интересная ситуация, да? Приглашения отверг – уезжать не было желания. А дома, как говорится, не ждали.

И тут мне старший брат Иосиф (он тогда был первым ассистентом балетмейстера Танхо Селимовича) посоветовал идти в Дом пионеров и школьников. В ту пору там не было танцевального коллектива, поскольку Казим Абасович Манафов заболел и ушел.

Что делать? Я никогда не работал с детским коллективом, Обратился за советом к своему учителю и духовному наставнику Казиму Абасовичу. А ему страшно, просто страшно понравилось, что я могу продолжить дело, которому он посвятил жизнь. После благословения двух моих кумиров – Иосифа и Казима – я уже твердо определился в выборе. Да и директор Дома пионеров Айшат Магомедовна Мусаева неоднократно просила меня возглавить коллектив.

И вот пришел я, как сегодня помню, 19 апреля 1974 года зав. художественным отделом и преподавателем по хореографии, а детей-то нет. Забирал я их прямо с улиц, приглашал в Дом пионеров, обучал азам танцев и уже к 1 июня поставил три танца. Они же приняли участие в отчетном концерте. А уже с сентября я развернул работу по набору и созданию танцевальных групп. Пошел по школам, вывесил объявления, провел конкурс и набрал четыре подготовительные группы по двадцать-двадцать пять ребят в каждой. Работа шла, скажу я тебе, на научной основе: ведь я изучал в институте психологию, хореографию, педагогику, и все это пригодились мне. Я буквально окунулся в поиск талантов.

Закончился учебный год, состоялись экзамены, и были отобраны дети, которые составили костяк первого ансамбля, которому я дал имя, вполне соответствовавшее лозунгу: «Все лучшее – детям». Догодываешься, какое? «Счастливое детство».

– У тебя не возникало желания уйти во взрослый коллектив?

– Как только я окунулся в работу с детьми, понял, что она для меня. Именно для меня. Словно судьбой было предопределено, чтобы я стал преемником моего учителя Казима Абасовича. Мысль о работе со взрослыми я отгонял от себя. А возможности уйти были. Так, в 1982 году освободилось место главного балетмейстера в ансамбле «Лезгинка», где Иосиф уже в течение двух лет был художественным руководителем. Единственное, на какое условие я пошел, – работать параллельно у него, занимаясь с детьми с полной нагрузкой.

– Детский ансамбль часто бывает в поездках. Как ты обходишься с ребятами, если они вдруг заболеют...

– У нас есть ассистенты, родительский комитет. В гастрольную поездку я обязательно беру врача – женщину и одного члена родительского комитета. Зная психологию ребят и национальный характер, я могу вполне заменить им во всех ситуациях папу, но не маму.

– **Неужели родители беспрекословно доверяют тебе своих детей?**

– Дорогой мой, моя жизнь и вся творческая деятельность на виду. Они видят мое поведение, мои отношения с детьми, мои организаторские способности. Расскажу тебе такой случай. К Магомеду Генжиеву, родителю моей ученицы, приехал брат с просьбой взять девочку на каникулы в селение. Магомед отказал ему в просьбе. «Вах, – удивился брат, – ты на гастроли отпускаешь девочку с Шолуми, а к нам боишься?» И ты знаешь, что ответил Магомед брату? Он ответил так: «Ты извини, мой родной, ему доверяю больше, чем тебе».

В ансамбле у меня железная дисциплина. Вся воспитательная работа строится на самосознании. В 1985 году, на фестивале в Москве, в Парке культуры и отдыха имени Горького родитель моего ученика Гаджи принес сыну коробку апельсинов: «Ешь, – говорит, – и всех детей угости». И что ты думаешь? Гаджи отказался от апельсинов. Отец, крайне удивленный, обращается ко мне: «Послушай только, у отца не берет апельсинов!» Знаешь, что я ему ответил? «Ты его папа в Махачкале, здесь я его папа». Конечно, мальчик взял апельсины, но уже с моего ведома.

– **Скажи, награжден ли ты детским орденом?**

– Детским орденом? (Шолуми широко раскрывает глаза, делает удивленное лицо, потом расплывается в улыбке). Первый раз слышу такой вопрос. Никто никогда меня об этом не спрашивал. Конечно, награжден. В 1991 году. Присуждался он Детским Фондом за любовь к детям. Так на нем и написано – «За любовь к детям».

– **В каких странах выступали твои дети?**

– Мои дети удивили своим искусством Чехословакию, Польшу, Румынию, Болгарию, Венгрию, Турцию. И что очень важно – ни разу, ни в одной стране мы не получили замечания, не пришлось краснеть. На фестивале в Турции (кстати, Федор Завьялов там снял фильм «7 дней, которые потрясли Измир») участвовали взрослые профессиональные коллективы из Македонии, Польши, Литвы, Турции, а из детских – только наш. Так они все завидовали профессионализму моих детей.

Корреспондент польского телевидения был в восторге от ансамбля. Иначе и быть не могло. Ребята показали высокий профессиона-

лизм, выносливость, отменное поведение – а ведь они танцевали и днем, и ночью, на открытых площадках и улицах, и ни один не чихал, не простудился. Ни один не сошел с пути.

– Безусловно, ансамбль гастролировал и в городах бывшего СССР?

– Конечно. И маршруты были разные: Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Пятигорск, Краснодар, Ставрополь, Ростов-на-Дону, Одесса, Киев, Кишинев, Хабаровск, Усть-Илимск, Москва... Все и не перечислить.

– Как обстоят дела с поездками сейчас?

– Гастролируем, несмотря ни на что. Недавно были в Турции, Пятигорске, а в самой республике – в Касумкенте, Дербенте, Южносухокумске, Буйнакске... У нас заведено такое правило – никогда не оповещать, куда и когда едем. Мы хвастаемся, и даже без ложной скромности, когда возвращаемся из поездки.

– Шолуми, кем стали твои воспитанники?

– Многие выбрали путь артистов. Одни состоят в Государственном ансамбле песни и танцы «Дагестан», другие, – в Государственном заслуженном ансамбле «Лезгинка», в Государственном ансамбле танца «Молодость Дагестана» (Хасавюрт), третьи – преподаватели в хореографических коллективах «Авадан» (муниципалитета), детском танцевальном коллективе Избербаша. В родном ансамбле – «Виртуозы Дагестана – Счастливое детство» работает балетмейстером Мирза Зайдиев. Тринадцать лет танцевал он в ансамбле, начал с четырехлетнего возраста, окончил культпросветучилище и вернулся в родные пенаты. Это ли не преемственность? Елена Саркисянц девять лет танцевала в «Счастливом детстве», два года – в ансамбле «Молодость Дагестана» артисткой балета. Сейчас преподает со мной.

– Кто и как финансирует ансамбль: ведь поездки, шитье костюмов, приобретение инвентаря требует немалых денег?

– Мы состоим на бюджете управления образования Махачкалы. Четырнадцатая статья бюджета, как раз посвященная финансированию ансамбля, – пуста. Спонсоров искать не хочется: сейчас развелось так много попрошаек, что стыдно быть очередными, впрочем, места все уже забиты. Ходим по инстанциям, просим. Нам никто не говорит «нет», но и не говорит «да». Единственный, кто оказывает помощь, – это городская администрация.

– Есть ли у детского ансамбля будущее?

– Ансамбль будет всегда. Хотя сегодня девиз: «Все лучшее – детям» забыт, выброшен на помойку. «Виртуозы Дагестана – Счастли-

вое детство» не потерян. Ты знаешь, дети острее воспринимают бедность, нищету, об этом говорят их глаза, их поведение, манера держаться, вести себя, их одежда, и, несмотря на все тяготы, они знают, что у них есть своя семья, свои танцы, и они счастливы. Пусть они бедны материально, но они духовно, эстетически богаты. И сознание этого возвышает их.

– **Не советуют ли тебе друзья, члены семьи сменить профессию, заняться чем-либо другим, денежным?**

– Было много предложений, даже от коммерческих структур. Уверяли, что коммерция обогатит меня. Но я боюсь потерять самое большое богатство – духовность. А моя духовность – это мои дети.

У меня было много друзей в жизни, но самым верным другом оказался ансамбль «Счастливое детство», который за все эти двадцать три года, что я с ним, ни разу не предал меня.

– **А если бы тебе предоставилась возможность начать жизнь снова?**

– Точно так же и начал бы. Без сожаления. Я благословляю тот день, когда мне впервые пришлось зайти в Дом пионеров и школьников.

– **Испытывал ли ты когда-нибудь разочарование в детях?**

– Было и такое. Но очень редко. Не хотелось бы об этом говорить.

– **Почему?**

– Не все подвластно педагогу. При всем его терпении и огромной любви к ребенку.

– **Шолуми, чем для тебя являются дети?**

– Не знаю, образно ли я выражаюсь: они – мое отражение в зеркале жизни. Я не постесняюсь сказать – педагоги и профессиональные артисты узнают детей из «Счастливого детства» даже по поведению. А сам я следую принципам своего духовного отца и учителя Казима Абасовича Манафова, который ненавидел ложь. И я никогда не лгу детям. Не потому, что я хороший, без недостатков, нет. Я боюсь лгать детям потому, что они сердцем чувствуют, искренен я с ними или нет. Ложь, в конце концов, можно выявить: у нее нет хозяина.

Скажу тебе еще вот что: у меня, как у педагога, два Бога. Один – наверху, другой – внизу, это дети. А когда я своим ребятам, чтобы ободрить перед концертом, говорю: «Бог над нами», они хором отвечают – догадайся, что? Не догадаешься: «И Шолуми с нами».

«ВО МНЕ СХЛЕСТНУЛОСЬ НЕСКОЛЬКО ТЕЧЕНИЙ...»

Что наши дети носят в себе от нас, что от природы? Чем они лучше нас или хуже? Но позвольте, скажет читатель, а почему они должны быть лучше или хуже? Мы вечно шарахаемся, мечемся в поисках ответа и истины от полюса к полюсу и не пытаемся, просто не удосуживаемся уяснить себе, что каждому десятилетию, каждому веку, да просто каждому году присуща эволюция – эволюция взглядов, мыслей, действий, характера... Ибо жизнь со всем бесчисленным многообразием и всей пестрой атрибутикой развивается по законам Вселенной.

Ствол у дерева один. Ветви его бывают и ровными, и корявыми. Но плоды – одни. Яблоня и с ровными, и с искривленными ветвями рождает яблоко, абрикосовое дерево – абрикос, алычовое – алычу... И ничто другое. Качество плодов зависит от ухода и среды обитания или экологии.

Мой собеседник, с которым я имел удовольствие встретиться, – Сабир ГЕЙБАТОВ. Учился в Махачкале, сначала в школе № 38, затем – № 39. После окончания пятого класса поступил в Московскую специальную художественную школу. Проучился три года: отец забрал домой (хотел, чтобы сын был рядом).

После окончания 10-го класса 39-й школы уехал в Ленинград поступать в художественную академию, которую окончил отец: в первый год постигла неудача – не хватило спецподготовки. Затем был художественно-графический факультет ДГПУ, служба в армии, четыре года педагогической работы в Дагестанском художественном училище (предметы чтения – культурология и история мировой культуры). Сейчас он аспирант отдела искусств Института языка, литературы и искусства ДНЦ.

С шестнадцати лет Сабир Гейбатов начал участвовать во все-российских и республиканских художественных выставках и конкурсах. Добрый резонанс имела его скульптура «Горец», выставленная в художественном салоне на Крымском валу в Москве.

Последние годы работает в соавторстве с отцом. Вместе делали скульптурные портреты поэта Шахэмира Мурадова (установлен в Куруше), профессора Аскерханова (в Хасавюрте), дважды Героя Советского Союза Аметхана Султана (в Махачкале).

– Часто можно услышать такую сентенцию: «На детях гениев природа отдыхает». Не будем говорить о гениях (они для нас пока

недосягаемы), остановимся на талантах. Так вот, на детях талантов природа на самом деле отдыхает? О чем может поведать портрет вашей семьи в интерьере?

– Да, на детях природа отдыхает. Мне так кажется.

Когда я учился в спецшколе в Москве, меня окружали дети и партийных работников, и людей искусства, и простых, трудовых семей. Здесь, в общей массе, был и внук Гришина (первого секретаря Московского горкома партии), и дочь артистки Анастасии Вертинской, и сын художника Ильи Глазунова...

Дети неименитых родителей отличались от других особенно.

Они были чисты нравственно, обладали незамутненным даром. Настоящие самородки в чистом виде, менее подверженные амбициям. Конечно, им в чем-то было труднее – за спиной никто не стоял, и в то же время значительно легче – были свободны.

Кто более гармоничен – находил компромисс, импульсивному приходилось труднее.

Самородки не «болели» поиском себя. А мы искали себя, чтобы не быть похожими на родителей.

Безусловно, бывают отступления. Природа позволяет себе некоторые слабости, или вернее сказать, вольности. Если взять пример из истории – Рафаэль Санти был сыном известного в ту пору живописца.

Нам, детям работников искусств, искать себя, свой путь сложнее – над нами стоит тень родителей. Я, к примеру, пропитан искусством двадцатого века, во мне схлестнулись традиционное, классическое и маргинальное, авангардное течения.

– Ты считаешь талант отца? Между вами бывают идейные расхождения, споры по поводу того или иного направления, течения в искусстве, в частности в живописи, и чем они, споры, завершаются?

– Сейчас расхождений нет никаких. Обычно они возникали в процессе создания памятника.

Отца я понимаю и принимаю как явление своего времени. И в то же время твердо убежден, что второго такого, так профессионально и твердо, убежденно, пламенно владеющего искусством, нет. Он отлично справляется с любыми темами. Многим и многому я учусь у него, подражаю даже движениям его рук.

И ничуть не жалею, что не окончил Академию художеств им. Репина – академия у меня под рукой.

В последние годы большую часть времени я провожу за книгами. Они помогают мне разобраться в самом себе, в том, что делает, творит

отец, помогают находить в искусстве компромисс. Нашему поколению был характерен элемент бунта, мы воспитывались на творчестве Гребенщикова, на битлах, мы вышли из недр советской эпохи и остались советскими людьми.

Современная же молодежь более прагматична, подвержена сиюминутному интересу.

– Твой отец, народный художник Российской Федерации Гейбат Гейбатов, автор значительных работ, ставших достоянием народа. Как ты считаешь, талант отца от бога, или он заложен в нем генетически?

– Как-то по такому поводу мой друг вместо точного ответа произнес: – Пути господни неисповедимы. Мне кажется, талант отца – продукт природы и его воли. Родители его были земледельцами, дед лепил свистульки из глины, так что о генах и речи не может быть.

Конечно, не исключаю и везения.

Многие удивляются, как мы рядом, бок о бок, мирно сосуществуем: отец до корней волос предан реализму, я склонен и к реализму, и к абстракционизму, авангардизму. Я уже ответил: ничего страшного. Отец меня понимает, но от своих убеждений, от своей школы не отходит.

Проблема в другом. У нас нет сегодня художественного реалистического направления. Надобность человека в реализме отпала. Реализм стал салонным. Почему? Я думаю так: процесс глобализации, происходящий в области экономики и политики, пошел и в искусстве. Реализм был понятен всем, абстрактное искусство было элитарным. Сегодня почитатели искусства абстрактное считают осмысленным, а реалистическое – неумным. Многие, очень многие, увлекающиеся абстрактным, авангардным искусством, не знают эволюцию искусства. А отсутствие знаний не позволяет им непредвзято оценить художника.

Мне лично не нравится, что в Дагестане нет художественного рынка, где можно было бы представить работы мастеров различных течений и направлений в живописи.

– Как ты стал ваятелем, а если точнее, кто способствовал твоему выбору и становлению? Я думаю, стать скульптором было розовой мечтой детства. Или ошибаюсь?

– Коротко, однозначно ответить трудно. Родители (отец – скульптор, мать – искусствовед). Среда. Стечение многих обстоятельств. Друзья – Антон Путерброт, Аташка Ягудаев...

Москва мне очень многое дала. В принципе Москва – моя вторая родина. Сама спецшкола была удивительно интересна и поучительна: в ней занимались дети диссидентов и., как я заметил ранее, внук

Гришина. Интересная компания, не правда ли? Вот там, как мне кажется, мы и самоутверждались. Мы все дружили, мы все конкурировали между собой.

Результат самоутверждения оказался для меня не безболезненным, или точнее, не бесконфликтным. Когда я сделал свой перформанс памяти Бойза (это авангардистический жанр), меня обвинили в космополитизме. И не шутя. Мама была очень возмущена.

Почему я обратился к этому жанру, к этому направлению?

Древний мир знал греческое и финикийское искусство. Греческое пошло по пути формы, финикийское – по пути смысла. Последнее, финикийское, повлияло на искусство мусульман и иудеев, которым религия запрещала изображение формы. Исламский и иудейский мир признавали хаотичность, под которой подразумевалось ощущение бытия (красота, ум, смелость, сила). А греческий ум не был способен понять хаотичность.

Вот я и обратился к перформансу, финикийскому течению искусства, смысловому, чем вызвал и непонимание, и недовольство, и гнев.

От перформанса я уже перешел к другой форме, желая как бы ответить Казимиру Малевичу и его «Черному квадрату».

Сделал форму в виде восьмиугольника, она получается наложением двух квадратов.

– Извини, перебью тебя. Что все-таки хотел сказать своим «Черным квадратом» Малевич?

– Вначале, конечно, он не придавал ему такого большого значения – это публика приняла его восторженно. Ну а потом... «Черный квадрат» – это процесс взгляда на искусство. Это предмет, который выходит за пределы любой живописи. Это прежде всего- конец. Пустота. И восхищаться им просто глупо.

Малевич рано предрек конец искусству. Конец искусства может быть только с концом человечества. Мне кажется, человек рано поставил точку искусству.

Так вот, Казимир Малевич нарисовал «Черный квадрат» и дал свою научную установку. Тем самым как бы нашел модуль через нулевую живопись.

Я попытался эту систему рассмотреть в религиозной традиции, взяв самый элементарный модуль, встречающийся в орнаментах. Если эти формы – модули поставить друг на друга, образуется крест.

Итак, встречаются два символа – христианский и мусульманский. Выдам секрет: есть у меня идея создать из этих модулей панно на темы из мусульманской истории.

А потом я сделал птицу Симуург с каллиграммой и зеркалом, которое, помимо того, что является символикой, позволяет увидеть пространство за нами. Более того, видя себя в зеркале, видеть себя и в самом Симурге.

Три года назад в Москве с друзьями мы хотели создать группу, работающую над таким произведением. Идея не состоялась. Сейчас думаем организовать у себя в Махачкале.

– Разные стили, разные взгляды, течения, работы. Как чувствует себя рядом с тобой отец? Отходит в сторону, в тень? Нависает над тобой? Ситуация интересная и неоднозначная.

– Отец чувствует себя рядом со мной лидером: ему есть, что мне дать. Сейчас более лояльно стал относиться к моим увлечениям.

Мне нравится, что у меня есть человек, который может, как говорится, держать меня в ежовых рукавицах, который влияет на мое формирование.

Но к себе он очень и очень требователен. Мне очень нравится его последовательность.

Настоящий художник не должен быть подвержен моде. Идти на компромисс – да. Изменить себе – нет. Мама очень помогает ему.

Он не пошел по пути авангардизма.

– Как складываются семейные отношения в доме творческого работника: есть ли взаимопонимание, уважение, бережное отношение друг к другу или терзает непонимание?

– На примере своих родителей, да и своей семьи, я убедился, что глава семьи – это все. Он стержень, хребет, мозг, выбирайте, какое определение лучше. И с другой стороны – семья строится на демократических основах. Признаюсь, женщины прощают нам очень многое.

Важно, чтобы жена давала художнику максимум свободы. Иначе он может задохнуться. Для меня было важно, чтобы жена понимала меня, даже споря со мной. Я порой думаю: женился бы по расчету – ничего бы не приобрел.

Наверное, у творческих людей такой и бывает любовь. Хотя есть и голливудская любовь: три-четыре года поживут и расходятся, и ищут новую пару.

– Где любовь, там и ревность. Тебе знакомо это чувство?

– На ревность я давно перестал смотреть как на атрибут мещанства. Ревность – повод для психоаналитика. В любом случае, очень сложно найти баланс между порядочностью, взаимопониманием, эгоизмом. Смягчение между мужчиной и женщиной очень важно. Если говорить по большому счету, каждый мужчина и каждая женщина –

это самостоятельный секскосмос, и каждый таит в себе возможности к трансформации. И они могут быть бесчисленны и бесконечны.

– Художник создает произведения и продает. Так вот, художник и деньги – понятия совместимые.

– Конечно. Но... когда мы внедряемся в сферу рынка, возникает масса проблем. Должна быть определенная степень независимости и определенная степень позитивной целесообразности своего труда.

У греков не было понятия искусства, было понятие техно – высшая степень ремесла, что высоко ценилось. Когда я выполняю заказ, я должен думать о техно.

Нам приходится быть художником для заказчика и художником для художника. Быть понимаемым и в обществе, и собратьями по творческому цеху. В этом контексте интересна фигура Эрнста Неизвестного, отчасти Шемякина.

Художник и деньги – вполне правомерный вопрос. Нормальный процесс функционирования искусства в обществе, который не позволяет художнику чувствовать себя изгоем. Иначе могут быть исключения: как поздние Гойя, Рембрандт, Ван Гог, Эль Греко... После смерти они были признаны великими творцами. Оскару Уайльду принадлежат слова: «...чтобы творчество художника состоялось, необходимо, чтобы личная жизнь его закончилась трагически».

– Произведения, создаваемые тобой, – это твои дети. Не жалко продавать их и лишаться навсегда? Ведь их можешь больше никогда не увидеть.

– А это смотря какие. В одних работах личного больше. Вот где меня больше – жалко, где меньше – не жалко. Хотя в основном имеют спрос те работы, где меня больше.

Человек не должен жить только для себя, он должен жить и для других.

– Ради денег можно выполнять и халтуру. Но имеет ли моральное право художник работать на потребу толпе?

– Художник может участвовать в массовых, ангажированных мероприятиях. Вот Лимонов, к примеру, пошел на потребу толпе.

– Твои работы неоднозначны и могут вызвать различные суждения. Мнение критиков вызывает неприятие или ты соглашаешься с ними? И вообще, как ты относишься к критике, помогает она художнику или мешает?

– Когда я делал свой перформанс, свои кардинальные работы, очень хотел выслушать критиков, выслушать противоположные позиции. Без диалога не может быть настоящего искусства.

– На мой перформанс была опубликована разгромная статья. Но поймите меня верно, голая критика ничего не рождает, трудные вопросы загоняются в подсознание.

Диалог по концептуальному искусству дает возможность говорить открыто и помогает художнику.

Лично я всегда желал хорошей полемики: без нее нет и настоящего искусства.

К сожалению и большому огорчению, мы не имеем сегодня даже художественной критики. Статей по искусству очень мало, да и они неглубоки и поверхностны. Говорят: истина рождается в споре. Все рождается в споре. Увы, этого спора у нас нет.

– Твоя фамилия известна в республике. Она помогает тебе в жизни или мешает?

– Помогает. Я не раз об этом думал, кстати говоря. Но вот что показательно: люди, не совсем лояльно относящиеся к отцу, так же относятся ко мне.

– У нас с отцом очень интересные отношения: по характеру мы очень близки, а по художественным взглядам очень разные. Хотя благодаря знанию истории искусств для меня все виды, течения, направления искусства интересны.

– Как человек творческий ты, наверное, любишь уединение. А может, я ошибаюсь – тебе по нраву компании, общество шумных друзей?

– Я богемный человек. И одновременно домашний. Раньше у меня был хороший круг друзей, любили трепаться до утра о литературе, об искусстве. К огорчению, многие разъехались.

А уединение... это очень тонкая, интересная штука. Ее надо заслужить. Ницше принадлежат слова: «Без одиночества нет творчества».

Когда я один, я отключаюсь от жизни, от мира и пробую писать белые стихи, эссе. Моя давняя мечта – иметь свой дом, кабинет, много, много, много книг, и находиться в состоянии сосредоточенности.

Если бы у меня был богатый жизненный опыт, я обязательно занялся бы литературой.

– Признаться, деньги в твоей жизни играют какую-то роль? Или ты равнодушен к ним, хотя это и звучит, наверное, смешно и неестественно.

– Почему неестественно, все нормально. Раньше не играли вообще никакой. Когда учился на худграфе, мне хватало двадцати пяти

рублей моей стипендии. Я вел аскетический образ жизни. Сейчас уже играют роль, хотя идолом не стали.

Деньги нужны для перемещения с места на место, для приобретения книг, для дома, для быта... Деньги нужны для реализации идей. С ребятами мы думаем создать клуб интеллектуального кино, где могут встречаться старшее и молодое поколения, просматривать старые и новые ленты, дискутировать, спорить, искать золотую середину... Ведь нас очень многое объединяет, надо только отбросить, скинуть с себя наносное, показушное, ненашенское.

По такому же принципу можно открыть и клуб интеллектуальной музыки.

– Творческому человеку необходима тема, идея. Без нее он не творец. Откуда ты берешь свои темы? Они исходят из космоса, от Бога, являются во сне?

– Из книг во время чтения – приходит как озарение. Во сне. Между сном и явью. Но... дальше не захожу. Иначе займусь метафизикой, уйду в философию. Меня интересует другой круг вопросов – формы, пластика...

– Ты знаешь все скульптуры отца?

– Да.

– А работы матери?

– Больше половины.

– Тебе нравятся их методы воспитания детей?

– Отчасти.

– Твой любимый напиток?

– Чай.

– Любимое блюдо?

– Все рыбные блюда. Шашлык.

– Какая марка машины по душе?

– Десятка. «Жигули».

– Каким видом спорта увлекаешься?

– Тайдзи-цуань. Ба-гуа-чжан.

– Любимое животное?

– Из домашних – кошка. Из диких – лев.

– Любимый писатель, художник, композитор?

– Скульптор Лембрук, писатель Андрей Платонов, музыкант Джим Моррисом.

– Как относишься к компьютеру?

– Равнодушно.

– Творческие люди в основной своей массе суеверны. Но вопрос не о суеверии. Ты веришь в судьбу?

– С юных лет всегда было ощущение, что во мне что-то сидит. Да и суеверием не обделен.

– Ты продолжил жизненную линию отца. Наверное, в душе желаешь, чтобы и дочь пошла по вашему пути?

– Не хочу. Не то что не хочу – остерегаюсь. Не желаю искусственно возвращать в ней художника. Она сама должна сформироваться.

«ДУША ТРЕБУЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ ИСКУССТВОМ...»

В советское время все было идеологизировано, рождалось то, что нужно было правительству. И рождались шедевры.

Ныне дана полная свобода для творчества, и искусство исчезает. Нет-нет, да и думаю: неужели тесные рамки, в которые были загнаны творческие работники, способствовали взрыву мысли?

Ныне киноленты снимаются или для конкретного кинофестиваля, или для элитной публики.

В последнее время искусство претерпевает метаморфозу, оно превращается в искусство сервиса. Идеология все-таки давала пищу для возбуждения мысли, взрыва слова. Юрий Любимов прославил свои постановки благодаря слову, Роман Виктюк – хореографии, кинорежиссеры – мятущимся душам, борениям сердец.

Эмиль КУРБАНОВ окончил музыкальное училище, учился в Алма-Ате в студии при Государственном театре на отделении режиссера эстрады. Пел в ансамбле «Гуниб», был актером Аварского драматического театра, после снова в ансамбле, но уже песни и танца «Дагестана», затем судьба приводит его в «Лезгинку» заместителем директора.

Снимался в кинофильмах – «Похождения графа Невзорова», «Мгновения любви». Проходил творческую практику у таких режиссеров, как А. Гинзбург и С. Туманов. Знал и дружил с такими певцами и актерами, как Олег Анофриев, Александр Барыкин, Александр Панкратов-Черный, Георгий Вицин, Евгений Моргунов.

Родители – одни из основателей Аварского театра.

Мать, Айшат Курбанова, заслуженная артистка Российской Федерации. Отец, Муса Абасов, был народным артистом республики.

Прапрадед – поэт и гуманист Али-Гаджи из Инхо.

Шесть лет назад, а это был год тысяча девятьсот девяносто шестой, мы говорили с ним о проблемах культуры, о бедственном положении творческих работников, о месте и роли искусства в жизни человека, и в его словах, его ответах, его видении чувствовалось знание дела, кипели мысль, страсть.

Шесть лет... Время достаточное, чтобы произошли или наметились какие-то подвижки в ту или иную сторону, и у меня появилось желание вновь вернуться к той же теме. Но тут спутало карты одно обстоятельство.

Я не сторонник попсы, больше привержен настоящей музыке (как говорят, консерватор в лучшем понимании этого слова), и когда

для принятия участия в конкурсе «Евровидение 2002 г.» выбор пал на группу «Премьер-министр», был буквально ошарашен. Почему эта группа? Чем она отличилась, превосходит другие, какими преимуществами обладает?

Результат их участия - десятое место.

Вот оценка корреспондента «Известий», который наблюдал за ходом борьбы: «Группа, если не вдаваться в подробности, плохая. Песня – никудышная. Ожидать, что этот квартет им. Дружбы народов победит, не решился бы никто, он и не победил. Впрочем, победа им была и не нужна: сам факт участия в «Евровидении» сделал этой посредственной группе невероятную рекламу». Россия сегодня богата огромным числом музыкальных групп. Но почему поехал именно «Премьер-министр?». И почему в наших головах угнездилась одна мысль, одна фраза: «Важна не победа, важно участие».

Вот такое видение ситуации или проблемы я изложил своему собеседнику Эмилю Курбанову.

– Культура на современном этапе очень сильно развивается. На Западе эстрада и в эстетическом плане, и в психологическом – совершенно разная. И разная за счет менталитета. Там деятели массовой культуры свободны, раскрепощены. В эту нишу мы никак не можем войти.

Но ведь у нас были и Муслим Магомаев, и Анна Вески, и Яак Йолла, и другие певцы. Участвовали и побеждали, всходили на самые высокие ступеньки.

– Да, помню и знаю. Золотой Орфей, Сопот, Золотая лира... На уровне таких фестивалей наши певцы выходили победителями. На фестивали выше рангом их не посылали.

Повторяю, нам не позволяет подняться на высший уровень, шагнуть на высшую ступень наш менталитет, мы далеко не цивилизованные люди.

Что касается конкурса «Евровидение», то для меня он является прежде всего высшим критерием исполнения. Сейчас он не дает или не находит талантов. И ныне там преобладает молодежный возраст.

А что касается твоего непонимания «Премьер-министра». В прошлом году в конкурсе участвовал «Мумий Троль». Сейчас «Премьер-министр». Почему нас постигла неудача? Просто мы не вписываемся в подобное шоу, в попсу, а зарубежные ансамбли и певцы генетически расположены к нему.

Сегодня происходит капитализация культуры. Позитивное это явление или нет – время покажет. Это мое субъективное мнение.

– Массовая культура, как мы убеждаемся с каждым днем, это эрзац-культура. Не говорит ли повальное увлечение ею о том, что мы уже хорошо увязли в ней?

– Я применил бы другое определение – кич. Низкопробное искусство, низкий исполнительский уровень. Он имеет свою массовую аудиторию, но это – псевдокультура, которая несравнима с высокой культурой, несравнима и с «Битлами», которые стали классикой. Кич развращает наши вкусы, а для подростков стал своего рода наркотиком и вносит много деструктивного. Сейчас уже трудно найти молодых, которые слушали бы симфоническую музыку. Те, кто несет такую культуру в массы, несут и свою политику, и свою идеологию. Можно сказать, создается единое храмовое дыхание, где дышат одним душливым воздухом.

– И это, безусловно, должно настораживать. Кстати, и у нас заметны некоторые подвижки. Афиши, плакаты, рекламы на стенах, столбах, досках объявлений пестрят звездами эстрады. На самом ли деле они звезды? И не удушит ли нас таким образом периферия?

– Что касается наших, так называемых звезд, то это явление интересное и самобытное, определяет лицо нашей сегодняшней культуры.

И периферии, я бы сказал, не стоит бояться. Ведь был же театр г. Паневежиса в Литве с Донатасом Банионисом, который внес заметную лепту в театральный мир. Или Валерий Леонтьев из г. Сыктывкара...

А что касается звезд... СМИ тоже играют негативную роль, представляя того или иного певца в ранге звезды, что бывает совсем неоправданно. Мы сейчас наблюдаем эпоху звездомании. Образно назвал сегодняшних певцов Вахтанг Кикабидзе – звездуну. А как красиво высказался Лев Лещенко: «Редкий артист имеет право называться звездой. Но не каждая звезда имеет право называться артистом».

Прежде я и не помышлял, что может быть коллективное творчество, то есть выступление 30-40 певцов в один вечер. Коли мы ходили на концерт, то слушали одного певца, ну, может, еще другого, третьего... Сейчас приходишь на сольный концерт – певица исполняет несколько песен, а затем – наступает черед других исполнителей: и певцов, и танцоров. Она одна не может отработать свое время, не может выдержать. Почему? Нет высокой, профессиональной исполнительской школы, школа наша самодеятельная.

Надо иметь нравственную степень, чтобы выйти на сцену, принести что-то новое, может, нечто авангардное, в искусство. А зачастую выходят, чтобы показать себя.

У многих наших исполнителей отсутствует чувство меры, вкуса, культуры.

Мне импонируют слова Станиславского: «Надо искусство любить в себе, а не себя в искусстве».

– Часто приходится слышать, что культура и по сей день у нас на правах Золушки. И все ждут: когда же она дождетсЯ своего принца.

– Позволь не согласиться. Сегодня Махачкала мне напоминает Москву 89-го года, когда я ходил по проспектам, бросал взгляды на афиши, и всюду – Кобзон, Лещенко, Леонтьев, Пугачева...

Сейчас я почему-то сравниваю Махачкалу с Москвой тех лет: наступил Ренессанс.

Постоянные вернисажи, выставки, презентации, творческие концерты, отчеты, юбилейные вечера, календарные и традиционные праздники... А ведь лет 10-15 назад мы находились в состоянии стагнации.

Может, кому-то и покажется высокопарным слово Ренессанс, но он есть на самом деле. Наступила пора оживления, динамики, привносится в жизнь эстетика. У артиста появился блеск в глазах, в нем ощущается трепет, от него исходит такой поток энергетики... Это говорит о том, что мы на созидательном пути. Только надо быть требовательными к творчеству, к себе, своему таланту.

Коробит другое – бескультурье людей, зрителей. Во время исполнения песен бросают на сцену деньги, преподносят цветы, выходят танцевать с певицей, кричат и свистят... Это такое позорное явление. Но, думаю, оно уйдет.

Безусловно, у нас есть творческий потенциал. Он растет и развивается. На любом международном уровне мы можем представлять свое искусство. Взять нашу «Лезгинку» – это самобытный фольклор. Это еще нераскрытая книга. Ансамбль представляет собой стилизованную хореографическую культуру, а ведь потенциал его, богатейший, и уникальность в фольклорном исполнении.

Мы должны уяснить себе, какую культуру представлять за рубежом. А она у нас есть. Это – нетронутая архаика натуральных ладов, интонационная и ритмическая самобытность старинных напевов, свободная от квадратной стереотипности, вносящая свежую струю в мир современной музыки. То есть мы говорим о рафинированном искусст-

ве. В этом плане меня покоряет ирландская музыка, что является олицетворением национального искусства. Это ирландский степ. Его пример показывает и доказывает, как важно обращаться к своим истокам.

Что касается Золушки, ожидающей своего принца... я понял вопрос и отвечаю так: культура не может находиться на иждивении нескольких просвещенных меценатов. Государство должно полнокровно финансировать его, музеи должны быть бесплатными, концерты симфонической музыки бесплатными... Тогда и массы поймут высокое предназначение искусства и проникнутся им.

А пока как был артист бедным, так бедным и остается. Хорошо зарабатывает только попса.

– Я согласен с тобой, народное, национальное искусство должно жить, развиваться, обогащаться, насыщая нас своим богатством, своим целомудрием, своей чистотой и первозданностью. Но вот мы разменяли новый век, и куда делись наши агабабовы, кажлаевы, чалаевы, дагировы? И есть ли они вообще?

– Я сам себе часто задаю этот вопрос. Вот взять такую область, как песенное творчество: профессиональные композиторы не пишут, самодельные оттеснили профессионалов, и народ сегодня больше исполняет первых.

Природа все устроила разумно: сапожник должен тачать сапоги, врач – лечить, композитор – писать. Да, великолепна музыка Сергея Агабабова, Мурада Кажлаева, Ширвани Чалаева, Наби Дагирова... Но у нас сегодня есть одаренные молодые, от которых следовало бы ожидать ярких произведений. К великому сожалению, они молчат, а массы слушают самодельных музыкантов.

– Выходит, мы незаметно для себя, нет, скорее заметно, теряем композиторов-песенников. Да и не только их. Мы потеряли и свое документальное кино: десятилетия назад документалисты Дагестана снимали ленты, которые и сегодня с большим интересом смотрят телезрители. Они – частица нашей истории, культуры, быта... Наши режиссеры пользовались известностью в стране. Была создана студия документальных фильмов при Дворце культуры завода «Дагдизель» в г. Каспийске. Но в последнее десятилетие документалистика была предана забвению. Благо, совсем недавно в Ростове-на-Дону состоялся съезд Союза кинематографистов (Южного Федерального округа), в правление союза вошел наш режиссер Магомед Сулейманов, на счету которого десятки кинолент.

– А ведь мы и игровое кино потеряли. Советское кино оставило нам огромное наследство. Это было классическое, «народное» кино – не в пример Голливуду. В советскую эпоху творила блестящая плеяда режиссеров, талантливая плеяда артистов.

Создавались шедевры, ни в чем не уступавшие мифологизированному Голливуду, искусству без души и сердца.

Я хорошо знаю советское кино, жил в Москве по соседству с Исламом Казиевым, общался с кинемастерами, дружил с артистами, принимал участие в съемках.

Сегодня нет ни игрового кино, ни документального. И как ни парадоксально и ни странно, нас захлестнули кинофестивали. Проходит парад фестивалей. Но кто они, победители, что они проповедуют в своих лентах?

Обратимся к нашей республике – где демонстрировать фильмы? У нас и кинотеатров-то нет. Отсюда следует вывод об отношении к киноискусству. Да, была у нас кинодокументалистика. И хорошая. Но нити утеряны. А на восстановление потребуется немалое время.

Кстати, была у нас мечта открыть свой цирк. Ведь республика имеет прекрасные цирковые традиции. Талантливые цовкринцы, к нашему сожалению, работали за пределами Дагестана, вся страна, многие государства рукоплескали искусству групп Рабаданова и Магомедова.

Сегодня в Дагестанских Огнях работает народный цирк. Ему можно было бы уделить больше внимания.

Вообще, я думаю, нам сам бог велел открыть конный театр. Он имел бы большие возможности для крупного синтеза, масштабного проявления. Почему мы должны отставать, скажем, от Северной Осетии – Алании? У дагестанца испокон веков отношение к лошадям трепетное, а удали, смелости, ловкости не занимать. Безусловно, для создания конного театра нужны большие капиталовложения. Этот вопрос решать уже другим, а не нам.

Нужен ли этот вид искусства, задается вопросом наш читатель. Бертольд Брехту принадлежат великолепные слова: «Все виды искусств служат величайшему из искусств – искусству жить на земле».

– Твое имя сегодня на слуху у многих. Ты и организатор новогоднего «Голубого огонька» на телевидении, и душа фестивалей «Студенческая весна», других праздничных мероприятий... Не тяжело? Замечают твой труд? Отмечают?

– Телевидение дает возможность проявить себя через экран, помогает самовыразиться, если обладаешь талантом. Оно дает возмож-

ность расширить свой диапазон – обратиться ко всем видам жанра – вокальному, хореографическому, декламации и так далее, к другим видам искусств. А если еще учесть национальный колорит, творческое богатство...

Сама форма проведения, стилистика «Голубых огоньков» в душу запала еще в советскую пору. Они оставили неизгладимое впечатление, ведь сколько артистов, какие таланты блистательно выступали...

И вот я ухватился за идею создать подобное эстетически-гармоничное действо. Для меня «Новогодний огонек» являлся эталонной интерпретацией популярного огонька 60-х годов, ренессансным эквивалентом синтеза жанров и стилистической особенностью зрелищности.

Первый мой огонек проходил в ресторане «Кегельбан» и лично мне не понравился, хотя многим пришелся по душе. Второй – в «Летнем саду», он удался, хотя 40 процентов из задуманного я не осуществил.

– Я смотрел последний «Новогодний огонек». Все-таки в наших людях чувствуется какая-то стесненность, нераскованность. Какие-то они закомплексованные.

– Согласен. К великому сожалению, все это присутствует, люди боятся простоты, естественности, опасаются самовыразиться.

Лет пять наши вузы приглашают меня на форумы «Студенческая весна» в качестве члена жюри, режиссера-постановщика программы гала-концерта. «Студенческая весна – 2002» по своей временной протяженности готова попасть в книгу рекордов Гиннеса – она продолжалась два с половиной месяца.

Что касается вопроса – заметили меня или нет. Два года назад в номинации «Лучшая режиссура концертных программ» я получил Диплом Комитета правительства РД по делам молодежи и туризму. Такую награду вручили и в этом году.

– Как ты думаешь, от молодых певцов, ансамблей, именами которых пестрят афиши, можно ожидать чего-то большего? Замечного взлета?

– Конечно, нет. Пусть на меня не обижаются, все же они самодеятельные певцы. Профессиональный уровень их недостаточно высок, чтобы отвечать тем критериям, которые предъявляются в крупных городах России и за рубежом. Это касается области современной эстрады, и в частности, попсы.

А национальные певцы, такие, как Хадижат Джамалутдинова, Рукият Гамзатова, Аслан Шахмарданов, Роза Максумова, Умразият Ар-

буханова, Магомед Абасов, Наида Умаханова (скрипачка), вокальная группа «Горцы» под руководством Тагира Курачева смело могут выступать и представлять наше национальное искусство.

– **Махачкала – город молодых.** Сегодня здесь функционирует множество вузов, филиалов московских университетов и других крупных городов России, много колледжей. Представь, какая масса юношей и девушек проживает в городе, а своего центра, дома родного, где можно было бы встречаться, проводить различные мероприятия, вплоть до конференций и симпозиумов, нет. Правда, есть вузовские залы или дворцы спорта, есть Республиканский центр культуры. Но все-таки они не являются объединительным центром. Не пришло ли время иметь свой, ну осмелимся взять по-крупному, как московский, Дом молодежи? Не пора ли и работникам культуры, и молодежным организациям обратиться с таким предложением в городскую администрацию? Я думаю, что там будут только приветствовать подобную идею.

– Прекрасный вопрос, а точнее, прекрасное предложение. Молодые силы, безусловно, должны быть сосредоточены в одном месте, и эта идея очень понравится городской администрации. Если речь пойдет о помещении, так оно есть – это кинотеатр «Дружба». Почему бы там не открыть Махачкалинский Дом молодежи? Осуществление идеи, вопрос времени. Горадминистрация воспримет ее позитивно, тем более, что город наш становится цивилизованным.

– **Я знаю тебя как энергичного, эмоционального человека. Ты много сил отдаешь своему делу. Чего требует сегодня твоя душа? К чему взывает совесть?**

– Душа требует исцеления. Чем? Высоким, чистым искусством в этой наисложнейшей жизни.

Что касается совести... Мы в этот мир пришли, чтобы совершенствовать его и самим совершенствоваться. Проживая каждый день, мы должны давать оценки своим словам, анализировать свои поступки.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Камал Абуков. «До ночных уныний далеко...» Штрихи к творческому портрету Феликса Бахшиева</i>	5
--	---

РАЗДЕЛ I

<i>Расул Гамзатов. «Нам нет равных, мой век двадцатый...»</i>	12
«Когда я пишу стихи – их диктует доброта...»	19
«Солнца полна голова...»	24
<i>Расул Магомедов. «Ни один человек не может уличить меня в фальши...»</i>	30
<i>Абуталиб Абилов. «Мы были первооткрывателями...»</i>	38
<i>Амри Шихсаидов. Учитель мой</i>	47
<i>Ахмед Османов. «Вот такие были мои киргизские университеты...»</i>	56
<i>Шмиль Алиев. «Это страшно – иметь сердце, обросшее шерстью...»</i>	66
<i>Магомед Бутаев. «Чтобы говорить правду, надо иметь право...»</i>	74
<i>Али Аливердиев. «К судьбе человека я относился как к своей личной...»</i>	82
<i>Магомед Батырханов. «Я прожил добрую жизнь, с пользой для людей...»</i>	87
<i>Абдулла Магомедов. «И в самое грязное, смутное время человек может жить чисто, по совести...»</i>	95
<i>Сфибуба Сфиев. «Другой жизни не желал бы...»</i>	105
<i>Муталиб Митаров. «Понимать жизнь не сложно, жить сложно...»</i>	112
<i>Клавдия Самышкина. «Вы наш палеонтологический Репин...»</i>	124
<i>Разия Джамбулатова. Хранительница очага</i>	130

РАЗДЕЛ II

<i>Такибат Махмудова. «Напрасно думают, что в верхах плохо знают о жизни народа...»</i>	148
<i>Амучи Амутинов. «Я больше всего дорожу своими принципами...»</i>	156

Зумруд Сулейманова. «Время все расставит на свои места...»	165
Джамалудин Омаров. «Мне хочется многое сделать для этого города...»	173
Баганд Магомедов. «Кино – это зеркало, в котором каждый зритель может увидеть себя...»	182
Магомед Алиев. «Больше заниматься созидательной работой...»	188
Магомед Шабанов. «Я стараюсь постичь реалии жизни...»	194
Альберт Гусейнов. «В шахматах я нахожу утешение в самые сложные периоды жизни...»	199
Гусейн Гусейнов. «Жизнь прошла в преодолении трудностей...»	206
Барият Гайдарова. «Я люблю делать добро...»	211
Салихат Гамзатова. «Мой папа – солнечный человек...»	218
Бадурдин Ибаков. «Симфония в камне, а может, песнь души...»	225
Бийке Кулунчакова. «Я испытываю тоску по большой любви...»	234
Магомед-Расул. «Если живет хоть одно произведение – это уже литература...»	240

РАЗДЕЛ III

Ахмед Захаров. «Я все-таки вернулся к любимому делу...»	248
Музакир Шихсаидов. «Есть причины считать себя счастливым человеком...»	258
Умаросман Гаджиев. «Всегда исхожу из принципа: никогда нельзя врать...»	267
Сулейман Хаппалаев. «Если рукописи не горят, человечество имеет шанс на достойную жизнь...»	274
Аминулла Рабаданов. «Мне повезло – меня окружали люди высокой культуры и нравственности...»	281
Али Амирханов. «Помогаю людям выкарабкиваться из нужды...»	288
Абдул-Гамид Алиев. «Добро должно быть созидательным...»	294
Магомед Загиров. «Руки хирурга – не роботы, они исполняют волю ума...»	303

<i>Гаджи Магомедов. «Борьба помогла мне выстоять и выжить...»</i>	310
<i>Абдулвагаб Муратчаев. «Времена меняются... и люди меняются ...»</i>	316

РАЗДЕЛ IV

<i>Абдулзагир Мусаев. «Я ощущал запах времени...»</i>	328
<i>Магомед Гусейнов. Семь нот – и на всю жизнь...</i>	337
<i>Геннадий Голубев. В келье, где совершается действие...</i>	345
<i>Хайбулла Абдулгатуров. «Кому поведать о муках, терзающих меня...»</i>	350
<i>Нариман Алиев. «У меня сегодня на хлеб есть, а вот вдохновения – нет...»</i>	357
<i>Джамбулат Магомедов. «Считаю себя счастливым человеком...»</i>	364
<i>Ширвани Чалаев. «Чем старше становлюсь, тем больше хочется писать о Родине и плакать о ней...»</i>	372
<i>Гейбат Гейбатов. «Минувшие годы – это вехи нашей общей истории, и ее надо уважать...»</i>	380
<i>Асеф Мехман. «Без любви нет жизни на земле...»</i>	385
<i>Магомед-Султан Яхьяев. «Я влюблен в людей, о которых пишу...»</i>	392
<i>Жамидин. «Я верю, что придет конец на свете дурным делам и завистям и сплетням...»</i>	398
<i>Анатолий Ягудаев. Буржуйка, Лолита и шашлычник Нисон.</i>	405
<i>Шолуми Матаев. «Дети ни разу не предали меня ...»</i>	411
<i>Сабир Гейбатов. «Во мне схлестнулось несколько течений...»</i>	416
<i>Эмиль Курбанов. «Душа требует исцеления искусством...»</i>	425

ФЕЛИКС МИХАЙЛОВИЧ БАХШИЕВ

ПОРТРЕТЫ

XX век в лицах

Редактор *С. Муртузалиева*

Художник *М. Левченко*

Худ. редактор *М. Левченко*

Технический редактор *В. Гаджиева*

Корректор *Д. Багдасарова*

Лицензия ИД 05 334 от 10.07.01

Сдано в набор 04. 03. 03. Подписано в печать 28. 03.05.

Формат 60х 90 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 27,5. Уч.-изд. л. 25,0. Тираж 500.

Заказ №. 71

ГУ «Дагестанское книжное издательство».
Министерства по национальной политике,
информации и внешним связям РД

Типография Дагестанского научного центра РАН
367015, Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10

В Дагестанском книжном издательстве готовятся к выпуску:

Двухтомное подарочное издание

«Омарла Батырай» (на даргинском и русском языках).

С. Гаджиева. «Кумыки» (на русском языке).

И. Магомедов. «Край мой родной» (на русском языке).

Махачкала
2005